ПОСЛѢДНЯЯ СУДЬБА

ПАПСКОЙ ПОЛИТИКИ

ВЪ РОССІИ.

СЪ ПРИЛОЖЕНІЕМЪ СТАТЕЙ ОБЪ ОКРУЖНОМЪ ПОСЛАНІИ ПАПЫ ПІЯ IX, 8 ДЕКАБРЯ 1864 г., РИМСКОМЪ ЮБИЛЕѢ 1865 г. И ДРУГИХЪ.

СОЧИНЕНІЕ

А. Н. ПОПОВА.

САНКТПЕТЕРБУРГЪ.

1868.

ПОСЛѢДНЯЯ СУДЬБА

ПАПСКОЙ ПОЛИТИКИ

ВЪ РОССІИ.

1845—1867 гг.

Сочиненіе

А. Н. Попова.

С.-ПЕТЕРБУРГЪ.
ВЪ ТИПОГРАФІИ Ф. С. СУЩИНСКАГО.
На углу Могилевской и Каноперской, № 7/2.

1868.

6k

2-hЭКЗ

„Пров 38“

ДК

3

БИБЛИОТЕКА
КОММУНИСТИЧЕСКОЙ
АКАДЕМИИ.

1281
30

Перерывъ дипломатическихъ сношеній съ Римомъ, нота канцлера, 7-го января 1867 г., нашимъ посланникамъ при иностранныхъ дворахъ, съ приложеніемъ къ ней подробной исторической записки о сношеніяхъ съ папою, аллокуція Пія IX-го, 29 октября 1866 года, обвинительная его записка противъ Россіи съ приложеніемъ сборника изъ ста документовъ, изданная въ Римѣ и разосланная по всѣмъ европейскимъ державамъ [1]),— это не простые памятники дипломатической переписки, но важныя историческія происшествія, возбудившія всеобщее у насъ вниманіе.

Неясныя извѣстія о нашихъ дипломатическихъ несогласіяхъ съ Римомъ, о непріятномъ столкновеніи нашего повѣреннаго въ дѣлахъ съ самимъ папою, доходившія до насъ большею частію изъ иностранныхъ газетъ, которымъ мы привыкли такъ мало вѣрить, когда онѣ заводятъ рѣчь о Россіи,—переходили во всѣ слои общества и возбуждали пытливое и зоркое вниманіе. Указъ, 25 ноября 1866 года, объ уничтоженіи силы конкордата, заключеннаго нашимъ правительствомъ съ римскимъ дворомъ, въ 1847 г., убѣдилъ всѣхъ, что разрывъ между Россіею, представительницею въ политическомъ отношеніи вселенскаго православія, и Римомъ, принадлежитъ къ числу совершившихся явленій,—и успокоилъ напряженное вниманіе. Совершилось важное историческое событіе: двусмысленныя отношенія прерваны, и прерваны не по нашей винѣ; самъ Римъ пособилъ намъ высказаться передъ всѣми въ истинномъ смыслѣ, согласномъ съ тысячелѣтними преданіями нашей исторіи, сохранившими живую свѣжесть и въ настоящемъ. Наши отношенія къ Риму не были для русскаго

---

[1]) Esposizione documentata sulle costanti cure del sommo pontifice Pio IX a riparo dei mali che soffre la chiesa cattolica nei dominii di Russia e Polonia. Roma 1866. Записка на 55 стр., и 100 докум. на 313 стр

народа дѣломъ чуждымъ и неизвѣстнымъ, случайнымъ явленіемъ, въ которомъ должна была принять участіе наша дипломатія, только увлеченная общимъ ходомъ жизни европейскихъ государствъ; напротивъ, это его собственное, кровное дѣло. Русскій народъ, съ первыхъ дней своего историческаго существованія, защищалъ свою народную и государственную самостоятельность и вселенскую церковь отъ двухъ враговъ: съ одной стороны, отъ азіатскаго варварства и магометанства, грозившаго нѣкогда порабощеніемъ всей Европѣ, съ другой—отъ латинскаго запада. Въ этой послѣдней борьбѣ зачинщикомъ и руководителемъ былъ постоянно — Римъ. Такое значеніе вопроса естественно возбуждало любопытство, узнать подробно ближайшіе поводы и обстоятельства, побудившія къ прекращенію нашихъ сношеній съ римскимъ дворомъ. Но указъ объ отмѣнѣ конкордата появился — «безъ изложенія причинъ и соображеній, побудившихъ русское правительство принять эту мѣру, сказано въ нотѣ 7-го января. Умалчивая объ этихъ причинахъ и соображеніяхъ, императорское правительство руководилось желаніемъ оказать вниманіе папскому правительству; но это послѣднее не отвѣтило ему тѣмъ-же.» Сдѣлавъ дѣло, оно предоставляло исторіи произнесть надъ нимъ свой приговоръ; но папское правительство, въ запискѣ кардинала Антонелли, 30 января 1865 г., говорило: «Святѣйшій отецъ надѣется, что императоръ не поставитъ его въ необходимость заявить предъ цѣлымъ свѣтомъ о рядѣ угнетеній, какія претерпѣваетъ католическая церковь въ россійской имперіи и царствѣ польскомъ». На эту странную угрозу, нашимъ правительствомъ былъ данъ слѣдующій отвѣтъ: «Нашъ августѣйшій монархъ не питаетъ въ душѣ ни малѣйшаго желанія воздвигнуть гоненіе на католическую церковь. Мы совершенно спокойно будемъ ожидать исполненья угрозы, которая высказывается въ заявленіяхъ кардинала Антонелли». Въ объясненіе этихъ словъ нашъ канцлеръ заявилъ — «что императорскій кабинетъ имѣлъ весьма достаточное основаніе не страшиться суда общественнаго мнѣнія, и что, отмѣнивъ конкордатъ, послѣ того, какъ были истощены всѣ усилія, направленныя къ тому, чтобы устроить примиреніе, онъ принялъ послѣдствія положенія, созданнаго римскимъ дворомъ, который и несетъ на себѣ отвѣтственность за него.»

Римъ привелъ въ исполненіе свою угрозу, обнародовавъ обширное изложеніе, отъ 15 ноября 1866 г., тѣхъ мнимыхъ гоненій, которыя будто бы претерпѣваетъ латинская церковь въ предѣлахъ русской имперіи и царства польскаго, съ приложеніемъ подлинныхъ актовъ дипломатической переписки съ нашимъ дворомъ. Не въ первый разъ такъ поступаетъ папское правительство.

Послѣ присоединенія уніатовъ къ православной церкви, папа Григорій XVI, въ аллокуціи 1842 г. іюля 22-го, говорилъ: «Особенно огорчила насъ клевета, разсѣеваемая врагами церкви, что мы, несмотря на свои священныя обязанности, не заботимся о католической церкви въ предѣлахъ русскаго государства.» Чтобы отклонить это нареканіе, — говоритъ далѣе папа — «мы приказали составить подробное изложеніе нашихъ стараній въ пользу католической церкви, и обнародовать, чтобы все христіанство знало, что мы пребывали вѣрными своему призванію». Дѣйствительно, вмѣстѣ съ этою аллокуціею, была обнародована подробная записка, составленная въ папской государственной канцеляріи, съ приложеніемъ 90 подлинныхъ документовъ дипломатической переписки съ нашимъ правительствомъ [1]). Эта записка осталась безъ отвѣта со стороны нашего правительства. Вѣроятно, римскій дворъ разсчитывалъ, что ту же судьбу испытаютъ и вновь обнародованные имъ документы; но онъ ошибся въ разсчетѣ, и подробная записка князя Горчакова, приложенная къ нотѣ 7-го января, представила въ настоящемъ видѣ весь рядъ переговоровъ нашихъ съ Римомъ. Обнародованные такимъ образомъ документы даютъ намъ возможность обозрѣть наши отношенія къ Риму за послѣднія слишкомъ двадцать лѣтъ.

Но прежде, нежели обратимся къ подробному разсмотрѣнію ихъ содержанія, не можемъ не обратить вниманія на различіе двухъ параллельныхъ между собою документовъ, получающихъ важное историческое значеніе: *изложенія* папскаго статсъ-секретаря и *записки* нашего канцлера. *Спокойно* ожидало наше правительство исполненія папской угрозы, заявить передъ цѣлымъ свѣтомъ о нашихъ отношеніяхъ къ латинской церкви и римскому двору. Съ тѣмъ-же спокойствіемъ и достоинствомъ оно отвѣчало на папскія обвиненія. Приложенная къ нотѣ, 7-го января, записка рѣзко отличается по внѣшнему виду отъ записки, онбародованной римскимъ дворомъ, въ которой обычныя Риму набожныя выраженія худо скрываютъ желчь и полное раздраженіе. Конечно, сознаніе недостижимости цѣлей, къ которымъ стремилось папское правительство въ продолженіе столькихъ лѣтъ, можетъ привести въ раздраженное состояніе; но неправильное изложеніе всѣмъ извѣстныхъ происшествій, умышленное искаженіе мнѣній и дѣйствій, оправданы быть не могутъ. Въ доказательство приведемъ нѣсколько примѣровъ:

---

[1]) Галль-Морелль, Allocution Sr. Heilig. Gregor XVI, gehalten 22 Jul. 1842 r., mit einer durch Documente belegten Darstellung der Sorge S. Heil. zur Abwendung der Verdrangnisse der kathol. Religion in Russland u. Polen. Einsiedeln, 1842.

«Въ собранной въ Римѣ, 29 октября 1866 г., тайной консисторіи Пій IX заявилъ: ни представленія наши, сдѣланныя русскому правительству чрезъ кардинала статсъ-секретаря, ни письма наши къ императору не привели ни къ какимъ послѣдствіямъ. Письмо наше отъ 23 апрѣля 1863 г. осталось безъ отвѣта».

«Какъ это намъ ни прискорбно, говоритъ нашъ канцлеръ, но мы должны замѣтить, что приведенное заявленіе совершенно невѣрно. Императоръ получилъ письмо, о которомъ идетъ рѣчь, 29-го апрѣля 1863 года. Мая 11-го, онъ отвѣчалъ на него съ особымъ курьеромъ. Отвѣтъ былъ переданъ въ руки кардинала Антонелли, 20-го мая (1-го іюня) 1863 г.» До какого грустнаго положенія должно было достигнуть папское правительство, чтобы рѣшиться на подобный поступокъ, — явно и торжественно отрицать историческій фактъ, котораго вѣрность такъ легко было возстановить [1]).

Конечно, Римъ въ послѣдніе годы, съ самаго начала царствованія нынѣшняго императора, преслѣдовалъ такія цѣли въ отношеніи къ Россіи и употреблялъ такія средства, что не могъ обнаружить ихъ и признаться передъ всѣми, не уронивъ окончательно, какъ политическаго, такъ и религіознаго достоинства своего правительства; но во всякомъ случаѣ, вызывая Россію на судъ общественнаго мнѣнія, нельзя было скрывать самаго существеннаго вопроса, на которомъ сосредоточивались всѣ переговоры. Такимъ вопросомъ было учрежденіе постояннаго папскаго нунція при нашемъ дворѣ, къ чему папское правительство постоянно стремилось съ самаго начала дипломатическихъ съ нимъ сношеній русскаго двора, со временъ императрицы Екатерины Великой. Между тѣмъ — «нельзя не обратить вниманія, что римскій дворъ, въ обнародованномъ имъ сборникѣ, тщательно избѣгалъ всякого намека, какъ на документы такой важности, такъ и на самые переговоры объ этомъ вопросѣ» — сказано въ запискѣ къ нотѣ 7-го января.

Скрывая свои дѣйствительныя цѣли и стремленія, противъ которыхъ, безъ сомнѣнія, возстало бы общественное мнѣніе всей современной Европы, римскій дворъ привыкъ дѣйствовать тайно, подспудными путями и пользоваться всякими средствами, обладая такимъ сильнымъ орудіемъ, какъ духовенство и особенно монашескіе ордена. Латинское духовенство, поощряемое Римомъ, проникая повсюду, въ жизнь семейную и общественную, тайно подготовляетъ происшествія. Стремясь къ политическимъ цѣлямъ обладанія и обогащенія, Римъ говоритъ обыкновенно о благѣ

---

[1]) Записка къ нотѣ 7-го января, Esposizione documentata N. C. стр. 303.

церкви, ея независимости и свободѣ; возбуждая дѣйствія, гибельныя по своимъ послѣдствіямъ, онъ отрицается потомъ отъ этихъ роковыхъ послѣдствій и сваливаетъ вину на другихъ. Такова постоянная политика римскаго двора въ отношеніи къ свѣтской власти государствъ, и съ ея подвигами мы еще встрѣтимся не разъ при изложеніи отношеній папскаго правительства къ Россіи.

Мы не войдемъ, конечно, въ разсмотрѣніе вообще всей исторіи отношеній папства къ востоку и Россіи; но, ограничиваясь послѣднею эпохою, въ которой, впрочемъ, выразился общій характеръ этой вѣковой борьбы, считаемъ нужнымъ сказать нѣсколько словъ о нашихъ отношеніяхъ къ римскому двору послѣ присоединенія уніатовъ къ православной церкви въ 1839 году.

I.

Значеніе уніатской церкви.—Присоединеніе уніатовъ къ православію въ 1839 г.—Послѣдовавшіе затѣмъ переговоры съ Римомъ.—Аллокуція Григорія XVI, 1842 г. іюня 22, и обнародованная имъ обвинительная записка противъ Россіи, съ сборникомъ дипломатическихъ документовъ.

Уніатская церковь въ глазахъ Рима не представляла самостоятельнаго историческаго явленія и не имѣла права на постоянное существованіе. Хотя папа Климентъ VIII, утвердивъ унію въ 1595 г., призналъ всѣ обряды, священнодѣйствія и совершеніе таинствъ по правиламъ восточной вселенской церкви [1]), однако же римскій дворъ никогда не исполнялъ этого постановленія. Напротивъ, онъ смотрѣлъ на унію, какъ на временную сдѣлку, какъ на первый шагъ къ полному присоединенію уніатовъ къ латинской церкви. Пропаганда въ отношеніи къ уніатамъ не только не окончилась и не ослабла,—напротивъ, усилилась. Соединеніе съ латинскою церковью только давало ей большія удобства постоянно обращать въ латинство отдѣльныя лица и, болѣе и болѣе замѣняя обряды и священнодѣйствія восточнаго православія латинскими, подготовлять совершенное уничтоженіе уніатской церкви. Таковы были начала, которыми Римъ сознательно руководствовался въ этомъ случаѣ. Папа Николай V прямо называлъ *позорнымъ* присоединеніе католиковъ къ уніа-

---

[1]) Булла декаб. 25, Magnus dominus et laudabilis·—...ad majorem charitatis nostrae erga ipsos significationem omnes sacros ritus et caeremonias, quibus Ruthemi episcopi et clerus, juxta S Patrum Graecorum instituta, in divinis officiis et sacrosanctae missae sacrificio ceterorumque sacramentorum administratione, aliisve sacris functionibus utuntur, dummodo veritati et doctrinae fidei catholicae adverserentur et communionem cum Romana ecclesia non excludant, ex apostolica benegnitate permittimus, concedimus et indulgemus.

тамъ [1]). Римъ запрещалъ подобные переходы и напротивъ поощрялъ переходы уніатовъ въ латинство. Папа Бенедиктъ XIV объяснялъ это тѣмъ, что римская церковь есть *мать* и *учительница* другихъ церквей [2]). Постановленія Замосцкаго собранія уніатскихъ епископовъ, вполнѣ преданныхъ Риму, въ 1720 г., утвержденныя папою, нанесли почти окончательный ударъ самостоятельному существованію уніатской церкви. Внѣшнее устройство храмовъ и большая часть обрядовъ были искажены по образцу римскихъ, измѣнены многія догматическія ученія и правила. Монашествующее духовенство почти совершенно обратилось въ латинское, образовало одинъ изъ его орденовъ (Базиліанскій) и вытѣсняло, болѣе и болѣе, бѣлое духовенство, связанное съ народомъ, потому что оно сохраняло обычай брачнаго состоянія. Получая силу отъ народа, еще хранившаго память о вѣрѣ предковъ и племенномъ единствѣ съ русскимъ народомъ, оно не сочувствовало ни римской, ни польской пропагандѣ, которыя дружно сливались въ одно неразрывное цѣлое въ чувствѣ исконной и закоренѣлой ненависти къ Россіи. Высшая уніатская іерархія колебалась между двумя противоположными направленіями.

При такомъ положеніи дѣлъ, раздираемые внутреннею борьбою, уніаты дѣйствительно не могли существовать болѣе въ видѣ самостоятельной церкви: они должны были или присоединиться къ римской, или къ восточной церкви. Къ соединенію съ первой влекли ее Римъ, нѣсколько членовъ высшаго и низшаго духовенства, почти все монашество, и бывшіе прежде уніатами, но потомъ обратившіеся въ латинство и ополячившіеся помѣщики. Къ присоединенію ко второй влекли сочувствія милліоновъ народа, большая часть бѣлаго духовенства и нѣкоторые изъ представителей іерархіи, не утратившіе памяти о древней церкви и своей связи съ народомъ и государствомъ [3]).

---

[1]) Bullarium. III const. 3, p. 64. Pervenit ad aures nostras, quod in locis, quae catholicis in Graecia subjecta sunt, multi catholici unionis praetexta ad graecos *imprudenter* transeunt ritus. Mirati admodum sumus, miraeque non desistimus, и пр.

[2]) Bullar. Benedicti XIV. Const. Allatae sant... Cum latinus ritus is sit, quo utitur sancta Romana ecclesia, quae mater est et magistra aliarum ecclesiarum, reliquis ritibus omnibus anteferri debet. Ex quo sequitur, haud licere a latino ritu ad graecum transire nec illis qui semel a ritu graeco ad latinum transierunt, integrum esse, ad pristinum graecum ritum reverti. Сравн Пихлера: Geschichte d. kirchlichen Trennung, т. II, стр. 265 и др. Мюнхенъ, 1865 г.

[3]) Нѣкоторые паписты, какъ австрійскій писатель Joseph Alexander Freiherr von Helfert, оправдывая Римъ, все-таки признаетъ вину, но сваливаетъ ее на однихъ поляковъ: «Стремленіе латинизировать уніатовъ, говоритъ онъ, произошло единственно отъ поляковъ, которые, увлекаясь пропагандою своей національности до ослѣпленія, не по-

Кажется, не можетъ быть и вопроса о томъ, должно ли было русское правительство внять просьбамъ о защитѣ большей части уніатской паствы и многихъ изъ ея пастырей,—отъ преслѣдованій и угнетеній Рима, избравшаго своимъ орудіемъ польскую народность? Положительный отвѣтъ на этотъ вопросъ объясняетъ всѣ мѣры, принятыя нашимъ правительствомъ въ отношеніи къ уніатской церкви, во все царствованіе покойнаго императора.

Признавая *терпимость* вѣроисповѣданій за одно изъ коренныхъ началъ внутренней политики въ дѣлахъ вѣры и совѣсти, правительство не могло и не должно было принести въ жертву латинскому прозелитизму церковь, считавшую милліоны исповѣдниковъ, бывшихъ нѣкогда православными и которые соединились съ Римомъ съ тѣмъ условіемъ, чтобы сохранить большую часть особенностей своего вѣроисповѣданія. Право религіозной терпимости, допускаемое государствомъ, налагаетъ на него въ то же время обязанность устранить враждебныя дѣйствія одного исповѣданія противъ другого [1]). Эта обязанность въ отношеніи къ уніатамъ представлялась особенно важною: они принадлежали къ русской народности, и постоянное ихъ обращеніе въ латинство соединялось вмѣстѣ съ ихъ *ополяченіемъ*. Наше правительство не исполнило бы своего назначенія, еслибъ допустило принести такую жертву въ пользу враждебныхъ Россіи началъ. Всѣ предпринятыя имъ мѣры были оборонительнаго свойства: съ одной стороны, противъ латинской пропаганды, стремившейся совершенно уничтожить самостоятельность уніатской церкви, соединивъ ее въ одно цѣлое съ римской,—съ другой, чтобы оградить себя отъ враждебныхъ замысловъ польскихъ мятежниковъ, въ которыхъ латинское духовенство принимало такое ревностное

нимали, что чрезъ это они отдалятъ отъ себя русскихъ, какъ въ политическомъ, такъ и религіозномъ отношеніи. Къ собственной своей бѣдѣ, полонизмъ одержалъ въ этомъ случаѣ побѣду и привлекъ въ свое гнѣздо, для служенія своимъ цѣлямъ, могущественный базиліанскій орденъ. Подъ покровительствомъ латинской іерархіи базиліанамъ удалось совершенно освободиться отъ подчиненія уніатскимъ митрополитамъ и епископамъ, забрать въ свои руки всѣ вліятельныя и доходныя мѣста въ епархіяхъ, завладѣть имуществами приходовъ, и бѣлое духовенство, о просвѣщеніи котораго не прилагали заботъ, совершенно удалить отъ церковнаго управленія и высшихъ должностей Затѣмъ поляки, легкомысленно смѣшивая латинское исповѣданіе съ греческимъ, допустили пріемъ въ уніатскіе монастыри поляковъ латинскаго исповѣданія, и имъ, какъ дворянамъ, давали высшія духовныя должности, когда они не знали ни богослужебнаго языка, ни правилъ монастырскихъ и старались только вводить латинскіе обряды». Oestreichische Revue. 1864. 6-й томъ стр 24 и 25: Russland u. die cathol. Kirche in Polen.

[1]) Montesquieu, Esprit des lois. Liv. XXV, chap. IX и X.

участіе. Устранить его отъ такого участія требовала безопасность государства.

Для достиженія послѣдней цѣли наше правительство прежде всего обратилось къ римскому двору. Когда въ 1832 г. нашъ посланникъ кн. Гагаринъ, въ потѣ 20 апрѣля, представилъ кардиналу Бернетти, что послѣ усмиренія польскаго возстанія, для окончательнаго успокоенія революціонныхъ волненій въ Польшѣ, необходимо содѣйствіе духовенства, римскій дворъ обратилъ вниманіе на важность этого вопроса. «Но, къ несчастію — сказано въ этой нотѣ — латинское духовенство не такъ дѣйствовало до настоящаго времени; духовные, всѣхъ разрядовъ, забывая святость своего призванія, вмѣшивались во всѣ кровавыя дѣйствія и постоянно находились во главѣ всѣхъ революціонныхъ движеній и участвовали въ военныхъ дѣйствіяхъ. Отеческое сердце папы, конечно, должно скорбѣть въ виду подобныхъ поступковъ духовенства, и поэтому онъ долженъ употребить свою духовную власть и поручить польскому духовенству покаяться въ своихъ преступныхъ заблужденіяхъ и внушить ему рѣшительно, что оно должно исправиться строгимъ исполненіемъ законовъ и искреннимъ содѣйствіемъ всѣмъ мѣрамъ, клонящимся къ поддержанію законнаго порядка». Дѣйствительно, папа въ окружномъ посланіи, 1832 г. іюня 9, къ латинскимъ епископамъ въ имперіи и царствѣ, осуждалъ польское возстаніе и внушалъ повиновеніе власти русскаго императора. Но это направленіе въ политикѣ римскаго двора продолжалось не долго.

Что касается до мѣръ, принятыхъ нашимъ правительствомъ въ отношеніи къ уніатамъ, то лишь только они были освобождены отъ вліянія на назначеніе священниковъ (право патроната) польскими и латинскими по исповѣданію помѣщиками, приходскія священническія мѣста, перешедшія къ монахамъ, возвращены бѣлому духовенству, храмы и церковные обряды избавлены отъ латинскихъ искаженій, число монастырей сокращено и учреждено отдѣльное управленіе уніатскою церковію, — такъ совершилось присоединеніе уніатовъ къ православной восточной церкви въ 1839 году.

Извѣстіе объ этомъ происшествіи сильно поразило Римъ; долго онъ не могъ отдать себѣ отчета въ томъ, что духовныя завоеванія, посредствомъ внѣшняго насилія, не могутъ быть долговѣчны. Но, понявъ наконецъ, что они могли поддерживаться только этою внѣшнею силою, онъ принялъ ее подъ свою защиту и перемѣнилъ политику въ отношеніи къ Россіи. Хотя въ аллокуціи произнесенной въ тайной консисторіи, 22 ноября 1839 г., Григорій XVI *оплакивалъ отторженіе* уніатовъ отъ римской церкви, поно-

силъ присоединившихся къ православію епископовъ и духовенство, и, обращаясь къ великодушію русскаго императора, выражалъ надежду подвигнуть его исполнить требованія Рима; однако, въ то же время въ сношеніяхъ съ нашимъ дворомъ, вопреки самимъ же имъ провозглашеннымъ началамъ, онъ началъ покровительствовать духовнымъ лицамъ, обличеннымъ въ участіи въ мятежѣ и въ дѣйствіяхъ явно враждебныхъ русскому правительству.

Къ числу такихъ лицъ принадлежалъ епископъ Подлясскій. Несмотря на неоднократныя и постоянныя представленія русскаго правительства о необходимости его удалить, римскій дворъ нѣсколько лѣтъ тянулъ дѣло, постоянно защищалъ дѣйствія этого епископа и рѣшился только тогда на его увольненіе, когда правительство уже было вынуждено, собственною властію, удалить его изъ епархіи [1]). Между тѣмъ, этотъ прелатъ прямо объявлялъ, что не хочетъ исполнять законоположеній о духовенствѣ, постоянно дѣйствовавшихъ въ царствѣ польскомъ (декрета 1817 года (6) 18 марта), тайно сносился съ польскими эмигрантами, съ папскимъ нунціемъ въ Вѣнѣ, сообщалъ ложныя извѣстія въ иностранныя газеты, не исполнялъ никакихъ представленій правительства, въ оффиціальныхъ бумагахъ называя ихъ незаконными дѣйствіями противъ «привилегій, уставовъ и независимости латинской церкви, которой, одной между всѣми церквами Спаситель міра далъ привилегію полновластнаго владычества на землѣ», и выражалъ надежду, что Богъ скоро положитъ конецъ русскому правительству въ Польшѣ (et his quoque dabit Deus finem) [2]).

Русское правительство, сообщая римскому двору объ удаленіи епископа Гутковскаго, въ нотѣ 17 мая 1840 г. говорило:

---

[1]) Эта переписка началась съ 1837 г. и окончилась въ 1841. Галль-Морелль, Allocution S. Hel. Gregor XVI, 22 іюля 1842. Докум. №№ LV, LVII, LVIII, LIX, LXII, LXV, LXVII.

[2]) Тейнеръ: Die neue Zustande der cathol. Kirche in Polen u. Russland. Докум. №№ CXIV и CXV —Галль-Морель. № LVIII, нота русск. 17 мая 1840 г. «L'évêque ne se borna point à refuser dans les termes de la plus amère ironie les renseignement démandés, mais saisit encore cette occasion pour déverser sans le moindre déguisement la haine dont il est animé contre le gouvernement et poussa l'audace de ses imprécations jusqu'à énoncer clairement l'espoir consolateur qu' il nourrissait, que Dieu mettrait fin à ce gouvernement» Любопытенъ отвѣтъ на это римскаго двора, нота 1 іюня 1840, № LIX: M-r Gutkovsky non a inteso di parlare di Sua Maesta imperiale e reale, ne del guverno superiore del regno di Polonia, ma unicamente del guverno inferiore, ossia di quella auctorita civile che e perfino soggetta agli ordini della comissione administrativa. Это тотъ епископъ Гутковскій, котораго ксендзъ Фелинскій, въ тайныхъ своихъ бесѣдахъ съ учениками Петербургской католической академіи въ 1858 г., выставлялъ, какъ мученика правды и образецъ для подражанія молодымъ людямъ, готовившимся быть ксендзами См «Друж. совѣты кс. Феллинскаго», изъ Вилен. Вѣстника 1866 г. вечеръ 4-й.

«Если, по мнѣнію главы римской церкви, епископъ Подлясскій не достоинъ за указанные поступки лишенію епископскаго достоинства, то это вопросъ относится къ церковной дисциплинѣ, и папѣ принадлежитъ его разрѣшеніе, въ которое императоръ не желаетъ вмѣшиваться. Но предъ его величествомъ епископъ Гутковскій, какъ подданный и должностное лицо (sujet et fonctionnaire public) оказался виновнымъ въ явномъ неповиновеніи предписаніямъ правительства, не имѣвшимъ ничего общаго съ дѣломъ вѣры. Поэтому, не какъ епископа, но какъ подданнаго и лице должностное, императоръ считалъ себя вправѣ предать его суду, лишить его своей довѣренности и препятствовать, находившимися въ его распоряженіи способами,—преслѣдовать ему свои преступные замыслы и распространять свое вліяніе, которымъ онъ такъ нагло злоупотреблялъ, открыто дѣйствуя, какъ врагъ правительства и поощряя согражданъ къ сопротивленію и презрѣнію власти, во имя религіи». Въ отвѣтъ на это, кардиналъ Ламбрускини сообщилъ рѣзкую ноту, 1 іюня 1840 г., въ которой римскій дворъ оправдывалъ всѣ дѣйствія епископа, объясняя ихъ необходимою защитою церкви противъ распоряженій правительства, будто бы нарушающихъ ея права. «Жалобы католиковъ, подданныхъ его императорскаго величества—сказано въ этой нотѣ—доходятъ со всѣхъ сторонъ до святого отца, несмотря на то, что ихъ сношенія съ главою ихъ церкви стѣснены и могутъ производиться иначе, какъ чрезъ императорское правительство. Многія и многія императорскія постановленія въ послѣднее время тяжелымъ гнетомъ легли на католическую церковь». Въ числѣ этихъ распоряженій римскій дворъ указывалъ на отобраніе у уніатовъ Почаевской лавры, уничтоженіе училищъ при монастыряхъ, о смѣшанныхъ бракахъ, распредѣленіи приходовъ по числу паствы, на основаніи постановленія императрицы Екатерины II (che per ogni 400 abitanti vi fosse una chiesa e un prete), и наконецъ, объ учрежденіи православныхъ епископскихъ каѳедръ въ Варшавѣ и Полоцкѣ. При дальнѣйшихъ изложеніяхъ отношеній Рима къ нашему правительству, мы еще будемъ имѣть случай говорить о всѣхъ притязаніяхъ Рима, теперь же обратимъ вниманіе только на слѣдующія.

Угнетеніемъ свободы латинской церкви въ имперіи и царствѣ польскомъ римскій дворъ считалъ учрежденіе православныхъ епископскихъ каѳедръ въ Варшавѣ и Полоцкѣ! По его воззрѣнію, православное правительство не могло учреждать ихъ въ своей же собственной государственной области, въ городахъ, гдѣ находятся русскія правительственныя средоточія и многочи-

сленная православная паства. Между тѣмъ, какъ папа всю вселенную считаетъ своею областію и во всѣ концы міра можетъ безпрепятственно назначать епископовъ, даже безъ всякой нужды, по отсутствію паствы (episc. in partibus). Таковъ дѣйствительно взглядъ Рима, въ связи съ которымъ находится, выраженная въ нотѣ кардинала Ламбрускини, слѣдующая мысль: «Удаленіе Подлясскаго епископа поставило св. отца въ двусмысленное положеніе, или своимъ молчаніемъ подать поводъ предполагать, что онъ его осуждаетъ за нарушеніе вѣрности и повиновенія своему законному государю, въ дѣлахъ гражданскихъ; тогда какъ онъ въ сущности ничего не сдѣлалъ, кромѣ ревностнаго исполненія своихъ церковныхъ обязанностей, — или причинить непріятность могущественному русскому императору. Епископъ есть сановникъ церкви (un dignitario della chiesa), а не должностное лицо (publico funzionario), который можетъ быть смѣненъ и отрѣшенъ отъ должности по волѣ государя и удаленъ изъ своей епископіи». Если къ этимъ словамъ прибавить, что бѣлое духовенство по каноническимъ правиламъ должно находиться въ полномъ повиновеніи епископамъ, монашествующіе ордена ихъ генераламъ, пребывающимъ въ Римѣ, а паства покориться своимъ пастырямъ; то окажется, что латинская церковь въ предѣлахъ русской имперіи составляетъ особое государство, подчиненное исключительно папѣ, и въ дѣла котораго всякая другая власть можетъ вмѣшиваться развѣ только въ той степени, въ какой папа ей позволитъ.

Естественно, что при такомъ взглядѣ римскій дворъ долженъ былъ стремиться къ тому, чтобы достигнуть права непосредственнаго сношенія съ своими подданными, и смотрѣлъ на всякое ограниченіе въ этомъ случаѣ, какъ на преслѣдованіе латинской церкви. Дѣйствительно, онъ заявлялъ объ этомъ при каждомъ случаѣ, и неразборчивый на средства, въ виду неудачи своихъ заявленій, сносился тайными и незаконными путями, какъ то доказала открытая при слѣдствіи переписка подлясскаго епископа съ вѣнскимъ папскимъ нунціемъ, кардиналомъ Альтьери, который, отъ имени папы, поощрялъ его дѣйствія противъ русскаго правительства. На замѣчаніе нашего уполномоченнаго въ дѣлахъ, въ нотѣ 17-го мая 1840 г., что подобныя тайныя дѣйствія несогласны съ открытыми заявленіями папы, приглашавшими епископовъ повиноваться законной власти, римскій дворъ отвѣчалъ, что сношенія Гутковскаго съ вѣнскимъ нунціемъ, хотя и производились *безъ прямого порученія* святого престола, но онъ находитъ ихъ весьма естественными. «Нѣтъ ничего удивительнаго, говорилось въ римской нотѣ 1-го іюня

1840 г., что вѣнскій нунцій, имѣвшій подробныя свѣдѣнія о дѣйствіяхъ епископа, писалъ къ нему въ томъ же смыслѣ, какъ и самъ папа», т. е. оправдывая его противоборство русскому правительству [1]). Хотя Григорій XVI и поддерживалъ своего нунція, однако же онъ считалъ еще неприличнымъ объявить о своихъ тайныхъ и противозаконныхъ сношеніяхъ съ епископами, и оговаривался, что вѣнскій нунцій сносился съ подлясскимъ епископомъ *безъ его уполномочія;* но Пій IX не счелъ нужнымъ скрывать въ этомъ случаѣ, давно впрочемъ знакомые всей Европѣ, пріемы римскаго двора въ международныхъ сношеніяхъ, — онъ обнародовалъ именно такія сношенія съ митрополитомъ Головинскимъ и другими латинскими епископами [2]).

Рядомъ съ переговорами о епископѣ Гутковскомъ, также долго затягивались Римомъ и переговоры объ епископѣ Павловскомъ, котораго наше правительство представляло въ качествѣ кандидата на могилевское архіепископство. Римскій дворъ только черезъ нѣсколько лѣтъ уступилъ самымъ рѣшительнымъ настояніямъ нашего правительства, и въ надеждѣ на то (какъ указано въ нотѣ кардинала Ламбрускини, 2-го октября 1840 г.) что русское правительство съ своей стороны сдѣлаетъ уступки въ отношеніи къ другимъ требованіямъ Рима [3]). Если римскій дворъ находилъ естественнымъ тайныя сношенія епископовъ съ своими дипломатическими агентами, вопреки кореннымъ законамъ имперіи; то нельзя не признать также весьма естественнымъ, что онъ всѣми способами затруднялъ исполненіе права императорской власти избирать кандидатовъ на епископскія каѳедры. Явно признавая это право, тайно онъ считалъ, напротивъ, епископовъ исключительно подвластными Риму, и потому желалъ устранить въ этомъ всякое участіе свѣтской власти.

Хотя этотъ взглядъ Рима совершенно согласенъ со всѣми

---

[1]) Въ письмѣ отъ 11-го іюля 1839 г., вѣнскій нунцій писалъ епископу Гутковскому: «Мнѣ очень пріятно, хотя въ краткихъ словахъ, но отъ искренняго сердца, выразить достойную хвалу вашему преосвященству за ваше примѣрное постоянство. Извѣстно, что вы, почтенный пастырь, неоднократно подвергались преслѣдованіямъ, козняхъ и, несмотря на угрожавшія вамъ опасности, устояли противъ тѣхъ угнетеній, передъ которыми рабски преклонились нѣкоторые изъ братій Поэтому еще въ большемъ блескѣ является ваше мужество и твердость· избравъ однажды путь приличный достоинству пастыря и, неуклонно идя по немъ, вы устояли противъ угнетеній. Нѣтъ словъ для выраженія того, какъ ваши дѣйствія были пріятны и утѣшительны его святѣйшеству, который такъ отягощенъ различными непріятностями».

[2]) Esposiz. document. NN. XV, XVIII, LV, и др.

[3]) Галль-Морель: NN. LXII — LXVIII. Для окончанія переговоровъ объ еписк. Гутковскомъ и Павловскомъ, потребовалось отправленіе въ Римъ особаго уполномоченнаго, ст. сов. Фурмана въ 1840 г.

преданіями латинской церкви, однакоже мы должны замѣтить, что Римъ долго не обнаруживалъ его въ переговорахъ съ нашимъ правительствомъ во всей его послѣдовательности. Со временъ императрицы Екатерины II и до 1840-хъ годовъ, Римъ тщательно скрывалъ этотъ взглядъ, который, очевидно, могъ повести только къ полному разрыву съ Россіею. Наше правительство понимало все и съ своей стороны желало склонить папскій дворъ къ той умѣренности, которой въ нѣкоторой степени онъ самъ придерживался до этого времени. Въ нотѣ 31-го января 1841 г., императорское правительство, сообщая нѣкоторыя свѣдѣнія и отвѣчая на требованія Рима, заявило однакоже, что оно «не желало бы возводить своихъ переговоровъ до основныхъ началъ (s'engager dans une discussion de principes), въ отношеніи къ которымъ было трудно, если не вовсе невозможно, придти къ соглашенію; напротивъ, оно желало бы единожды и навсегда прекратить подобные переговоры и поставить ихъ на почву болѣе практическую — соглашеній и уступокъ» [1]). Но римскій дворъ съ тѣхъ поръ, какъ совершилось присоединеніе уніатовъ, пересталъ скрывать свои прежнія тайныя цѣли и, не внимая совѣтамъ нашего правительства, все сильнѣе и рѣзче выражалъ тотъ взглядъ, на который мы указали.

Между тѣмъ въ продолженіе этихъ переговоровъ, со времени усмиренія польскаго возстанія, польское дворянство и духовенство чрезъ посредство своихъ эмигрантовъ, вело возмутительную агитацію противъ Россіи въ государствахъ западной Европы, чтобы возбудить участіе общественнаго мнѣнія и правительствъ въ пользу Польши. Предлогомъ служило именно присоединеніе уніатской церкви къ православію, выставленное передъ Европою со всѣми ужасами религіознаго преслѣдованія, которое способенъ былъ воздвигнуть только папскій Римъ — и то въ средніе вѣка. Газеты непрерывно, въ продолженіе многихъ лѣтъ, наполнялись ложными извѣстіями, небывалыми и выдуманными происшествіями, клеветами и бранью противъ Россіи; являлись даже подставные мученики и мученицы за вѣру! Чтобы подвинуть римскій дворъ къ рѣшительнымъ дѣйствіямъ, была пущена въ ходъ мысль, что папа не заботится о латинской церкви въ русскихъ предѣлахъ и предаетъ ее на гоненіе.

Не знаемъ, искренно-ли вѣрилъ римскій дворъ этой недостойной шумихѣ, произведенной поляками, или нѣтъ,—но онъ вполнѣ увлекся ею. «Отложеніе большей части уніатовъ отъ римской церкви еще слишкомъ свѣжо и грустно. Оно не было внезап-

---

[1]) Галль-Морель: № LXIX, стр 142.

БИБЛІОТЕКА ПОЛИТЕХНИЧЕСКОЙ АКАДЕМІИ.

нымъ съ ихъ стороны стремленіемъ; оно подготовлено постепенно мѣрами не прямыми, но дѣйствительными. Извѣстны также и возбудили уже общее сожалѣніе и жалобы на строгости и преслѣдованія, которымъ подвергались тѣ изъ уніатовъ, которые желали оставаться вѣрными католической церкви», — писалъ подъ вліяніемъ пущенныхъ въ ходъ слуховъ кардиналъ Ламбрускини въ нотѣ къ нашему правительству, 4-го октября 1840 г. Папа Григорій XVI въ аллокуціи, 1842 г. іюля 22-го, счелъ нужнымъ оправдаться отъ этой клеветы и потомъ обнародовалъ эту аллокуцію, вмѣстѣ съ обвинительною запискою противъ Россіи и съ приложеніемъ подлинныхъ документовъ дипломатической переписки съ нашимъ правительствомъ.

Въ 1842 году, папа прибѣгнулъ къ тому же средству, какъ и въ настоящее время. Такія же происшествія, хотя и въ другихъ размѣрахъ, повторились и въ нашихъ глазахъ, потому что тѣ же дѣйствующія силы вышли на поприще борьбы,—но борьбы болѣе ожесточенной и рѣшительной: Григорій XVI окончилъ свою аллокуцію обращеніемъ къ великодушнымъ чувствамъ русскаго императора,—Пій IX, напротивъ, окончательно прервалъ сношенія съ Россіею.

II.

Свиданіе императора Николая Павловича въ Римѣ, въ 1845 г., съ папою Григоріемъ XVI. — Записка, врученная папою лично императору и отвѣтъ на нее.

Пріѣздъ императора Николая Павловича въ Римъ, въ 1845 г. послужилъ исходною точкою цѣлаго періода нашихъ отношеній къ Риму, окончившагося только въ настоящее время.

Послѣ непріязненныхъ сношеній Рима съ нашимъ правительствомъ, о которыхъ мы говорили, и послѣ обнародованія папской аллокуціи 1842 г. съ обвинительною запискою противъ Россіи и съ приложеніемъ къ ней дипломатическихъ документовъ. наши сношенія съ римскимъ дворомъ, хотя и не были явно прерваны, однакоже находились въ положеніи близкомъ къ разрыву, Конечно, римскій дворъ желалъ возобновить ихъ снова и только искалъ благопріятнаго случая, ибо Россія ничего не теряла отъ такого разрыва, и всѣ его невыгоды исключительно доставались на долю Рима. Пріѣздъ русскаго императора въ Римъ, какъ нельзя болѣе соотвѣтствовалъ въ этомъ отношеніи видамъ папскаго двора. Пій IX говоритъ, что на «счастливую встрѣчу могущественнаго монарха съ главою церкви всѣ благонамѣренные люди смотрѣли какъ на благопріятное для религіи событіе, обѣщавшее лучшую будущность для католиковъ въ предѣлахъ Россіи. Поэтому св. отецъ въ этомъ достопамятномъ разговорѣ прежде всего заявилъ императору, что на его пріѣздъ и личное свиданіе съ нимъ онъ смотритъ, какъ на особенное дѣло божественнаго провидѣнія, что глаза всей Европы обращены теперь на ихъ встрѣчу въ Ватиканѣ и всѣ ожидаютъ облегченія участи католиковъ въ имперіи». Представивъ императору, что папскій престолъ постоянно желаетъ, чтобы его подданные были ему вѣрны и послушны, о чемъ неоднократно заявлялъ онъ торжественно,

Григорій XVI указалъ на нѣкоторыя постановленія, стѣсняющія латинскую церковь и несогласныя съ каноническими правилами. По желанію императора, онъ собственноручно передалъ ему, 13-го декабря, записку, состоявшую изъ 22-хъ статей [1]), на которую мы должны обратить особенное вниманіе, потому что она послужила поводомъ и основою для всѣхъ дальнѣйшихъ переговоровъ.

Указавъ на священный текстъ: «цесарево цесарю, а божіе Богови»—въ запискѣ такъ опредѣлены два направленія политики, которыхъ постоянно придерживался римскій дворъ: «Папа никогда не нарушалъ ни той ни другой изъ своихъ обязанностей; онъ всегда напоминалъ и внушалъ самыми торжественными способами католикамъ, разсѣяннымъ по всему міру, священную обязанность религіи оставаться вѣрными верховной власти и вполнѣ повиноваться ея законамъ въ дѣлахъ свѣтскихъ (dans l'ordre civil)». Это заявилъ папа въ посланіи къ польскимъ епископамъ и въ энцикликѣ, 1832 г. авг. 15-го, всѣмъ пастырямъ латинской церкви въ цѣломъ мірѣ. Поэтому онъ не принялъ и депутата, отправленнаго революціоннымъ польскимъ правительствомъ во время возстанія, съ тайнымъ порученіемъ, чтобы просить содѣйствія римскаго престола. Но съ другой стороны, папа, въ качествѣ главы церкви, не переставалъ заявлять *представленія* и *просьбы*, оставшіяся безъ исполненія, самому императору: «Со всѣхъ сторонъ міра католики всѣхъ народностей обращаютъ свои взоры на общаго ихъ отца и пастыря, всѣ прибѣгаютъ къ нему съ просьбами о помощи и о защитѣ вѣры. Папа оказался бы виновнымъ, если бъ презрѣлъ свое апостольское призваніе, оставилъ ихъ безъ вниманія и не поспѣшилъ бы на помощь всѣми, находящимися въ его распоряженіи, средствами. Какъ всякое правительство имѣетъ право установлять политическія и гражданскія отношенія въ своихъ государствахъ, такъ все относящееся до католическаго вѣроисповѣданія, по божественному предназначенію, принадлежитъ власти духовной, церкви. Поэтому всѣ представленія папы императорскому правительству касались только или нѣкоторыхъ законовъ, нарушавшихъ свободу католической вѣры и противныхъ ея правамъ и канонамъ церкви, или относились къ явленіямъ, сопровождавшимъ исполненіе на дѣлѣ этихъ законовъ (ст. 1—10)».

---

[1]) Esposizione docum. стр. 3 и 4 и №№ 1 и 2.—Къ сожалѣнію, мы не имѣемъ достовѣрныхъ свѣдѣній собственно о разговорѣ императора съ папою; извѣстія нѣкоторыхъ иностранныхъ писателей (Flix, Briefe aus Rom. 1864, стр. 45, и Wiseman, Erinnerungen an die 4 letzten Papste. 1858, стр. 394), основанныя на простой молвѣ, не могутъ имѣть исторической достовѣрности. Пихлеръ, т II, стр. 261 и 262.

Въ числѣ законовъ, несогласныхъ съ правилами латинской церкви, въ запискѣ, врученной императору, папа указываетъ на постановленіе о консисторіяхъ, 1842 г. дек. 22-го,—«которымъ епископы подчинены постановленіямъ консисторій до такой степени, что консисторія пишетъ, а епископъ только подписываетъ, (consistorium scribit, episcopus subscribit tantum)»;—на указъ 20-го ноября 1843 г. о семинаріяхъ, который въ сущности устраняетъ ихъ отъ зависимости епископовъ. «Эти постановленія, говоритъ папа, составляютъ только продолженіе и развитіе началъ, нарушающихъ права и божественную власть (divina auctoritas) церкви, которыя выражены въ законахъ и указахъ приложенныхъ къ аллокуціи (1842 г.) Такимъ образомъ открывается цѣлая совокупность законовъ, которыхъ цѣль заключается въ томъ, чтобы воспрепятствовать епископамъ исполнять ихъ священныя обязанности пастырей, ограничивая ихъ юрисдикцію въ отношеніи къ церковной дисциплинѣ и образованію (sulla disciplina, sul culto, sulla liturgia, sull'insegnamento, sui seminarii), отнимая, однимъ словомъ, у нихъ право управленія своими церквами и подчиняя консисторіямъ, духовной коллегіи и наконецъ, министерству, какъ простыхъ исполнителей высочайшихъ повелѣній».

Указавъ такимъ образомъ на всю совокупность нашихъ узаконеній, относящихся къ латинской церкви, Григорій XVI несчитаетъ нужнымъ говорить о каждомъ изъ нихъ порознь, но указываетъ только на главнѣйшія. Къ ихъ числу онъ относитъ запрещеніе «католическимъ священникамъ крестить дѣтей отъ смѣшанныхъ браковъ, еслибъ даже того пожелали родители»; на отобраніе монастырскихъ имуществъ, упраздненіе нѣкоторыхъ монастырей и подчиненіе ихъ власти епископовъ, вмѣсто особыхъ провинціаловъ и генераловъ ихъ орденовъ. Но особенно онъ считаетъ противнымъ каноническимъ правиламъ латинской церкви вмѣшательство правительства въ сношенія папы съ духовенствомъ и паствою. «Постановленія, запрещающія свободный доступъ папскихъ буллъ въ имперію, и суровыя наказанія за непосредственныя сношенія католиковъ съ святымъ престоломъ, безъ предварительнаго одобренія правительства, явно обнаруживаютъ намѣреніе отторгнуть ихъ отъ святого престола, средоточія католическаго единства (п. 4)».

Требуя въ этомъ послѣднемъ случаѣ такихъ правъ, какихъ не предоставляютъ римскому двору даже латинскія по исповѣданію государства, папа очевидно стремился къ тому, чтобы совершенно устранить русское правительство отъ всякихъ отношеній къ латинской церкви въ имперіи и царствѣ польскомъ.

Отношенія ея членовъ къ верховной власти, какъ подданныхъ, замѣнить исключительнымъ подчиненіемъ власти римскаго первосвященника, предоставить ей полную свободу дѣйствія, какъ въ своей средѣ, такъ и въ отношеніи къ другимъ исповѣданіямъ, не только терпимымъ въ государствѣ, но даже и къ господствующему. Упоминая объ удаленіи латинскихъ миссіонеровъ изъ Грузіи, въ 1844 г., за то, что они не хотѣли подчиниться власти могилевскаго архіепископа и за совращенія православныхъ въ латинство, папа оправдываетъ ихъ дѣйствія и говоритъ, что они исполняли «священныя обязанности своего призванія (п. 15)».

Достиженіе предположенной римскимъ дворомъ цѣли Григорію XVI представлялось весьма легкимъ; стоило только императору отмѣнить всѣ тѣ законы, которые Римъ находилъ несогласными съ его правилами и стѣсняющими свободу его дѣйствій. «Управленіе церковью не можетъ служить и подчиняться различнымъ видоизмѣненіямъ государственнаго управленія, потому что оно блюдетъ устройство церкви, дарованное ей отъ ея божественнаго основателя. Государи свѣтскіе могутъ отмѣнять или измѣнять свои законы, но святой престолъ не можетъ измѣнять началъ католической вѣры, ни произвольно отмѣнять правилъ церковной дисциплины. Законы и указы императора, противъ которыхъ возставалъ и возстаетъ святой престолъ, или состоялись недавно, или вновь возобновили дѣйствіе прежнихъ. Очень легко ихъ отмѣнить, не нарушая пользы и достоинства государства. Законы же католической церкви восходятъ, напротивъ, по времени ея основанія, къ *отцамъ церкви*, къ *соборамъ*. Нельзя молчать, когда ихъ нарушаютъ, иначе разрушится весь духовный порядокъ въ церкви; поэтому сохраненіе этихъ законовъ для папы составляетъ дѣло совѣсти предъ Богомъ, предъ церковью, предъ всѣмъ католическимъ міромъ (ст. 11, 12 и 13)».

Пій IX повторяетъ ту же мысль въ разсматриваемой нами запискѣ (стр. 5). «Во всякомъ законодательствѣ—говоритъ онъ—право измѣнять или отмѣнять законы принадлежитъ той власти, которая ихъ установляетъ. Поэтому въ россійской имперіи, законы, установленные императоромъ и противъ которыхъ возражаетъ святой престолъ, могутъ быть отмѣнены государемъ, не нарушая выгодъ и достоинства имперіи. Напротивъ, въ католической церкви всякій законъ восходитъ ко времени ея основанія и непосредственно связанъ съ ея божественнымъ устройствомъ, и поэтому святъ и неизмѣненъ». Въ этомъ повтореніи выраженій записки Григорія XVI исключено указаніе на *от-*

цовъ церкви и *соборы*, мы полагаемъ, не безъ цѣли. Дѣйствительно, въ ученіи отцовъ церкви, въ постановленіяхъ соборовъ, нѣтъ возможности отыскать доказательствъ для подтвержденія вообще папскихъ притязаній, а тѣмъ болѣе тѣхъ, которыя они выражали въ отношеніи къ нашему правительству.

Изъ приведенныхъ словъ пельзя не замѣтить, что папы указываютъ только на законы, изданныя свѣтскою властію, и вовсе не признаютъ существованія постановленій и правилъ нашей церкви, точно также основанныхъ на священномъ писаніи, ученіи отцовъ церкви, постановленіяхъ соборовъ, и восходящихъ до временъ основанія христіанства. Григорій XVI, хотя и называетъ присоединеніе уніатовъ къ православной церкви отступничествомъ (apostasia), однакоже умалчиваетъ вообще о нашей церкви; его преемникъ, напротивъ, прямо называетъ ее расколомъ, схизмою, и слѣдовательно, не признаетъ за ней права на законное существованіе.

Обращаясь въ своей запискѣ къ приведенію указанныхъ имъ законовъ въ исполненіе, Григорій XVI говорилъ: «Мы не имѣемъ намѣренія смѣшивать законы или указы съ способами ихъ исполненія, подавшими поводъ къ столькимъ вопіющимъ явленіямъ. Законы исходятъ отъ власти государя, ихъ исполненіе зависитъ отъ подчиненныхъ дѣятелей. Очень можетъ случиться, что законы будутъ примѣняемы такими способами, которыхъ государь никогда бы не одобрилъ, и о которыхъ онъ можетъ даже не знать. Мы далеки отъ того, чтобы приписывать императору строгость и жестокость при исполненіи нѣкоторыхъ законовъ, и увѣрены, что это зависѣло отъ произвола исполнителей, несогласнаго съ волею и намѣреніями его величества. Но все-таки нельзя не желать, чтобы противъ такихъ злоупотребленій были приняты дѣйствительныя мѣры. Нельзя также отрицать, что разсказы и изложеніе фактовъ, ихъ свойствъ и сопровождавшихъ ихъ обстоятельствъ, не совсѣмъ вѣрны и преувеличены. Это случается часто, когда дѣло идетъ о происшествіяхъ сложныхъ, совершившихся въ странахъ отдаленныхъ, сообщеніе съ которыми такъ затруднено, и гдѣ существуютъ противоположныя партіи. Однакоже не возможно отвергать самыхъ фактовъ и ихъ существеннаго значенія; въ извѣстіяхъ объ нихъ могутъ быть преувеличены ихъ свойства, произвольныя и жестокія, но цѣль, къ которой направлены самые указы, не подлежитъ сомнѣнію. Говорятъ, будто папа не получаетъ вѣрныхъ свѣдѣній, что его обманываютъ. Но если нѣкоторыя извѣстія, доходящія до него путемъ общей гласности, подтверждаются подробными изложеніями происшествій, если тѣ, кото-

рые ихъ отвергаютъ, съ своей стороны не доказываютъ, что они ложны, если папѣ не даютъ возможности имѣть своего посланника, чтобы повѣрять ихъ на мѣстѣ; то какъ же можетъ онъ удостовѣриться, что ложно все, что ни разсказываютъ и—успокоиться. Но жалобы святого престола основаны не на этихъ однихъ фактахъ, а на законахъ, которые ставятъ католическую церковь въ рабское положеніе (nello stato di schiativa), противное постановленіямъ этой церкви, и стремятся отторгнуть католиковъ отъ средоточія католическаго единства (ст. 16—19)».

Такимъ образомъ, папа желалъ освободить латинскую церковь въ предѣлахъ русскаго владычества отъ всякихъ отношеній къ нашему правительству, подчинить ее исключительно римскому престолу и, чтобы достигнуть этой цѣли, съ одной стороны, онъ желалъ заключить договоръ съ императоромъ (in atto), а съ другой имѣть постояннаго нунція при русскомъ дворѣ, который бы служилъ живою связью между этою церковію и папою, какъ ея главою.

Чрезъ нѣсколько дней императоръ Николай Павловичъ, 17 декабря, передалъ письменный отвѣтъ, составленный въ видахъ искренняго желанія водворить мирныя отношенія между Россіею и Римомъ, оградить права латинской церкви въ предѣлахъ имперіи и царства и успокоить свободу совѣсти своихъ подданныхъ латинскаго исповѣданія. «Краткость пребыванія—сказано въ этомъ отвѣтѣ—и отсутствіе документовъ, на которые указано въ папской запискѣ, не дозволяютъ императору войти въ подробное разсмотрѣніе различныхъ вопросовъ, въ ней означенныхъ. Въ бесѣдѣ, исполненной взаимнаго довѣрія и откровенности между имъ и святымъ отцомъ, равно и въ разговорахъ съ кардиналомъ Ламбрускини, императоръ поспѣшилъ отвѣчать, какъ на всю совокупность вопросовъ, такъ и на нѣкоторые изъ нихъ въ частности. Но, есть однако же предметы, которые не могутъ быть немедленно разрѣшены, а именно, относящіеся до уставовъ и указовъ, которые римскій дворъ считаетъ болѣе или менѣе несогласными съ каноническими постановленіями римской церкви. Императоръ, по возвращеніи въ Петербургъ, займется подробно всѣми этими вопросами и постарается въ духѣ дружественнаго благорасположенія изыскать средства для соглашенія, по возможности, желаній святого отца съ своими обязанностями, какъ верховнаго защитника господствующей церкви (protecteur) и съ общимъ законодательствомъ имперіи». Въ концѣ отвѣта прибавлено, что—«императоръ проситъ верховнаго первосвященника быть твердо увѣреннымъ, что никто болѣе его не желаетъ поддерживать значеніе и достоинство римской церкви въ имперіи

и Польшѣ. Въ мольбахъ къ Всевышнему, которыя возноситъ императоръ, онъ одинаково выражаетъ заботу о всѣхъ народахъ, безъ различія вѣроисповѣданій, которыхъ судьбы ввѣрены его попеченію божественнымъ провидѣніемъ. Все, что возможно сдѣлать, не противорѣча кореннымъ законамъ имперіи и не нарушая правъ и каноновъ господствующей церкви,—будетъ сдѣлано. Императорское слово можетъ быть въ этомъ случаѣ ручательствомъ его святѣйшеству».

Указавъ на коренные законы имперіи и каноны православной церкви, какъ главныя основанія, императоръ, вслѣдъ за приведенными словами, говорилъ: «Но, какъ выше указано, есть такіе предметы и требованія, не подчинится которымъ не зависитъ отъ воли императора». Въ отвѣтѣ, дѣйствительно, указано на одинъ изъ частныхъ вопросовъ, составлявшихъ предметъ спора, на смѣшанные браки, въ слѣдующихъ выраженіяхъ: «Святой отецъ жалуется на запрещеніе латинскимъ священникамъ крестить дѣтей, рождающихся отъ смѣшанныхъ браковъ. Не говоря уже о религіозныхъ сомнѣніяхъ и личныхъ убѣжденіяхъ императора, его величество не считаетъ себя вправѣ отмѣнить это распоряженіе, потому что это было бы прямымъ нарушеніемъ правъ и каноновъ господствующей церкви. Впрочемъ, взглядъ его святѣйшества въ этомъ случаѣ совершенно одинаковъ со взглядомъ императора. Пусть святой отецъ спроситъ самого себя, поступилъ ли бы онъ иначе въ подобныхъ случаяхъ? Согласился-ли бы папа обнародовать такой законъ въ своей области, по которому дозволялось бы православнымъ священникамъ или протестантскимъ пасторамъ крестить въ Римѣ дѣтей, происшедшихъ отъ такихъ смѣшанныхъ браковъ, въ которыхъ одинъ изъ супруговъ исповѣдуетъ римскій католицизмъ?»

Что касается до злоупотребленій, совершаемыхъ нисшими исполнителями распоряженій высшаго правительства, на которыя жаловался папа, то въ этомъ отношеніи—«виды императора не могутъ подлежать сомнѣнію», сказано въ отвѣтѣ римскому первосвященнику. «Всякое злоупотребленіе и теперь строго преслѣдуется и будетъ преслѣдоваться; его величество былъ бы очень доволенъ, еслибъ папа указалъ ему на нѣкоторыя изъ нихъ, ускользнувшія отъ бдительности правительства».

Безъ сомнѣнія, русскій императоръ, во время непродолжительнаго пребыванія въ Римѣ, не могъ входить въ подробное разсмотрѣніе отдѣльныхъ вопросовъ, въ которыхъ выражались притязанія римскаго двора; но опредѣленіе тѣхъ общихъ условій, при которыхъ только могло послѣдовать взаимное по нимъ соглашеніе, и указаніе, для примѣра, на вопросъ о крещеніи

дѣтей отъ смѣшанныхъ браковъ, совершенно ясно и опредѣленно выразили какъ основныя начала, такъ и очертили границы будущихъ дипломатическихъ переговоровъ. Строгое сохраненіе правъ и постановленій православной церкви, неприкосновенность коренныхъ законовъ государства, вотъ предѣлы, далѣе которыхъ не могли и не должны были простираться уступки Риму. Но въ этихъ предѣлахъ, сохраняя неприкосновеннымъ достоинство церкви и государства, императоръ обѣщалъ сдѣлать *все*, что могло бы удовлетворить папу и успокоить его подданныхъ, исповѣдующихъ латинское ученіе.

Эти два важные документы, которыхъ содержаніе мы изложили, послужили основаніемъ для дальнѣйшихъ переговоровъ. Изъ нихъ уже нельзя не замѣтить, что выступили лицомъ къ лицу двѣ самостоятельныя и независимыя одна отъ другой силы: одна предъявляетъ притязаніе на полновластіе, предъ которымъ всѣ должны преклоняться, другая охраняетъ свою государственную самостоятельность и неприкосновенность своей, національной церкви. Такое взаимное отношеніе договаривающихся сторонъ уже предсказывало будущій ходъ и вѣроятный исходъ переговоровъ. Очевидно, споръ возведенъ до основныхъ *началъ;* но переговоры о нихъ наше правительство, еще въ нотѣ 31 января 1841 г., считало — дѣломъ «труднымъ и почти невозможнымъ», чтобы придти къ соглашенію.

Послѣ отъѣзда императора изъ Рима, русскій канцлеръ иностранныхъ дѣлъ, графъ Нессельроде, еще оставался тамъ нѣсколько времени и совѣщался съ кардиналомъ Ламбрускини, который передалъ ему болѣе подробныя свѣдѣнія о вопросахъ, обращавшихъ на себя вниманіе римскаго двора.

III.

Посольство гр. Д. Н. Блудова въ Римъ. — Конкордатъ 1847 г. іюля 22. — Значеніе конкордата и разсмотрѣніе постановленныхъ въ немъ правилъ, сравнительно съ другими европейскими конкордатами.

По возвращеніи изъ путешествія, императоръ, исполняя данное папѣ слово, назначилъ особое посольство въ Римъ съ исключительною цѣлію подробно разсмотрѣть всѣ требованія папскаго правительства и, по возможности, придти къ соглашенію, въ указанныхъ имъ самимъ предѣлахъ. Послѣдствіемъ продолжительныхъ совѣщаній графа Д. Н. Блудова съ кардиналомъ статсъ-секретаремъ Ламбрускини, при участіи нашего послапника въ Римѣ г. Бутенева, былъ заключенъ конкордатъ, 22 іюля 1847 года, или, по оффиціальному названію — «Статьи (articles), подписанныя уполномоченными императора и папы».

Въ первый еще разъ Россія заключила письменный договоръ съ римскимъ дворомъ. Важное значеніе такого явленія въ нашей исторіи обязываетъ насъ обратить на него особенное вниманіе. Сущность конкордата, состоявшаго изъ 31 статьи, заключалась въ слѣдующемъ:

Въ русской имперіи, вмѣсто существовавшихъ уже шести, учреждены семь римско-католическихъ епархій, и въ первой же статьѣ опредѣлены ихъ предѣлы. Но вслѣдъ за тѣмъ, во второй статьѣ, сказано: «пространство и предѣлы епархій будутъ опредѣлены папскою буллою». Какой же заключается смыслъ въ этомъ, повидимому, противорѣчіи? Возможно-ли вновь опредѣлять уже опредѣленные предѣлы эпархій и ихъ пространство, и на что это нужно, когда новое опредѣленіе — «должно быть сообразно съ тѣмъ, какое означено въ предшедшей первой статьѣ» — конкордата, какъ сказано въ той же, второй статьѣ?

Чтобы отвѣчать на этотъ вопросъ, весьма важный съ точки зрѣнія римскаго двора, мы должны припомнить прежнія отношенія наши къ Риму по вопросу объ учрежденіи латинскихъ епархій въ предѣлахъ русской имперіи.

При императрицѣ Екатеринѣ II, послѣ перваго раздѣла Польши, для Бѣлоруссіи было учреждено римско-католическое епископство въ Могилевѣ, 22 ноября 1773 г., управленію котораго были подчинены всѣ лица, исповѣдывавшія латинское ученіе, и находившіяся въ предѣлахъ имперіи. Въ указѣ по этому случаю сказано: «Нынѣ, по *усмотрѣнію нашему*, опредѣляемъ епископомъ католицкимъ Станислава Сестренцевича». Впослѣдствіи, послѣ второго раздѣла Польши, въ 1795 году сентября 6, учреждены, для вновь присоединенныхъ областей, еще три епископства, въ Вильнѣ, Луцкѣ и Летичевѣ. Ни въ томъ, ни въ другомъ случаѣ, императрица не входила ни въ предварительныя сношенія съ Римомъ, ни требовала утвержденія папы для учрежденія новыхъ епархій и разграниченія ихъ предѣловъ. Въ перепискѣ, возникшей съ римскимъ дворомъ по случаю іезуитовъ, императрица въ письмѣ къ Пію VI, 1782 г., говорила, что терпя, по примѣру своихъ предковъ, въ предѣлахъ имперіи всѣ исповѣданія безъ исключенія и въ числѣ ихъ римское, она однако же не допуститъ, чтобы въ какихъ бы то ни было дѣлахъ, исповѣдующіе это ученіе непосредственно могли зависѣть отъ чужеземной власти. «Поэтому, никакая булла папы не обнародывается въ имперіи безъ нашего повелѣнія». Считая въ тоже время своимъ правомъ возводить въ архіепископское достоинство, она возвела въ этотъ санъ могилевскаго епископа, назначила ему коадъютора и предложила только папѣ прислать архіепископу палліумъ, а коадъютора посвятить, — «единственно для того, чтобы соблюсти обычаи римской церкви» [1]).

---

[1]) Когда папа долго не исполнялъ желанія императрицы, она, въ 1782 г нояб. 4, писала къ нашему посланнику въ Варшавѣ гр. Штакельбергу, что если папскій дворъ будетъ долѣе медлить въ присылкѣ палліума Сестренцевичу и посвященіи ему коадъюторомъ Бениславскаго, то онъ долженъ объявить нунціо, что не только отказъ, но и всякое промедленіе къ удовлетворенію ея требованій поставитъ ее въ совершенную необходимость отнять у римской церкви то покровительство, какимъ она могла до сихъ поръ гордиться въ ея имперіи. Затѣмъ, она неизбѣжно будетъ доведена до полной бездѣйственности, а эта бездѣйственность будетъ для нея особенно гибельна, потому что, какъ извѣстно папѣ, большая часть нынѣшнихъ католиковъ Бѣлоруссіи были нѣкогда православными и приняли сами, или ихъ предки, католицизмъ, единственно во избѣжаніе гоненій, воздвигнутыхъ противъ нихъ въ Польшѣ по происками римскаго духовенства При такомъ положеніи дѣлъ, большинство изъ нихъ ждетъ только малѣйшаго знака для перехода въ вѣру православную, покинутую ими со скорбію и оставившую еще много слѣдовъ въ ихъ сердцѣ, въ ту вѣру, основанія которой тѣмъ

Папа, уступая требованіямъ императрицы, воспользовавшись однако же случаемъ, поспѣшилъ прислать своего посла, монсиньора Аркетти. Хотя онъ поручалъ ему предложить русскому двору и о другихъ дѣлахъ, касающихся латинской церкви, однако императрица ограничила его кратковременное посольство только утвержденіемъ Сестренцевича въ архіепископскомъ достоинствѣ и посвященіемъ ему коадъютора.

Впослѣдствіи, при императорѣ Павлѣ, въ 1798 г., указомъ сенату 22 апрѣля, число римско-католическихъ епархій было умножено до шести. Не входя въ разсмотрѣніе вопроса, представлялась ли особая нужда умножать число латинскихъ епископовъ, замѣтимъ только, что и этимъ обстоятельствомъ Римъ воспользовался, чтобы снова отправить въ Россію своего легата. Разсчитывая на то, чтобы эта мѣра была принята благосклонно нашимъ правительствомъ, папа избралъ посломъ въ Россію графа Литту, котораго братъ управлялъ Мальтійскимъ орденомъ и пользовался особеннымъ расположеніемъ императора.

Кардиналъ графъ Литта, въ качествѣ апостольскаго нунція, утвердилъ 27 іюня 1798 г. распоряженіе русскаго правительства объ епархіяхъ, дозволивъ себѣ при этомъ случаѣ и нѣкоторыя измѣненія по собственной власти, а именно: умноженіе числа суффрагановъ. Быть можетъ и это обстоятельство, а особенно взгляды на управленіе латинскою церковію Сестренцевича, возведеннаго уже въ санъ митрополита, не совсѣмъ согласныя съ ультрамонтанскими притязаніями Рима, и преимущественно то, что кардиналъ Литта, окончивъ свое частное порученіе, не думалъ оставлять Россію и вмѣшивался въ дѣла внутренняго управленія и политики, принудили русское правительство немедленно выслать его изъ Петербурга. Съ тѣхъ поръ число латинскихъ епархій оставалось неизмѣненнымъ до конкордата 1847 года [1]).

Допуская власть папы въ отношеніи къ латинской церкви въ предѣлахъ имперіи только въ дѣлахъ духовныхъ, вѣры и совѣсти, русское правительство—учрежденіе епархій и опредѣленіе ихъ границъ, не имѣющее ничего общаго съ этими дѣлами, считало неотъемлемымъ правомъ верховной власти. Но Римъ смотрѣлъ иначе на этотъ вопросъ. Папы никогда не довольствовались одною духовною властью; не охрана чистоты вѣроисповѣ-

---

драгоцѣннѣе для человѣчества, что они никогда не идутъ на перекоръ верховной власти и гражданскаго управленія, также какъ и благоденствію и благочинію общественному. См. Сборникъ Русск. истор общества, ст. кн. Оболенскаго: переписка по дѣлу о іезуитскомъ новиціатѣ въ Бѣлоруссіи; стр. 455, прилож. № XL.

[1]) Полн. Собр. Закон. №№ 14.073, 17.379, 17 380, 18.504. — Гр. Д. Н. Толстого: Le cathol. Romain en Russie. Т. II, гл. VII.

данія, не старанія о спасеніи душъ римскихъ католиковъ составляли главный предметъ ихъ заботъ и попеченій. Напротивъ, свѣтское владычество составляло существенную цѣль ихъ стремленій. Объявляя притязанія на господство надъ цѣлымъ міромъ, они хотѣли подчинить своей власти области, въ которыхъ обитали исповѣдующіе латинское ученіе, ихъ имущества и самую государственную власть, управлявшую ими. Государи должны быть только исполнителями папскихъ предписаній. При такомъ взглядѣ, конечно, учрежденіе епархій и опредѣленіе ихъ границъ римскій дворъ считалъ своимъ исключительнымъ правомъ, и всякое вмѣшательство въ этомъ случаѣ свѣтской власти объявлялъ, какъ притѣсненіе и гоненіе латинской церкви.

Понимая въ этомъ отношеніи виды папъ и, безъ сомнѣнія, не раздѣляя ихъ, русскіе государи сами, безъ всякаго участія Рима, увеличивали число епархій и обозначали ихъ предѣлы, когда считали нужнымъ. Папы, съ своей стороны, опасались прямо возставать противъ такихъ дѣйствій, однако же, пользуясь обстоятельствами, всякій разъ посылали своихъ легатовъ, которымъ поручали утверждать новое раздѣленіе епархій, чтобы такимъ образомъ удерживать за собою окончательную санкцію. Наше правительство не препятствовало этому, но и не придавало папскому утвержденію особеннаго значенія.

Но, что̀ прежде было случайнымъ явленіемъ, то превратилось въ правило съ тѣхъ поръ, какъ внесено въ конкордатъ 1847 г. Хотя по смыслу заключающихся въ немъ постановленій, новое распредѣленіе епархій установлено по взаимному соглашенію обѣихъ договаривавшихся сторонъ; но окончательное утвержденіе предоставлено папскому престолу. Значеніе этихъ постановленій объясняютъ слѣдующія слова буллы Пія IX, 1848 г. іюня 5-го (universalis ecclesiae cura): «Въ обширнѣйшей россійской имперіи существуетъ шесть латинскаго исповѣданія епархій, которыхъ границы нашъ предшественникъ Пій VI апостольскою заботливостію старался, для благоденствія вѣрующихъ, опредѣлить въ своей граматѣ, 15 декабря 1798 г.; поэтому мы, имѣя въ виду настоящее состояніе этихъ епархій и разныя мѣстныя и современныя обстоятельства, употребили наше стараніе къ тому, чтобы эта любезная паства могла пользоваться лучшимъ управленіемъ и болѣе достаточными духовными пособіями. Почему, между прочимъ, положено, существующія уже шесть епархій латинскаго исповѣданія въ россійской имперіи разграничить новыми предѣлами и учредить новое епископство въ г. Херсонѣ съ двумя суффраганами съ тою цѣлію, чтобы епископы въ сихъ преобширныхъ странахъ легче и удобнѣе могли пещись о спасеніи душъ

своей паствы. Вслѣдствіе чего, по зрѣломъ и тщательномъ соображеніи всѣхъ обстоятельствъ и по совѣщаніи съ конгрегаціею кардиналовъ, побуждаемые сверхъ того надеждою, что новое разграниченіе епархій и учрежденіе новаго епископства послужатъ ко благу католической вѣры и къ полезнѣйшему управленію духовными дѣлами, на основаніи точныхъ свѣдѣній и зрѣлыхъ соображеній нашихъ, а также и въ силу апостольскаго нашего *полновластія* (apostolicae potestatis plenitudine), настоящею граматою постановляемъ»... За тѣмъ слѣдуетъ подробное опредѣленіе установляемыхъ семи епархій. Приведенныя слова, кажется, не нуждаются въ объясненіи: очевидно, папа считаетъ вопросъ объ учрежденіи епархій и опредѣленіи ихъ границъ принадлежащимъ исключительно его власти и въ этомъ смыслѣ понимаетъ постановленія конкордата. Поэтому и распредѣленіе приходовъ въ каждой епархіи должно быть «представлено на утвержденіе святѣйшаго престола», сказано во 2-й ст. конкордата.

Такое значеніе первыхъ статей этого договора представится въ бо́льшей еще ясности, если мы сравнимъ его съ подобными же постановленіями конкордатовъ другихъ европейскихъ государствъ.

Въ австрійскомъ конкордатѣ, 1855 г. августа 18-го, заключеннаго для «всей имперіи и всѣхъ входящихъ въ ея составъ государствъ»—постановлено: «Святой престолъ, пользуясь принадлежащимъ ему правомъ, можетъ учреждать новыя епархіи и опредѣлять ихъ границы, когда для блага вѣрныхъ это сочтетъ полезнымъ (ст. 18)». Такимъ образомъ, это право признается прямо принадлежащимъ папѣ, который только, изъ снисхожденія, позволяетъ себѣ входить въ этихъ случаяхъ—«въ соглашенія съ императорскимъ правительствомъ».

Напротивъ, Франція вовсе не признаетъ въ этомъ случаѣ исключительнаго права римскаго первосвященника. Въ конкордатѣ, заключенномъ, 1802 г. апрѣля 8-го, первымъ консуломъ съ Піемъ VII, постановлено: «Новое распредѣленіе епархій во Франціи будетъ составлено святымъ престоломъ по соглашенію съ французскимъ правительствомъ (ст. 2)». Свѣтское правительство въ этомъ случаѣ считаетъ свои права совершенно равными съ правами папы. Если правительство страны, латинской по исповѣданію, удерживаетъ за собою это право,—то, конечно, новое распредѣленіе епархій, составленное по взаимному соглашенію нашихъ уполномоченныхъ съ римскимъ дворомъ и внесеніе въ конкордатъ статьи, что это будетъ утверждено особою буллою папы, составляетъ уже такую уступку римскому двору, далѣе

которой не могла простираться въ этомъ случаѣ снисходительность русскаго правительства.

Эта уступка повлекла за собою и другую. Вопросъ о посвященіи епископовъ, конечно, никогда не составлялъ предмета споровъ между правительствами европейскихъ государствъ и Римомъ. Дѣла *посвященія*, какъ духовнаго, свѣтская власть и не имѣла намѣренія присвоивать себѣ; но *избраніе* лицъ на епископскія каѳедры, назначеніе кандидатовъ, — это былъ и есть одинъ изъ важныхъ вопросовъ для всѣхъ правительствъ, въ виду особеннаго свойства латинской церкви.

Не признающая народностей, стремящаяся къ полному господству надъ всѣми народами и государствами, римская церковь могла назначать такихъ лицъ на эти важныя въ общественномъ отношеніи должности, которыя ничего не имѣя общаго, ни съ ввѣряемою ихъ управленію паствою, ни съ государствомъ, не могли принести никакой пользы. Напротивъ, папы могли назначать враждебныхъ народу и правительству лицъ, хотя и вѣрныхъ слугъ чуждой имъ власти Рима. Это не простое опасеніе, но истина, подтверждаемая опытами многихъ вѣковъ, которая и заставила европейскія правительства ограничить въ этихъ случаяхъ власть римскаго первосвященника.

Не вдаваясь въ доказательства, множествомъ которыхъ могла бы снабдить насъ исторія европейскихъ государствъ, сравнимъ только постановленія нашего конкордата съ нѣкоторыми изъ иностранныхъ.

Въ австрійскомъ конкордатѣ 1855 г. сказано: «Императоръ, въ силу апостольской привилегіи, дарованной его предкамъ, избирая епископовъ, будетъ назначать или представлять ихъ святому престолу для каноническаго поставленія, но собравъ о нихъ мнѣнія другихъ епископовъ преимущественно той же области». Признавая за собою право избранія и поставленія епископовъ, папа однакоже передавалъ свои права въ этомъ случаѣ, въ отношеніи другихъ государствъ, своимъ нунціямъ или мѣстнымъ митрополитамъ. Иногда же въ знакъ особой милости и довѣрія, римскій престолъ эти права нунціевъ передавалъ и самимъ государямъ. Первый примѣръ такой передачи былъ венгерскому королю Стефану и его наслѣдникамъ папою Сильвестромъ, подтвержденный потомъ для императрицы Маріи Терезіи Климентомъ VIII. Съ этою привилегіею соединялся титулъ *апостольскаго* и ношеніе креста въ торжественныхъ случаяхъ, какъ передъ папскимъ нунціемъ. Только на этомъ основаніи нѣкоторые государи получали право назначать епископовъ, которое, въ отношеніи къ австрійскому императору, уже было нѣсколько

ограничено послѣднимъ конкордатомъ; ибо онъ долженъ былъ въ этомъ случаѣ принимать во вниманіе мнѣнія другихъ епископовъ. Такимъ же правомъ пользовались неаполитанскіе короли (конкорд. 1818 г. февр. 16, ст. 28); но, назначая епископовъ, они обязывались увѣдомлять папу, дабы «онъ, собравъ о нихъ надлежащія справки», утвердилъ ихъ въ этомъ званіи. До утвержденія же папою, они не могли вступать въ управленіе епархіею.

Исторія Франціи, въ отношеніи къ этому вопросу, представляетъ любопытныя явленія, которыя вполнѣ его объясняютъ.

До XVI вѣка, въ галликанской церкви избраніе епископовъ принадлежало капитуламъ, а папѣ только утвержденіе. По конкордату 1517 г., заключенному Францискомъ I-мъ съ папою Львомъ X, это право предоставлено было королямъ Франціи. Духовенство постоянно жаловалось на эту привилегію королевской власти и считало ее нарушеніемъ такъ называемыхъ вольностей галликанской церкви. Но когда впослѣдствіи революціонное правительство Франціи провозгласило начало народнаго избранія лицъ на церковныя должности, — то духовенство возстало еще сильнѣе. Въ слѣдъ за ультрамонтанами, оно развило папскій взглядъ на этотъ вопросъ въ цѣлое ученіе, по которому избраніе и постановленіе епископовъ признавалось исключительнымъ и священнымъ правомъ папы (droit divin). Конечно, это ученіе, умышленно смѣшавшее понятія о духовномъ значеніи рукоположенія и посвященія съ простымъ распоряженіемъ объ избраніи епископовъ и другихъ служителей церкви, касавшимся только церковной дисциплины, не могъ привлечь на свою сторону перваго консула, да и въ средѣ духовенства, еще не совсѣмъ утратившаго преданія галликанской церкви, не всѣ раздѣляли этотъ ультрамонтанскій взглядъ.

Въ конкордатѣ 1802 г. было постановлено, что новое распредѣленіе епархій на развалинахъ, произведенныхъ революціею, будетъ составлено Римомъ, по соглашенію съ французскимъ правительствомъ; что же касается до епископовъ — «то они будутъ назначены первымъ консуломъ» и впредь на вакантныя мѣста, будутъ назначаемы имъ-же. «Святой престолъ сообщитъ имъ только каноническое утвержденіе по установленнымъ формамъ (ст. 2. 4 и 5)». Въ конкордатѣ 1813 г. февраля 13-го, это общее правило развито такимъ образомъ: «Если папа въ продолженіе шести мѣсяцевъ не сообщитъ своего утвержденія, то митрополитъ или старшій изъ епископовъ самъ исполнитъ утвержденіе, такъ чтобы ни одна епископская каѳедра не оставалась вакантною болѣе года (ст. IV)». Это послѣднее правило представляется особенно важнымъ, ибо не признаетъ безусловной

необходимости даже окончательнаго утвержденія епископовъ исключительно папою.

Простымъ ли дѣломъ произвола, которымъ въ своихъ поступкахъ такъ отличался Наполеонъ I-й, можно объяснять происхожденіе подобнаго правила? Хотя оно и было утверждено папою, но Пій VII былъ въ это время плѣнникомъ въ Фонтенеблò. Дѣйствительно, раздражаемый постоянными отказами папы утверждать избираемыхъ имъ епископовъ, Наполеонъ I-й вынудилъ признаніе этого правила у Пія VII; но, тѣмъ не менѣе, самое правило напоминаетъ, хотя и въ искаженномъ видѣ, истинныя постановленія вселенской церкви. На основаніи апостольскихъ правилъ, какъ вселенскіе такъ и помѣстные соборы признавали, что епископы должны быть избираемы и поставляемы соборомъ всѣхъ епископовъ области, въ случаѣ же неудобства собраться всѣмъ,—двумя или тремя епископами, съ утвержденія митрополита. Эти правила до сихъ поръ ненарушимо сохраняются восточною церковью. Римъ, въ X-мъ вѣкѣ, отступилъ отъ нихъ и, на основаніи подложныхъ декреталій, присвоилъ исключительно это право одному папѣ.

Но слѣды первоначальныхъ правилъ еще сохранялись долго и на западѣ Европы. Таково было *право капитуловъ* избирать епископовъ, существовавшее тамъ почти повсюду. Но мало-помалу оно было стѣсняемо и даже уничтожаемо, съ одной стороны властію королей, какъ во Франціи, съ другой — папами. Въ настоящее время оно существуетъ въ Пруссіи. Конкордатомъ 1821 г., заключеннымъ Фридрихомъ-Вильгельмомъ III съ Піемъ VII, это право подтверждено для всѣхъ латинскихъ епархій этого королевства (ст. 5). Въ буллѣ Пія VII, іюля 16 1821 г. — de salute animarum, сказано: «Мы полагаемъ сдѣлать пріятное германскому народу и прусскому королю, возстановивъ, въ находящихся подъ свѣтскою его властью епархіяхъ по сю сторону Рейна право выборовъ, сохранившееся и утвержденное въ зарейнскихъ епархіяхъ, но отмѣненное въ лежащихъ по сю сторону Рейна апостольскимъ постановленіемъ 1801 г.»

Указавъ на постановленія конкордатовъ нѣкоторыхъ изъ европейскихъ государствъ, обратимся къ нашему.

Русское правительство постоянно удерживало за собою право назначать епископовъ, но предоставляло папѣ утверждать ихъ въ этомъ званіи. Но конкордатомъ 1847 г. сдѣлана важная уступка Риму; въ немъ постановлено: «Епископы, какъ епархіальные, такъ равно и суффраганы россійской имперіи и царства польскаго, будутъ назначаемы каждый разъ по предварительному соглашенію его императорскаго величества съ святѣй-

шимъ престоломъ; каноническое же ихъ утвержденіе будетъ совершаться его святѣйшествомъ обыкновеннымъ порядкомъ (ст. XII)». При прежнемъ порядкѣ дѣлъ, когда назначеніе епископовъ производилось безъ участія папъ, непосредственно отъ власти государственной,—безъ сомнѣнія, могли встрѣчаться нѣкоторыя неудобства. Назначенный такимъ порядкомъ епископъ, хотя и вступалъ въ управленіе своею епархіею, однакоже, до утвержденія въ этомъ санѣ папою, не могъ исполнять многихъ духовныхъ обязанностей и, что особенно было важно, не могъ посвящать въ священники. Очевидно, это неудобство происходило не отъ порядка назначенія, но или отъ отказовъ папы въ утвержденіи, или въ несвоевременномъ утвержденіи. Чтобы предотвратить это неудобство, конкордатъ 1847 г. допустилъ предварительное соглашеніе императора съ папою о назначаемыхъ епископахъ. Но не могъ-ли папа, стремясь къ достиженію окончательной своей цѣли — къ неограниченному праву, самому какъ избирать и назначать, такъ и утверждать епископовъ, не соглашаться съ представленіями нашего правительства, отклонять избранныхъ имъ лицъ, и такимъ образомъ возбуждать еще большія неудобства, оставляя епархіи безъ епископовъ? Послѣдующій опытъ доказалъ справедливость такого опасенія.

Григорій XVI въ запискѣ, поданной императору Николаю Павловичу въ Римѣ, писалъ: «Если нѣкоторые изъ представленныхъ на епископства лицъ не были имъ одобрены, то потому, что они не имѣли необходимыхъ для того, по каноническимъ правиламъ, качествъ». «Судить о качествахъ необходимыхъ для епископа, составляетъ не только право папы, отъ котораго онъ не можетъ отказаться, но и обязанность, возлагаемую на него канонами церкви. Впрочемъ папа не рѣдко отказываетъ въ этихъ случаяхъ и католическимъ государямъ, и они подчиняются сужденію главы церкви и представляютъ другихъ кандидатовъ. Безъ сомнѣнія, папа не изберетъ лица завѣдомо подозрительнаго императору въ политическомъ отношеніи; но онъ также не можетъ дать каноническаго утвержденія и лицу, подозрительному для святого престола (ст. 21 и 22)». Вслѣдствіе личныхъ переговоровъ императоръ писалъ Григорію XVI, 1845 г. декабря 17, что — «онъ надѣется на послѣдовавшее, къ счастію, между ними соглашеніе въ отношеніи къ способу назначенія епископовъ, которое устранитъ затрудненія, до сихъ поръ испытываемыя императорскимъ правительствомъ въ замѣщеніи вакантныхъ епископскихъ каѳедръ». Но соглашенія, основанныя на личномъ довѣріи, конечно, могли измѣниться съ перемѣною лицъ и обсто-

ятельствъ; а условія конкордата не могли предотвратить неудобствъ, возникавшихъ на дѣлѣ.

Конечно, уважая каноническія постановленія вселенской церкви, Россія не могла принять за образецъ французскій конкордатъ 1813 г.; но могла, опираясь на эти постановленія, которыхъ значенія не можетъ отрицать и Римъ, требовать, чтобы епископы сами, всѣ или въ числѣ двухъ и трехъ, могли поставлять епископовъ, по крайней мѣрѣ, въ нѣкоторыхъ опредѣленныхъ случаяхъ. Такое постановленіе было бы вполнѣ согласно и съ преданіями нашей политики съ Римомъ [1]), и съ стремленіемъ ввести соборное начало въ управленіе латинскою церковью, выразившемся въ учрежденіи для нея особой *духовной коллегіи.*

Сверхъ изложенныхъ правилъ, въ конкордатѣ 1847 г., заключаются подробныя постановленія объ учрежденіи новой херсонской епархіи (ст. 4—10) и о правахъ епископовъ, какъ въ отношеніи къ суду и управленію церковными дѣлами, такъ и — «по высшему управленію воспитаніемъ, наукою и внутреннею дисциплиною» — въ семинаріяхъ и въ петербургской католической академіи (ст. 13 — 29).

«Судъ и управленіе церковными дѣлами каждой епархіи принадлежитъ исключительно епископу оной», сказано въ конкордатѣ. Власть епископа ограничена только слѣдующимъ условіемъ: онъ судитъ и управляетъ — «безъ нарушенія однакожъ канонической подчиненности святѣйшему престолу». Члены, состоящихъ при каждомъ епископѣ, консисторій, хотя и опредѣляются имъ съ согласія правительства,—но ихъ голосъ въ дѣлахъ имѣетъ только совѣщательное значеніе. «Епископъ не обязанъ объяснять основанія своихъ рѣшеній даже и тогда, когда мнѣніе его не согласно съ заключеніемъ консисторіи». Епископскому суду подчинены даже «спорныя дѣла между духовными лицами, касающіяся движимыхъ или недвижимыхъ имуществъ церквей», — между тѣмъ, какъ эти дѣла должны бы

---

[1]) Въ 1798 г., митрополитъ Сестренцевичъ составилъ проектъ объ устройствѣ латинской іерархіи въ имперіи, въ которомъ предполагалъ поддержать зависимость латинской церкви папѣ, какъ ея главѣ, только въ отношеніи къ догматамъ вѣры. Что же касается дисциплины и внутренняго управленія въ епархіяхъ, то правительство должно его предоставить епископамъ, своимъ подданнымъ, назначаемымъ всегда государемъ, посвящаемымъ митрополитомъ, по благословенію папы. «Епископы должны пользоваться властью, которая имъ принадлежала въ продолженіе первыхъ десяти вѣковъ христіанства, пока папа Григорій VII не отнялъ у нихъ этой власти. Епископы должны находиться въ зависимости отъ постояннаго синода, который долженъ быть учрежденъ въ Петербургѣ». Гр. Толстой, Le catholicisme Romain en Russie, т. II, гл. 8, стр. 114 и слѣд.

рѣшаться не иначе, какъ по общимъ гражданскимъ законамъ имперіи о правѣ собственности, а не на основаніи правилъ латинской церкви, и потому подлежать свѣтскимъ судамъ. Даже по австрійскому конкордату 1855 г., папа уступилъ, хотя и скрѣпя сердце, подсудность такихъ дѣлъ гражданскимъ судамъ (vu les circonstances du temps, ст. 13). Въ отношеніи къ воспитанію лицъ, приготовляющихся къ духовному званію, «епископу принадлежитъ высшее управленіе какъ по предмету воспитанія, такъ и науки и внутренней дисциплины во всѣхъ семинаріяхъ его епархіи». Онъ назначаетъ и увольняетъ какъ должностныхъ лицъ, такъ и профессоровъ, можетъ закрывать курсы и самыя заведенія, въ послѣднемъ случаѣ доводя только объ этомъ до свѣдѣнія правительства. Учители не богословскихъ наукъ могутъ быть и свѣтскіе, но непремѣнно латинскаго исповѣданія. Тѣже права принадлежатъ и могилевскому архіепископу въ отношеніи къ с.-петербургской римско-католической академіи. Предоставленная конкордатомъ власть по суду и управленію ограничивалась только каноническою подчиненностію Риму, а въ отношеніи къ воспитанію въ семинаріяхъ правилами тридентинскаго собора.

Но въ какомъ же отношеніи эта власть должна находиться къ правительству того государства, которое, по началу терпимости всѣхъ исповѣданій, даруетъ ей право самостоятельнаго существованія, какого, напримѣръ, не признаетъ за латинскою церковію великобританское правительство (билль іюля 1851 г.)? Въ какой мѣрѣ ея дѣйствія должны согласоваться съ общими государственными и гражданскими законами имперіи? Неужели государство, даруя права и опредѣляя кругъ дѣйствій нѣкоторыхъ лицъ и обществъ, должно вполнѣ положиться на нихъ и избавить себя отъ всякаго непосредственнаго или посредственнаго за ними наблюденія? Если бы дѣятельность латинскаго духовенства и ихъ епископовъ совершалась на виду всѣхъ, открыто и гласно, то, конечно, возможно было бы слѣдить за нею; но не такова эта тайная и скрытная дѣятельность, какъ доказываетъ многовѣковая исторія. Но еслибъ даже въ этомъ случаѣ правительство и усмотрѣло, что дѣйствія епископовъ враждебны государству, нарушаютъ его коренные законы,—то и тогда, не опредѣливъ напередъ извѣстными границами ихъ власти, оно не могло бы считать ихъ преступными и преслѣдовать законнымъ порядкомъ. Прибѣгать же только къ силѣ, хотя бы и по необходимости, для правительства просвѣщеннаго, безъ сомнѣнія, тяжело и непріятно. Въ такомъ положеніи къ Риму часто находились европейскія государства, даже латинскія по ис-

повѣданію. Историческій опытъ доказалъ имъ, что прибѣгать въ этихъ случаяхъ къ власти папъ, какъ верховныхъ представителей латинской іерархіи, и безполезно и опасно. Римъ постоянно оказывалъ защиту епископамъ, имѣя въ виду главную свою цѣлью подчинить своей власти всѣхъ государей Европы. Русское правительство также испытало всю тягость этого средства по случаю переговоровъ съ Римомъ о подлясскомъ епископѣ Гутковскомъ.

Защищая свои права, какъ верховной власти противъ притязаній Рима, европейскія правительства наблюдали за дѣйствіями епископскаго суда и управленія и не предоставляли имъ неограниченной власти въ этомъ случаѣ. Если епископы нарушали правосудіе даже въ отношеніи къ подчиненнымъ имъ духовнымъ лицамъ, то эти послѣднія имѣли право прибѣгнуть къ защитѣ свѣтской верховной власти; если они превышали данную имъ власть, нарушали законы государства, или даже своими дѣйствіями оскорбляли честь гражданъ, или смущали ихъ совѣсть; то свѣтская власть принимала ихъ подъ свою защиту и не отказывала имъ въ законной помощи. Такимъ образомъ развилось ученіе о правахъ верховной власти, извѣстныхъ по терминологіи европейскихъ канонистовъ, подъ названіемъ appelatio ab abusu (les appeles comme d'abus) и recursus ad principem (le recour au prince) [1]). Правосудіе составляетъ долгъ и обязанность государства въ отношеніи ко всѣмъ своимъ подданнымъ безъ различія. Исключая въ этомъ случаѣ духовенство, хотя бы и терпимаго только исповѣданія, правительство тѣмъ самымъ давало бы поводъ его членамъ не считать себя подданными государства. Безъ сомнѣнія, такова и цѣль папской политики. Папы, постоянно выражая притязаніе на соединеніе въ своемъ лицѣ какъ духовной, такъ и свѣтской власти, считаютъ всѣхъ исповѣдующихъ латинское ученіе своими подданными, а духовныхъ своими слугами. Ни одно, однакоже, государство не раздѣляло такого взгляда на власть римскаго первосвященника. Не отказывая духовнымъ лицамъ въ правосудіи въ качествѣ своихъ подданныхъ, оно не нарушало ни свободы церкви, ни ея постановленій, но давало защиту противъ злоупотребленій и притѣсненій. Конечно, ультрамонтанскіе писатели постоянно возставали противъ этихъ правъ верховной власти, ограничивавшихъ полновластіе папъ, а сами папы считали ихъ изобрѣтеніемъ зловредной ереси, однако европейскія правительства твердо

---

[1]) Dupin, Manuel du droit publ. ecclesiast. français. ст. 243 и слѣд.—Laurent, l'Eglise et l'état. ч. 2. — Van Espen, стр. 128 и слѣд.

за нихъ держались. Франція подтвердила ихъ такъ называемыми «органическими постановленіями», составляющими дополненіе къ конкордату 1802 г., и напомнила о нихъ Риму, по случаю папской энциклики 1864 г. [1]).

Наше правительство никогда не предоставляло безотчетнаго права суда и распоряженія латинскимъ епископамъ даже въ предѣлахъ предоставленной имъ власти. Въ регламентѣ 12-го февраля 1769 г., прихожанамъ латинскаго исповѣданія, въ случаѣ несогласія съ духовенствомъ, предоставлено право, для полученія суда и расправы, обращаться въ юстицъ-коллегію лифляндскихъ, эстляндскихъ и финляндскихъ дѣлъ. По указу 1797 года февраля 26-го, учрежденъ при этой коллегіи особый департаментъ — «по дѣламъ до духовенства и брачныхъ тяжбъ относящимся», подъ высшимъ вѣдомствомъ сената. Этому департаменту, въ 1708 г. ноября 3-го, подчинены дѣла по жалобамъ низшаго духовенства на высшее: «Какъ бѣлое, такъ и черное духовенство, въ случаѣ какого либо неудовольствія на постановленныя надъ нимъ начальства, приносятъ жалобы епархіальному своему архіерею, а сей не доставилъ бы законнаго удовлетворенія, то могутъ просить о томъ римско-католическій департаментъ юстицъ-коллегіи». Тоже подтверждено и *правилами*, 11-го декабря 1800 г., объ управленіи римско-католическаго духовенства въ Россіи.

Въ началѣ царствованія императора Александра I-го, изъ этого департамента образована особая римско-католическая коллегія (13-го ноября 1801 г.), къ предметамъ вѣдомства которой отнесены и судебныя дѣла: «Духовный судъ, изъ духовныхъ и мірскихъ особъ составляемый, относится на дѣла общія по законамъ гражданскимъ, а для духовныхъ и церковныхъ, къ догматамъ вѣры и правиламъ каноническимъ относящихся и не подлежащихъ суду мірянъ, остаются духовныя консисторіи въ епархіяхъ учрежденныя, а надъ ними главная духовная консисторія или римско-католическая духовная коллегія». Въ эту коллегію приносились — «жалобы на архіереевъ и апелляціи на консисторіи», а по дѣламъ брачнымъ, она составляла послѣднюю степень суда. Такимъ образомъ, кромѣ дѣлъ по управленію, главному надзору за монашескими орденами и учебными заведеніями, вѣдѣнію коллегіи подлежали судебныя дѣла: 1) духовныя, о расторженіи браковъ, сепараціи, освобожденіи отъ монашескихъ обѣтовъ и т. под.; 2) дѣла смѣшанныя, о бенефи-

---

[1]) Articles organiques de la convention du 26 Messidor, an IX. Tit. I, ст. 6, 7 и 8. Dupin, Manuel. стр. 215.

ціяхъ, тяжбы о правѣ собственности духовныхъ учрежденій, вознагражденія за обиды, объ удаленіи настоятелей и викарныхъ отъ занимаемыхъ ими должностей; и 3) дѣла по жалобамъ на епископовъ, на злоупотребленія властью, растрату капиталовъ и т. д. По дѣламъ духовнымъ, коллегія составляла послѣднюю и высшую инстанцію, — по всѣмъ же прочимъ, подчинялась въ апелляціонномъ порядкѣ сенату. При расмотрѣніи дѣла о злоупотребленіяхъ латинскихъ монаховъ и властей, въ 1804 г. марта 1-го, сенатъ выразилъ, между прочимъ, общее правило, что, «примѣненіе каноническихъ правилъ латинской церкви допускается въ такой только мѣрѣ, въ какой они не противорѣчатъ общимъ государственнымъ и гражданскимъ законамъ, для блага и пользы россійскаго государства изданнымъ» [1]).

Такимъ образомъ, не вмѣшиваясь въ чисто духовныя дѣла, наше правительство наблюдало однакоже за дѣйствіями латинскихъ епископовъ, какъ по управленію, такъ и по суду, и давало высшую защиту противъ ихъ злоупотребленій властью. Но Римъ никогда не признавалъ существованія этой духовной коллегіи; въ конкордатѣ о ней вовсе не упомянуто, и всѣ почти дѣла, подлежавшія ея вѣдомству, переданы завѣдыванію епископовъ. Значеніе высшей степени суда, подчиненнаго въ нѣкоторыхъ случаяхъ сенату, она совершенно утратила.

Разсмотрѣвъ содержаніе конкордата 1847 г., нельзя не замѣтить, какія важныя уступки сдѣланы были нашимъ правительствомъ римскому двору, съ цѣлію войти въ мирныя съ нимъ отношенія и тѣмъ успокоить своихъ подданныхъ латинскаго исповѣданія. Не одна, впрочемъ, сущность этихъ уступокъ представляется важною; еще важнѣе тотъ путь, на который она поставила наши сношенія съ Римомъ. Съ одной стороны, первыя уступки дали ему поводъ требовать еще бо̀льшихъ уступокъ, какъ необходимыхъ послѣдствій тѣхъ, которыя уже были сдѣланы; а съ другой, они поставили наше правительство въ невозможность не только удовлетворять новымъ требованіямъ Рима, но даже до конца исполнить сдѣланныя уже уступки, безъ нарушенія коренныхъ законовъ имперіи и сохраняя независимость своей государственной власти.

---

[1]) Полн. Собр. Законовъ, №№ 13.252, 15.836, 15.876, 18.734 п. 2, 19.684 п. 2, 20 053 п. 1 и 4.

IV.

Взглядъ Рима на отношенія власти папъ къ свѣтской власти. — Недовольство Рима конкордатомъ и способами его исполненія. — Особый протоколъ къ конкордату, и подробное разсмотрѣніе заявленныхъ въ немъ притязаній римскаго двора, съ отвѣтами на нихъ нашихъ уполномоченныхъ.

Римскій дворъ можно укорять во многомъ, но никакъ нельзя отказать ему въ томъ, что онъ дѣйствуетъ послѣдовательно въ своей политикѣ и неуклонно идетъ къ извѣстной цѣли. Опредѣленный взглядъ руководитъ его дѣйствіями, неудачи его не смущаютъ и только временно пріостанавливаютъ его притязанія; всякою удачею онъ пользуется, чтобы сдѣлать болѣе шаговъ впередъ и ближе подойти къ главной цѣли, не увлекаясь случайностями и не придавая имъ особаго значенія. Въ чемъ же заключается окончательная цѣль Рима, которую онъ постоянно преслѣдуетъ во всѣхъ сношеніяхъ съ другими государствами?

Исторія европейскаго запада представляетъ длинный рядъ происшествій, въ продолженіе многихъ вѣковъ, которыя извѣстны подъ названіемъ борьбы папъ съ свѣтскою властью различныхъ государствъ и народовъ. Въ чемъ заключалась сущность этой борьбы,—вовсе не представляется вопросомъ для историковъ; она объяснена самими враждебными сторонами во всей подробности и стоила многихъ и кровавыхъ жертвъ народамъ Европы. Папы, въ лицѣ Григоріевъ, Иннокентіевъ и Бонифаціевъ, ясно выразили свой взглядъ, а ультра-монтанскіе богословы и канонисты, начиная съ изобрѣтателя подложныхъ декреталій, продолжая Беллярминомъ и Солья и оканчивая современнымъ профессоромъ каноническаго права Филлипсомъ, развили его съ ученою полнотою и послѣдовательностію. Государи

Европы, въ лицѣ своихъ защитниковъ, государственныхъ чиновъ, парламентовъ и юристовъ, въ противоположность папскому, выработали другой взглядъ о самостоятельности государствъ, независимости свѣтской верховной власти отъ папъ, и о предѣлахъ вмѣшательства римскаго первосвященника, какъ главы латинской церкви, въ дѣла другихъ государствъ.

По ученію папъ и ихъ канонистовъ, весь міръ составляетъ область (діоцезъ) римскаго первосвященника, какъ единственной власти на землѣ, намѣстника І. Христа. *Полновластіе* папъ обнимаетъ не только, такъ-называемыя, дѣла духовныя, но и свѣтскія. Всякая власть происходитъ отъ Бога, а папа представитель его на землѣ; поэтому только та власть имѣетъ законное значеніе и право на существованіе, которая поставлена или признана папою, единственнымъ обладателемъ *божественнаго права* на землѣ. «Во сколько душа выше тѣла, во столько власть папы возвышается надъ всякою иною властью». Свѣтскіе государи должны быть только исполнителями его повелѣній. Папа Сильвестръ, въ виду «непослушанія враговъ церкви, передалъ императору мечъ только для ихъ наказанія». «Можетъ ли быть и сомнѣніе въ томъ,—говорилъ Иннокентій IV—что папа, который будетъ судить ангеловъ на небѣ, не могъ бы судить дѣлъ міра сего. Ошибаются тѣ, которые полагаютъ, что папы получили власть отъ императора Константина; напротивъ, она основана І. Христомъ, онъ передалъ св. Петру во власть небо и землю», а папы прямые наслѣдники св. Петра [1]).

Намъ скажутъ, что это — средневѣковое ученіе, утратившее всякое значеніе въ наше время. Безъ сомнѣнія, такое ученіе не можетъ имѣть никакого современнаго значенія не только въ отношеніи къ Россіи, но и ко всѣмъ другимъ европейскимъ государствамъ, даже латинскимъ по исповѣданію. Но ультра-монтанскіе богословы и канонисты проповѣдуютъ его до сихъ поръ; папы никогда отъ него не отказывались, и Пій IX весьма недавно напомнилъ о немъ Европѣ въ пресловутой Энцикликѣ 1864 г. декабря 8-го. Только въ новыя времена утративъ силу, римскій дворъ, допускающій всевозможныя сдѣлки съ совѣстью, позволяетъ себѣ дѣлать уступки свѣтской власти, «подчиняясь условіямъ времени». Плодомъ этихъ уступокъ и были конкордаты. Но заключая ихъ, папы признаютъ обязательную силу только

---

[1]) Мы могли бы привести многочисленныя свидѣтельства, но ограничимся указаніемъ на сочиненія Лорана, l'Eglise et l'Etat ч. 2, стр. 158 и слѣд., и Гизелера, Kirchengeschichte ч. XI, §§ 54, 59 и др., гдѣ собрано много выписокъ изъ сочиненій латинскихъ богослововъ и канонистовъ среднихъ вѣковъ.

въ отношеніи къ одной изъ договаривавшихся сторонъ; сами же, напротивъ, предоставляютъ себѣ право постоянно требовать новыхъ уступокъ со стороны правительствъ, обходить и не исполнять условій конкордатовъ и даже совсѣмъ уничтожать ихъ при первой надеждѣ заключить болѣе выгодныя, или и вовсе не стѣснять своихъ дѣйствій никакими условіями, не ограничивать своего *полновластія*, составляющаго одинъ изъ существенныхъ догматовъ латинскаго исповѣданія. Исторія французскихъ конкордатовъ можетъ служить недавнимъ примѣромъ. Лишь только Людовикъ XVIII вступилъ на престолъ Франціи, папа отвергъ прежніе конкордаты и пытался заключить новый, въ 1817 г. іюня 11-го.

На конкордатъ съ Россіею, съ самаго его появленія, папа не смотрѣлъ, какъ на окончательныя условія, установившія отношенія между нашимъ правительствомъ и латинскою церковію, но только какъ на начало и первый шагъ къ вынужденію дальнѣйшихъ уступокъ съ нашей стороны. Взглядъ нашего правительства, въ этомъ случаѣ, былъ совершенно противоположенъ римскому. Оно полагало, что конкордатъ дастъ возможность окончательно устроить отношенія къ Риму и—если бы послѣдовали дальнѣйшіе переговоры—то въ *духѣ мира и согласія*, по вопросамъ несущественнымъ. Дѣйствительно, сдѣлавъ всѣ возможныя уступки *духовнымъ* требованіямъ главы латинской церкви, оно, конечно, не могло придавать особеннаго значенія его *политическимъ* притязаніямъ и полагать, что римскій дворъ будетъ настаивать въ этомъ случаѣ еще съ большею силою. Въ письмѣ къ Григорію XVI, 15-го ноября 1847 г., императоръ говорилъ: «Надѣюсь, что взаимныя дѣйствія не замедлятъ убѣдить всѣхъ, что между двумя дворами водворилось согласіе». Но въ запискѣ 1866 г., Пій IX говоритъ, что «конкордатъ 1847 г. обѣщалъ новую эру въ спошеніяхъ съ Россіею; однакоже недолговременны и скоропреходящи были падежды (ma breve e passaggere furono le concepite speranze)», и жалуется между прочимъ, что конкордатъ не довольно торжественно былъ обнародованъ и притомъ съ пропускомъ предисловія къ статьямъ. Почему же этому предисловію римскій дворъ придаетъ такое важное значеніе? Потому, что всякую уступку со стороны другихъ государствъ онъ считаетъ только началомъ къ дальнѣйшимъ и бо́льшимъ уступкамъ, а въ этомъ предисловіи сказано, что уполномоченные, утвердивъ вошедшіе въ составъ конкордата правила, многіе другіе вопросы оставили для дальнѣйшихъ переговоровъ [1]). Объявляя во всеобщее свѣдѣніе о заключеніи

[1]) ... et cum super pluribus hujus modi capitibus finem aliquem assequuti fuerint

конкордата, какъ радостномъ событіи для латинской церкви, Пій IX, въ аллокуціи 3-го іюля 1848 г., также заявилъ, что предстоятъ еще переговоры о важнѣйшихъ вопросахъ. Въ письмѣ къ императору, августа 10-го, 1847 г., онъ выражалъ надежду, что его великодушіе поможетъ и по этимъ вопросамъ достигнуть соглашенія. Наконецъ, въ буллѣ 1848 г. іюля 5-го, о приведеніи конкордата въ исполненіе, папа говорилъ епископамъ: «Хотя съ помощію Всевышняго многое по сему предмету мы успѣли опредѣлить, въ чемъ всепресвѣтлѣйшій государь искренне и благосклонно желаніямъ нашимъ споспѣшествовать изволилъ, не менѣе того *многочисленныя и величайшей важности* отношенія предстоитъ еще привести въ желаемое устройство, какъ это изъ произнесенной нами и обнародованной консисторіальной рѣчи ясно и очевидно открывается».

Дѣйствительно, при самыхъ уже переговорахъ о конкордатѣ, кардиналъ Ламбрускини предлагалъ нашимъ уполномоченнымъ многія требованія, на которыя они отвѣчали или отрицательно, или откладывали ихъ до дальнѣйшихъ переговоровъ (ad referendum). Поэтому и составленъ былъ особый *протоколъ*, подписанный уполномоченными по заключеніи конкордата, 1847 г. іюля 22-го (августа 3-го), въ которомъ изложены заявленія римскаго двора въ 12 статьяхъ.

Требованія Рима заключались въ слѣдующемъ:

1) Чтобы папа имѣлъ право непосредственно и свободно сноситься, какъ съ латинскимъ духовенствомъ, такъ и мірянами по дѣламъ *совѣсти* и *вообще по духовнымъ* дѣламъ (п. 1).

2) Отмѣнить назначеніе въ секретари консисторій свѣтскихъ лицъ и особенно не-латинскаго исповѣданія (п. 2).

3) Дозволить супругамъ латинскаго исповѣданія, при смѣшанныхъ бракахъ, т. е., когда одна сторона принадлежитъ къ православной церкви, не подчиняться въ дѣлахъ брачныхъ юрисдикціи православнаго духовнаго суда, а обращаться въ латинскіе духовные суды, и вообще отмѣнить постановленія о смѣшанныхъ бракахъ (п. 3 — 5).

4) Измѣнить порядокъ суда по дѣламъ брачнымъ между католиками (п. 6).

---

et alia restent adhuc componenda, super quibus iidem plenipotentiarii M. Suae Imperatoris spondent, se omnem Gubernii sui considerationem esse revocaturos, conventum est ex utraque parte, ut firma remanente conditione redigendi in actu separato capita, quae novis disquisitionibus ac tractationibus inter S. Sedis administros et suae M. imperialis Legatum in hac urbe materiam suppeditabant, designentur in praesenti pactorum summa, res quae hac usque constitutae sunt quaeque post huius modi ulteriores tractationes inceptam negotionem perficient. Esposiz. document. N. 111, стр. 74.

5) Отмѣнить постановленія о возрастѣ для вступленія въ монашество, о школахъ при монастыряхъ, о раздѣленіи монастырей на штатные и сверхъ-штатные (surnuméraires) и объ упраздненіи провинціаловъ (п. 7).

6) Новому херсонскому епископу назначить двухъ суффрагановъ: одного въ Тифлисѣ, другого въ Саратовѣ (п. 8).

7) Возвратить имущества, отобранныя у церквей и монастырей (п. 9).

8) Учредить особаго уніатскаго епископа для имперіи (п. 10).

9) Отмѣнить законы противъ прозелитизма латинскаго духовенства (п. 11); и наконецъ,

10) Измѣнить присягу на вѣрность императору, ибо она — «оскорбляетъ совѣсть католиковъ и не можетъ быть ими исполнена, безъ отказа отъ евангельскаго предписанія: euntes docete omnes gentes (п. 12)».

Уже эти притязанія должны были послужить поводомъ къ дальнѣйшимъ сношеніямъ нашего правительства съ Римомъ. Чтобы удовлетворить въ нѣкоторой мѣрѣ его требованіямъ и поддержать согласіе съ папою, въ виду происшествій, взволновавшихъ западную Европу въ 1848 г., наше правительство само начало переговоры по нѣкоторымъ вопросамъ, изложеннымъ въ протоколѣ. Въ нотѣ графа Нессельроде, 7 апрѣля этого года, сказано, что сношенія наши съ римскимъ дворомъ — «доказываютъ ему желаніе императора ускорить, на сколько это отъ него зависитъ, окончательное соглашеніе съ святымъ престоломъ, какъ по исполненію уже заключенныхъ условій, такъ и по вопросамъ, по которымъ наши уполномоченные, при совѣщаніяхъ въ Римѣ, не достигли непосредственныхъ соглашеній. Между этими вопросами, оставшимися нерѣшенными, мы считаемъ наиболѣе важнымъ—вопросъ о подсудности дѣлъ брачныхъ и церковныхъ, на который указано въ VI-й статьѣ «протокола».

При переговорахъ по этому вопросу въ Римѣ, наши уполномоченные предлагали учредить двѣ первыя степени суда по этого рода дѣламъ, на основаніи постановленія Бенедикта XIV, dei miseratione, что было принято и внесено въ конкордатъ. Что же касается до третьей степени, то они говорили, что русское правительство готово, съ согласія римскаго престола, установить для этихъ дѣлъ особый про-синодальной судъ въ Петербургѣ, съ тѣмъ, чтобы ему были подчинены и дѣла этого рода, возникающія въ царствѣ польскомъ, въ замѣнъ временной апостольской коммиссіи, учрежденной въ Варшавѣ, на основаніи буллы Григорія XVI, 1838 г. Очевидно, наши уполномоченные, съ нѣкоторыми быть можетъ измѣненіями, предлагали Риму тотъ

порядокъ, который уже существовалъ въ Россіи и не представлялъ никакихъ неудобствъ и затрудненій, т. е. подчинить эти дѣла въ послѣдней степени суда римско-католической коллегіи въ Петербургѣ.

Но именно этого и не хотѣлъ Римъ, никогда не признававшій этой коллегіи и почитавшій ея учрежденіе за попытку ограничить власть папы въ предѣлахъ русской имперіи. Въ отвѣтъ на это предложеніе, кардиналъ Ламбрускини представилъ другое мнѣніе; онъ предложилъ для этого рода дѣлъ установить слѣдующій порядокъ: «Первыя двѣ степени суда должны быть устроены на основаніи постановленій Бенедикта XIV; для дѣлъ, разсматриваемыхъ архіепископами въ первой степени суда, на право разсмотрѣнія во второй степени получатъ уполномочіе ad quinquennium (на пятнадцать лѣтъ) особые судьи in partibus (внѣ общей іерархической подчиненности). Тѣ же судьи составятъ и третью степень для дѣлъ, которыя судитъ архіепископъ во второй. Архіепископы могилевскій и варшавскій, по примѣру баварскихъ, получатъ уполномочіе ad quinquennium на взаимное право суда въ третьей степени этихъ дѣлъ, возникшихъ въ ихъ епархіяхъ. Послѣ третьей степени суда должна быть допущена аппелляція въ Римъ».

Разногласіе, какъ и замѣчено въ нотѣ графа Нессельроде, относилось въ собственномъ смыслѣ только къ третьей степени суда въ этихъ случаяхъ. «Мы полагаемъ, сказано въ ней, что самый простой способъ разрѣшить удовлетворительно вопросъ и избѣжать многочисленныхъ затрудненій, состоитъ въ томъ, чтобы съ нашей стороны отказаться отъ мысли объ учрежденіи особаго суда, который бы разсматривалъ въ третьей степени дѣла этого рода и согласиться на апелляцію прямо въ Римъ по всѣмъ дѣламъ, которыя уже разсматривались во второй инстанціи суда».

Вслѣдствіе этого предложенія установленъ былъ такой порядокъ, что «первую степень духовнаго суда по дѣламъ этого рода составляютъ мѣстные епархіальные епископы, а въ архіепархіи — архіепископъ, съ своими консисторіями; вторую, по дѣламъ рѣшеннымъ въ первой степени епископами — архіепископъ, а по тѣмъ, которыя были разсмотрѣны имъ архіепископомъ въ первой степени — епископъ одной изъ епархій ближайшихъ къ архіепархіи, по предварительному назначенію папы. Затѣмъ, въ случаѣ несогласія рѣшеній въ двухъ первыхъ степеняхъ духовнаго суда, а равно и по апелляціямъ, жалобамъ и протестамъ, разсмотрѣніе брачныхъ дѣлъ предоставляется римскому престолу». Вникая въ значеніе этихъ правилъ, въ ихъ примѣненіи къ вопросамъ возникающимъ въ жизни, нельзя не замѣ-

тить, что бюрократическій характеръ, мелочной и формальный, римскаго правительства, занятый только отвлеченными разсчетами и выгодами Рима, и не обращающій никакого вниманія на затрудненія для частныхъ лицъ, вполнѣ выразился въ этомъ постановленіи, какъ это замѣчено и въ нотѣ графа Нессельроде [1]), хотя эти правила упростили первоначальныя предложенія Рима.

«Другой вопросъ, въ отношеніи къ которому императоръ счелъ возможнымъ согласиться съ предложеніями Рима, сказано въ этой нотѣ, касается до назначенія второго суффрагана для херсонской епархіи. Такимъ образомъ, желаніе святого престола будетъ исполнено, но только съ тѣмъ условіемъ, чтобы Тифлисъ не былъ назначаемъ мѣстомъ постояннаго пребыванія этого епископа-суффрагана. Мы ограничиваемся въ настоящее время только этими двумя вопросами. Когда же всѣ епископскія каѳедры будутъ замѣщены, то эти епископы могутъ начать соглашенія и по другимъ вопросамъ, до которыхъ, безъ ихъ участія, мы не касаемся».

Безъ сомнѣнія, римскій дворъ съ радостію принялъ эти уступки со стороны Россіи, что и выразилъ кардиналъ Ламбрускини въ нотѣ къ нашему посланнику г. Бутеневу, 2-го іюля 1848 г. Папа поспѣшилъ утвердить кандидатовъ, представленныхъ на епископскія каѳедры, очевидно, съ тою цѣлію, чтобы получить новыя уступки и по другимъ вопросамъ, указаннымъ въ особомъ протоколѣ къ конкордату. Но уступки русскаго правительства на этомъ остановились. Другого рода вопросы послужили предметомъ для дальнѣйшихъ переговоровъ съ Римомъ, — вопросы о затрудненіяхъ, возникшихъ по случаю приведенія въ исполненіе постановленій конкордата.

Римскій дворъ радовался заключенію конкордата, только какъ началу для дальнѣйшихъ съ его стороны требованій и дальнѣйшихъ со стороны Россіи уступокъ. Въ собственномъ же смыслѣ, самый конкордатъ вовсе не удовлетворялъ его желаній. Точно также онъ не удовлетворялъ и желаній Россіи и произвелъ непріятное впечатлѣніе на русскихъ.

Не входя въ разсмотрѣніе, заключавшихся въ немъ, отдѣльныхъ постановленій, въ то время еще не многимъ извѣстныхъ, самая мысль о заключеніи конкордата съ папою не внушала со-

---

[1]) ... Il est vrai qu'il resulterait de cette marche une difficulté de plus pour les parties appellantes, mais cette considération saurait d'autant moins nous arrêter que nous entrons completement dans les vues et les intentions du S. Pere, pour entraver les scandaleux procès de dissolution du mariage. Нота 16 іюня 1848 г. Espos. document. № XII стр. 63.

чувствія. Нисколько бы не показалось страннымъ, еслибъ этотъ конкордатъ касался только царства польскаго, гдѣ господствуетъ въ народѣ латинское исповѣданіе; примѣры другихъ европейскихъ государствъ могли-бы объяснить его появленіе. Но въ отношеніи къ Россіи, даже къ тѣмъ губерніямъ, которыя входили нѣкогда въ составъ польско-литовскаго королевства,—послѣ присоединенія уніатовъ къ православной церкви, самая мысль о необходимости международнаго обязательства съ иностранною державою, по дѣламъ вѣры, казалась непонятною. Въ странѣ, какъ Россія, гдѣ терпимость вѣроисповѣданій признана не только законами государства и распоряженіями правительства, даже съ изысканною подъ-часъ предусмотрительностію, но и правами народа и общества, казалось бы, вовсе не предстояло особенной необходимости для мѣстностей, населенныхъ русскимъ народомъ, исповѣдующимъ восточное православіе, входить въ торжественныя обязательства съ представителемъ латинской церкви.

Гнетъ исторіи, хотя недавняго, но все-таки продолжительнаго времени, когда эти губерніи находились подъ владычествомъ Польши, оказалъ и, можетъ быть, не могъ не оказать въ этомъ случаѣ вліянія на отношенія наши къ римскому престолу. Губерніи, вошедшія въ составъ новыхъ предѣловъ римско-католическихъ епархій (Могилевская, Витебская, Гродненская, Курляндская, Ковенская, Минская, Кіевская, Волынская и Подольская), уже входили прежде въ округи латинскихъ епархій бывшей Рѣчи Посполитой, въ которой господствующимъ исповѣданіемъ признавалось римское, а всѣ остальныя причислялись къ гонимымъ и преслѣдуемымъ. Древнее православіе этихъ областей, послѣ совершившейся уніи, римскій дворъ и польское правительство, какъ послушное орудіе въ его рукахъ, считали окончательно побѣжденнымъ. Оно, какъ нѣкогда господствовавшее въ этихъ коренныхъ русскихъ странахъ, преимущественно подвергалось преслѣдованіямъ. Во время существованія польскаго королевства, православное народонаселеніе этихъ областей и духовенство, постоянно обращались къ единовѣрной Россіи, прося о заступничествѣ и покровительствѣ. Съ присоединеніемъ ихъ къ Россіи и возвращеніемъ уніатовъ въ православіе, судьба этихъ областей должна была измѣниться, а вмѣстѣ съ тѣмъ, измѣниться и значеніе латинской церкви и ея іерархіи въ этихъ предѣлахъ имперіи. Изъ господствовавшей полновластно эта церковь превратилась въ терпимую; ея іерархія, независимая отъ государственной власти, управлявшая даже ею, какъ это было въ Польшѣ, и признававшая лишь одно полновластіе папъ, должна была отказаться отъ политической дѣятельности, покориться законамъ

государства и заботиться только о духовныхъ, а не о мірскихъ дѣлахъ.

Безъ сомнѣнія, въ глазахъ Рима такое положеніе латинской церкви, привыкшей господствовать надъ правительствомъ, насильно совращать въ свое исповѣданіе и упорно преслѣдовать другія, представлялось гоненіемъ, едва не напоминавшимъ преслѣдованія христіанства въ первые вѣка языческими императорами Рима! Григорій XVI, въ аллокуціяхъ 22 ноября 1839 г. и 22 іюля 1842 г., оплакивая судьбу латинской церкви въ предѣлахъ имперіи, выражалъ однакоже надежду поправить дѣло. Посредствомъ переговоровъ съ русскимъ правительствомъ, Римъ желалъ достигнуть того, чтобы доставить латинской церкви и власти папъ то же положеніе, въ которомъ она находилась въ польскомъ королевствѣ. Конкордатъ считался первымъ къ тому шагомъ.

Такое значеніе конкордата съ Римомъ очевидно не могло не возбудить опасеній и сомнѣній въ общественномъ мнѣніи русскихъ. Но внѣшнимъ признакомъ, возбуждавшимъ общее вниманіе, было учрежденіе *новой* латинской епархіи, — херсонской, обнимавшей всю Бессарабію, губерніи: Херсонскую, Екатеринославскую, Саратовскую, Таврическую, Астраханскую и весь Закавказскій край. И эти области, отторгнутыя русскимъ мечемъ отъ азіатскаго варварства, гдѣ находилось незначительное количество римскихъ католиковъ, присоединялись ко всемірному владычеству римскаго престола. Херсонъ, гдѣ святой Владиміръ принялъ крещеніе, небольшой городъ въ имперіи, не имѣвшій въ то время православной епископской каѳедры, превращался въ резиденцію латинскаго епископа, съ двумя суффраганами, капитуломъ, соборнымъ храмомъ, семинаріею и тому подобными принадлежностями епископской каѳедры!

Такимъ образомъ, договоръ, заключенный между двумя сторонами, не удовлетворилъ ни ту, ни другую: Риму внушилъ ложныя и неосуществимыя надежды, Россіи — опасенія въ возможности его исполнить, не пожертвовавъ народнымъ достоинствомъ и значеніемъ православной церкви.

Едва былъ заключенъ конкордатъ, какъ уже возникъ вопросъ о примѣненіи 25-й статьи, въ которой постановлено, что преподавателями въ семинаріяхъ и академіи не-богословскихъ наукъ могутъ быть и свѣтскія лица, но непремѣнно латинскаго исповѣданія. Нотою 15 ноября 1847 г., графъ Нессельроде поручилъ нашему посланнику въ Римѣ обратить вниманіе папскаго правительства на неудобства при примѣненіи этого правила на дѣлѣ. «Трудно и часто невозможно, говорится въ этой нотѣ,

найти способныхъ преподавателей непремѣнно латинскаго исповѣданія, особенно въ отношеніи къ каѳедрѣ русскаго языка. Принимая условіе о вѣроисповѣданіи въ строгомъ смыслѣ, придется лишать учебныя завѣденія хорошихъ преподавателей русскаго языка и словесности, единственно способныхъ принесть пользу. Мы вполнѣ соглашаемся съ требованіями римскаго двора, чтобы науки богословскія, философскія и исторія церкви преподавались духовными; но, что касается до тѣхъ предметовъ, преподаваніе которыхъ поручается свѣтскимъ лицамъ, то, кажется, ученыя достоинства преподавателей должны обращать на себя болѣе вниманія, нежели ихъ вѣроисповѣданіе». Такія же замѣчанія предлагали и наши уполномоченные еще при переговорахъ объ этомъ вопросѣ въ Римѣ. Поэтому, въ нотѣ говорится далѣе: «Принимая въ соображеніе сообщенія графа Блудова, римскіе уполномоченные обратили вниманіе на эти доводы, но прямо не рѣшились принять за правило, чтобы въ этихъ случаяхъ допускать преподавателей не-латинскаго исповѣданія, потому, чтобы не нарушать принятыхъ святымъ престоломъ началъ. Но, поддерживая начало, слѣдуетъ однакоже допустить нѣкоторую терпимость въ его примѣненіи». Но слово «терпимость» неизвѣстно римскому двору, и потому онъ отвѣчалъ, 24 января 1848 г., что лучше въ этомъ случаѣ вовсе не преподавать, временно, тѣхъ предметовъ, по которымъ нельзя найти знающихъ преподавателей латинскаго исповѣданія, т. е. чтобы въ русскихъ учебныхъ заведеніяхъ не преподавать русскаго языка и словесности! Конечно, подобное требованіе, быть можетъ и согласное съ желаніями поляковъ, не могло быть исполнено русскимъ правительствомъ. Между тѣмъ, Пій IX выставляетъ это обстоятельство, какъ «преслѣдованіе и угнетеніе латинской церкви». «Не смотря на положительныя заявленія римскаго престола—сказано въ запискѣ папскаго двора 1866 г.—на нѣкоторыя каѳедры были назначены профессора-схизматики, и молодымъ клерикамъ дана была въ руководство ядовитая исторія схизматика Устрялова [1]), въ которой ненависть къ католикамъ соперничаетъ съ недобросовѣстнымъ изложеніемъ событій и клеветами на католическую церковь». Не хотѣлось-ли Шію IX, чтобы русское правительство въ своей столицѣ предпочло преподаваніе русской исторіи по руководству какого нибудь Духинскаго!

---

[1]) Afronte di si esplicite dichiarazioni si nominavano a quelle cathedre professori scismatici; e si dava ai giovani chierici per testo la storia venenosa dello scismatico Ustratow, nelle di cui pagine la malignità verso i catolici gareggia con la mala fede nei racconti e con la calumnia contra la chiesa Romana. Esposiz. docum. стр. 25.

Это странное заявленіе римскаго двора составляетъ впрочемъ, простое повтореніе того, что писалъ, 10 мая 1851 г., митрополитъ Головинскій, въ тайно отправленномъ къ папѣ донесеніи о состояніи латинской церкви въ имперіи и о препятствіяхъ ко введенію въ дѣйствіе конкордата со стороны министерства внутреннихъ дѣлъ [1]). Въ обширномъ посланіи этотъ

---

[1]) ... Comites Nesselrode et Bloudow omnem lapidem moverunt, ut conventio effectum suum sortiatur, sed reipsa, non aliam ob causam haud multum vis et efficaciae in hoc negotio exercent Ministerii autem illius (внутр. дѣлъ), quod placenam fiduciam Imperatoris nactum est, nervus et anima rerum gerendarum est Valerianus Skriptzin, director departamenti, infensissimus ecclesiae catholicae hostis Brevissima ejus biographia palam ostendit scopum, quem imperium nostrum relate ad fidem catholicam sibi proposuit A primordiis curriculi sui publici, factus est famosus per media violenta, quibus usus est in colligendis in unum diversis sectis in ipsa schisma existentibus idque ei aperuit aditum ad synodum schismaticum, in quo omnem vim adhibuit ad extinguendam in imperio russiaco ecclesiam catholicam Ruthenam. Is est sua vafritie, nimis, fame, incarcerationibus, fustigationeque nunquam sat deplorabilem unitorum defectionem ad finem usque perduxit, is in consilabulo Polocensi, in quo haec res solemniter ad faciendum fucum pertractabatur, personam custodis, promotoris et carnificis agebat, tandem in remunerationem suarum iniquitatum idem ipse schismaticus ad dignitatem directoris departamenti, cui causae religionis nostrae subsunt, elevatus est, obtenta eodem tempore secreta instructione ut, data quavis opportunitate, catholicis eandem sortem ac unitis praepararet, vel numerum eorum in diem diminueret, aut saltem omnia negotia ecclesiastica, violatis ss. canonibus, potestati civili subderet Ex hisce facile praevideri potuit. huiusmodi hominem, nil intentatum derelicturum, quod inserviret ad abolendum concordatum, potius adhibiturum omnem nisum ad retinendum eorum, quae iam prius ex manibus ejus in perniciem nostrae s religionis n imperio prodierunt —Такъ описываетъ М Головинскій того, передъ кѣмъ онъ пресмыкался въ это время и приподымался его другомъ Мы выписали эти строки потому, что они показываютъ характеръ латинскаго прелата-поляка и не могутъ повредить В В Скрынницину, имя котораго не забудетъ Россія. Объ обнародованіи конкордата, Головинскій писалъ: nihilosecius tamen huius ratificationis ministerium, quod solam habet potestatem executionis, antequam ventum esset ad exequendum, millenas difficultates in quovis passu ponebat. Catholicorum erat concordati articulos promulgare eo modo, quo omnis lex in perpetuum obligans apud nos promulgari consuevit, idque eo magis quod executio eorum pertineat simul et ad potestatem civilem. Ut igitur ultima decisio ponatur, qua ratione articuli hi in imperio promulgari debeant, convenienter imperatoris voluntati commissio ex quatuor personis, scilicet ex Nesselrode, Bloudow, ministro cultus externi Perowsky et ministro regni Poloniae Turkul, constituta est. Duo primi suffragium tulerunt, ut concordatum una cum caesareo mandato de more transmitteretur ad senatum, qui illud per totum imperium tamquam legem publicaret, sed minister catholicus Turkul tulit contrariam sententiam, ut nempe concordatum particulari tantum modo via episcopis communicetur, cum hoc ultimo suffragio Perowsky suum adiunxit, adeo ut in commissione paritas votorum in utramque partem eveniat, quam imperator, particulari communicationi adhaerens, rem totam absolvit Fautores igitur rei catholicae convolarunt ad alia publicandi media, quibus concordati articuli vim legis obtineri possent. Prospere contigit, ut imperator ante expeditionem suam Hungaricam profectus sit ad urbem Mosqua excitandi ibi enthusiasmi nationalis causa. D. Bloudow, qui illum in itinere comitatus est, arripiens occasionem ex eo, quod ministerium inimicum Petropoli permanserit, opportuno tempore

прелатъ, преслѣдуя польскія цѣли, въ самыхъ мрачныхъ краскахъ описываетъ положеніе латинской церкви въ имперіи и не останавливается ни передъ какими клеветами противъ нашего правительства. «Римъ, какъ говоритъ историческая записка, приложенная къ нотѣ нашего канцлера, отъ 7-го января 1867-го года, постоянно стремился нарушить и перейдти тѣ предѣлы», которые были постановлены конкордатомъ для латинской церкви. «Сущность католической церкви состоитъ въ нетерпимости, писалъ папскій статсъ-секретарь Консальви въ 1804 г. къ кардиналу Капрарѣ; въ отношеніи къ Россіи и Польшѣ папа остался вѣренъ этому началу». При всякомъ затрудненіи, возникавшемъ при исполненіи конкордата, папа не только не оказывалъ пособія нашему правительству,—напротивъ, пользовался каждымъ такимъ случаемъ, чтобы переступать за установленные конкордатомъ предѣлы и предъявлять свои требованія. Онъ постоянно, тайными путями, въ нарушеніе коренныхъ постановленій имперіи, сносился съ поляками-епископами и придавалъ вѣру всѣмъ ихъ заявленіямъ.

Учрежденіе новой херсонской епархіи и составленіе списка всѣмъ латинскимъ приходамъ и монастырямъ въ имперіи, порученное конкордатомъ могилевскому митрополиту, послужили поводомъ къ новымъ столкновеніямъ съ Римомъ.

Хотя римскій дворъ и согласился на перенесеніе епископской каѳедры изъ Херсона въ Тирасполь (нота 26 августа 1852 г.), однако постоянно требовалъ, чтобы назначенный въ эту епархію епископъ былъ немедленно отпущенъ изъ Петербурга въ свое мѣстопребываніе; между тѣмъ, какъ это замедлялось потому, что требовало значительныхъ издержекъ и времени на устройство помѣщенія для него, капитула и семинаріи. Сверхъ того, конечно, русское правительство понимало, какою грозило опасностію учрежденіе этой епархіи господствующей церкви, и не оказывало особенной ревности къ тому, чтобы способствовать латинской пропагандѣ. Не нужды паствы, весьма немногочисленной, вызвали учрежденіе этой епархіи, но цѣли, клонившіяся къ распростра-

---

obtinuit ab imperatore licentiam non solum ultimum concordatum, sed etiam litteras apostolicas ecclesiam catholicam in Russia concernentes typis excudendi eo fine, ut haec documenta tam potestati spirituali, quam civili trasmissa sint, uno eodemque tempore impetravit a Caesare, ut concordatum in universali codice legum Imperii poneretur, haec ultima res nullum hucusque exitum habuit. Тамъ же, № XVIII, стр. 48 и 50. Эта цѣль была однакоже достигнута въ послѣдствіи: при третьемъ изданіи Свода Законовъ Имперіи въ 1857 г., къ XI т. были присоединены уставы иностранныхъ исповѣданій, и въ первомъ изъ нихъ, въ уставѣ о управленіи духовныхъ дѣлъ христіанъ римско-католическаго исповѣданія, нашли мѣсто постановленія конкордата 1847 г.

ненію латинской проповѣди въ этихъ областяхъ, отдаленныхъ отъ средоточія государственнаго управленія. Что эту именно цѣль имѣлъ въ виду римскій дворъ, доказываютъ слѣдующія слова папской буллы, 1848 г. іюля 5: «Мы не можемъ удержаться отъ того, чтобы здѣсь еще и еще не повторить начальнику херсонской церкви, чтобы онъ каждый разъ, когда того потребуютъ нужды его паствы, разсылалъ по всей епархіи священниковъ, которые, исполняя обязанность миссіонеровъ, могли бы доставлять католикамъ всѣ духовныя пособія. Что впрочемъ для него тѣмъ удобоисполнительнѣе, что такихъ священниковъ уже постановлено содержать на счетъ правительства.»

Митрополитъ Головинскій, совершивъ путешествіе по юго-восточной Россіи, для личнаго обозрѣнія края, ревностно принялся за составленіе вѣдомости о приходахъ и монастыряхъ, которую, въ буллѣ, 1848 г. іюля 5-го, поручалось ему представить папѣ въ шестимѣсячный срокъ. Утвердивъ число приходскихъ церквей и монастырей, Римъ такимъ образомъ ограничивалъ право русскаго правительства измѣнять въ послѣдствіи, какъ количество приходскихъ церквей и границы приходовъ, такъ и число монастырей. Въ виду этого обстоятельства, какія же цѣли долженъ былъ преслѣдовать не только польскій, но и вообще латинскій прелатъ? Безъ сомнѣнія, удержать за латинскою церковію какъ можно болѣе приходовъ и монастырей, разсчитывая въ этомъ случаѣ не столько на потребности паствы, сколько преимущественно на пропаганду. Между тѣмъ, послѣ присоединенія уніатовъ къ православію, всѣ приходы и монастыри этой церкви должны бы исключиться изъ этой вѣдомости. Но смѣшеніе въ устройствѣ и управленіи уніатскою и латинскою церквами, умышленно введенное Римомъ съ цѣлію ихъ сліянія, давало поводъ при этомъ случаѣ къ безчисленнымъ притязаніямъ. Во время присоединенія уніатовъ, конечно, нѣкоторыя лица, особенно изъ духовенства и монаховъ, или остались уніатами, или прямо соединились съ латинскою церковію. Это обстоятельство еще болѣе усложняло дѣло опредѣленія числа приходовъ. Сверхъ того у римскихъ католиковъ было много совершенно безприходныхъ церквей, филіальныхъ, и часовенъ, размножаемыхъ съ единственною цѣлію пропаганды. Захватить какъ можно болѣе приходовъ, превратить въ приходы филіальныя церкви и даже часовни, — вотъ чего хотѣло латинское духовенство, поощряемое папскимъ дворомъ. Основываясь на XXXI статьѣ конкордата, въ которой, при починкѣ латинскихъ костеловъ, дозволялось обращаться къ правительству съ просьбами о вспомоществованіи,

оно желало, чтобы правительство при этомъ случаѣ пособило возобновить всевозможные костелы и часовни.

Что касается до монастырей, то въ этомъ отношеніи прежде всего мы должны обратить вниманіе на слѣдующее обстоятельство.

Буллою 1848 г. іюля 5-го (Universalis ecclesiae cura), Пій IX поручалъ митрополиту Головинскому, чтобы онъ—«точнѣйшимъ образомъ опредѣлилъ число, названія и границы приходовъ каждой епархіи. Имѣя въ виду, что существующія нынѣ въ имперіи россійской обители и монастыри, какъ мужскіе, такъ и женскіе (которыхъ обрѣтается болѣе ста), постановлено вполнѣ сохранить и впредь вовсе не уменьшать ихъ числа, безъ предварительнаго и точнаго на сіе уполномочія святѣйшаго престола, — повелѣваемъ и предписываемъ сему же исполнителю, чтобы онъ въ тѣхъ же самыхъ опредѣленіяхъ (decretis) точнѣйшимъ образомъ показалъ число существующихъ тамъ обителей и монастырей и подробно изъяснилъ, въ какихъ именно городахъ и въ какой епархіи они состоятъ, какого они обряда, исповѣданія, названія и правила (cujus ordinis, ritus, nominationis et regulae sint), и сколько въ каждой обители и монастырѣ находится лицъ, посвятившихъ себя монашескимъ обѣтамъ». Обращаясь къ конкордату, мы не находимъ въ немъ никакихъ постановленій о монастыряхъ и ихъ числѣ. Но въ особомъ протоколѣ, приложенномъ къ конкордату, указано, что папское правительство требовало, чтобы число монастырей оставалось неприкосновеннымъ, и русское правительство не закрывало бы и тѣхъ, которые уже были признаны излишними и существовали сверхъ опредѣленнаго числа (surnuméraires). «Уполномоченные императора отвѣчали, что правительство не имѣетъ намѣренія уничтожать этихъ монастырей. Если же, вслѣдствіе недостаточнаго количества монаховъ, установленнаго каноническими правилами, необходимо будетъ закрыть нѣкоторые изъ нихъ, то это послѣдуетъ съ предварительнаго соглашенія со святымъ престоломъ. Они согласились, чтобы въ буллѣ объ утвержденіи епархіи было упомянуто о существующихъ монастыряхъ [1])». Но папская булла послѣдовала прежде, нежели римскому двору сообщена была вѣдомость о числѣ монастырей; притомъ самый протоколъ еще не былъ окончательнымъ актомъ, утвержденнымъ верховною властію обѣихъ державъ, а простою запискою о вопросахъ, предоставлявшихся для будущихъ переговоровъ. Папа поспѣшилъ однако же воспользоваться частнымъ мнѣніемъ уполномоченныхъ и

[1]) Esposiz. document. № IV, ст. 6.

облечь его въ законную силу, которой, конечно, не могло русское правительство безусловно подчиниться.

Какъ же должно было поступать русское правительство въ виду такого рода дѣйствій римскаго двора и латинскаго духовенства? Кажется, не можетъ быть и сомнѣнія въ томъ, что оно не могло принести въ жертву польской и латинской пропагандѣ своихъ подданныхъ, русскихъ и православныхъ, дозволивъ причислить ихъ къ латинскимъ приходамъ. Напротивъ, оно должно было положить предѣлъ такимъ дѣйствіямъ. Поэтому оно остановило М. Головинскимъ составленную для утвержденія папы вѣдомость о приходахъ и монастыряхъ, и закрыло, указомъ 6 іюля 1850 г., 21 монастырь и, вслѣдъ за тѣмъ, еще нѣкоторые другіе изъ числа сверхъштатныхъ, по недостаточному количеству монаховъ и по нахожденію въ мѣстностяхъ, гдѣ не было въ нихъ нужды, за неимѣніемъ тамъ римскихъ католиковъ.

Въ такомъ положеніи находились наши отношенія къ Риму до вступленія на престолъ нынѣ царствующаго императора.

Хотя конкордатъ послужилъ поводомъ ко многимъ затрудненіямъ, однакоже онъ имѣлъ одно важное значеніе. Римъ, хитро скрывая главныя цѣли своей политики, конечно никогда не упускалъ ихъ изъ виду и пользовался каждымъ случаемъ, каждымъ благопріятнымъ обстоятельствомъ, чтобы приближаться къ нимъ болѣе и болѣе. Медленный ходъ въ этомъ дѣлѣ наиболѣе обѣщалъ ему возможность успѣха, не открывая сразу всей бездны, которая лежитъ между нимъ и Россіей. Но при заключеніи конкордата, ясно обнаружились окончательные виды папскаго престола. Подъ видомъ свободы латинской церкви, онъ желалъ достигнуть полной независимости ея духовенства и паствы отъ русскаго правительства, и въ то же время подчинить ихъ полной зависимости отъ Рима, исторгнуть изъ рукъ Россіи милліоны ея подданныхъ и сдѣлать ихъ подданными папы, создать въ нѣдрахъ русскаго государства другое государство, отъ него независимое и враждебное. Политическія цѣли Рима неразрывно соединены и съ религіозными, и религія служитъ могучимъ для нихъ орудіемъ. Независимость латинской церкви означаетъ ея господство надъ всѣми другими. Принадлежащихъ къ другимъ исповѣданіямъ Римъ считаетъ или отступниками, какъ бывшихъ уніатовъ, или еретиками; и тѣхъ и другихъ стремится обратить въ лоно латинской церкви.

Въ противоположность съ этимъ взглядомъ, необходимо долженъ былъ выразиться другой,—взглядъ Россіи. Онъ и выразился въ дальнѣйшихъ переговорахъ съ Римомъ, въ отношеніи къ тѣмъ изъ его требованій, на которыя наше правительство принуждено

было отвѣчать отказомъ. Онъ выразился и въ нотѣ нашего канцлера къ посланнику въ Римѣ, отъ 13 мая 1863 г. «Начало свободы совѣсти, сказано въ ней, принадлежитъ къ числу глубокихъ убѣжденій императора, но въ ея чистотѣ, а не въ томъ значеніи, которое во всѣ времена придавалъ ей римскій дворъ, требуя для католической вѣры безграничной свободы въ ущербъ другимъ исповѣданіямъ. По своей сущности православная церковь не есть воинствующая, она не ведетъ пропаганды; но она имѣетъ полное право на то, чтобы не оставлять ее безъ защиты отъ нападеній церкви, отличающейся этими качествами. Мы не стараемся и не будемъ стараться, исхитить овецъ изъ чужаго стада; но мы вправѣ и даже обязаны имѣть попеченіе о томъ, чтобы принадлежащія къ нашему не были совращаемы въ иную вѣру. Однимъ словомъ, наша церковь никого не угнетаетъ. Странно было бы требовать, чтобы въ странѣ, гдѣ огромное большинство жителей исповѣдуетъ православную вѣру, народная церковь была бы поставлена въ подчиненное и зависимое положеніе».

Конечно, Россія не могла ни государственной своей власти подчинить римскому престолу, ни исповѣдующаго православіе русскаго народа принести въ жертву латинской пропагандѣ, облеченной въ польскую народность, ни свою христіанскую церковь унизить передъ искаженною папизмомъ.

Дальнѣйшія наши отношенія къ Риму, къ расмотрѣнію которыхъ мы обратимся, ясно представятъ, что разрывъ съ Римомъ необходимо долженъ былъ совершиться рано или поздно.

V.

Отношенія къ Риму съ восшествія на престолъ нынѣ царствующаго императора. — Комитетъ 1856 г. для разсмотрѣнія особаго протокола къ конкордату и послѣдующихъ притязаній Рима, и его заключенія.

Римскій дворъ не переставалъ заявлять свои требованія. Въ двухъ нотахъ кардинала Антонелли, 30 янв. и 23 іюля 1856 г., излагались различные вопросы, какъ относившіеся къ исполненію конкордата, такъ и другіе, указанные въ протоколѣ и въ разныя времена возбужденные Римомъ. Воспользовавшись случаемъ коронованія нынѣ царствующаго императора, по прежнимъ примѣрамъ, римскій дворъ отправилъ къ намъ особаго посланника для поздравленія и присутствія при этомъ торжествѣ. Вмѣстѣ съ тѣмъ ему поручено было вновь предъявить прежнія требованія Рима, съ добавленіемъ и новыхъ. Въ письмѣ къ императору, 4 авг. 1856 года, привезеннаго монсиньоромъ Киджи, папа просилъ «его величество довершить дѣло, начатое его родителемъ». «Посланнику было поручено, какъ сказано въ запискѣ нашего канцлера 7 янв., заявить императорскому правительству различныя притязанія римскаго двора, касавшіяся примѣненія и толкованія нѣкоторыхъ условій конкордата 1847 года. Монс. Киджи могъ самъ удостовѣриться, что императоръ, по вступленіи на престолъ, поручилъ уже особому комитету, составленному изъ высшихъ государственныхъ сановниковъ, разсмотрѣть эти притязанія и дать имъ удовлетвореніе въ предѣлахъ законовъ». Дѣйствительно, комитетъ, составленный подъ предсѣдательствомъ канцлера гр. Нессельроде (изъ гр. Киселева, гр. Блудова, мин. внутр. дѣлъ Ланскаго, ст. секр. царства польскаго Туркула и тайн. сов. Бутенева, Киселева и Губе), подробно разсмотрѣлъ какъ постановленія конкордата, по которымъ были

возбуждены вопросы римскимъ дворомъ, такъ и другія притязанія папы, вошедшія въ особый протоколъ, приложенный къ конкордату или заявленныя въ послѣдствіи. Римскій дворъ обнародовалъ заключеніе этого комитета въ сборникѣ документовъ, 1866 года.

Что касается до вопросовъ, возникшихъ по случаю исполненія условій конкордата, то комитетъ нашелъ возможнымъ разрѣшить ихъ согласно съ желаніями Рима.

Учрежденіе седьмой латинской епархіи въ предѣлахъ имперіи, замедлявшееся, вслѣдствіе причинъ, о которыхъ мы говорили, составляло предметъ особенныхъ заботъ папскаго двора. Хотя въ общихъ видахъ Россіи ея учрежденіе представлялось болѣе вреднымъ, а по числу лицъ, исповѣдывавшихъ латинское ученіе въ этихъ мѣстностяхъ имперіи, излишнимъ, однако же комитетъ, не допуская возможности нарушить условія конкордата, не возбуждалъ даже вопроса объ ея существованіи. Но въ виду затрудненій устроить епископскую каѳедру въ Тирасполѣ, гдѣ слѣдовало бы построить соборную церковь, помѣщенія для епископа, капитула и семинаріи, комитетъ полагалъ, что это учрежденіе по необходимости замедлится на продолжительное время. Поэтому онъ — «не встрѣчалъ препятствія на первое время назначить мѣстопребываніе тираспольскаго епископа въ Саратовѣ», — городѣ болѣе обширномъ, и въ области котораго находилось большее число римскихъ католиковъ, и затѣмъ предоставить епископу позаботиться о составленіи капитула и консисторіи.

Въ связи съ устройствомъ этой епархіи находилось и исполненіе условій конкордата (ст. 8, 9 и 10) объ армянахъ-католикахъ. Совращеніе армянъ, принадлежащихъ къ такъ называемому григоріанскому исповѣданію, составляло одну изъ давнишнихъ заботъ римской пропаганды. Мы не войдемъ въ подробное изложеніе ея дѣйствій въ этомъ случаѣ, хотя и весьма любопытныхъ; но укажемъ только, что миссія на Кавказѣ, высланная изъ Тифлиса въ 1844 году была устроена съ этою также цѣлію, а условіями конкордата римскій дворъ желалъ обязать наше правительство оказывать ему пособіе въ этомъ случаѣ. Въ конкордатѣ было поставлено, что — «впредь до назначенія католическаго епископа армянскаго исповѣданія, духовныя требы армянъ-католиковъ, пребывающихъ преимущественно въ херсонской и каменецкой епархіяхъ, будутъ исполняемы по правиламъ Латеранскаго собора 1215 г. Епископы этихъ епархій опредѣлятъ число армяно-католическихъ клириковъ, которые должны содержаться на счетъ правительства въ подвѣдомственныхъ имъ

семинаріяхъ. При каждой изъ этихъ семинарій будетъ находиться армяно-католическій священникъ для обученія армянскихъ воспитанниковъ церковнымъ обрядамъ ихъ исповѣданія. Каждый разъ, когда того потребуютъ духовныя нужды пребывающихъ въ новой херсонской епархіи лицъ римско-католическаго и армяно-католическаго исповѣданій, епископъ, сверхъ способовъ употребляемыхъ нынѣ для удовлетворенія сихъ нуждъ, будетъ посылать въ объѣздъ для сей цѣли священниковъ, а правительство императора ассигнуетъ нужныя на путевыя издержки и содержаніе ихъ суммы (ст. 8, 9 и 10)».

По объясненію министра внутреннихъ дѣлъ, эти постановленія конкордата дѣйствительно не исполнялись на дѣлѣ, но онъ заявилъ, что не встрѣчаетъ препятствій къ ихъ исполненію, если епископы сдѣлаютъ представленіе. Съ этою цѣлію онъ извѣститъ тираспольскаго епископа, чтобы онъ, по соглашенію съ каменецкимъ, представилъ, какое число учениковъ изъ армянъ можетъ быть помѣщено въ каменецкую семинарію. Комитетъ къ этому прибавилъ, что въ эту семинарію могутъ быть принимаемы только армяне, имѣющіе жительство въ предѣлахъ этой епархіи, а кавказскіе уроженцы должны быть помѣщаемы въ саратовскую семинарію.

Точно также по предложенію министра внутреннихъ дѣлъ, чтобы исполнить желаніе римскаго двора, ему поручено представить вновь пять кандидатовъ для занятія мѣстъ епископовъ и суффрагановъ и дозволено епископамъ представлять папѣ срочныя вѣдомости объ управленіи своими епархіями,—но, въ виду коренного закона, запрещающаго непосредственныя сношенія съ папою, неиначе какъ чрезъ русское посольство, находящееся въ Римѣ. Что касалось до составленія устава с.-петербургской латинской академіи, то правительство отклонило отъ себя это требованіе Рима, потому что по конкордату составленіе этого устава поручено было могилевскому архіепископу (ст. 29). Въ отношеніи къ требованію, чтобы какъ въ академіи, такъ и въ семинаріяхъ, преподаватели русскаго языка и русской исторіи были непремѣнно латинскаго исповѣданія, комитетъ, не отрицая этого начала, полагалъ однако же необходимымъ заявить римскому двору, что въ настоящее время невозможно его исполнить, потому что нельзя пріискать знающихъ и добросовѣстныхъ преподавателей изъ лицъ этого исповѣданія. «Но правительство приметъ мѣры для того, чтобы приготовить преподавателей по этимъ двумъ предметамъ изъ лицъ латинскаго исповѣданія, которымъ и будетъ поручено ихъ преподаваніе».

Въ отношеніе къ подсудности брачныхъ дѣлъ, комитетъ по-

становилъ исполнять правила конкордата и послѣдовавшія къ нимъ дополненія въ 1849 г. Что же касается до жалобъ римскаго двора на то, что починку церквей, на основаніи 31 ст. конкордата, правительство не позволяло производить, не испросивъ дозволенія министерства внутреннихъ дѣлъ, то комитетъ нашелъ ихъ уже несвоевременными, потому что по просьбѣ М. Головинскаго, 11 окт. 1852 г., еще покойный императоръ устранилъ это затрудненіе.

Самымъ важнымъ вопросомъ представлялся комитету, не безъ основанія конечно, вопросъ о томъ, какъ объяснить, что вѣдомость о латинскихъ приходахъ и монастыряхъ не была до этого времени доставлена въ Римъ. Причина замедленія заключалась въ томъ, какъ мы уже говорили, что она не соотвѣтствовала дѣйствительному количеству приходовъ и монастырей, потому что послѣ ея составленія было закрыто 35 монастырей и учреждено два новыхъ прихода. Комитетъ полагалъ, что — «представляется два способа для устраненія этого затрудненія: или объявить папѣ, что эта вѣдомость невѣрна, и потому надо назначить новаго исполнителя, который бы повѣрилъ ее или составилъ новую; или сообщить римскому двору составленную Головинскимъ вѣдомость, присовокупивъ къ ней, что послѣ ея составленія закрыты нѣкоторые монастыри по малочисленности монаховъ; но тѣ изъ нихъ, къ которымъ были приписаны приходы, остались какъ приходскія церкви. Правительство обезпечило имъ доходы и расположено даже оставить съ этою цѣлію и другія монастырскія церкви, не имѣвшія прежде приходовъ, если только по мѣстнымъ обстоятельствамъ окажется нужнымъ прибавить число приходскихъ церквей». Второй способъ комитетъ призналъ болѣе удобнымъ для того, чтобы предотвратить на будущее время всѣ дальнѣйшія по этому вопросу объясненія.

Такимъ образомъ, комитетъ нашелъ возможнымъ удовлетворить требованіямъ Рима по всѣмъ этого рода вопросамъ, признавая, что договоръ, утвержденный уже какъ законъ, долженъ быть, по возможности, исполненъ во всей точности.

Но что касалось до другихъ притязаній, выраженныхъ римскими уполномоченными въ протоколѣ къ конкордату или впослѣдствіи заявленныхъ; то комитетъ раздѣлилъ ихъ на три разряда. По однимъ онъ полагалъ возможнымъ, не нарушая коренныхъ законовъ имперіи, сдѣлать уступки римскому двору, по другимъ отложить рѣшеніе до будущихъ переговоровъ, предоставляя починъ въ этомъ случаѣ самому Риму, и наконецъ, по третьимъ, выразилъ положительно мнѣніе, что никакихъ уступокъ со стороны Россіи допущено быть не можетъ.

Къ первому разряду относились слѣдующіе вопросы:

Кардиналъ Антонелли въ одной изъ послѣднихъ нотъ выразилъ требованіе папскаго престола, чтобы представлены были кандидаты для занятія епископскихъ должностей въ царствѣ польскомъ. По конвенціи, заключенной съ Піемъ VII, въ царствѣ должно быть 7 епископовъ; въ это время находился только одинъ въ Люблинѣ, но уже нѣсколько лѣтъ тому назадъ былъ представленъ кандидатъ для августовской епархіи, а въ 1855 г. еще пять кандидатовъ, одинъ въ архіепископы въ Варшаву, и четыре въ епископы другихъ епархій. Предполагая, что папа не утвердитъ кандидата представленнаго на августовскую каоедру, комитетъ находилъ, что слѣдовало бы еще представить двухъ кандидатовъ. Но невозможно было представлять кандидата для краковской епархіи, потому что часть этой епархіи въ 1847 г. присоединена къ Австріи, пока она въ церковномъ отношеніи не будетъ отдѣлена отъ другой части этой епархіи, входящей въ составъ царства польскаго, съ епископскою каоедрою въ Кельцахъ. Поэтому комитетъ предполагалъ представить новаго кандидата на августовское епископство, а о суффрагапахъ для всѣхъ семи епископовъ предоставить намѣстнику царства польскаго сдѣлать представленіе. Точно также, исполняя желаніе Рима, комитетъ предположилъ представить кандидата и на холмское уніатское епископство.

Чтобы не прерывать обозрѣнія соображеній комитета по всѣмъ вопросамъ, составлявшимъ предметъ его разсмотрѣнія, мы обойдемъ тѣ изъ нихъ, которые относились до римско-католическихъ монастырей въ имперіи съ тѣмъ, чтобы вслѣдъ за симъ разсмотрѣть ихъ въ подробности. Замѣтимъ только, что и въ этомъ отношеніи комитетъ предполагалъ сдѣлать уступку Риму и постановить, что число монастырей, 50, опредѣленное постановленіемъ 17 декабря 1841 г., по соображеніи съ количествомъ жителей латинскаго исповѣданія, на будущее время останется неизмѣннымъ.

Вопросы, по которымъ комитетъ предполагалъ также возможнымъ уступить требованіямъ Рима, хотя съ нѣкоторыми ограниченіями, но отлагалъ ихъ рѣшеніе до того времени, пока самъ римскій дворъ не начнетъ переговоровъ, были слѣдующіе: о секретаряхъ консисторій, провинціалахъ монашескихъ орденовъ и участіи латинскаго духовенства при совершеніи смѣшанныхъ браковъ.

Въ 1846 г., было постановлено, что секретари консисторій назначаются по распоряженію министра внутреннихъ дѣлъ, который и опредѣляетъ ихъ обязанности особою инструкціею. Въ

1846 г., кардиналъ Ламбрускини предъявилъ, что римскій дворъ считаетъ это учрежденіе нарушающимъ права епископовъ въ отношеніи къ разсмотрѣнію и рѣшенію дѣлъ, которыя по правиламъ церкви исключительно подлежатъ ихъ власти; что секретари имѣютъ слишкомъ большое вліяніе на дѣла, что они должны быть назначаемы изъ духовныхъ, или по крайней мѣрѣ изъ лицъ, исповѣдующихъ римско-католическое ученіе и съ согласія епископовъ. Въ конкордатѣ обойденъ этотъ вопросъ, но былъ заявленъ въ особомъ къ нему протоколѣ.

Конкордатъ предоставилъ такія широкія права епископамъ въ отношеніи къ суду и управленію, что казалось бы римскій дворъ долженъ былъ торжествовать окончательную побѣду. Ничтожный призракъ правительственнаго надзора за ихъ дѣйствіями, въ лицѣ секретарей консисторій, казалось бы не долженъ былъ и обращать его вниманія. Но римскій дворъ, чѣмъ болѣе ему дѣлаютъ уступокъ, тѣмъ выше поднимаетъ свои требованія; поэтому онъ хотѣлъ устранить даже всякій внѣшній признакъ надзора свѣтской власти за дѣйствіями епископовъ. Наши уполномоченные отвѣчали на эти требованія кардинала, что если правительство и согласится опредѣлять секретарей съ согласія епископовъ, то въ такомъ случаѣ оно должно будетъ въ каждую консисторію опредѣлять особыхъ прокуроровъ. Конечно, римскіе уполномоченные не согласились съ этимъ предложеніемъ. «Комитетъ, тщательно разсмотрѣвъ этотъ вопросъ, нашелъ, что устройство консисторій и ихъ отношенія къ епископамъ, уже опредѣлены конкордатомъ, согласно съ постановленіями латинской церкви, что наше правительство въ силу принадлежащаго ему права, которое постоянно удерживаютъ за собою и европейскія государства, наблюдать за дѣйствіями римско-католической церкви (jus inspectionis), безъ сомнѣнія можетъ назначать въ консисторіи, когда сочтетъ нужнымъ, своихъ чиновниковъ для наблюденія, чтобы консисторіи не постановили чего-либо противнаго законамъ имперіи. Потому, еслибъ даже римскій дворъ протестовалъ противъ этого, комитетъ полагаетъ, что правительство не должно отказываться отъ этого права. Въ Пруссіи въ каждой консисторіи присутствуетъ свѣтскій чиновникъ, назначенный правительствомъ. Принимая это за основаніе, комитетъ однако же обратилъ вниманіе на способы устранить этотъ надзоръ за консисторіями. Учрежденіе особыхъ прокуроровъ потребовало бы новыхъ издержекъ, притомъ прокурорскій надзоръ состоитъ въ вѣдомствѣ министерства юстиціи, а консисторіи — министерства внутреннихъ дѣлъ; поэтому комитетъ полагаетъ, что слѣдуетъ удержать существующій порядокъ, но чтобы удо-

влетворить желаніямъ Рима, можно назначать въ должности секретарей непремѣнно лицъ римско-католическаго исповѣданія».

Въ протоколѣ къ конкордату помѣщено также заявленіе римскихъ уполномоченныхъ, что — «для устраненія сомнѣній, происходящихъ въ римскомъ духовенствѣ отъ несогласія законовъ имперіи съ каноническими правилами, въ отношеніи къ порядку совершенія смѣшанныхъ браковъ, слѣдовало бы примѣнить къ имперіи тѣ же правила, которыми римскій дворъ руководствуется въ этихъ случаяхъ въ отношеніи къ Венгріи, и на основаніи которыхъ онъ признаетъ такіе браки законными, не нарушая коренныхъ постановленій церкви».

Буллою Пія VIII, 25 марта 1830 г., въ отношеніи къ Пруссіи, наставленіемъ кардинала Альбани, 12 сент. 1804 г., баварскимъ епископамъ, и кардинала Ламбрускини, 30 авг. 1841 г., венгерскимъ, въ тѣхъ случаяхъ, когда одна изъ вступающихъ въ бракъ сторонъ латинскаго исповѣданія съ другою иновѣрною не согласится дать обязательства крестить и воспитывать дѣтей по римско-католическому исповѣданію, дозволяется латинскому священнику дѣлать внушенія и указывать на постановленія церкви, но если и это не окажетъ дѣйствія, то не препятствовать браку. Но въ этомъ случаѣ дѣло священника заключается только въ томъ, чтобы при двухъ свидѣтеляхъ записать въ книгу желаніе обѣихъ сторонъ о вступленіи въ бракъ. Это замѣняетъ вѣнчаніе и римскими казуистами называется assistentia passiva, изобрѣтенная въ этихъ случаяхъ въ замѣнъ совершенія христіанскаго таинства [1]).

«Комитетъ находя, что подобное распоряженіе римскаго двора не представляетъ ничего противнаго видамъ нашего правительства и можетъ даже имѣть послѣдствіемъ умноженіе смѣшанныхъ браковъ, полагалъ возможнымъ согласиться съ примѣненіемъ этихъ правилъ къ имперіи и царству польскому».

Наконецъ, въ отношеніи къ возобновленію уничтоженнаго въ Россіи званія провинціаловъ монашескихъ орденовъ, чего также требовалъ Римъ, комитетъ полагалъ возможнымъ допустить вновь должность провинціаловъ для надзора за монастырями, но неиначе какъ съ утвержденія мѣстныхъ латинскихъ властей въ имперіи и царствѣ и съ подчиненіемъ ихъ епископамъ.

Объ этихъ рѣшеніяхъ комитетъ не считалъ нужнымъ прямо сообщать римскому двору, но полагалъ извѣстить о нихъ нашего посланника въ Римѣ, который, соображаясь съ ними, могъ бы

---

[1]) Zhishman, Das Eherecht d. orient Kirche. стр. 548 и слѣд.

отвѣчать, еслибъ само папское правительство возобновило свои требованія по этимъ вопросамъ.

Сдѣлавъ такимъ образомъ всѣ возможныя уступки Риму и открывъ возможность будущихъ переговоровъ по нѣкоторымъ вопросамъ, комитетъ окончательно прервалъ ихъ въ отношеніи къ слѣдующимъ вопросамъ, признавъ ихъ неразрѣшимыми:

1) О непосредственномъ сношеніи папъ съ епископами и мірянами и обнародованіи ихъ буллъ, безъ предварительнаго разрѣшенія правительства.

2) Объ избавленіи отъ подсудности православнымъ духовнымъ судамъ брачныхъ дѣлъ по смѣшаннымъ бракамъ, когда одна сторона принадлежитъ къ латинскому вѣроисповѣданію и объ отмѣнѣ закона, по которому такіе браки признаются законными только тогда, когда исполнено вѣнчаніе православнымъ священникомъ.

3) О возвращеніи имуществъ, принадлежавшихъ прежде латинскимъ церквамъ и монастырямъ.

4) Объ учрежденіи для областей имперіи уніатскаго епископа, и о дозволеніи присоединившимся къ православной церкви уніатамъ—вновь переходить въ унію или въ латинство.

5) Объ отмѣнѣ постановленій противъ совращенія въ латинское исповѣданіе православныхъ; — и наконецъ,

6) Объ измѣненіи присяги на вѣрноподданство.

«Докладъ комитета—сказано въ исторической запискѣ, приложенной къ нотѣ 7-го января нашего канцлера — былъ сообщенъ римскому двору, который его обнародовалъ. Изъ этого доклада видно, что всѣ притязанія, объявленныя римскимъ дворомъ, разсмотрѣны были со всевозможнымъ вниманіемъ и добросовѣстностію, и что тѣмъ притязаніямъ, которыя оказались основательными и не противорѣчащими ни кореннымъ законамъ имперіи, ни уставамъ господствующей церкви, дано было полное и немедленное удовлетвореніе. Не довольствуясь важными уступками, сдѣланными императорскимъ правительствомъ и отвѣчая на нихъ заявленіемъ новыхъ требованій, римскій дворъ, относительно говоря, до 1859 г., держался въ предѣлахъ умѣренности. Въ письмѣ къ императору, 31 янв. 1859 г., папа отдаетъ должную справедливость «возвышеннымъ качествамъ ума и сердца его величества и искренно благодаритъ, что онъ доставилъ ему возможность замѣстить нѣкоторыя каѳедры епископовъ и суффрагановъ, бывшія вакантными». Но — «къ сожалѣнію, римскій дворъ начиналъ уже въ то время выказывать менѣе чистосердечія и взаимнаго благорасположенія къ императорскому правительству, и наконецъ совершенно измѣнилъ характеръ своихъ

отношеній во время печальныхъ событій, совершившихся въ Польшѣ съ 1858 по 1864 годъ».

Разрывъ съ римскимъ дворомъ собственно и начался съ тѣхъ поръ, какъ папа получилъ рѣшительный отказъ на нѣкоторыя изъ своихъ притязаній, которыя мы указали. До этого времени онъ питалъ надежды осуществить свои виды на полновластіе, которому такъ тѣсно приходилось въ западной Европѣ, въ отношеніи къ Россіи, и неожиданно эти надежды окончательно разрушились. Заключенія комитета, состоявшаго изъ лицъ, поставленныхъ во главѣ управленія, заставили его понять, что далѣе идти невозможно, что полновластіе папъ встрѣтилось съ *коренными законами имперіи* и *уставами православной церкви*, которыхъ русское правительство не позволяло себѣ нарушать. Могъ ли папа согласиться на ограниченіе своей власти?

Григорій XVI говорилъ покойному императору и писалъ въ поданной ему запискѣ, что всякій законъ, постановленный императорскою властію, можетъ быть и отмѣненъ ею въ виду требованій главы латинской церкви, основанныхъ, по его мнѣнію, на божественномъ правѣ. Его преемникъ повторяетъ ту же мысль въ разсматриваемой нами объяснительной запискѣ. Особенности государства, его самостоятельность и независимость, охраняемыя коренными его законами, въ глазахъ Рима, не имѣютъ никакого значенія. Что же касается до уставовъ нашей церкви, то Григорій XVI, благоразумно не упомянулъ о нихъ; но его преемникъ прямо называетъ нашу церковь еретическою и, конечно, не считаетъ для себя обязательными ея уставы, хотя это уставы той же вселенской церкви, къ которой принадлежала и римская.

Всякій отказъ Риму въ его притязаніяхъ на полновластіе, есть уже разрывъ съ нимъ, casus belli. Такъ и понялъ это римскій престолъ, и съ тѣхъ поръ, какъ опытный боецъ, повелъ войну противъ Россіи. При дальнѣйшемъ изложеніи нашихъ отношеній къ Риму, мы постараемся опредѣлить особенныя свойства этой войны и средства, которыми пользовалось папское правительство.

VI.

Латинскіе монашескіе ордена въ Россіи, со временъ императрицы Екатерины II и до настоящаго времени.

Монашескіе латинскіе ордена не имѣютъ ничего общаго съ древнимъ установленіемъ христіанской церкви, извѣстнымъ подъ этимъ названіемъ. Это —войско папъ;—такъ называютъ ихъ издавна и весьма справедливо. Значеніе монашества, заключающееся въ удаленіи отъ міра съ цѣлію спасенія души, не можетъ объяснить многочисленности орденовъ, образовавшихся въ латинской церкви послѣ ея отдѣленія отъ церкви вселенской, и еще менѣе оправдать ихъ устраненіе отъ зависимости отъ епископовъ и подчиненіе особымъ генераламъ. Такое явленіе становится понятно, если только смотрѣть на эти ордена, какъ на отдѣльные корпуса папскаго войска. Въ этомъ смыслѣ понятно также, съ одной стороны, желаніе папъ увеличивать количество монаховъ и число монастырей, а съ другой — попытки европейскихъ правительствъ положить предѣлъ этому увеличенію, истощавшему средства государствъ.

Мы не войдемъ въ изложеніе длиннаго ряда происшествій, сопровождавшихъ во всѣхъ государствахъ Европы постоянное сокращеніе, а иногда и совершенное уничтоженіе монастырей, какъ всѣмъ извѣстныхъ, и повторимъ только, что всѣ правительства постоянно удерживали за собою право полагать предѣлъ излишнему умноженію числа монастырей.

Наше правительство точно также постоянно удерживало за собою это право; но пользовалось имъ въ различной степени, смотря по обстоятельствамъ.

Въ царствованіе императрицы Екатерины II, наше правительство, въ отношеніи къ латинскимъ и уніатскимъ монасты-

рямъ, руководилось слѣдующими основными правилами. Въ 1772 году мая 28, губернаторамъ, назначеннымъ въ присоединенныя отъ Польши губерніи, императрица поручала — «о монастыряхъ сдѣлать разсмотрѣніе. Тѣ монахи, кои намъ не пожелаютъ присягать, но за границу уйдутъ, оставляя монастыри пусты, тѣхъ монастырей деревни взять въ казенное управленіе. Тоже учинить съ деревнями тѣхъ монастырей, кои за-границею. Іезуитскимъ монастырямъ, школамъ и училищамъ сдѣлать особую перепись. За сими наипаче недреманно смотрѣть, яко за коварнѣйшими изъ всѣхъ прочихъ латинскихъ орденовъ; ибо у нихъ безъ согласія начальниковъ подчиненные ничего предпринять не могутъ». Учредивъ епископовъ для римскихъ католиковъ и уніатовъ и при нихъ консисторіи, она подчинила ихъ вѣдѣнію и монастыри, а самихъ, на основаніи регламента, 1769 года февраля 12, подчинила юстицъ-коллегіи и сенату. При назначеніи Сестренцевича бѣлорусскимъ епископомъ, монашествующимъ, въ 1780 году января 9, предписано было подчиниться его власти, и всѣхъ тѣхъ, которые безъ его призыва явились бы изъ за-границы въ какія бы то ни было должности, немедленно высылать изъ предѣловъ имперіи. Когда въ этомъ же году уніатскій польскій митрополитъ желалъ управлять уніатскою церковью и въ предѣлахъ имперіи, императрица строго запретила ему вмѣшиваться въ дѣла, говоря: «опредѣленіе новыхъ архіереевъ и дальнѣйшее устроеніе епархіи есть единственное дѣло самодержавной власти», и запретила принимать монаховъ, приходившихъ изъ за-границы. Возведя, въ 1782 году января 17, Сестренцевича въ санъ архіепископа, императрица всѣ монашескіе ордена поставила въ зависимость единственно отъ него, поручила ему опредѣлять въ настоятели монастырей такихъ лицъ, — «кои въ подданствѣ нашемъ родились или утверждены, а временно присылаемыхъ изъ за-границы отрѣшать и впредь не терпѣть, запретя пріемъ оныхъ подъ опасеніемъ мірскаго суда за неисполненіе указовъ верховной власти». Въ тоже время она поручила ему прислать обстоятельное извѣстіе о всѣхъ монастыряхъ съ означеніемъ, которые изъ нихъ прямо въ богоугодныхъ и обществу полезныхъ дѣлахъ обращаются, разумѣя просвѣщеніе юношества, служеніе немощнымъ и призрѣніе помощи требующихъ, каковыя учрежденія долженъ онъ всемѣрно охранять, или же которые въ праздности и уединенной жизни безъ всякаго ближнему пособія живутъ, въ тягость міру; — дабы мы во славу Божію и на пользу обществу могли обо всемъ томъ учредить лучшимъ по возможности образомъ». То же самое было предписано, въ 1795 году сентября 6, въ от-

ношеніи къ монастырямъ великаго княжества литовскаго. При постановленіи, 1785 года января 7, полоцкаго уніатскаго епископа, ему строго предписывалось наблюдать, чтобы монастыри и монахи не имѣли сношеній съ заграничнымъ духовнымъ начальствомъ. При учрежденіи, въ 1795 году сентября 6, пинской и летичевской епархій сказано: «Возобновляемъ повелѣнія наши, воспрещающія монастырямъ и всему духовенству признавать себя зависимыми отъ какой либо духовной власти, пребывающей внѣ предѣловъ имперіи нашей, имѣть предосудительныя общему спокойствію сношенія или высылать имъ доходы или часть оныхъ, избирать провинціаловъ или генеральныхъ суперіоровъ и повиноваться ихъ повелѣніямъ». Непокорныхъ же настоятелей монастырей высылать немедленно за-границу [1]).

Изъ этого обзора постановленій императрицы Екатерины II о латинскихъ монастыряхъ, составлявшихъ въ послѣдствіи коренныя начала нашего законодательства въ этомъ отношеніи, оказывается, что наше правительство желало подчинить ихъ епископамъ, что и слѣдовало на основаніи правилъ вселенской церкви и, какъ духовнымъ властямъ, постановляемымъ верховною властію имперіи. Поэтому оно хотѣло перервать ихъ зависимость и сношенія съ генералами орденовъ, находившимися внѣ предѣловъ Россіи, въ Римѣ. Съ этою цѣлію оно имѣло въ виду уничтожить и провинціаловъ, какъ посредствующую власть между настоятелями монастырей и ихъ генералами, которые держали ихъ въ покорности и зависимости отъ этихъ послѣднихъ. Но подчиняя монастыри власти епископовъ въ духовномъ отношеніи, правительство въ то же время не отказывалось отъ надзора за ними, чрезъ уполномоченныхъ имъ начальниковъ тѣхъ губерній, гдѣ находились эти монастыри. Оно оставляло за собою право, не стѣсняя дѣятельности тѣхъ монастырей, которые могли быть полезны обществу, уничтожать не только безполезные, но даже положительно вредные въ нравственномъ и политическомъ отношеніи.

Зависимость монашескихъ орденовъ отъ властей, не имѣвшихъ никакихъ связей съ государствомъ и народомъ и преслѣдовавшихъ только свои цѣли и выгоды каждаго монашескаго ордена и папской власти, которой они всѣ подчинялись безъ сомнѣнія были столько же вредны для имперіи, сколько полезны для политическихъ притязаній Рима. Въ европейскихъ государствахъ мѣстныя іерархіи латинской церкви болѣе соединялись

[1]) Полн. Собр. Закон. №№ 13.807, 13 808, 13 922, 13.251, 13.252, 14.966, 15.028, 15.326, 16.122, 17.379, 17.168

съ паствою, съ народами, находившимися подъ ихъ духовнымъ руководствомъ, понимали его потребности, сочувствовали его нуждамъ и даже могли гордиться его народною славою и государственнымъ значеніемъ. Таково нѣкогда было галликанское духовенство. Между тѣмъ это вовсе не было въ видахъ Рима, потому что могло ослабить безусловную покорность этой іерархіи главѣ латинской церкви и — даже образовать мѣстныя церкви, или усилить ихъ значеніе. Исторія латинской церкви во Франціи можетъ служить примѣромъ. Поэтому папы, съ одной стороны, охотно вводили во всѣ страны епископовъ-инородцевъ, не имѣвшихъ ничего общаго ни съ народомъ, ни съ государствомъ; съ другой, образовали могучее орудіе, посредствомъ котораго могли слѣдить за всѣми дѣйствіями мѣстной іерархіи и держать ее постоянно въ страхѣ, а потому и въ полной зависимости. Такимъ орудіемъ и были монашескіе ордена. Различіе въ направленіи и дѣйствіяхъ этихъ орденовъ были особенно выгодны, давая возможность римскому двору пользоваться услугами того или другого изъ нихъ, согласно съ особыми цѣлями папъ и мѣстными обстоятельствами различныхъ странъ и народовъ. Если гдѣ нибудь возбуждали противъ себя негодованіе доминиканцы, римскій дворъ замѣнялъ ихъ капуцинами, іезуитами или другимъ орденомъ; вся вина въ этихъ случаяхъ падала на орденъ, не умѣвшій прикрыть своихъ дѣйствій и припаровиться къ обстоятельствамъ; римскій дворъ оставался чистъ и правъ, а—между тѣмъ неуклонно преслѣдовалъ одни и тѣже цѣли. Монашескіе ордена, находясь въ зависимости отъ своихъ провинціаловъ и генераловъ, не подчиняясь власти епископовъ, постоянно слѣдили за ихъ дѣйствіями и доносили въ Римъ. Хотя значеніе народности въ отношеніи къ латинской іерархіи въ предѣлахъ имперіи и не могло озабочивать Римъ, потому что всѣ лица, изъ которыхъ она состояла, принадлежали къ народности польской, враждебной паствѣ, принадлежавшей по преимуществу къ русскому племени,—но возможность нѣкоторой независимости латинской іерархіи въ Россіи отъ Рима и образованія даже мѣстной церкви, какъ это было во Франціи, конечно, смущала папскій дворъ. Образъ мыслей въ этомъ отношеніи митрополита Сестренцевича и согласіе съ нимъ императрицы, безъ сомнѣнія, были извѣстны Риму и конечно не возбуждали его сочувствія [1]). Всякая попытка

---

[1]) Римскій дворъ весьма не благоволилъ къ митрополиту Сестренцевичу, іезуиты его ненавидѣли и при императорѣ Павлѣ имъ удалось устранить его отъ управленія Въ іюльской нотѣ 1832 г., кардиналъ Ламбрускини писалъ нашему правительству: «Sono noti in questa parte gli atti arbitrari dell'arcivescovo di Mohilew, defunto M-r Stanislao

синодальнаго управленія, выразившаяся въ учрежденіи духовной коллегіи, была непріятна для нихъ. Поэтому они постоянно покровительствовали монашескимъ орденамъ, прикрывая и оправдывая всѣ ихъ злоупотребленія, и не желали отдавать ихъ въ зависимость епархіальнымъ епископамъ.

Вопросъ о числѣ монастырей точно также представлялъ особенную важность въ видахъ римскаго двора, на который онъ смотрѣлъ совершенно съ иной точки зрѣнія, нежели наше правительство. Польза, приносимая монастырями для общества, сообразность ихъ числа съ количествомъ народонаселенія, принадлежащаго къ латинской церкви, и ихъ устройство согласно съ каноническими правилами, — вотъ цѣли, которыя имѣло въ виду наше правительство при соображеніи вопроса о монастыряхъ. Совершенно иныя цѣли преслѣдовалъ Римъ въ этомъ случаѣ. Монастыри въ тѣхъ особенно странахъ, гдѣ латинское исповѣданіе не господствуетъ, въ видахъ папской политики представляются не столько монастырями, сколько *миссіями* для совращенія иновѣрцевъ въ римскій католицизмъ. Для достиженія этой главной цѣли, Римъ съ одной стороны не обращаетъ особеннаго вниманія на нарушенія не только монашеской дисциплины, но даже и каноническихъ постановленій о монастыряхъ, съ другой — никогда не соглашается на сокращеніе числа монастырей, и, наоборотъ, стремится умножать ихъ болѣе и болѣе. Въ видахъ пропаганды выгодно умноженіе числа монастырей и учрежденіе

Siestrenczewicz con aver acconsentito ed ammesso nel lungo governo di quella chiesa moltissime novità pernicosissime alla dottrina ed alla disciplina della chiesa catholica, coll'essersi fatto specialmente protettore delle societa bibliche». На это обвиненіе наше правительство отвѣчало, въ нотѣ 6 сентября 1832 г. «On y cite entr'autres feu Métropolitain Siestrenczewitch, comme ayant introduit des innovations contraires aux doctrines de l'eglise Romaine. A ces inculpations un peu vagues nous ne pouvons repondre, que par l'observation générale que durant le demi-siecle que M-r Sestrenczewitch s'est trouvé à la tête de l'église catholique Romaine en Russie, il a constamment suivi le précepte de l'évangile qui lui ordonnait de rendre à Dieu ce qui est à Dieu, et à Cesar ce qui est à Cesar, et qu'il a laissé à ses successeurs deux grands exemples à suivre un amour pur pour la réligion qu'il professait et un entier dévouement à son souverain légitime. (Галль-Морель: №№ VI и XIV, стр. 15 и 39) Римъ особенно не любитъ М. Сестренцевича за то, что онъ не противился учрежденію римско-католической коллегіи; напомнивъ древнее синодальное устройство церкви, это учрежденіе казалось папистамъ *чудовищнымъ* (Теперь Die neu. Zustande der Kathol. Kirche in Russl. u. Polen. Augsburg, 1841. стр. 478) Ср. Mémoires du Card. Consalvi, т. II, изд. Cretineau-Joli 1864 г. стр 316 Les ennemis de Rome, à la tête desquels se distinguait le célèbre archeveque de Mogilef, autrefois lutherien (?), puis converti au catholicisme et enfin promu à cet archevêché n'aimait pas à voir un nonce à S.-Petersbourg. — говоритъ папскій статсъ-секретарь по случаю неудачи назначить монсиньора Ареццо постояннымъ папскимъ резидентомъ въ Россіи.

ихъ даже въ такихъ мѣстностяхъ, гдѣ вовсе не было римскихъ католиковъ. Если Римъ и соображалъ ихъ число съ количествомъ народонаселенія страны, то *всего* народонаселенія, а не однихъ только исповѣдующихъ латинское ученіе.

Очевидно эти два взгляда были противоположны одинъ другому. Постановленія императрицы Екатерины II положили предѣлъ наступательной политики Рима и заставили ее, если не отступить, то пріостановиться. Строго подчиняя монастыри власти епископовъ, она запрещала «своевольный пріѣздъ заграничныхъ духовныхъ римскаго и уніатскаго законовъ, подъ именемъ *провинціаловъ*, визитаторовъ и тому подобныхъ, паче же распоряженіе ими дѣлами церковными, перемѣною начальниковъ и переводомъ монашествующихъ». Такихъ посѣтителей велѣно было не впускать въ предѣлы имперіи, а если они появятся, то немедленно выпровождать ихъ за-границу. Эти распоряженія, ограждая права мѣстной латинской іерархіи и независимость государства отъ властей чужеземныхъ, основывались и на другомъ, также важномъ, обстоятельствѣ. Монастыри владѣли большими недвижимыми имуществами, населенными крѣпостными людьми русскими и не-латинскаго исповѣданія. Провинціалы, по власти данной имъ генералами, распоряжались ими какъ своею собственностію, расточали имущества и, въ ущербъ государству, большую часть доходовъ отсылали въ Римъ. Хотя управленіе этими имуществами и составляло предметъ особенныхъ заботъ императрицы, однакоже охранить ихъ отъ расхищенія не было возможности, еслибъ ихъ доходами распоряжались лица, независимыя не только отъ государственной власти, но и отъ епископовъ [1]).

Заявивъ о безполезности многихъ монастырей и поручивъ составить подробныя о нихъ вѣдомости, она не успѣла однакоже повести далѣе предположенной ею мѣры о сокращеніи ихъ числа. Ея вниманіе прежде всего обратилось на уніатскіе монастыри, вслѣдствіе особыхъ обстоятельствъ, возникшихъ немедленно послѣ присоединенія къ имперіи русскихъ областей, находившихся подъ властію Польши. Освобожденіе отъ полной зависимости отъ Рима и остановка насильственныхъ дѣйствій со стороны латинской пропаганды, которой усердно служило польское правительство, немедленно оказали вліяніе на уніатскую церковь. Въ два года, отъ 1794 до 1796 г., присоединилось къ православной церкви слишкомъ полтора милліона уніатовъ.

Въ 1794 г., православный минскій архіепископъ Викторъ

---

[1]) Полн. Собр. Закон. №№ 14.891, 14.966, 15.943.

обнародовалъ пастырское посланіе, въ которомъ — «исполняя долгъ пастыря, приглашалъ всѣхъ, въ его паствѣ обитающихъ, которыхъ праотцы, отцы или сами они, лестью и страхомъ отъ благочестія совращены въ унію съ латинами, возвратиться безбоязненно въ объятія православной восточной церкви. Никто же да не усумнится въ семъ спасительномъ обращеніи страха ради угрозъ или лживыхъ разглашеній объ отторженіи ихъ отъ обладанія россійскаго, пребывая въ полномъ удостовѣреніи, что власть Всевышняго не попуститъ, и никакая рука человѣческая не сильна будетъ отъять ихъ отъ соединенія съ прочими единовѣрными братьями и вѣрноподданными императрицы. Никто да не убоится властей духовныхъ или мірскихъ римскаго закона, вѣдая, что когда всемилостивѣйшая государыня наша дозволяетъ иновѣрнымъ свободно исповѣдовать законъ, отъ предковъ каждымъ наслѣдованный; то съ другой стороны отнюдь не допуститъ, чтобы кто либо изъ обращенныхъ въ вѣру православную, въ имперіи ея господствующую, кольми же паче тѣ, которыхъ предки или они сами изъ нѣдръ благочестія коварно и насильственно исторгнуты, малѣйшія обиды или угнетенія, потерпѣли, въ чемъ установленныя по волѣ ея начальства имѣть будутъ бдѣніе и озлобляемымъ подадутъ руку законной помощи». Конечно, императрица не только знала объ этомъ посланіи, но сама предписала минскому генералъ-губернатору Тутолмину, чтобы это посланіе было обнародовано по всѣмъ городамъ и селамъ. Послѣдствіемъ этой мѣры были съ одной стороны многочисленныя заявленія со стороны уніатовъ о желаніи немедленно присоединиться къ православной церкви, съ другой всевозможныя противодѣйствія со стороны латинскаго духовенства и польскихъ помѣщиковъ. Въ началѣ слѣдующаго года 10-го января, тому-же генералъ-губернатору императрица писала, что «происходятъ не только препятствія жителямъ въ обращеніи ихъ къ православію, но поношенія и побои проповѣдующимъ истинное слово божіе. А какъ указомъ 22-го апр. предписано вамъ наблюдать, чтобы никто изъ помѣщиковъ, временныхъ владѣльцевъ и чиновниковъ, духовныхъ и мірскихъ римскаго и уніатскаго закона, не осмѣлился дѣлать жителямъ ни малѣйшаго въ присоединеніи ихъ къ благочестію препятствія, а обращающимся обидъ и притѣсненія, и что всякое подобное покушеніе, яко противу господствующей вѣры обращаемое и означающее преслушаніе воли нашей, долженствуетъ быть принято за уголовное преступленіе, суду подлежащее и влекущее за собою секвестръ имѣнія... И понеже обращеніе къ православному исповѣданію, отторгнутыхъ отъ онаго насиліемъ, есть

самопроизвольное, совѣстію ихъ возрожденное и торжественно ими самими изъявляемое, слѣдственно нѣтъ надобности ни въ чьемъ по опому обстоятельству участіи и посредствѣ, и на сей конецъ указомъ 22-го апрѣля прекратили мы ваши съ уніатскимъ митрополитомъ переписки. Не взирая на сіе однакожъ, къ справедливому неудовольствію нашему видимъ, что правитель Изяславской губерніи разослалъ по дорогамъ повелѣнія и письма объ удержаніи введенія благочестія, если приходскіе священники къ опому не присоединятся или примѣчено будетъ неудовольствіе помѣщиковъ, какъ будто бы помѣщики имѣли какое либо право стѣснять крестьянъ своихъ въ отправленіи господствующей вѣры по внутреннему убѣжденію совѣсти ихъ, когда и мы нимало не стѣсняя, не только терпимъ, но и покровительствуемъ свободное и публичное отправленіе ихъ римскаго исповѣданія. Чрезъ упомянутыя повелѣнія и письма всѣ непорядки произошли. Въ отвращеніе оныхъ предписываемъ всѣмъ, чтобы обнародованіе грамоты архіепископа Виктора производилось впредь самимъ поселянамъ, и введеніе благочестія во всѣхъ ихъ обиталищахъ чинилось безъ всякаго духовныхъ и мірскихъ чиновниковъ римскаго и уніатскаго закона участія и посредства; и дабы предавшіеся въ объятія нашей православной церкви отъ мести, притѣсненія и обидъ дѣятельно оберегаемы были, а обидчики и наглецы безъ наказанія не оставались; по надлежитъ употреблять стараніе и мѣры, чтобъ при повсемѣстномъ сего исполненіи отвращаемы были пустые толки и вымышленія, яко разрушающіе спокойство жителей и въ благоустроенномъ правленіи нетерпимые. Для удобнѣйшаго въ семъ дѣлѣ успѣха, чтобы обѣщеваемыя поселянамъ грамотою преосвященнаго Виктора безопасность и защита дѣйствительно исполняемы были, долгъ вашъ, правителей и всѣхъ подчиненныхъ вамъ, да будетъ ревностнѣйшее наблюденіе, чтобы никто изъ присоединившихся къ благочестію притѣсняемъ не былъ; ибо мы, позволяя свободное и ни въ чемъ неограниченное отправленіе вѣры римскокатолической, желаемъ, чтобы и помѣщики исповѣданія сего никакъ не дерзали угнетать тѣхъ изъ подданныхъ ихъ, которые желаютъ обратиться къ прежнему ихъ греческому исповѣданію, и чтобы, по обращеніи ихъ къ благочестію, власти наши не только предохраняли ихъ отъ всякихъ притѣсненій и обидъ, но паче принимали о нихъ возможное попеченіе, ибо сіе обращеніе наивящше сблизитъ ихъ съ россіянами и они ни мало не должны уже бояться, чтобы когда либо отъ нашей державы отторгнуты были. Равно слѣдуетъ вразумить помѣщиковъ, временныхъ владѣльцевъ и священниковъ. что изъявляемое при введеніи благочестія сопро-

тивленіе и разсѣеваемые толки и выдумки, удобные только, чтобъ совратить поселянъ съ истиннаго пути, ихъ самихъ довести могутъ до непріятностей, и что впрочемъ нѣтъ никому изъ нихъ ни малой пользы чинить въ семъ случаѣ препятствія и сопротивленія; ибо всѣмъ извѣстны наши великодушныя о всѣхъ новоприобрѣтеннаго края обитателяхъ намѣренія, дабы каждый въ предѣлахъ своей должности живущій, обезпеченъ былъ въ его достояніи и собственности, а посему всякій владѣлецъ останется при всемъ своемъ имуществѣ, хотя бы подданные его и обратились къ благочестію. Такъ-же и священники, буде обращенію сему послѣдуютъ, не лишатся приходовъ своихъ, но будутъ въ оныхъ утверждены отъ нашихъ духовныхъ властей, какъ многіе примѣры видятъ въ глазахъ своихъ. Въ заключеніе нужнымъ считаемъ изъяснить вамъ желаніе наше, дабы при дальнемъ обращеніи поселянъ въ предѣлахъ, вамъ ввѣренныхъ, къ благочестію, вездѣ и при каждомъ случаѣ и съ обоюдныхъ сторонъ удаляемъ былъ всякій видъ принужденія и пасилія; дерзающіе явно возстать противъ закона и спокойства должествуютъ быть судимы по законамъ, памятуя, что всякое послабленіе удобно посѣять въ сихъ вѣтреныхъ умахъ поползновеніе къ непорядковенію власти и законамъ. Симъ способомъ, надѣемся, предуспѣете выполнить намѣренія наши, клонящіяся къ благу и спокойствію народовъ, обитающихъ въ сихъ новыхъ областяхъ нашихъ и не оставите, по удостовѣреніи въ истинѣ, исправить и впредь отвращать тѣ препоны, кои неблагонамѣренность духовныхъ властей римской церкви и помѣщиковъ сего исповѣданія нашему духовенству въ непринужденныхъ успѣхахъ его постановить возмогутъ».

Мы полагаемъ, что читатели не посѣтуютъ на насъ за длинныя выписки изъ этого важнаго документа, выражающаго взглядъ нашего правительства временъ Екатерины Великой,—взглядъ, исполненный терпимости къ другимъ исповѣданіямъ и уваженія къ православной церкви, которому, конечно, будетъ сочувствовать и современная Россія.

Обнародованіе грамоты минскаго архіепископа немедленно оказало дѣйствіе. Уніаты только и ожидали призыва со стороны православной церкви и устраненія русскимъ правительствомъ того угнетенія и тѣхъ гоненій, которымъ они подвергались отъ латинскаго духовенства и польскихъ помѣщиковъ, чтобы присоединиться къ той церкви, къ которой нѣкогда принадлежали, и къ которой постоянно сохраняли сочувствіе. Чрезъ нѣсколько мѣсяцевъ, въ указѣ 18-го мая того-же года, сказано: «Видѣвъ опытами, какое спасительное дѣйствіе произвело обнародованіе по повелѣнію на-

шему архіепископомъ минскимъ грамоты, соизволяемъ, чтобъ таковыя же грамоты опубликованы были и въ губерніяхъ Могилевской и Полоцкой». Спустя полтора года послѣ того, въ указѣ 6-го сентября 1795 г., императрица могла уже сказать: «Разсторгнувъ узы принужденія, угнетавшаго свободу исповѣданія прародительской вѣры, мы съ удовольствіемъ видимъ, что обитатели возвращенныхъ отъ Польши областей, исполненные усердія къ благочестію, возвращаются радостно въ объятія православной восточной церкви». Присоединеніе слишкомъ полутора милліона (1,572,067 душъ) уніатовъ къ православію послужило поводомъ къ учрежденію православныхъ епархій въ губерніяхъ минской, волынской, подольской и брацлавской. При этомъ случаѣ императрица обратила вниманіе на уніатскіе монастыри. За упраздненіемъ въ этихъ губерніяхъ уніатскихъ епархій и учрежденіемъ православныхъ, базиліанскіе монастыри, не присоединившіеся къ православію, императрица повелѣла приписать къ бѣлорусской епархіи и подчинить вѣдѣнію уніатскаго архіепископа Лисовскаго. Въ то же время она предписывала генералъ-губернатору Тутолмину: «Усмотрѣвъ изъ вѣдомости, намъ представленной, что число монастырей уніатскихъ вовсе несоразмѣрно числу церквей въ уніи остающихся, возлагаемъ на васъ подробныя собрать объ уніатскихъ монастыряхъ свѣдѣнія и по сношенію съ архіепископомъ Лисовскимъ, уничтожить таковые, которые, не занимаясь ни просвѣщеніемъ юношества, ни помощію немощнымъ и призрѣнія требующимъ, суть обществу безполезны. Монаховъ же изъ сихъ упраздненныхъ монастырей размѣстить въ другіе бѣлорусской епархіи, но и въ оставшіеся затѣмъ отнынѣ въ монахи не постригать безъ особой нашей воли [1])».

Долго собирались свѣдѣнія объ уніатскихъ монастыряхъ, — въ продолженіе двухъ послѣдовавшихъ царствованій; и присоединеніе уніатовъ къ православной церкви почти прекратилось, — до 1838 года. «Продолжись еще нѣсколько лѣтъ царствованіе императрицы Екатерины, справедливо замѣчаетъ гр. Д. А. Толстой, и унія покончила бы свое существованіе, не потому чтобы русское правительство уничтожило ее силою, но потому, что ни правосудіе, ни чувство народнаго достоинства не побуждало его поддерживать существованіе какой-то полу-церкви, которая безъ искуственныхъ способовъ поддержки, должна была уничтожиться сама собою [2])». Но, за прекращеніемъ присоединенія уніатовъ

[1]) Полн. Собр. Зак. №№ 17.199, 17.290, 17.333, 17.380, 17.384.

[2]) Le catholicisme Romain en Russie, часть II, гл. VII, стр. 85.

къ православію, не прекратились насильственныя дѣйствія въ отношеніи къ нимъ со стороны латинскаго духовенства и польскихъ помѣщиковъ. Императоръ Павелъ манифестомъ, 1797 г. марта 18-го, который повелѣлъ читать во всѣхъ церквахъ православныхъ и латинскихъ въ губерніяхъ, присоединенныхъ отъ Польши, *всенародно объявилъ*: «Вступивъ на прародительскій престолъ, предположили мы себѣ священнымъ долгомъ обезпечить каждому свободу исповѣданія вѣры, имъ содержимой, охранять всѣми мѣрами святую грекороссійскую православную вѣру, нами самими и природными россійскими вѣрноподданными исповѣдуемую, и наблюдать притомъ, дабы каждый обращался въ предѣлахъ званію и состоянію его предписанныхъ, исполняя обязанности и удаляясь всего тому противнаго, яко разрушающаго порядокъ и спокойствіе въ обществѣ. Нынѣ увѣдомляемся, что въ нѣкоторыхъ присоединенныхъ отъ Польши къ державѣ нашей губерніяхъ духовенство и помѣщики римско-католическаго исповѣданія, обращая во зло данную отъ насъ таковую свободу исповѣданія вѣры, явнымъ образомъ притѣсняютъ священно-служителей православной церкви и не токмо тайно внушеніями, но даже и насильственно исторгаютъ отъ церкви сей людей, добровольно къ ней присоединившихся изъ уніатства. Болѣзнуя милосердо о таковыхъ неблагонамѣренныхъ нашихъ подданныхъ», императоръ, *предварительно* обратился къ нимъ съ своимъ словомъ, повелѣвая, чтобы — «отнюдь не дѣлали и самомалѣйшаго помѣшательства въ правилахъ и священнослуженіи на алтаряхъ православной церкви и не оскорбляли ничѣмъ священныхъ и церковныхъ ея служителей, подъ опасеніемъ за преслушаніе сей нашей воли наказанія по всей строгости законовъ». Не смотря на это насильственныя обращенія въ латинство продолжались и, по произведенному слѣдствію, въ 1799 г., указомъ 12-го января, виновные въ этомъ ксендзы преданы были суду, а римско-католическому департаменту юстицъ-коллегіи поручено было сдѣлать строжайшее предписаніе латинскимъ духовнымъ властямъ «о непривлеканіи людей къ римско-католицкой вѣрѣ». Подобныя предписанія повторялись и въ послѣдующее царствованіе; но не оказывали дѣйствія, особенно въ отношеніи къ совращенію уніатовъ въ латинство [1]).

Какія-же были причины такого явленія?

Основныя начала, которыя выражены въ постановленіяхъ императрицы Екатерины, оставались неприкосновенными и въ

---

[1]) Полн. Собр. Зак. №№ 17.879, 18.819, 19.987, 20.748, 21.393, 21.400, 22.226, 22.659, 26.043.

послѣдовавшія царствованія; послабленіемъ въ управленіи и нѣкоторымъ равнодушіемъ исполнительныхъ властей къ господствующей церкви—еще нельзя объяснить постояннаго упорства латинской пропаганды. Оно должно было опираться на какія либо распоряженія самого правительства. Такъ дѣйствительно и было!

Подъ вліяніемъ іезуитовъ, вошедшихъ въ силу при императорѣ Павлѣ, управленіе уніатскою церковію поручено было особому римско-католическому департаменту при юстицъ-коллегіи, и монастыри уніатскіе подведены подъ одинъ *регламентъ* съ латинскими. Такимъ образомъ, два отдѣльныя исповѣданія, какъ бы соединялись въ одно [1]). Какъ освобожденіе уніатовъ отъ подчиненія латинской церкви, во время царствованія Екатерины II, привлекало ихъ къ соединенію съ православною церковію, такъ, наоборотъ, подчиненіе ихъ власти латинскаго духовенства должно было приводить къ противоположнымъ послѣдствіямъ. Конечно, правительство, принимая эту мѣру, не могло имѣть въ виду подобной цѣли; но такъ объяснили ея значеніе латинскія духовныя власти и польскіе помѣщики. Въ доказательство приведемъ замѣчательный именной указъ императора Александра I-го бѣлорусскому генералъ-губернатору Михельсону, 1803 г. мая 5-го, въ которомъ сказано, что латинскіе миссіонеры распускаютъ слухъ, «будто бы правительство намѣрено силою обращать къ греко-россійской церкви всѣхъ тѣхъ уніатовъ, кои къ римско-католическому исповѣданію не пристанутъ». Императоръ предписывалъ, чтобы не допускать распространенія подобныхъ слуховъ и взять подъ стражу виновныхъ [2]). Но, впрочемъ, не одни ксендзы и паны выводили такое заключеніе изъ этой мѣры правительства. Сенатъ, въ упомянутомъ указѣ, 1799 г. января 12-го, въ отношеніи къ уніатамъ, совращеннымъ въ латинство, постановилъ: «относительно же перехожденія показанныхъ въ томъ слѣдствіи крестьянъ изъ греко-унитской въ римско-католическую вѣру, то хотя достойны принимавшіе ихъ строжайшаго взысканія, но какъ сіе послѣдовало отъ *недоразумѣнія* тѣхъ ксендзовъ, чего ради оставить сіе безъ всякаго послѣдствія, но съ тѣмъ, чтобъ они и *другихъ религій* людей не осмѣливались впредь подговаривать и принимать въ римско-католицкій законъ». *Недоразумѣніе* же заключалось въ томъ, что ксендзы считали уніатскую церковь вполнѣ подчиненною латинской и обреченною рано или поздно совершенно слиться съ нею. Это

---

[1]) Тамъ-же, №№ 17.836, 18.734.

[2]) Тамъ-же, № 20.748.

мнѣніе въ свой чередъ подкрѣплялось слѣдующими обстоятельствами.

Св. Синодъ получалъ безпрерывныя извѣстія, что въ бѣлорусскихъ губерніяхъ уніатовъ насильственно присоединяютъ къ латинству; жаловались прихожане, жаловались священники и духовныя власти, извѣщали объ этомъ и правительственныя лица. Въ виду заявленій синода, правительство поручило генералъ-губернатору Михельсону произвести слѣдствіе, которое многочисленными примѣрами подтвердило ихъ справедливость. Съ усиленною ревностію латинскіе духовные и монахи разъѣзжали по губерніямъ, объявляя, что правительство предписало немедленно всѣхъ уніатовъ присоединить къ латинской церкви, захватывали церкви и монастыри, прогоняли священниковъ и заставляли крестьянъ подписывать приговоры о присоединеніи. Исполнителями притязаній духовенства были польскіе паны, которые, пользуясь крѣпостнымъ правомъ, употребляли всевозможныя насильственныя мѣры въ отношеніи къ крестьянамъ, увѣряя ихъ, что они исполняютъ въ этомъ случаѣ только волю правительства. Въ подтвержденіе читалась бумага, въ которой дѣйствительно была выражена эта мысль.

На чемъ-же былъ основанъ такой подлогъ, развившій въ широкихъ размѣрахъ насильственную латинскую пропаганду, напоминавшую тѣ гоненія, которыя испытывали православные и уніаты отъ правительства бывшей Рѣчи Посполитой?

Въ 1800 г., велижскій уніатскій приходъ былъ совращенъ въ латинство. По этому случаю возникло дѣло, которое, по установленному порядку, достигло до разсмотрѣнія римско-католической духовной коллегіи. Эта коллегія, въ указѣ 9-го сентября 1801 г., говорила, что—«прехожденіе исповѣдниковъ изъ уніатскаго обряда въ римско-католическій, яко заключающій въ себѣ одно и тоже исповѣданіе, по каноническимъ духовнымъ правиламъ позволительно и высочайшимъ узаконеніямъ непротивно». Поэтому она утвердила рѣшеніе могилевской консисторіи, что—«перешедшіе изъ уніи, помянутые прихожане, имѣютъ уже остаться въ римско-католическомъ обрядѣ». Предсѣдательствовавшій въ духовной коллегіи епископъ Бенгславскій, въ предложеніи могилевской консисторіи, 1801 г. марта 15-го, предписалъ, «чтобы въ дѣлахъ о принятіи уніатскихъ священниковъ въ латинскій обрядъ поступать по резолюціи римской конгрегаціи о распространеніи вѣры, 1624 г. іюля 7-го, въ которой изъяснено, что папа Урбанъ VIII, по мнѣнію легата своего, находившагося тогда въ Польшѣ и представлявшаго, что король польскій Іоаннъ III и вельможи тогдашніе не дозволили опубликовать буллы, воспрещаю-

щей всѣмъ уніатамъ переходить въ латинскій обрядъ, подъ строгимъ наказаніемъ оную буллу отмѣнилъ». Этимъ обстоятельствомъ и *неважностію* самого *дѣйствія* перехода изъ одного исповѣданія въ другое, епископъ Бениславскій объявлялъ отмѣну папской буллы. Но, и по его мнѣнію, запрещеніе *духовнымъ* лицамъ переходить изъ уніи въ латинство оставлено въ своей силѣ. «Въ слѣдствіе сего — заключаетъ Бениславскій — когда по состояніи сего опредѣленія, представляемо было о нѣкоторыхъ свѣтскихъ людяхъ, то оная конгрегація всегда отвѣчала, что свѣтскимъ людямъ, на основаніи означеннаго опредѣленія, разрѣшеніе не нужно». Сверхъ того, Могилевской консисторіи архіепископъ Лисовскій представилъ письмо бывшаго въ Петербургѣ папскаго нунція, кардинала гр. Литты, въ которомъ онъ писалъ базиліанскому провинціалу — «что римская конгрегація о распространеніи вѣры, по дошедшимъ въ оную просьбамъ о дозволеніи греко-уніатамъ, въ Россіи находящимся, переходить въ обрядъ латинскій, опредѣлила позволеніе сіе распространить не только на народъ россійскій греко-уніатскій, но и на священниковъ того исповѣданія, полагая, что въ разсужденіи монаховъ ничего новаго вводить не должно». Нельзя не обратить вниманіе, что пресловутая конгрегація, допуская свободный пріемъ въ латинство уніатскихъ священниковъ и мірянъ, ограничивала его въ отношеніи къ монахамъ очевидно потому, что базиліанскій орденъ давно уже сдѣлался латинскимъ, слѣдовательно, и переходить въ латинство было некому. Такимъ образомъ дѣйствовало римское правительство, всѣми способами привлекая уніатовъ къ латинству, вопреки самыхъ папскихъ буллъ.

Вотъ тѣ документы, на основаніи которыхъ могилевская консисторія постановляла рѣшенія по многочисленнымъ дѣламъ о совращеніи уніатовъ въ латинство. Ея рѣшенія читались народу ксендзами и панами и выдавались за повелѣнія высшаго правительства.

Конечно, сенатъ, въ 1807 г. октября 25-го, призналъ эти документы противозаконными, дѣйствія какъ духовныхъ, такъ и свѣтскихъ лицъ, преступными, и подвергъ ихъ суду и наказанію; но корень зла оставался. Онъ заключался въ томъ, что управленіе уніатскою церковью, подчиненное латинской духовной коллегіи, было подтверждено и новымъ положеніемъ для управленія латинскою церковію въ имперіи, 1801 г. ноября 13-го [1]). Въ докладѣ сената по этому случаю, сказано: «Такъ какъ покойнымъ императоромъ Павломъ, на запискѣ уніатскаго

[1]) Полн Соб. Зак. № 22.659, 20.053.

митрополита, написано: «уніаты, какъ присоединенные или къ намъ или къ католикамъ, а не сами по себѣ, членовъ имѣть не могутъ»,—поэтому сенатъ полагаетъ, что они должны подлежать управленію римско-католической коллегіи, въ которой членовъ отъ уніатовъ не полагается».

Эта мѣра не могла не оказать вліянія и на всѣ послѣдовавшія отношенія нашего правительства къ латинской церкви, и особенно къ монастырямъ. Два важные вопроса, рѣшенные уже императрицею Екатериною въ сущности, должны были приводиться въ исполненіе уже въ послѣдующее время, а именно, о сокращеніи числа базиліанскихъ монастырей и объ устраненіи иноземныхъ властей отъ управленія монастырями и подчиненіи ихъ власти епископовъ.

Еще въ 1795 г. сентября 3-го, императрица писала генералъ-губернатору въ присоединенныхъ отъ Польши губерніяхъ, Тутолмину: «Усматривая изъ вѣдомости намъ представленной, что число монастырей уніатскихъ вовсе несоразмѣрно числу церквей въ уніи остающихся, возлагаемъ на васъ собрать объ уніатскихъ монастыряхъ свѣдѣнія и, по сношеніи съ архіепископомъ Лисовскимъ, уничтожить тѣ, которые, не занимаясь ни просвѣщеніемъ юношества, ни помощію неимущимъ, суть обществу безполезны». Генералъ-губернаторъ поручилъ собрать эти свѣдѣнія губернскимъ правленіямъ; но они собраны не были. На его мѣсто поступилъ потомъ генералъ-отъ-инфантеріи Беклешевъ, который, получивъ, въ 1797 г., декабря 10-го, подтвержденіе отъ императора Павла по этому дѣлу и повелѣніе закрыть жидиченскій монастырь, вновь предписалъ губернскимъ правленіямъ собрать свѣдѣнія о монастыряхъ и, для ускоренія дѣла, въ то же время обратился съ вопросомъ къ уніатскому архіепископу Лисовскому, какіе изъ монастырей онъ полагалъ бы, что слѣдуетъ закрыть. Губернскія правленія свѣдѣній не собрали; а уніатскій архіепископъ не отвѣчалъ генералъ-губернатору. На мѣсто Беклешева былъ назначенъ потомъ графъ Гудовичъ, который также «писалъ къ луцкому уніатскому епископу Левинскому и, дабы скорѣйшимъ образомъ исполнены были указы, требовалъ, по извѣстности ему, бискупу, состоянія уніатскихъ монастырей, избрать изъ нихъ лучшіе, которые не состояли бы внутри благочестивыхъ селеній, и по соразмѣрности какому числу ихъ быть можно въ губерніи, по количеству уніатскихъ приходовъ, прочіе монастыри назначить къ упраздненію». Въ отвѣтъ на это епископъ извѣстилъ, что дѣло объ устройствѣ уніатскихъ монастырей поступило въ сенатъ, а о сокращеніи ихъ числа представитъ правительству свои сообра-

женія митрополитъ Сестренцевичъ. Вслѣдствіе такого отзыва, гр. Гудовичъ отнесся къ митрополиту, но не дождался отвѣта. На его мѣсто назначенъ былъ генералъ-губернаторомъ генералъ-отъ-инфантеріи Розенбергъ, который съ этимъ же вопросомъ отнесся къ заступившему мѣсто Сестренцевича, епископу Бѣлорусскому. Не получая отвѣта и, вѣроятно понявъ, что странно было-бы спрашивать самихъ волковъ, сколькихъ изъ нихъ слѣдуетъ истребить, чтобы оградить безопасность овецъ, Розенбергъ вошелъ самъ въ разсмотрѣніе этого дѣла. Изъ собранныхъ имъ свѣдѣній оказалось, что въ одной Волынской губерніи было 26 уніатскихъ монастырей, изъ которыхъ 11—«вовсе не занимаются ни просвѣщеніемъ юношества, ни помощію немощнымъ»; въ остальныхъ хотя и есть школы, но совершенно неустроенныя, кромѣ одного почаевскаго монастыря. «Въ большей части монастырей состоитъ только по два, по три или по пяти монаховъ; такихъ же монастырей, въ которыхъ находилось бы до 10 монаховъ, очень мало . Но за то, не только—«съ благочестивыми священниками они ведутъ безпрерывно споры и дѣлаютъ разныя притязанія», но даже прогоняютъ ихъ и отторгаютъ отъ православія цѣлые приходы и завладѣваютъ православными монастырями. «Всѣ вышеприведенныя обстоятельства—представлялъ генералъ-губернаторъ сенату—ясно даютъ видѣть, что пользы самихъ монаховъ и необходимость требуетъ: малые монастыри, кои ни просвѣщеніемъ юношества, ни помощію бѣднымъ не занимаются и кои суть обществу безполезны, слѣдуетъ упразднить». Сенатъ, 1804 г. мая 17-го, одобряя предположенія генералъ-губернатора, поручилъ однакоже исполненіе дѣла латинской духовной коллегіи. По сношеніи съ министромъ просвѣщенія,—потому что при монастыряхъ находились школы,—она должна была войти съ представленіемъ, какіе изъ монастырей найдетъ нужнымъ закрыть. Въ такомъ положеніи осталось это дѣло до вступленія на престолъ императора Николая I-го.

Что касается до вопроса о провинціалахъ и другихъ монашескихъ должностяхъ, то онѣ были допущены послѣдовавшими, послѣ императрицы Екатерины II-й, узаконеніями. Въ царствованіе императора Павла, при составленіи новаго *регламента для управленія церквами и монастырями римско-католическаго исповѣданія въ россійской имперіи,* дозволены были «съѣзды монаховъ на капитулы для избранія разныхъ монастырскихъ должностныхъ лицъ». Но противъ этого возсталъ митрополитъ Сестренцевичъ, и съ его мнѣніемъ согласился сенатъ, которому поручено было разсмотрѣть проектъ регламента вмѣстѣ съ замѣчаніями на него митрополита и въ его присутствіи. Поэтому

высочайше утвержденнымъ регламентомъ, 3-го ноября 1798 г., съѣзды монаховъ не допускались и опредѣленія лицъ на всѣ монастырскія должности поручены духовной коллегіи, митрополиту и епископамъ, въ исключительномъ вѣдомствѣ которыхъ они и должны были находиться [1]).

Между тѣмъ въ то же время, какъ русское правительство установляло въ законодательномъ порядкѣ эти правила, находившійся въ Петербургѣ папскій нунцій, графъ Литта, тайно утвердилъ нѣкоторыхъ лицъ въ разныхъ должностяхъ для базиліанскихъ монастырей. Это обстоятельство послужило поводомъ къ продолжительной борьбѣ между двумя партіями, изъ которыхъ одна стремилась поддержать зависимость монастырей отъ Рима и такимъ образомъ освободить ихъ отъ надзора правительства, другая защищала власть епископовъ. Къ послѣдней примыкали и уніаты, не желавшіе совращаться въ латинство. Борьба этихъ партій продолжалась во все время царствованія императоровъ Павла и Александра I-го. Въ 1800 г., когда вліяніе іезуитовъ на наше правительство достигло наибольшей силы, митрополитъ Сестренцевичъ былъ удаленъ изъ Петербурга, и 11-го декабря того-же года, утвержденъ новый уставъ объ управленіи латинскимъ духовенствомъ и монастырями въ имперіи. Это была новая законодательная переработка регламента 1798 года. Стоитъ только сравнить эти два закона, чтобы замѣтить что послѣднее сочинено съ совершенно противоположною цѣлію, нежели первое, и какъ бы составляетъ его опроверженіе. Регламентъ 1798 г. подчинялъ всѣ монашескіе ордена власти епископовъ; *пункты* 1800 г., наоборотъ, освобождаютъ ихъ отъ этой власти. Іезуиты, не желавшіе покоряться епископамъ, вывели за собою на свободу изъ подъ этой власти и всѣхъ другихъ латинскихъ монаховъ. Подчиняя бѣлое духовенство епископамъ и дозволяя жалобы на нихъ духовной коллегіи въ отношеніе къ монахамъ, въ этихъ пунктахъ постановлено: «Монашествующіе, по церковнымъ правиламъ, на нижнихъ начальниковъ, въ сходство института каждаго ордена, имѣютъ жаловаться высшимъ; поелику для вящшаго въ монашескомъ собраніи спокойствія, церковными законами, подъ наказаніемъ, *запрещено прибѣгать съ жалобами къ начальству не своего ордена.* Каждый монашескій орденъ повиненъ избирать для себя настоятелей монастырскихъ, или высшіе начальники низшихъ начальниковъ, согласно съ правилами каждаго ордена, властію *святой* церкви утвержденными. Когда же монашествующіе изберутъ настоятеля монастырскаго,

[1]) Полн. Собр. Зак. № 18.733 и 18 734, п. 7, 8, 9 и 10.

то имѣютъ представлять объ утвержденіи его въ семъ званіи провинціалу своего ордена. Сами же провинціалы избираются или назначаются по правиламъ своего ордена». О всѣхъ этихъ назначеніяхъ только повелѣвалось доставлять свѣдѣнія въ римско-католическій департаментъ юстицъ-коллегіи. «Епархіальнымъ же архіереямъ въ таковые выборы не вмѣшиваться, ибо имъ трудно каждого въ особенности ордена знать постановленія и правила; вмѣсто же того они должны заниматься управленіемъ бѣлаго духовенства» [1]).

Постановленіе 1800 г. послужило поводомъ къ слѣдующимъ явленіямъ: въ латинскую духовную коллегію, въ началѣ 1801 г., вошелъ съ представленіемъ монахъ Фальковскій, въ которомъ объяснялъ, что по случаю новаго законоположенія онъ — «не можетъ, однако-же, сложить самъ собою своего званія, будучи утвержденъ въ 1793 г. прото-архимандритомъ уніатскаго базиліанскаго ордена». Это званіе, въ первый разъ дошедшее до свѣдѣнія правительства, высшее въ отношеніи къ провинціаламъ, было чѣмъ-то въ родѣ орденскихъ генераловъ. Въ то же время онъ доносилъ, что—«въ базиліанскихъ бѣлорусскихъ монастыряхъ происходятъ безпорядки отъ монаховъ, неправильно исходатайствовавшихъ себѣ отъ нунція гр. Литта, архимандритскія и аббатскія достоинства», и извѣщалъ, что онъ назначилъ собраніе капитула уніатскихъ монастырей. Коллегія, 1801 г. февраля 19-го, отвѣчала, что — «на основаніи высочайше конфирмованныхъ пунктовъ въ 11-й день декабря 1800 г., онъ можетъ вступить въ управленіе орденомъ, ежели по установленіямъ онаго законно былъ избранъ.» Что-же касается до собранія капитула, то поручала ему принять для этого мѣры — «согласно съ правилами ордена». Таково было первое приложеніе на дѣлѣ новаго законоположенія: утверждено званіе какого-то прото-архимандрита, начальника всѣхъ уніатскихъ монастырей въ Россіи, неизвѣстнаго ни древнимъ монашескимъ правиламъ восточной церкви, ни русскому правительству, и признаны *особыя* постановленія ордена, тогда какъ уніатскіе монастыри не имѣли никакихъ *особыхъ* постановленій и не составляли отдѣльнаго ордена, а должны были подчиняться общимъ правиламъ восточной церкви о монашествующихъ.

Одинъ подлогъ вызвалъ на свѣтъ и другіе: явился ксендзъ Новаковскій, который, на основаніи грамоты, данной ему нунціемъ гр. Литтою, назывался провинціаломъ и обличалъ въ донесеніяхъ коллегій монаха Фальковскаго въ неправильномъ при-

[1]) Полн. Собр. Зак. №№ 18.733, 18.734, п. 7, 8, 9 и 10, № 19.684, п. 2, 7 и 8.

своеніи себѣ званія прото-архимандрита и въ произвольныхъ дѣйствіяхъ. Онъ обличалъ его какъ самозванца, потому что онъ не могъ быть избранъ капитуломъ, который никогда не собирался; а между тѣмъ не только вмѣшивается въ управленіе монастырями, но даже самовольно присоединилъ базиліанскіе монастыри бѣлорусской епархіи къ литовскимъ.

Въ то же время, архіепископъ Лисовскій жаловался коллегіи на провинціала ксендза Лешинскаго, что онъ произвольно смѣняетъ настоятелей монастырей; Новаковскій доносилъ на епископа Бениславскаго, что онъ тайно велъ переписку съ Фальковскимъ и поощрялъ его присоединить бѣлорусскіе уніатскіе монастыри къ литовскимъ, и такимъ образомъ соединить въ своихъ рукахъ управленіе всѣми базиліанскими монастырями имперіи. Повѣренный Лисовскаго, ксендзъ Ярошинскій, доносилъ на провинціаловъ Новаковскаго и Суража, что они разорили имѣнія уніатскихъ монастырей, а Новаковскій извѣщалъ, что архимандритъ Лешинскій продалъ въ Вильнѣ домъ уніатскаго училища и вырученныя деньги употребилъ въ свою пользу.

Въ такомъ состояніи находилось въ это время управленіе уніатскими монастырями! Между тѣмъ, Фальковскій, получивъ одобреніе коллегіи, назначилъ въ опредѣленный срокъ собраніе капитула въ Тороканскомъ монастырѣ, упросилъ епископа Булгака предсѣдательствовать въ немъ и извѣстилъ коллегію о своихъ распоряженіяхъ. Но, на этотъ разъ, въ коллегіи произошло разногласіе: большинство членовъ сочло нужнымъ измѣнить распоряженія Фальковскаго и совершенно отмѣнить предписанное имъ соединеніе бѣлорусскихъ уніатскихъ монастырей съ литовскими въ одно управленіе; но два члена, къ которымъ однакоже присоединился и прокуроръ, находили его произвольныя дѣйствія правильными. Потому это дѣло перешло въ сенатъ, который, разсмотрѣвъ его, нашелъ: «что коллегія, принимая рапорты отъ Фальковскаго и давъ ему поводъ принять званіе прото-архимандрита или главнаго начальника базиліанскаго ордена, предоставила ему право начальства надъ всѣми того ордена монахами въ разныхъ епархіяхъ состоящими, и поступила въ противность всѣхъ изданныхъ о католическомъ духовенствѣ узаконеній, которыми существованіе главныхъ начальниковъ монашескихъ орденовъ не дозволяется и въ теченіи около тридцати лѣтъ ихъ не было, и что имѣющимся въ узаконеніяхъ предписаніемъ, откуда и какимъ образомъ въ коллегію должны поступать представленія о выборахъ монашескихъ начальниковъ и управителей, поколику сіи должны относиться къ архіереямъ, которые посѣщая монастыри и принимая на начальниковъ орден-

скихъ или провинціаловъ жалобы, яко начальники въ ихъ епархіяхъ духовенства, обязаны отвѣтомъ предъ высшимъ правительствомъ и, за учрежденіемъ въ Россіи католической духовной коллегіи, установленіе въ Россіи генеральныхъ капитулъ и чина прото-архимандрита, т. е. генерала или главнаго начальники монаховъ, въ разныхъ епархіяхъ состоящихъ, не вмѣстно; ибо съ допущеніемъ оныхъ разрушился бы порядокъ въ исполненіи государственныхъ постановленій о римско-католическомъ духовенствѣ изданныхъ». Поэтому сенатъ, отмѣнивъ всѣ распоряженія Фальковскаго и уничтоживъ все «производство по нимъ коллегіи, предписалъ ей, дабы отнюдь никакихъ монастырскихъ чиновъ не установляла и всѣмъ епархіальнымъ архіереямъ и начальникамъ монастырей подтвердила, поступать въ избраніи провинціаловъ и другихъ начальниковъ монастырей по точной силѣ узаконеній, распространяя сіе положеніе съ равною силою и дѣйствіемъ и на все вообще католическое духовенство». Что же касается до доносовъ разныхъ лицъ другъ на друга и указаній на папскія буллы, по которымъ нѣкоторые присвоивали себѣ разныя духовныя достоинства, то сенатъ предписалъ произвесть объ этомъ изслѣдованіе.

Коллегія, получивъ этотъ указъ сената, 1803 г. ноября 9, нѣсколько разъ собиралась, разсуждала о немъ, но не исполнила, потому что прежнее разногласіе возникло въ ней еще съ большею силою. Епископъ Бениславскій, инфулатъ Боликовскій и прелатъ Скирневскій защищали дѣйствія Фальковскаго. Конечно, они защищали не отдѣльныя и случайныя дѣйствія такой личности, какъ Фальковскій, но основныя начала, выражавшіяся въ его дѣйствіяхъ. Они защищали независимость базиліанскаго ордена, какъ отъ епископской власти, такъ и отъ всякаго вмѣшательства со стороны правительства. Къ враждебному для русскаго правительства мнѣнію меньшинства членовъ, присоединился, по прежнему, голосъ его представителя въ этой коллегіи, т. е. прокурора Скренджевскаго. Онъ «предложилъ ей, по открывающимся важнымъ неудобствамъ и препятствіямъ къ исполненію того указа, учинить сенату представленіе для вторичнаго того дѣла разсмотрѣнія.» Протестъ прокурора, исполненный дерзкихъ выраженій и укорявшій сенатъ въ незнаніи законовъ, обратилъ на себя вниманіе министра юстиціи; а сенатъ, разсмотрѣвъ дѣло, вновь подтвердилъ прежнее свое рѣшеніе и потребовалъ удаленія изъ коллегіи трехъ членовъ и суда надъ прокуроромъ. Императоръ Александръ, 1804 г. марта 1-го, утвердилъ это постановленіе.

Соображая ходъ этого замѣчательнаго дѣла, нельзя не обра-

тить вниманія на общее направленіе латинскаго духовенства, которое, не смотря на недомолвки и умолчанія, на желаніе благовидными предлогами прикрыть главныя цѣли, выразилось въ немъ вполнѣ. Первоначально коллегія, опираясь, не безъ основанія, на *пункты* 1800 г., признала принятое Фальковскимъ званіе прото-архимандрита и одобрила всѣ его дѣйствія; но пока производилось дѣло, эти пункты были отмѣнены и вмѣсто ихъ утверждено въ законодательномъ порядкѣ, въ 1801 г. ноября 13, новое «положеніе для духовнаго и церковнаго правительства римско-католическаго закона.» Въ этомъ *положеніи* постановлено: «Монастырямъ монашескихъ орденовъ быть во всемъ управляемымъ по ихъ правиламъ и институтамъ и имѣть согласно тому своихъ орденскихъ начальниковъ или провинціаловъ, не дерзая однакожъ, вопреки высочайшему прещенію, подъ опасеніемъ суда уголовнаго, какое либо имѣть сношеніе съ генералами монашескихъ орденовъ или иными властями, внѣ Россіи находящимися; въ чемъ имѣютъ отвѣтствовавать помянутые орденскіе начальники или провинціалы, которые, хотя и не суть подвластны архіереямъ, но не меньше должны къ нимъ во всякомъ случаѣ по общему духовному въ епархіи ихъ начальству, какъ-то — въ случаѣ надобности въ переходѣ или отлучкѣ монаховъ, относиться, и отъ надзора и отъ напоминаній ихъ, касательно должнаго по закону устройства и порядка, не уклоняться. Надлежитъ архіереямъ доносить о всякомъ свѣдѣнія достойномъ происшествіи въ монастыряхъ, въ епархіи ихъ состоящихъ: о выборѣ монашескихъ начальниковъ и управителей, о состояніи монастырей, монашествующихъ и жительствующихъ въ нихъ, о имѣніяхъ, капиталахъ, доходахъ, заведеніяхъ и вообще, что знать нужно архіерею, яко начальнику всего въ епархіи духовенства, обязанному за оное отвѣтомъ предъ высшимъ правительствомъ. Архіереямъ не вступаться въ распоряженія монастырскія и выборы монашескіе, однакоже, въ случаѣ смерти орденскаго начальника или провинціала, по должномъ донесеніи имъ объ ономъ коллегіи, которая и имѣетъ распорядить, чтобы выборъ въ орденскіе начальники произведенъ былъ на законномъ основаніи. О выбранномъ-же и выбираемыхъ начальникахъ или провинціалахъ представляетъ орденъ коллегіи; архіерею самому или чрезъ довѣренную духовную особу должно посѣщать временемъ монастыри, обозрѣвать заведенія ихъ и особливо съ крайнимъ примѣчаніемъ смотрѣть за преподаваніемъ наукъ, въ которомъ властенъ архіерей давать согласныя законнымъ правиламъ приказанія. На начальника ордена или провинціала жалобы принимать архіерею въ его епархіи,

входить въ разсмотрѣніе обстоятельствъ и буде, по жалобѣ или по собственному усмотрѣнію, найдетъ онъ что противное, то представлять обязанъ коллегіи, которая въ исправленіи и взысканіи имѣетъ поступать по законнымъ постановленіямъ» [1]).

Въ этихъ правилахъ хотя и замѣтны еще слѣды *пунктовъ* 1800 г., однакоже въ общемъ направленіи они болѣе согласны съ постаповленіями императрицы Екатерины, что выразилъ впрочемъ и самъ сенатъ въ докладѣ императору, представляя на утвержденіе *положеніе* 1801 г. Послѣ изданія этого положенія митрополитъ Сестренцевичъ вновь вызванъ былъ въ Петербургъ и вступилъ въ управленіе дѣлами; а съ тѣмъ вмѣстѣ упало конечно и значеніе іезуитовъ. Очевидно, это положеніе— имѣла въ виду духовная коллегія, хотя и не упоминала о немъ, когда измѣняла и отмѣняла распоряженія Фальковскаго. Имъ руководствовался и сенатъ при рѣшеніи этого дѣла; но члены меньшинства коллегіи и прокуроръ вовсе не упоминаютъ о немъ. Ссылаясь на разные и даже не относящіеся къ дѣлу законы, они умалчиваютъ о двухъ, самыхъ важныхъ: о *пунктахъ* 1800 г., которыми, хотя отчасти, они могли-бы оправдать свое мнѣніе; потому что *пункты* были отмѣнены,—и о замѣнившемъ ихъ новомъ положеніи 1801 г., потому что оно прямо обличало противузаконность ихъ дѣйствій. Конечно, и правосудіе и достоинство государства требовало удаленія изъ католической коллегіи трехъ членовъ и суда надъ прокуроромъ. Такъ и рѣшилъ сенатъ, и императоръ утвердилъ его рѣшеніе [2]), 1804 года марта 1-го; но несмотря на то безпорядки и борьба въ нѣдрахъ самой латинской церкви продолжались по прежнему. Положеніе уніатовъ было одною изъ главныхъ причинъ борьбы.

Базиліане, подъ вліяніемъ іезуитовъ совершенно превратившіеся въ латинскій монашескій орденъ, съ одной стороны, освобождались отъ зависимости въ отношеніи къ епископамъ и отъ надзора правительства, съ другой — угнетали бѣлое духовенство, привлекая его насильно въ латинство и уничтожая самостоятельное значеніе уніатской церкви. Кромѣ вліянія іезуитовъ на правительство, оказавшееся и въ законодательныхъ постановленіяхъ, въ ихъ рукахъ было и другое, могущественное средство. Уніатское монашество, по своему происхожденію, не походило на латинскіе монашескіе ордена и не имѣло своего особаго главнаго управленія, своего генерала въ Римѣ. Но латинизированное и ополяченное, оно мало по малу подчинилось

---

[1]) «Полн. Собр. Зак. № 20.053, докл. и п. 5.

[2]) Полн. Собр. Зак. № 21.193, стр. 177—190.

общему направленію латинскихъ орденовъ. Въ Римѣ постоянно находился, во времена польскаго владычества, представитель этого ордена (procurator), и по четыре молодыхъ уніатскихъ клириковъ воспитывались въ тамошнихъ училищахъ. Конечно, въ царствованіе императрицы Екатерины II, такое явленіе не могло быть терпимо, и дѣйствительно прекратилось; но въ послѣдовавшее за 1796 г., время, оно возобновилось снова. Этимъ-то воспитанникамъ Рима, обращеннымъ уже въ латинство, базиліане, при содѣйствіи папскаго правительства, доставляли мѣста епископовъ. Такіе епископы, безъ сомнѣнія, стремились къ тому, чтобы уніатскую церковь вполнѣ присоединить къ латинской, всѣми средствами помогали базиліанамъ и поддерживали подчиненіе уніатовъ управленію латинской коллегіи. Личныя страсти, выражавшіяся въ ссорахъ между собою духовныхъ властей и взаимныхъ доносахъ, излишнія притязанія нѣкоторыхъ изъ нихъ, какъ Фальковскаго, задумавшаго сдѣлаться генераломъ базиліанскаго ордена, препятствовали уже полному развитію римской политики. Но это волненіе происходило только на поверхности, между тѣмъ какъ внутри уніатской церкви гнѣздилась гораздо болѣе глубокая вражда. Уніатская паства и бѣлое духовенство, поддерживаемыя нѣкоторыми изъ епископовъ, не принадлежавшихъ къ базиліанскому ордену, не хотѣли подчиняться латинскому вліянію; напротивъ, желали возстановить отдѣльное управленіе уніатскою церковью, поддержать чистоту ученія и обрядовъ и очистить ихъ отъ латинскихъ искаженій. Эта борьба продолжалась во все царствованіе императора Александра I-го. Въ виду постоянныхъ и многочисленныхъ просьбъ, правительство должно было удовлетворить уніатовъ; но оно уступало по немногу ихъ требованіямъ. Съ 1804 г., дозволено было уніатскому епископу и тремъ членамъ присутствовать въ римско-католической коллегіи; въ 1805 г., образованъ особый въ ней уніатскій департаментъ, но важныя дѣла все таки разсматривались въ общемъ собраніи обоихъ департаментовъ [1]). Окончательное рѣшеніе этого вопроса послѣдовало только въ царствованіе императора Николая Павловича.

Императоръ Александръ I-й, вступая на престолъ, говорилъ, что принимаетъ на себя «обязанность управлять по законамъ и по сердцу Великой Екатерины». Императоръ Николай выразилъ желаніе, чтобы его царствованіе составило продолженіе

---

[1]) Полн. Соб. Зак. №№ 21.393 и 21.836. Въ сочиненіи гр. Толстаго, Le catholicisme Romain en Russie, т. II, гл. XIV, стр. 338—382, подробно изложена борьба уніатовъ съ латинами въ это время.

Александрова царствованія, и хотѣлъ исполнить *все, чего желалъ*, но не исполнилъ, Александръ, *для блага Россіи* [1]). Дѣйствительно, заявленное въ манифестѣ 1801 г. императоромъ Александромъ желаніе было исполнено только Николаемъ I-мъ. Его царствованіе, въ отношеніи къ вопросамъ о латинской и уніатской церквахъ въ имперіи, составляетъ непосредственное продолженіе царствованія Великой Екатерины.

Указомъ 1827 г. октября 9, исполнено было одно изъ настоятельныхъ желаній уніатовъ, которое издавна и постоянно они заявляли. «До свѣдѣнія нашего дошло, сказано въ этомъ указѣ, что греко-уніатское монашество чина св. Василія Великаго, принимая въ свой орденъ людей малосвѣдущихъ въ греческихъ обрядахъ богослуженія, отправляемаго въ уніи, такъ-же какъ и въ православной церкви, на языкѣ славянскомъ, уклоняются отъ первобытнаго учрежденія, которое и римскими папами въ древнихъ буллахъ объ уніи признано и отъ чуждаго вліянія и смѣшенія охранено было. Происходящій отъ того несвойственный составъ монашества, преимущественно изъ людей римскаго обряда, имѣлъ еще и тѣ вредныя послѣдствія, что начальство монастырей, не занимаясь образованіемъ уніатскаго юношества духовнаго званія на служеніе церкви, предпочтительно заводило свѣтскія училища, болѣе для людей другого обряда, и что между бѣлымъ и монашествующимъ духовенствомъ греко-унитскимъ возникали несогласія и взаимное недовѣріе». Поэтому подтверждены были постановленія, запрещавшія обращать уніатовъ въ латинство и — «сообразно съ тѣмъ постановлено ни въ какомъ случаѣ не дозволять въ греко-уніатское монашество принимать людей другого обряда и изъ самого греко-унитскаго допускать къ произношенію монашескихъ обѣтовъ только тѣхъ, коими будетъ доказано, что они имѣютъ достаточныя познанія въ языкѣ славянскомъ и чинѣ греческаго богослуженія». Вмѣстѣ съ тѣмъ велѣно было учредить, «гдѣ нужно, училища для наставленія греко-унитскаго юношества духовнаго званія, какъ въ правилахъ вѣры, такъ и въ обрядахъ богослуженія на языкѣ славянскомъ» [2]).

Полагая такимъ образомъ предѣлъ дальнѣйшему обращенію въ латинство и ополяченію уніатскаго духовенства и давая ему способы къ образованію, правительство выразило тотъ взглядъ, что унія составляетъ отдѣльную отъ латинской церковь и не должна быть принесена въ жертву ея пропагандѣ. Необходи-

---

[1]) Полн. Соб. Зак. № 19.779; и 2-е Полн. Соб. Зак. № 1.

[2]) 2-е Полн. Соб. Зак. № 1.449; ср. №№ 3 707, 3.459, 3.968, 5.231; и 1-е Полн. Соб. Зак № 22.659.

мымъ послѣдствіемъ этого взгляда было постановленіе 1828 г. апрѣля 22, которымъ учреждена особая греко-уніатская коллегія, независимая отъ римско-католической, и всѣ базиліанскіе монастыри обѣихъ уніатскихъ епархій—«подчинены мѣстнымъ епархіальнымъ начальствамъ и консисторіямъ. Провинціалы базиліанскихъ монастырей неипаче должны дѣлать распоряженія по управленію вверенными ихъ вѣдѣнію обителями и производить визитаціи оныхъ, какъ съ вѣдома и разрѣшенія епископовъ. Настоятели монастырей назначаются и смѣняются съ утвержденія коллегіи». Въ послѣдствіи, въ 1832 г. февраля 16, было уничтожено званіе провинціаловъ, какъ «несвойственное,—по выраженію указа — монашеству чина св. Василія Великаго» [1]).

Устранивъ такимъ образомъ вліяніе латинскаго духовенства на уніатовъ и базиліанскіе монастыри, правительство не могло не обратить вниманія вообще на устройство и состояніе какъ уніатскихъ, такъ и латинскихъ монастырей.

По правиламъ Тридентинскаго собора [2]), въ монахи могутъ поступать лица по достиженіи 16-ти лѣтняго возраста. Это правило, совершенно несогласное съ современнымъ развитіемъ жизни европейскихъ народовъ, подвергалось различнымъ ограниченіямъ, даже въ государствахъ латинскаго исповѣданія. Что-же касается до Франціи, то и всѣмъ вообще постановленіямъ этого собора она никогда не придавала обязательнаго для себя каноническаго значенія. Тѣмъ менѣе могла Россія безусловно подчиняться его опредѣленіямъ, особенно такимъ, которыя противорѣчили ея законамъ. По правиламъ нашего законодательства, вступать въ монашество дозволяется только достигшимъ 22-хъ лѣтняго возраста. Это правило подтверждено указомъ 27 марта 1829 г., въ которомъ сказано: «Въ регламентѣ, для церквей и монастырей римско-католическаго исповѣданія, 1798 г., было постановлено, дабы къ такъ называемымъ торжественнымъ обѣтамъ (vota solemnia), допускать не прежде, какъ по вступленіи новиціевъ въ иподьяконскій санъ; а по постановленіямъ Тридентинскаго собора, въ санъ сей могутъ быть посвящаемы токмо достигшіе 22-хъ лѣтняго возраста. Какъ монастыри не имѣютъ возможности сами собирать достовѣрныхъ свѣдѣній о свойствѣ и положеніи людей, изъявляющихъ желаніе вступить въ оные, и отъ того нерѣдко общества ихъ оскорбляются присутствіемъ людей порочныхъ; ибо изъ обстоятельствъ дѣла видно, что въ монастыряхъ сихъ отыскиваемы были бродяги и бѣглые; жесто-

[1]) 2-е Полн. Соб. Зак. №№ 1 977, 2 086 и 5.169.

[2]) Canones et decret. cons. Tridentini, sessio XXV, cap. XV.

кія же тѣлесныя наказанія, употребляемыя въ римско-католическихъ монастыряхъ надъ монахами, вмѣсто исправленія, приводятъ въ отчаяніе, и употребленіе такого наказанія не только не сообразно правиламъ, начертаннымъ въ указѣ 22 іюня 1798 г., но несогласно и съ каноническими правилами»,—поэтому постановлено допускать находящихся подъ искусомъ къ произнесенію торжественныхъ монашескихъ обѣтовъ не ипаче, какъ послѣ посвященія въ иподьяконскій санъ, и слѣдовательно не прежде, какъ по достиженіи 22-хъ лѣтняго возраста. «Испытаніе-же готовящимся къ поступленію въ монашество должно быть производимо не менѣе трехъ лѣтъ, хотя бы вступающій въ монашество имѣлъ и болѣе 22-хъ лѣтъ».

Двѣ черты, на которыя указано въ этомъ постановленіи,— укрывательство въ монастыряхъ бѣглыхъ и порочныхъ людей и жестокія тѣлесныя наказанія, къ которымъ прибѣгали монастырскія власти въ отношеніи къ монахамъ для поддержанія дисциплины, уже достаточно показываютъ въ какомъ положеніи находились эти монастыри, если бы нельзя было привести еще многочисленныхъ свидѣтельствъ даже самихъ латинскихъ епископовъ о томъ, что римско-католическіе монастыри въ это время дошли до крайней степени паденія. При такомъ положеніи, правительство обязано было обратить вниманіе на эти монастыри, дабы устранить, по крайней мѣрѣ, то вредное вліяніе, которое они производили на общественный бытъ всего населенія тѣхъ губерній, гдѣ находились. Польскій мятежъ, 1830 г., въ которомъ духовенство и монахи принимали такое дѣятельное участіе, еще болѣе убѣдилъ правительство въ необходимости этой мѣры. Поэтому министру внутреннихъ дѣлъ поручено было собрать подробныя свѣдѣнія о монастыряхъ и войти въ изслѣдованіе причинъ того печальнаго положенія, въ которомъ они находились. Это изслѣдованіе было разсмотрѣно сенатомъ, въ указѣ котораго, 1832 г. іюля 19, сказано: «Упадокъ монастырскихъ обителей, часто возбуждавшій негодованіе въ самомъ римско-католическомъ духовномъ начальствѣ, зависитъ отъ малаго и постепенно уменьшающагося числа монашествующихъ, давно уже несоразмѣрнаго съ числомъ обителей. Сія несоразмѣрность во многихъ мѣстахъ простиралась до такой степени, что нѣкоторыя монашескія общества не имѣли даже опредѣленнаго самыми снисходительными церковными правилами количества членовъ, кои чрезъ то лишены всѣхъ выгодъ взаимнаго надзора и наставленія. Чтобы положить конецъ сему нарушенію уставовъ и всѣмъ происходящимъ отъ него безпорядкамъ, неразборчивости въ пріемѣ лицъ въ монастырское званіе, чрезмѣр-

ному послабленію дисциплины, худому управленію монастырскими имуществами чрезъ настоятелей часто мѣняющихся, мало свѣдущихъ или безпечныхъ, всего же болѣе укоренившемуся между оставленными безъ присмотра монахами нравственному развращенію», — признано было необходимымъ упразднить — «излишніе монастыри, безполезные по недостаточности своего состава или по мѣстному своему положенію, вдали отъ городовъ и селеній римско-католическаго исповѣданія и обряда, и чрезъ то собрать разсѣянныхъ нынѣ по разнымъ мѣстамъ монаховъ въ тѣ обители, кои наиболѣе отличаются хорошимъ устройствомъ и дознаннымъ благоразуміемъ своихъ непосредственныхъ начальниковъ». Простой взглядъ на цифры вполнѣ подтверждаетъ— «излишество монастырей, какъ сказано въ этомъ указѣ, несоразмѣрное ни съ потребностями церкви, ни съ народонаселеніемъ римско-католическаго исповѣданія». Ихъ было 300 для народонаселенія едва доходившаго до $2^1/_2$ милліоновъ душъ, т. е. по одному монастырю на 8 тысячъ жителей. Притомъ въ Литвѣ, Самогитіи и инфляндскихъ уѣздахъ Витебской губерніи, населенныхъ преимущественно жителями латинскаго исповѣданія, ихъ приходилось по одному на 20, на 30 и даже на 40 тысячъ; а въ южныхъ губерніяхъ Бѣлоруссіи, гдѣ почти все населеніе принадлежитъ къ православной церкви и частію къ уніатской, приходилось по одному монастырю на 2 и даже 1000 душъ обоего пола. Эти числовыя данныя, безъ сомнѣнія, доказываютъ *излишество* латинскихъ монастырей; но вмѣстѣ съ тѣмъ они же объясняютъ, почему Римъ съ такимъ упорствомъ поддерживалъ ихъ существованіе и не соглашался сокращать ихъ числа. Цѣли русскаго правительства и папскаго двора и въ этомъ случаѣ были совершенно противоположны.

Наше правительство сокращало монастыри для того, чтобы дать имъ возможность безбѣднаго существованія, чтобы возвысить нравственность и образованность монаховъ, въ виду соблюденія каноническихъ правилъ самой римской церкви и пользы латинскаго населенія края [1]). Между тѣмъ какъ Римъ не одобрялъ мѣръ правительства съ одной стороны потому, чтобы показать въ этомъ случаѣ свое полновластіе и устранить всякое вмѣшательство власти свѣтской, а съ другой—потому, что онъ именно старался умножать число монастырей особенно въ тѣхъ странахъ, гдѣ наименѣе было лицъ исповѣдующихъ латинское ученіе. Въ его глазахъ это были не собственно монастыри въ каноническомъ смыслѣ, но миссіи для совращенія въ латинство

[1]) Полн. Соб. Зак. № 2.773; и 2-е Собр. № 5.506.

какъ уніатовъ, такъ и православныхъ. Самая мѣра сокращенія числа монастырей, конечно, не нарушаетъ правъ церкви и сами папы много разъ ее допускали. Въ 1744 г., папа Бенедиктъ XIV, по просьбѣ уніатскаго митрополита, дозволилъ закрыть въ *польской провинціи* всѣ монастыри, въ которыхъ, вопреки каноническимъ правиламъ, было менѣе 10 монаховъ. При императорѣ Александрѣ I, въ 1817 г., по соглашенію съ папою Піемъ VII (булла Ex impositu nobis), предположено было закрыть 47 монастырей. Не сокращеніе только, но и совершенное уничтоженіе монастырей приходилось переносить папѣ даже въ странахъ латинскихъ по исповѣданію!

Кардиналъ статсъ-секретарь римскаго престола, Бернетти, въ нотѣ къ нашему министру иностранныхъ дѣлъ, іюня 1832 г., писалъ, что — «глава церкви, узнавая съ безконечною грустію о томъ плачевномъ состояніи, въ какомъ, вслѣдствіе многихъ обстоятельствъ, находится римско-католическая церковь какъ латинскаго, такъ и уніатскаго обряда, въ продолженіе многихъ лѣтъ оплакивалъ и теперь оплакиваетъ ея паденіе. Но онъ не могъ не обратить вниманія, что существенныя причины этого положенія заключаются въ нововведеніяхъ и предписаніяхъ правительства въ отношеніи къ духовнымъ дѣламъ, которыя производятъ неисчислимый ущербъ церкви. Упадокъ монастырей, къ великому соблазну вѣрующихъ, заключается въ нововведеніяхъ въ отношеніи дисциплины, установленной святыми канонами и апостольскими постановленіями, въ уничтоженіи зависимости монастырей отъ ихъ генераловъ и подчиненіи ихъ власти епископовъ, отъ новыхъ правилъ о монашескихъ обѣтахъ и духовнаго образованія». Въ обширной запискѣ, приложенной къ нотѣ 6 сент. того же года, широко развита таже мысль. Римскій дворъ не могъ не сознаться, что латинскіе монастыри сдѣлались соблазномъ для вѣрующихъ, но приписывалъ это явленіе нѣкоторымъ постановленіямъ и мѣрамъ русскаго правительства, едва входившимъ въ силу, и умышленно отстранилъ вниманіе отъ того, что они пришли въ такое положеніе подъ непосредственнымъ надзоромъ и управленіемъ Рима, продолжавшимся нѣсколько столѣтій. Укоряя русское правительство въ нарушеніи церковныхъ правилъ и папскихъ предписаній, онъ не обращалъ вниманія на то, что уничтожены именно тѣ монастыри, въ которыхъ число монаховъ не соотвѣтствовало этимъ правиламъ и предписаніямъ, или тѣ, которые были притонами мятежа.

Наше правительство противъ обвиненій Рима сообщило подробныя объясненія въ нотѣ, сообщенной нашимъ посланни-

комъ въ Римѣ, графомъ Гурьевымъ, кардиналу Бернетти, въ маѣ 1833 года:

«Хотя въ запискѣ римскаго двора и не опредѣлено, на уничтоженіе какихъ именно монастырей онъ указываетъ, мы полагаемъ однако же, что рѣчь идетъ о 4-хъ монастыряхъ въ Брестѣ-Литовскомъ, которыхъ зданія потребовалось разрушить въ 1830 году по случаю возведенія крѣпостныхъ укрѣпленій, и о 6-ти монастыряхъ, закрытыхъ въ 1831 году за участіе ихъ въ мятежѣ. Преступное поведеніе монаховъ, измѣна, которой нѣтъ примѣровъ въ исторіи монашескихъ обителей, и ихъ безнравственность, вынудили потомъ правительство принять рѣшительныя мѣры, чтобъ положить конецъ печальному положенію дѣлъ и направить монастыри къ настоящей цѣли ихъ первоначальнаго учрежденія. Поэтому, убѣдясь, что паденіе нравственности и дисциплины между монахами преимущественно зависитъ отъ уменьшенія ихъ числа въ монастыряхъ, освободившаго ихъ отъ всякаго взаимнаго контроля и наблюденія, столь необходимаго для поддержанія порядка въ ихъ обществахъ, правительство приступило къ уничтоженію тѣхъ изъ монастырей, которые продолжали незаконное существованіе въ противность буллы Бенедикта XIV, 1744 года, примѣняя эту мѣру особенно къ тѣмъ, которые сами себя лишили средствъ для содержанія достаточнаго числа монаховъ, дурно управляя своими имуществами.

«Подчиненіе монастырей власти епископовъ и опредѣленіе возраста для вступленія въ монашество, римскій дворъ считаетъ также одною изъ причинъ ослабленія вѣры и паденія нравственности между монахами. Но жалобы самихъ католиковъ на злоупотребленія настоятелей монастырей въ управленіи церковными имуществами и происходившіе отъ того важные безпорядки послужили первымъ поводомъ къ тому, что правительство обязано было освободить монастыри отъ зависимости относительно чужеземныхъ властей, и подчинить ихъ власти епископовъ, тѣмъ болѣе, что ко многимъ изъ нихъ были приписаны приходы, которые по каноническимъ правиламъ подлежатъ вѣдѣнію епископовъ. Другая причина подчиненія монастырей власти епископовъ состояла въ томъ, чтобы придать единство епархіальному управленію, что въ нѣкоторыхъ случаяхъ предписывается и правилами Тридентинскаго собора. Притомъ въ сношеніяхъ съ папскимъ нунціемъ гр. Литтою, по случаю новаго разграниченія епархій, правительство, въ нотѣ 20 апр. 1798, положительно выразило намѣреніе подчинить монастыри власти епископовъ,—и нунцій въ отвѣтъ на эту ноту, 1 мая того же года, призналъ

это распоряженіе. Въ послѣдствіи монастыри вновь поступили подъ власть своихъ особыхъ начальниковъ и оставались въ этомъ положеніи до постановленія 19 іюля 1832 г. Епископы не имѣли почти никакого вліянія на монаховъ и потому не могли отвѣчать за происходившіе въ монастыряхъ безпорядки.

«Что касается до жалобъ папскаго двора на постановленія о монашескихъ обѣтахъ, то въ этомъ случаѣ оказывается ошибка въ годахъ: ослабленіе дисциплины въ монастыряхъ приписывается постановленію 1829 г., тогда какъ въ папскихъ буллахъ 1778, 1784, 1812 и 1815 къ митрополиту Сестренцевичу, признается уже необходимость принять мѣры противъ этого ослабленія. Запрещеніе вступать въ монашество ранѣе 22-хъ лѣтняго возраста римскій дворъ, казалось бы, долженъ признать полезнымъ. Опытъ достаточно доказалъ неудобство постановленій Тридентинскаго собора, которыми дозволяется вступать въ монашество по достиженіи 16 лѣтъ, т. е. въ такомъ возрастѣ, когда человѣкъ еще не можетъ отдать себѣ отчета, владѣетъ ли онъ достаточными физическими и духовными силами, чтобы принять на себя такія строгія обязанности. Время, когда было постановлено это правило, слишкомъ удалено отъ насъ; обстоятельства, послужившія поводомъ къ его установленію, мало имѣютъ общаго съ требованіями современнаго общества, чтобы возможно было настаивать на строгомъ его исполненіи въ настоящее время. Послѣдствія этого стараго постановленія, много разъ оказывались гибельными, какъ для отдѣльныхъ лицъ, такъ и для общественнаго спокойствія. Сколько встрѣчалось молодыхъ людей, которые раскаявались, что въ минуты увлеченія дали обѣты непреложные, и, не надѣясь въ этомъ случаѣ на помощь правительства, наблюдавшаго за исполненіемъ правилъ церкви, перебѣгали въ Польшу, гдѣ духовныя власти считали возможнымъ слагать съ нихъ данные ими обѣты. Для примѣра укажемъ на одну виленскую епархію, въ которой одной, съ 1801 г. до 1829, бѣжало изъ монастырей 110 монаховъ, и изъ этого числа 44 получили отъ самаго римскаго престола позволеніе сложить монашескіе обѣты. Послѣ этого легко можно попять, какіе произошли бы безпорядки, еслибъ въ настоящее время поддерживать правило, совершенно не соотвѣтствующее современнымъ требованіямъ общественной жизни.»

«Въ нотѣ кардинала Бернетти выражены также жалобы на мѣры, принятыя русскимъ правительствомъ въ отношеніи къ уніатскимъ монастырямъ, находившимся въ областяхъ нѣкогда бывшихъ подъ властію Польши. Объяснивъ общія въ отношеніи ко всѣмъ монастырямъ причины, оправдывающія принятыя пра-

вительствомъ мѣры, мы укажемъ особенно на тѣ строгія, но справедливыя, мѣры, которыя были предприняты въ отношеніи къ березанскому, картезіанскому и почаевскому монастырямъ.

«До свѣдѣнія императора дошло, что лишь только вспыхнуло возмущеніе въ гродненской губерніи, монахи березанскаго монастыря собрали шайку мятежниковъ изъ всѣхъ сословій, снабдили ихъ оружіемъ и провіантомъ, и сами сдѣлались ея предводителями. Когда эта шайка была разбита императорскими войсками, монахи попались, какъ военно-плѣнные. Извѣстясь объ этомъ происшествіи, императоръ приказалъ закрыть монастырь, церковь обратить въ приходскую, а недвижимыя имущества конфисковать, на основаніи общаго правила о конфискаціи имуществъ мятежниковъ. Въ то же время, латинское духовенство было извѣщено, что та же участь постигнетъ всѣхъ враговъ Россіи, которые осмѣлятся послѣдовать такому примѣру. Не смотря на это предупрежденіе, лишь только Дверницкій вторгнулся въ Волынь, почаевскіе базиліанскіе монахи вошли съ нимъ въ сношеніе, принимали его какъ освободителя, пѣли торжественный Te Deum, по случаю его прибытія, печатали и распространяли возмутительныя воззванія, возбуждая окрестныхъ жителей къ мятежу. Когда Дверницкій принужденъ былъ отступить, они оставили монастырь и присоединились къ его отряду.

«Императоръ, не оставляя надежды, что заблудившіеся раскаются и возвратятся на путь своихъ обязанностей, долго колебался между милосердіемъ и правосудіемъ и, только убѣдившись наконецъ въ неисправимости и упорствѣ монаховъ въ преступленіи, рѣшился принять тѣ мѣры, на которыя римскій дворъ выражаетъ теперь жалобы и обвиненія.

«Самая мѣстность почаевскаго монастыря, расположеннаго на значительной возвышенности, откуда монахи давали сигналы и поддерживали постоянныя сообщенія съ мятежниками, угрожая спокойствію Волыни, давала правительству справедливый поводъ къ разрушенію этого гнѣзда возмущенія. Эти соображенія, а вмѣстѣ съ тѣмъ и первоначальное происхожденіе монастыря, побудили правительство возвратить его православному духовенству. Римскій дворъ не можетъ не знать, что этотъ монастырь, хотя и основанъ послѣ уніи, но принадлежалъ православной восточной церкви, что было признано и постановленіями польскихъ королей; только въ XVIII вѣкѣ онъ беззаконно отнятъ былъ у православныхъ и отданъ уніатамъ. Овручскій монастырь былъ обращенъ въ приходскую церковь, и его имѣнія конфискованы, потому что монахи этого монастыря принимали дѣятельное участіе въ мятежѣ.

«Въ заключеніе замѣтимъ, что изъ числа 50 монастырей латинскихъ и уніатскихъ, которые, забывъ свои священныя обязанности и попирая всѣ божескіе и человѣческіе законы, стали подъ знамя мятежа противъ своего государя и Россіи, только шесть наиболѣе преступныхъ подверглись наказанію конфискаціи имуществъ, остальные же были прощены. Требовать, чтобы и первые не подверглись наказанію и по прежнему пользовались имуществами, значило бы обезпечить имъ и на будущее время безнаказанность за самыя тяжкія преступленія и дать поводъ латинскому духовенству слѣдовать ихъ примѣру. Императоръ, отвѣчая передъ Богомъ и судомъ своей совѣсти за спокойствіе и благоденствіе своихъ подданныхъ, не могъ терпѣть подобнаго соблазна [1]).»

Доводы русскаго правительства, конечно, не убѣдили и не могли убѣдить римскій дворъ. Преступленіями со стороны духовенства онъ считаетъ только невыгодныя дѣйствія для интересовъ латинской церкви, ея постановленій и властей; всѣ остальныя въ его глазахъ не суть преступленія, пока ихъ не признаетъ таковыми верховная власть церкви, право же судить и наказывать лицъ духовныхъ принадлежитъ исключительно папѣ. Понятія о *Богѣ* и *совѣсти* точно также совершенно особымъ образомъ преломляются, пройдя сквозь призму папскихъ воззрѣній: божественная власть осуществляется на землѣ въ лицѣ папы, и потому его велѣнія и выражаютъ божественные законы, а совѣсть каждаго должна обрѣтать свое успокоеніе въ безусловной имъ покорности. Самостоятельное и непосредственное отношеніе къ Богу и даже своей совѣсти Римъ считаетъ ересью!

Поэтому, римскій дворъ, не обращая никакого вниманія на объясненія нашего правительства, постоянно предъявлялъ одни и тѣ же притязанія. Въ 1842 г., въ исторической запискѣ, приложенной къ извѣстной аллокуціи Григорія XVI, іюля 22, о гоненіяхъ, претерпѣваемыхъ латинскою церковію въ Россіи, сказано: «Его святѣйшеству были извѣстны, принятыя русскимъ правительствомъ, къ великому вреду для монашескихъ орденовъ, мѣры, которыя до основанія разрушали святую дисциплину, утвержденную церковными канонами и апостольскими (т. е. папскими) постановленіями, дабы отвлечь отъ подчиненія своимъ генераламъ разные монашескіе ордена и подчинить ихъ епископамъ, вводя новыя правила въ отношеніи къ монашескимъ обязанностямъ, обѣтамъ, новиціату, преподаванію и т. п., и сокращая число монастырей [2])».

---

[1]) Галль-Морель: №№ VI, XIII и XIV.

[2]) Галль-Морель: стр. XII.

Въ 1832 г., было закрыто 202 монастыря и оставлено 89; но изъ числа оставшихся, нѣкоторые не соотвѣтствовали своему назначенію, какъ по незначительному числу монаховъ, такъ и по недостатку средствъ для существованія. Это были монастыри только по названію. Уніатскіе монахи, превратившись въ латинскій орденъ, постоянно стремились совращать въ латинство уніатскую паству, и потому устранять бѣлое духовенство, служившее главнымъ для нихъ препятствіемъ. Они прогоняли священниковъ, завладѣвали приходами, помощію которыхъ только и могли существовать многіе изъ такихъ монастырей. Конечно, это было злоупотребленіе, нарушавшее каноническія правила, также какъ и монастыри, неимѣвшіе узаконеннаго числа монаховъ; но Римъ не только терпѣлъ подобныя нарушенія правилъ церкви, но даже поощрялъ ихъ въ видахъ пропаганды.

Въ 1841 г. декабря 17, церковныя и монастырскія имѣнія были взяты въ казенное управленіе, потому что онѣ были населены почти исключительно лицами православнаго исповѣданія, и слѣдовательно не могли находиться въ управленіи ксендзовъ и монаховъ. Притомъ они управлялись дурно и большая часть доходовъ или посылались въ Римъ, или истрачивались на личныя потребности духовныхъ властей. Немногіе изъ монастырей обладали значительными доходами,—большая часть, напротивъ, находились въ крайней бѣдности. Съ тѣхъ поръ, какъ управленіе этими имѣніями перешло въ руки казны, доходы увеличились, но далеко не соотвѣтствовали количеству монастырей и не давали возможности содержать ихъ безбѣдно.

Поэтому, устраняя монастыри отъ управленія приходами и по недостатку доходовъ съ монастырскихъ имѣній, правительство должно было рѣшиться на одну изъ двухъ мѣръ: или значительно сократить число монастырей, чтобы доставить остальнымъ возможность безбѣднаго существованія, или, въ добавокъ къ доходамъ съ монастырскихъ имѣній, ежегодно назначать огромныя суммы изъ государственнаго казначейства Безъ сомнѣнія Риму желательно было, чтобы правительство прибѣгло ко второй мѣрѣ; но кажется нѣтъ нужды и доказывать, что русское правительство не могло принудить своихъ православныхъ подданныхъ платить лишніе налоги для поддержанія не только излишнихъ, но даже и вредныхъ для него латинскихъ монастырей. Въ виду этихъ обстоятельствъ, въ 1841 г., опредѣлено содержать 50 штатныхъ монастырей, которые были раздѣлены на три класса: перваго класа 12 мужскихъ и 5 женскихъ; второго—5 мужскихъ и 4 женскихъ, и третьяго—5 мужскихъ и 5 женскихъ. Но сверхъ того оставлены еще 57, временно, съ жалованіемъ по 40 руб.

въ годъ на человѣка съ тѣмъ, чтобы постепенно закрывать тѣ изъ нихъ, въ коихъ число монашествующихъ будетъ менѣе 8, установленнаго канопическими правилами [1]). Съ уменьшеніемъ ихъ числа, правительство получало возможность возвышать суммы, отпускаемыя на штатные монастыри или на приходы, если они были приписаны къ тѣмъ изъ монастырей, которые предназначались къ закрытію. Такимъ образомъ, уже послѣ заключенія конкордата, по изложенной причинѣ, было закрыто 36 монастырей, и остальные 21 изъ сверхштатныхъ существовали только временно.

Жалобы римскаго двора, которыя подробно разсматривалъ комитетъ 1856 г., касались:

1) сокращенія числа монастырей, особенно послѣ заключенія конкордата, число которыхъ Пій IX, на основаніи только мнѣнія уполномоченныхъ, заключавшихъ конкордатъ, внесеннаго въ особый протоколъ, полагалъ укрѣпить навсегда буллою 5 іюля 1848 г.;

2) уничтоженія училищъ, находившихся при монастыряхъ, и

3) подчиненія монастырскихъ властей епископамъ.

Комитетъ, разсмотрѣвъ историческія свѣдѣнія и соображенія, представленныя министромъ внутреннихъ дѣлъ, съ требованіями Рима, нашелъ, что число 50 монастырей совершенно достаточно по отношенію къ народонаселенію латинскаго исповѣданія; но полагалъ возможнымъ, для удовлетворенія требованіямъ Рима, постановить, что это число впредь сокращаемо не будетъ. Когда заключенія комитета, изложенныя въ особой запискѣ, были вручены нашимъ посланникомъ кардиналу Антонелли, 23 іюля 1856 года (promemoria, de la main à la main), то римскій дворъ, казалось, остался доволенъ обѣщаніемъ нашего правительства сохранить постоянно штатное число монастырей, и затѣмъ, какъ увѣдомлялъ нашъ послапникъ, вопросъ о сокращеніи монастырей можно считать оконченнымъ [2]).

Въ отношеніи къ 22-хъ лѣтнему возрасту, назначенному для вступленія въ монашество, въ нотѣ, кардиналъ Антонелли, въ 1856 году, повторилъ старыя жалобы Рима, говоря, что вслѣдствіе этого постановленія уменьшается число монаховъ. Но опытъ доказалъ, что латинскіе монастыри не соблюдали этого постанов-

---

[1]) Г. Варадиновъ, Истор. Мин. Внутр. Дѣлъ, ч. III, кн. 2, стр. 729—80. — Esposiz. document. № XLV.

[2]) ... que cette question peut-être envisagée à présent comme vidée, car sur mes représentations, le cardinal, comme le Pape lui meme, l'acceptent comme un fait accompli, sur le quel il n'y avait plus à revenir.

ленія правительства и удобно могли нарушать его, при существованіи при нихъ особыхъ училищъ или семинарій. Такія училища устроивались при латинскихъ монастыряхъ исключительно для новиціевъ, готовившихся къ произнесенію монашескихъ обѣтовъ. Но какъ число добровольно поступавшихъ въ монашество было весьма незначительно, то монастыри начали принимать въ свои школы несовершеннолѣтнихъ и дѣтей и, дѣйствуя на молодое воображеніе, привлекали ихъ къ поступленію въ монашество, чтобы сколько нибудь пополнить постоянно уменьшавшійся его составъ. Мы указали уже, какія происходили отъ того послѣдствія, — многіе изъ такихъ монаховъ оставляли свое званіе и перебѣгали за границы имперіи. Сверхъ того, монастыри находились въ крайнемъ паденіи и не могли дать порядочнаго образованія своимъ воспитанникамъ, котораго сами не имѣли, грубо и даже жестоко обходились съ ними, о чемъ неоднократно доходили жалобы до правительства. Въ виду этихъ обстоятельствъ, и обращая постоянное вниманіе на улучшеніе семинарій, состоявшихъ при епископскихъ каѳедрахъ и, давая имъ всѣ средства для образованія клириковъ, правительство уничтожило, въ 1844 г., монастырскія училища. Въ 1847 г., римскій дворъ протестовалъ противъ этой мѣры. Сверхъ того, въ нотѣ 1856 г., кардиналъ Антонелли приписывалъ уменьшеніе числа монаховъ строгому порядку, установленному въ 1829 и 1842 г., правительствомъ для поступленія въ монашество, которое совершается не иначе, какъ съ вѣдома губернскаго начальства, духовной коллегіи и министерства внутреннихъ дѣлъ [1]). Дѣйствительно, пріемъ въ монахи несовершеннолѣтнихъ и бѣглыхъ преступниковъ и бродягъ вынудили правительство принять мѣры къ пресѣченію этихъ злоупотребленій.

Комитетъ — «принимая во вниманіе, что постановленіе Тридентинскаго собора, дозволяющее произносить монашескіе обѣты по достиженіи 16 лѣтняго возраста, когда человѣкъ еще не въ состояніи отдавать себѣ надлежащаго отчета о важности принимаемыхъ имъ на себя обязанностей, не можетъ быть допущено безъ опасныхъ послѣдствій, что даже въ странахъ латинскихъ по исповѣданію, это правило подвергалось значительнымъ ограниченіямъ, считалъ необходимымъ удержать силу нашихъ постановленій о пріемѣ вообще въ монашество, и поэтому полагалъ не принимать въ новиціатъ лицъ моложе 19 лѣтъ». Не допуская также школъ при монастыряхъ — «въ виду опасныхъ послѣдствій и трудности надзора за ними, комитетъ, желая по

[1]) Св. Зак. т. IX, ст. 343, 344 и 345, Высоч. пов. 1864 г., янв. 1.

возможности удовлетворить требованіямъ Рима, полагалъ возможнымъ дозволить тѣмъ монастырямъ, которые будутъ имѣть къ тому средства, учредить преподаваніе богословскихъ наукъ для лицъ уже поступившихъ въ новиціатъ, или дозволить имъ посылать новиціевъ слушать курсъ наукъ въ епархіальныя семинаріи и по окончаніи возвращаться въ монастырь».

Наконецъ, комитетъ подробно обсуждалъ требованіе Рима о возстановленіи званія монастырскихъ провинціаловъ.

До 1842 г., латинское духовное управленіе на дѣлѣ выражалось въ трехъ, почти независимыхъ одна отъ другой, властяхъ: епископахъ, которымъ принадлежала власть распорядительная; консисторіи, имѣвшей судебную власть, и провинціалахъ, управлявшихъ монастырями. Такое разновластіе служило поводомъ ко многимъ безпорядкамъ. Поэтому министерство внутреннихъ дѣлъ, въ этомъ году, предположило консисторіи подчинить епископамъ, а провинціаловъ вовсе уничтожить и замѣнить ихъ благочинными монастырей или визитаторами, которые находились бы въ зависимости отъ епископовъ и были членами консисторій. Императоръ Николай Павловичъ нашелъ эту мѣру весьма полезною; но, до приведенія ея въ исполненіе, желалъ знать мнѣніе латинской духовной коллегіи. Коллегія, разсмотрѣвъ эти предположенія, признала ихъ также «полезными и непротивными римско-католической церкви».

При императрицѣ Екатеринѣ Великой званіе провинціаловъ было вовсе уничтожено, въ виду главной цѣли—прервать, вредныя для государства, сношенія монашескихъ орденовъ съ ихъ заграничными властями и подчинить ихъ исключительно власти епископовъ. Въ послѣдствіи, подъ вліяніемъ іезуитовъ, званіе провинціаловъ было возобновлено и существовало до 1842 г. Постановленіе этого года о визитаторахъ не было однакоже прямымъ возвратомъ къ постановленіямъ Екатерины, но собственно, къ регламенту 1798 г., которымъ хотя и допускались провинціалы, но по выбору епископовъ и вполнѣ подчиненные ихъ власти. Несмотря на то, что перемѣнилось только названіе, римскій дворъ, въ 1846 г., протестовалъ противъ учрежденія визитаторовъ, какъ власти каноническими правилами римской церкви неустановленной. При заключеніи конкордата, римскіе уполномоченные настаивали на необходимости возобновить должности провинціаловъ, а для избѣжанія столкновеній между ними и епископами, предлагали готовность папы увеличить права епископовъ въ отношеніи къ надзору за *внѣшнею* дисциплиною монастырей. Что же касается до *внутренней* дисциплины, то она должна находиться подъ исключительнымъ надзоромъ провинціа-

ловъ, которые должны сноситься съ ихъ генералами, тѣмъ же порядкомъ, какъ епископы сносятся съ папою. Предлагали даже дать епископамъ право предсѣдательства въ монастырскихъ капитулахъ. Предложенія Рима внесены въ особый протоколъ (ст. 7) къ конкордату, и оставлены безъ разрѣшенія нашими уполномоченными до дальнѣйшихъ переговоровъ. Конечно, протестъ Рима относился не къ названію новой должности, потому что онъ не утверждалъ также и провинціаловъ, *подчиненныхъ епископамъ*. Сущность возраженія заключалась именно въ отношеніи къ этому подчиненію, потому что Римъ постоянно стремился освободить монашескіе ордена отъ всякой зависимости отъ епископовъ и подчинить ихъ исключительно генераламъ орденовъ и папѣ. Сверхъ того визитаторы учреждены были, въ 1842 г., въ числѣ шести, а монашескихъ орденовъ въ имперіи было 12, и каждый орденъ хотѣлъ имѣть своего провинціала.

Комитетъ, принимая во вниманіе, что правило, которому неуклонно слѣдовало наше правительство, заключалось въ томъ, чтобы монастыри исключительно подчинялись епископамъ, какъ власти находящейся въ предѣлахъ имперіи, и не считали себя въ зависимости отъ какихъ бы то ни было иноземныхъ властей; что подчиненіе ихъ епископамъ не противорѣчитъ церковнымъ канонамъ, ибо самъ папа Пій VI, въ 1778 г. августа 6, предоставилъ, хотя и временно, эту власть митрополиту Сестренцевичу, и нунцій Аркетти подтвердилъ ея продолженіе въ 1784 г. февраля 15,—полагалъ, что не слѣдуетъ измѣнять коренныхъ началъ нашего законодательства въ этомъ случаѣ. Но, чтобы удовлетворить до нѣкоторой степени желанію Рима, комитетъ выразился, что—«возможно допустить избраніе провинціаловъ для наблюденія за внутреннею дисциплиною, согласно съ правилами каждаго ордена, но съ условіемъ, что они будутъ утверждаемы съ вѣдома правительства духовною властію, находящеюся въ предѣлахъ имперіи, напримѣръ, могилевскимъ митрополитомъ,—будутъ подчинены власти епископовъ въ каждой епархіи, относясь къ нимъ во всѣхъ потребныхъ случаяхъ и чрезъ нихъ единственно испрашивая отъ папской власти, установленнымъ порядкомъ, необходимыя указанія и разрѣшенія».

Такова исторія латинскихъ монастырей въ имперіи. Мѣры правительства не касались монастырей, находившихся въ царствѣ польскомъ, которые оставались въ прежнемъ положеніи до послѣдняго времени. Правительству удалось путемъ сокращенія монастырей доставить имъ внѣшнее благосостояніе; устройствомъ семинарій и академіи поднять уровень ихъ просвѣщенія; усиленіемъ надзора водворить въ нихъ бо́льшій порядокъ; но, ко-

нечно, оно не могло внушить имъ христіанскихъ чувствъ и необходимости исполнять обязанности, соединенныя съ духовнымъ званіемъ. Это было дѣло Рима; но онъ ничего не дѣлалъ и только протестовалъ противъ всякой мѣры, предпринимаемой русскимъ правительствомъ въ отношеніи къ монастырямъ. Поэтому они сохранили прежній характеръ, и въ послѣднемъ польскомъ мятежѣ приняли такое же участіе, какъ и въ возстаніи 1830 года.

VII.

Разборъ дальнѣйшихъ требованій Рима: о непосредственныхъ сношеніяхъ съ папою, о церковныхъ имуществахъ, о пропагандѣ латинскаго исповѣданія, объ епископской присягѣ и о смѣшанныхъ бракахъ.

При всей рѣшительности отказа нашего правительства на нѣкоторыя изъ притязаній римскаго двора, папа не переставалъ настаивать на ихъ исполненіи. Въ аллокуціи, 3 іюня 1848 г., объявляя о заключеніи конкордата, онъ торжественно выразилъ, что дѣло еще не кончено, и предстоятъ переговоры о вопросахъ болѣе важныхъ, которые перечислилъ съ подробностію [1]).

---

[1]) ... Multa quidem alia et maximi sane momenti ad optatum exitum adducenda supersunt, quae a plenipotentiariis in tractatione perfici haud potuere, ac nos vehementissime sollicitant et angunt, cum ad ecclesiae libertatem, ius, rationes et ad illorum fidelium salutem summopere pertineant. Etenim hic loquimur, vener. fratres, de vera et plena libertate illis fidelibus tribuenda, ut in rebus ad religionem spectantibus cum hac apostolica sede catholicae unitatis et veritatis centro, omniumque fidelium matre et magistra, sine ullo impedimento communicare possit: et quantas in hac re sit animi nostri dolor quisque vel facile intelligit ex iteratis reclamationibus, quas variis temporibus haec apostolica sedes, ob hanc liberam fidelium communicationem agere nunquam intermisit, etiam circa alias regiones, ubi communicatio ipsa cum non levi animarum detrimento in nonnullis religionis negotiis impeditur. Loquimur de bonis clero restituendis, loquimur de laica persona per guberniam electa ad episcoporum consistoriis amovenda; ut episcopi in hujusmodi conventibus omni libertate fruantur; loquimur de lege, qua ibi mixta coniugia uti valida non agnoscuntur, nisi postquam nuptiis ipsis acatholicus praesbiter graecorussus benedixerit, loquimur de libertate, qua catholici pollere debent, ut matrimoniales eorum causae in mixtis coniugiis a catholico tribunali ecclesiastico expendantur et iudicentur; loquimur de variis legibus ibi editis, quibus et religiosae professionis aetas fuit praefinita, et scholae in religiosorum ordinum familiis sunt penitus sublatae, et provinciales moderatores omnino amoti, et conversio ad catholicam religionem praecepta atque interdicta. Atque ingens nos quoque urget sollicitudo de tot carissimis nobis filiis inclytae Ruthenae nationis, qui (proh dolor!) ob infandam et nunquam satis lugendam quorundam antistitum ab hac Romana ecclesia defectionem per vastissimas illas regiones miserandum

Въ письмѣ къ нынѣ царствующему императору, 31 января 1859 г., Пій IX говорилъ: «Съ первыхъ дней вашего славнаго восшествія на престолъ, вашъ посланникъ, г. Киселевъ, сообщилъ намъ твердую волю вашего величества, что всѣ условія, заключенныя съ вашимъ августѣйшимъ родителемъ, будутъ исполнены. Мы были увѣрены, вслѣдствіе этого формальнаго объявленія, что ваше величество дадите приказанія ясныя и опредѣленныя и, прибавлю, настоятельныя. Во всякомъ случаѣ, да позволите, ваше величество, повторить со всею откровенностію, намъ свойственною: эти приказанія, быть можетъ, по непредвидѣннымъ обстоятельствамъ, не были приведены въ исполненіе, какъ вы желали, и многія статьи конкордата и буллы о разграниченіи епархій остаются мертвою буквой, хотя тѣмъ, на комъ лежало исполненіе, были извѣстны и предписанія вашего величества и наши желанія, такъ часто заявляемыя, равно и требованія, выражавшіяся въ видѣ конфиденціальныхъ нотъ, съ цѣлію поддержать согласіе съ вашимъ правительствомъ. Упоминая объ этомъ, государь, мы не имѣемъ въ виду выразить требованіе, но единственно указываемъ на это монарху, который пользуется славою справедливаго и великодушнаго, въ надеждѣ, что онъ болѣе не допуститъ, чтобы наши скромныя желанія обращали противъ насъ и противъ католиковъ, его подданныхъ; но вникнувъ въ дѣло, приметъ болѣе дѣйствительныя мѣры для обезпеченія католикамъ обоихъ обрядовъ такого же положенія въ отношеніи къ дѣламъ совѣсти и вѣры, какимъ пользуются всѣ другіе его подданные. Мы не можемъ также не обратить вниманія вашего величества на другіе предметы, которые хотя и не вошли въ составъ конкордата, но тѣмъ не менѣе упомянуты въ особомъ къ нему протоколѣ. Не будемъ утруждать ваше величество ихъ перечисленіемъ. Впрочемъ, они вамъ извѣстны, также какъ извѣстны и всему католическому міру, которому мы заявили ихъ въ аллокуціи 3 іюля 1848 г. Въ радостномъ увлеченіи, мы объ-

---

in modum dispersi in luctuosissima sane conditione et summo aeternae salutis discrimine versantur, cum careant propriis catholicis episcopis qui illos regere et ad salutaria pasqua, atque ad justitiae semitas ducere, et spiritualibus auxiliis roborare, atque ab inimicorum hominum fallaciis, fraudibus, insidiis defendere possint. Quae sane omnia ita animo nostro penitus haerent infixa, ut cum Dei gratia nullam sollicitudinis studiique partem omissuri simus, quo tam gravibus Ecclesiae sanctae rebus occurrere valeamus. Neque animum despondemus. Namque idem nobilis vir comes de Bloudoff ex hac urbe decedens Petropolim rediturus luculentissimis verbis nobis est pollicitus, se ad imperialem et regiam Maiestatem Suam nostra desideria et expostulationes esse delaturum, ac de illis magna saltem ex parte curam habiturum, et eorum ea omnia declaraturum, quae absens haud facile explicare potuisset. — Esposiz. document. № XLIX, стр. 156—57.

явили о заключенномъ уже договорѣ и о томъ, что питаемъ надежду получить согласіе на другія требованія отъ великодушія и справедливости монарха, который тогда правилъ судьбами россійской имперіи. Вашъ августѣйшій родитель, государь, не довершилъ дѣла, такъ славно начатаго. Мы съ полнымъ довѣріемъ просимъ ваше величество его довершить. Одно ваше слово возвратило миръ Европѣ, и Европа не забудетъ этого благодѣянія. Другимъ словомъ изъ вашихъ устъ, вы можете исполнить наши желанія, и католики обоихъ обрядовъ будутъ вѣчно вамъ признательны [1])».

Въ то время, когда писалось это письмо, римскому двору уже были извѣстны постановленія комитета 1856 г., одобренныя императоромъ; но Пій IX вовсе не признаетъ ихъ существованія, не считаетъ нужнымъ упомянуть о нихъ въ своемъ письмѣ къ государю, и напротивъ, вновь заявляетъ прежнія требованія. Уже эта настойчивость обязываетъ насъ обратить особое вниманіе на требованія Рима, на которыя Россія отвѣчала отказомъ, прежде нежели приступимъ къ дальнѣйшему изложенію нашихъ отношеній къ папскому престолу. Объяснить ихъ сущность, какъ ученій Рима, и ихъ значеніе въ жизни европейскихъ народовъ необходимо для того, чтобы отвѣчать на вопросъ: почему съ одной стороны, наше правительство не могло поступить иначе, какъ отказавъ въ этомъ случаѣ на-отрѣзъ въ удовлетвореніи притязаніямъ Рима, и съ другой—могъ ли Римъ успокоиться въ виду этого рѣшенія и отказаться отъ своихъ требованій?

Самымъ важнымъ изъ этихъ вопросовъ, безъ сомнѣнія, было требованіе Рима о непосредственныхъ сношеніяхъ латинскаго духовенства и мірянъ съ папою, какъ главою римской церкви. Важность этого вопроса доказывается уже тѣмъ, что онъ былъ однимъ изъ существенныхъ поводовъ борьбы между папами и европейскими государствами, начавшейся еще съ X вѣка и продолжающейся до настоящаго времени. Въ теченіе всей этой борьбы, отмѣченной кровавыми слѣдами въ исторіи Европы, выработалось юридическое ученіе, извѣстное у канонистовъ подъ названіемъ *placet* или *exequatur*. Это право, которое присвоивала себѣ государственная власть и защищала отъ притязаній папъ, заключалось въ томъ, что никакая булла и вообще папское предписаніе, въ какомъ бы видѣ оно сообщено ни было, не могло быть обнародовано безъ разрѣшенія верховной власти государства, которая допускала такое обнародованіе только въ томъ случаѣ, когда въ буллахъ не заключалось предписаній

[1]) Тамъ-же, № LII, стр. 162—3.

несогласныхъ съ законами государства или нарушающихъ общественное спокойствіе. Одна необходимость принуждала папъ уступать въ этомъ случаѣ противодѣйствію всѣхъ европейскихъ правительствъ. Подъ вліяніемъ этой необходимости, римскіе канонисты изобрѣли особое ученіе о различіи папскихъ буллъ *догматическаго* содержанія отъ всѣхъ другихъ, конечно, не опредѣляя съ надлежащею точностію, какія это *другія?* Буллы догматическаго содержанія, говорили они, не должны подлежать предварительному просмотру свѣтскихъ правительствъ; это значило-бы, что свѣтское правительство врывается въ область духовной власти и ограничиваетъ ея значеніе. Обративъ вниманіе на эти возраженія Рима, европейскія правительства однакоже возбудили вопросъ: кому-же принадлежитъ право опредѣлять характеръ содержанія буллы? — и разрѣшили его въ свою пользу. Такъ поступило даже испанское правительство Филиппа II, котораго, кажется, нельзя заподозрить въ ереси. Но при этомъ случаѣ допускалась слѣдующая уступка Риму: если, по разсмотрѣніи правительствомъ, булла дѣйствительно оказывалась догматическаго содержанія, то дозволеніе ее обнародовать называлось уже не placet или exequatur, но—*visa*. Измѣнено названіе, но сущность дѣла оставалась та же.

Какъ свѣтскія правительства дорожили этимъ правомъ и постоянно его защищали отъ притязаній папъ, такъ и папы, съ своей стороны, постоянно его нарушали, или тайными путями сносясь съ духовенствомъ, или явно поручая епископамъ обнародовать буллы безъ предварительнаго согласія свѣтской власти, или наконецъ, прямо вымогая себѣ это право у правительствъ слабыхъ. Взглядъ Рима на этотъ вопросъ, со временъ наибольшаго могущества папъ въ средніе вѣка и до настоящаго времени, оставался неизмѣннымъ. Въ исторіи европейскаго запада, пріобрѣла громкую извѣстность пресловутая булла Льва X, повторенная и его преемниками — In coena Domini. Папы придавали ей особенное значеніе, постановивъ ежегодно читать ее въ храмахъ торжественно, на страстной недѣлѣ [1]). Въ ней съ наибольшею полнотой и ясностію выражалось понятіе о полновластіи папы, предъ которымъ должна преклоняться всякая иная власть. Въ этой буллѣ, между прочимъ, прямо отлучаются отъ церкви и предаются проклятію тѣ, которые пользуются правомъ предварительнаго разсмотрѣнія папскихъ буллъ и другихъ предписаній, или защищаютъ его. Папа Пій IX, въ числѣ ученій, изложенныхъ въ особой запискѣ (Sillabus), обнародованной

[1]) Magn. Bullarium Roman. T. I, p. 718, и T. IV, p. 118. — Лоранъ, L'église et l'état, T. II, стр. 196 и слѣд. — Гр. де Местръ, Le Pape, liv. II, chap. XV.

вмѣстѣ съ пресловутымъ окружнымъ посланіемъ 8-го декабря 1864 г., которыя онъ, *всѣ въ совокупности и каждое порознь*, предаетъ проклятію,—указываетъ и на *ложное ученіе*, что будтобы «свѣтскому правительству, даже находящемуся въ рукахъ иновѣрнаго государя, можетъ принадлежать, такъ называемое, право exequatur» (ст. 41).

Ультрамонтанскіе писатели и канонисты постоянно нападали на это ученіе, опровергая, присвоиваемую въ этомъ случаѣ свѣтскимъ правительствомъ, власть — двумя въ ихъ глазахъ неопровержимыми доказательствами: полновластіемъ папъ и свободою церкви. «Церковь — говоритъ новѣйшій изъ папскихъ канонистовъ, пользующійся большою ученою извѣстностію — заключая въ себѣ не одно первосвященство (Hohepriesterthum) ветхаго завѣта, но и соединенную съ священствомъ свѣтскую верховную власть (Koenigthum), по образу Мельхиседека, требуетъ, для осуществленія своего призванія — воспитывать народы, права законодательства. Поэтому, начиная съ перваго происхожденія церковнаго закона до его исполненія, при каждомъ случаѣ церковь постоянно должна пользоваться полною свободою. Государственная власть, по началамъ божественнаго права, обязана только исполнять повелѣнія церкви [1]), и изъ этой обязанности проистекаетъ ея право защищать церковь и устранять всѣ препятствія къ исполненію ея предписаній». Латинская церковь считаетъ своимъ божественнымъ призваніемъ воспитывать народы не словомъ убѣжденія, но приказаніями, не вразумляя и объясняя, но повелѣвая и настаивая; ибо ея предписанія суть законы. Поэтому она и требуетъ, чтобы свѣтская власть внѣшнею силою заставляла имъ повиноваться. Но подъ словомъ: церковь, папскіе канонисты подразумѣваютъ въ собственномъ смыслѣ папу, какъ главу и средоточіе власти, который одинъ вмѣщаетъ въ себѣ источникъ божественнаго права, или самъ предписывая законы, или придавая только своимъ утвержденіемъ силу закона постановленіямъ соборовъ, и эти-то постановленія они считаютъ «дополненіемъ евангелія, посланій и пророчествъ». «Если папскимъ постановленіямъ окончательную силу будетъ придавать свѣтская власть, то, стало-быть, двѣ власти будутъ управлять вселенною, что несогласно съ божественнымъ правомъ. Свѣтскіе властители суть только, вооруженные мечемъ, сыны церкви, а не отцы, и не могутъ давать ей законовъ. Если-бъ папскія предписанія получали исполнительную силу отъ свѣтскихъ властителей, то, въ собственномъ смыслѣ, законодательная власть

[1]) Canones Consil. Tridcnt. Sessio XXV, cap. XX.

принадлежала-бы имъ; а въ такомъ случаѣ и языческіе государи могли бы пользоваться этимъ правомъ.» Это ученіе прежде всего предполагаетъ, что между церковію и государствомъ нѣтъ ничего общаго, и что это—независимыя одна отъ другой силы, а вмѣстѣ съ тѣмъ, что государство имѣетъ не только одинаковое, но даже бо̀льшее значеніе, нежели церковь [1]). Между тѣмъ какъ, по взглядамъ Рима, единственная неограниченная власть въ мірѣ есть власть папы, и всѣ прочія должны покоряться ей.

Приведенное нами ученіе извѣстнаго канониста, профессора Филлипса, начинается съ защиты понятія о свободѣ церкви, а сводится къ другому—полновластію папъ. Однимъ—только прикрывается другое, хотя между ними весьма мало общаго потому, что въ собственномъ смыслѣ они принадлежатъ двумъ различнымъ эпохамъ, мало похожимъ одна на другую.

Средневѣковые канонисты, признавая единственною, безусловною властью на землѣ только власть папъ, конечно, почти никогда не говорили о свободѣ церкви. При полновластіи, свобода подразумѣвалась сама собою. «Іисусъ Христосъ, — они учили—былъ вмѣстѣ царь и священникъ, всѣ свои власти онъ передалъ апостолу Петру, поэтому весьма основательно папы называются царями и первосвященниками. Свѣтская власть существуетъ только по волѣ духовной, такъ какъ тѣло существуетъ только по милости души. Если Іисусъ Христосъ позволялъ царямъ царствовать при его жизни и послѣ его смерти, то это потому только, что его царство еще не было устроено. Но какъ только христіанство утвердилось, чудомъ принужденъ былъ Константинъ уступить папѣ обладаніе вселенною, которою онъ уже обладалъ по праву. Съ тѣхъ поръ двѣ власти составляютъ одну въ рукахъ верховнаго первосвященника [2])». Такой взглядъ въ средніе вѣка выражался всѣми канонистами, въ наше же время, съ замѣчательною ловкостью софиста, защищалъ его только графъ де Местръ [3]).

Но съ XIV вѣка, когда значеніе папъ быстро начало упадать, оставаясь въ сторонѣ отъ развитія просвѣщенія и обще-

---

[1]) Georg Phillips, Kirchenrecht T. II, изд. 3-е, 1857 г., § 112.—Ср. Droste-von-Vischening, Ueber d. Frieden unter d. Kirche u. den Staaten, стр. 106 и слѣд.

[2]) De regimine principum, lib. III, c. 10, 16. Это сочиненіе приписывается св. Ѳомѣ. Мы могли бы привесть множество выписокъ, выражающихъ то же мнѣніе, изъ средневѣковыхъ канонистовъ; но ограничимся указаніемъ на слѣдующія сочиненія, гдѣ онѣ собраны въ достаточномъ количествѣ: Гизлеръ, Kirchengeschichte, въ т. II и III, напр., §§ 59, 101, 136 и др; Ранке, Deutsche Geschichte in Zeitalter der Reform. т. I, и Лоранъ, L'église et l'état, т. II, стр. 168 и слѣд.

[3]) Du Pape, liv. 2, chap. VI.

ственной жизни народовъ, было сильно потрясено и ученіе о ихъ полновластіи. Знаменитая борьба Бонифація VIII съ Филиппомъ Красивымъ послужила однимъ изъ существенныхъ поводовъ къ тому, что правительства европейскихъ государствъ обратили вниманіе на то, какою опасностью угрожаетъ имъ Римъ, не тому или другому государю лично, но вообще свѣтской верховной власти. И до этого времени они постоянно боролись съ папами, но мало обращали вниманія на политическія ученія, проповѣдуемыя римскими канонистами, и потому не понимали всей силы, угрожавшей имъ опасности. Затѣмъ насталъ *великій расколъ* (схизма), какъ называютъ историки время, когда появлялось по два и болѣе папъ, и каждый изъ нихъ отлучалъ отъ церкви и предавалъ проклятію другого. Это явленіе, продолжавшееся долго, послужило самымъ убѣдительнымъ доказательствомъ для народовъ западной Европы, до какой степени были ложны и противны христіанству всѣ притязанія папъ. Пресловутая духовная власть папъ не могла дать единства западной церкви, и нужно было призвать на помощь свѣтскихъ властителей. Историческія событія, такимъ образомъ, объяснили значеніе двухъ властей, папъ и государей. Созванные свѣтскою властью соборы, при ея помощи, возстановили наконецъ единство западной церкви. Судя и осуждая папъ, низвергая ихъ съ самовольно и беззаконно захваченныхъ престоловъ, они доказали на дѣлѣ и возстановили въ то же время древнее каноническое правило, что рѣшенія соборовъ выше рѣшеній папъ.

Эти происшествія, столь извѣстныя въ исторіи западной Европы, произвели двоякія послѣдствія. Съ одной стороны, лишь только соборы возстановили власть папъ, какъ сами папы отвергли постановленія этихъ соборовъ, и ихъ канонисты, въ XV в., усердно повторяли ученіе своихъ предшественниковъ о папскомъ полновластіи, съ другой, государства и народы Европы уже были не тѣ, какъ прежде, и реформація, со всѣми ея послѣдствіями, была отвѣтомъ Риму.

Въ промежутокъ времени, между реформаціею и французскою революціею, римскіе казуисты выработали новое воззрѣніе на власть папъ. Канонистамъ извѣстно ученіе іезуита кардинала Беллярмина объ отношеніи духовной власти къ свѣтской; оно послужило поворотною точкой отъ средневѣковыхъ понятій о папской власти къ тѣмъ, которыя и до настоящаго времени проповѣдуютъ ультрамонтанскіе писатели и канонисты. «Папы, говоритъ онъ, имѣютъ права только какъ намѣстники (vicarii) І. Христа; но І. Христосъ никогда не былъ государемъ въ свѣтскомъ отношеніи (in temporalibus). Мое царство не отъ міра

сего, — вотъ слова, которыя совершенно разрушаютъ основанія непосредственной въ свѣтскихъ дѣлахъ власти папъ. I. Христосъ, какъ Сынъ Божій, по истинѣ былъ Царь и Господь надъ всѣми созданіями, также какъ и Богъ-Отецъ; но эта власть не можетъ быть никому передана, и человѣкъ не можетъ изъявлять притязаній на власть свойственную Богу. Въ какомъ смыслѣ папа считается намѣстникомъ I. Христа? Онъ исполняетъ то значеніе I. Христа, которое Христосъ исполнялъ, какъ человѣкъ, живя между людьми. Даже нельзя признать за папой и всей той власти, которою обладалъ I. Христосъ, какъ человѣкъ; потому что, будучи вмѣстѣ Богомъ и человѣкомъ, онъ обладалъ властію по преимуществу, которая распространялась на всѣхъ, вѣрныхъ и невѣрныхъ, тогда какъ папѣ, преемнику св. Петра, онъ поручилъ только своихъ овецъ. Онъ поручилъ ему только ту власть, которую можно было поручить человѣку, и которая была ему необходима, какъ пастырю, чтобы управлять вѣрными и руководить ихъ къ достиженію вѣчной жизни [1])».

Такъ говоритъ о свѣтской власти папъ іезуитъ и кардиналъ. «Но переверните страницу,- замѣчаетъ одинъ изъ извѣстныхъ современныхъ писателей, и вы увидите, что хитрый іезуитъ вновь захватитъ все, что, повидимому, онъ уступилъ своимъ противникамъ». «Папа, говоритъ далѣе Беллярминъ, обладаетъ только духовною властію, но, въ силу именно этой власти, онъ имѣетъ *посредственную* (indirecte) власть въ дѣлахъ свѣтскихъ, и эта посредственная власть верховна и неограниченна. Въ виду духовныхъ благъ, папа можетъ распоряжаться и земными [2])».

Очевидно, это новое ученіе на дѣлѣ, въ его примѣненіи къ дѣйствительной жизни, нисколько не различалось отъ прежняго,— это то же ученіе, облеченное только въ іезуитскую одежду; но въ смыслѣ теоретическомъ оно важно потому, что уже различаетъ понятія о двухъ властяхъ и тѣмъ самымъ даетъ возможность нѣкоторой самостоятельности для свѣтской власти. Какъ-же отнеслась къ нему папская власть? Съ тѣмъ же самымъ двусмысліемъ, которымъ проникнуто это іезуитское ученіе. Беллярминъ посвятилъ свой трактатъ Сиксту V; въ отвѣтъ на это, папа призналъ его сочиненіе еретическимъ и подвергъ запрещенію; но въ примѣненіи къ дѣйствительной жизни, съ тѣхъ

---

[1]) De romano pontifice, lib. V, cap. 1.

[2]) Ratione spiritualis potestatis habet saltem *indirecte* potestatem quamdam, eamque summam in temporalibus... Asserimus pontificem in ordine ad bonum spirituale summam potestatem disponendi de temporalibus rebus omnium christianorum. Ibid.—Laurent: L'église et l'état. Часть II, стр. 179 и слѣд.

поръ папы постоянно пользовались этимъ ученіемъ, и оно оставалось господствующимъ между ультрамонтанскими писателями и канонистами до новѣйшаго времени. Въ замѣнъ уступленной, повидимому, свѣтской власти папъ, къ этому ученію стали присоединять и понятіе о свободѣ церкви. Но папскіе канонисты понимали ее не такъ, какъ всѣ другіе. Подъ свободою церкви, они разумѣли власть и притомъ исключительную, ибо никакъ не допускали такой-же свободы въ отношеніи къ другимъ исповѣданіямъ. Изъ всѣхъ конкордатовъ, заключенныхъ въ настоящемъ столѣтіи римскимъ дворомъ съ европейскими державами, папы наиболѣе были довольны конкордатомъ съ Испаніею, который, по словамъ Пія IX, въ аллокуціи 1851 г. сентября 15, наиболѣе ограждалъ свободу церкви, потому что — «въ этомъ договорѣ принято въ основаніе, что католическая религія со всѣми ея правами, принадлежащими ей въ силу ея божественнаго установленія и правилъ священныхъ канoновъ, будетъ, по прежнему, признана исключительно господствующею въ этомъ королевствѣ въ такой степени, что всѣ другія исповѣданія будутъ запрещены и изгнаны [1])». Но эта радость Рима продолжалась не долго, и чрезъ три года Пію IX, въ аллокуціи 26 іюля 1855 г., пришлось оплакивать положеніе дѣлъ латинской церкви въ Испаніи. Новѣйшіе папскіе канонисты не скрываютъ болѣе того значенія, которое они придаютъ понятію о свободѣ церкви, какъ показываютъ приведенныя слова Филлипса, и прямо возвращаются къ средневѣковымъ понятіямъ о папскомъ полновластіи.

Рядомъ съ этимъ взглядомъ Рима, европейскія правительства и свѣтскіе юристы выразили другой, совершенно ему противуположный.

Пресловутая булла—In coena Domini, повсюду была запрещена. Даже Филиппъ II, испанскій, не хотѣлъ и слышать о ней. Объ ней говорили юристы, какъ о *позорномъ* документѣ, — «въ которомъ заключается столько же покушеній противъ власти государей, сколько въ ней правилъ» [2]). Когда отцы Тридентинскаго собора, созванные для того, чтобы преобразовать латинскую церковь *во главѣ и членахъ*, т. е. папскую власть и духовенство, вмѣсто того составили проектъ постановленій, въ которыхъ задумали-было окончательно узаконить всѣ притязанія папъ, ограничивавшія свѣтскую власть государей (reformatio

---

[1]) Velut antea vigere et dominare, ut omnis alius cultus plane sit amotus et interdictus...

[2]) Dupin, Manuel du droit ecclesiast. français. Ed 1845. стр 26.—Laurent, L'église et l'état. II, стр 197 и слѣд.

principum); то представители всѣхъ государствъ не допустили ихъ до разсмотрѣнія этого проекта. Извѣстный юристъ Феррье, представитель Франціи на соборѣ, говорилъ, отъ лица всѣхъ представителей другихъ государей: «Предположенія о преобразованіи правъ государей (de reformatione principum) не имѣютъ другой цѣли какъ подорвать значеніе королевскаго величества и разрушить права галликанской церкви. Христіаннѣйшіе короли, по примѣру Константина, постановляли законы, касавшіеся церкви, и эти законы внесены даже въ собранія каноническихъ правилъ; но они не заключали въ себѣ ничего противнаго догматамъ вѣры и постановленіямъ древнихъ соборовъ, они предоставляли полную свободу епископамъ въ отношеніи къ отправленію ихъ духовныхъ обязанностей. Но если епископы пользуются должною имъ свободою, то и государство также имѣетъ свои права. Оно пользуется правомъ прекращать несправедливыя дѣйствія духовенства (appel comme d'abus), оно отказываетъ въ позволеніи (placet) обнародовать буллы, заключающія въ себѣ покушенія на его власть, оно даетъ предписанія духовенству въ случаяхъ государственной необходимости» [1]). Въ нѣкоторыхъ государствахъ Европы вообще постановленія Тридентинскаго собора не были вовсе приняты; а въ другихъ приняты съ значительными ограниченіями. Извѣстный голландскій канонистъ XVII вѣка, ванъ-Эспенъ, говоритъ, что «право *placet* родилось вмѣстѣ съ королевскою властью; оно составляетъ такую неотъемлемую ея принадлежность, что отказъ отъ него равносиленъ отказу отъ короны» [2]). Портальисъ, представляя палатамъ конкордатъ 1801 г. и *органическія статьи* объ устройствѣ церкви во Франціи, объяснялъ необходимость поддержать вліяніе государственной власти на духовенство чувствомъ *самосохраненія*, столь же свойственнымъ и врожденнымъ всѣмъ государствамъ, какъ и частнымъ лицамъ. Духовенство, по его воззрѣнію, должно быть неразрывно соединено съ общимъ государственнымъ устройствомъ, какъ одно изъ его сословій, должно признавать себя подданными государства, а не подданными Рима, къ чему стремились папы. Со времени усиленія папской власти, всѣ ея дѣйствія направлялись къ тому, чтобъ подчинить себѣ духовенство чисто внѣшнимъ, государственнымъ образомъ. Конечно, духовенство «вѣчнаго города» и его областей находилось не только въ отношеніяхъ духовной зависимости къ папѣ, но и въ

---

[1]) Le Plat, Monumenta consil. Tridentini, vol VI, pag. 233 — 37.

[2]) Van Espen, De placito regio. T. IV, p 138.—Лоранъ, Van Espen, стр. 107. гл. III, § 2.

зависимости подданныхъ къ своему государю. Этого рода отношенія папы усиливались распространить и на латинское духовенство всѣхъ другихъ государствъ. Самостоятельное значеніе епископской власти, служило главнымъ препятствіемъ въ этомъ случаѣ, и потому Римъ употреблялъ всѣ способы къ тому, чтобы, лишивъ эту власть ея первоначальнаго значенія въ христіанской церкви превратить епископовъ въ простыхъ слугъ римскаго первосвященника-государя. Римъ достигъ своей цѣли, но не безъ долгой борьбы. Сами епископы защищали свое каноническое значеніе, иногда долго и упорно—какъ напр. галликанскіе; свѣтскіе государи оказывали имъ пособіе въ этомъ случаѣ: не препятствуя ихъ духовнымъ отношеніямъ къ папѣ, они стремились удержать и укрѣпить ихъ значеніе, какъ своихъ подданныхъ. Но Римъ ясно сознавалъ, куда онъ шелъ, превращая церковь въ церковное государство, между тѣмъ какъ правительства, латинскія по исповѣдованію, не считали себя въ правѣ защищать епископскую власть передъ главою церкви и боролись съ нимъ въ видахъ собственнаго самосохраненія, предоставляя властолюбію папъ полную власть искажать и нарушать древнія и основныя начала устройства вселенской церкви. «Не подлежитъ сомнѣнію, говоритъ Портализъ, что каждое государство обязано наблюдать, чтобъ ничего не было внесено въ его территорію такого, чтобы могло быть противно его законамъ или возмущать общественный миръ и спокойствіе. Скажутъ, что *placet* показываетъ недовѣріе къ папѣ и тѣмъ наноситъ ему оскорбленіе; но опытъ убѣждаетъ, что лицо, которое въ одно и то же время и первосвященникъ и государь, можетъ смѣшивать интересы политическіе съ религіозными и — иногда жертвовать религіозными въ виду политическихъ. Ультрамонтаны постоянно возставали противъ употребленія *placet* въ отношеніи къ булламъ догматическаго содержанія; но еще въ прежнее время, ученый Гарикуръ обратилъ вниманіе на то, что въ такъ называемыхъ догматическихъ буллахъ могутъ быть намеки, противныя правамъ короны. Поэтому повѣрка буллъ со стороны правительствъ существенно необходима» [1]).

Такъ называемыя органическія статьи, приложенныя къ конкордату Наполеона I, 1802 г. 8 апрѣля, вполнѣ сохранили права французской короны въ отношеніи къ папскимъ булламъ (ст. 1—3); но противъ этихъ статей возставалъ римскій дворъ. Кардиналъ Конзальви, въ своихъ запискахъ, называетъ просто

[1]) Portalis, Discours et rapports, t. I, pag. 225—27, 40.—Dupin, Manuel, pag. 146 и слѣд.

обманомъ ихъ обнародованіе вмѣстѣ съ конкордатомъ. Поэтому не остановимся на нихъ, а посмотримъ на дальнѣйшія дѣйствія французскаго правительства въ этомъ отношеніи. Правительство Людовика XVIII-го, которое, конечно, не питало особеннаго сочувствія къ дѣйствіямъ Наполеона, поспѣшило заключить новый конкордатъ съ Римомъ, 11 іюня 1817 г., которымъ отмѣнило наполеоновскій и также органическія статьи, но — «во сколько они противны ученію и закопамъ церкви (ст. 2 и 3)», потому что онѣ были составлены — «вопреки волѣ папы и обнародованы безъ его согласія». Но считало ли правительство Людовика XVIII и самыя правила органическихъ статей о просмотрѣ папскихъ буллъ тоже противными «ученію и закопамъ церкви», и полагало ли нужнымъ ихъ также отмѣнить? Положительный отвѣтъ на этотъ вопросъ заключается въ проектѣ закона, который былъ представленъ правительствомъ Людовика XVIII палатамъ на утвержденіе вмѣстѣ съ новымъ конкордатомъ, 28 ноября 1817 г. Въ этомъ законѣ сказано: «буллы, бреве, декреты и другіе акты самого римскаго правительства, или по его уполномочію составленные, не могутъ быть приняты, напечатаны, обнародованы и приведены въ исполненіе въ государствѣ иначе, какъ съ позволенія короля. Тѣ изъ этихъ актовъ, которые будутъ касаться до церкви вообще (église universelle) или общихъ интересовъ государства и церкви Франціи, ихъ законовъ, управленія, и ученія, которыя необходимо, какимъ бы то ни было способомъ, могутъ повести къ измѣненіямъ въ дѣйствующемъ законодательствѣ, не могутъ быть приняты, напечатаны, обнародованы и приведены въ исполненіе во Франціи иначе, какъ послѣ должной повѣрки въ обѣихъ палатахъ, по предложенію короля. Тогда только они могутъ быть напечатаны въ бюллетенѣ законовъ, вмѣстѣ съ закономъ или постановленіемъ, разрѣшающимъ ихъ обнародованіе (ст. 5, 6 и 7)» [1]). Изъ приведенныхъ словъ очевидно открывается, что правительство Людовика XVIII, въ отношеніи къ этому вопросу, дѣйствовало точно также какъ и Наполеонъ I. Что касается до правительства современной Франціи, то запрещеніе обнародовать законнымъ порядкомъ окружное посланіе Пія IX, 1864 г. декабря 8, съ приложенною къ нему запискою (Sillabus), рѣчи министровъ въ сенатѣ и законодательномъ собраніи, въ 1865 г., и отношенія къ поступку папскаго нунція, показываютъ, что оно вполнѣ раздѣляетъ, въ этомъ случаѣ, взглядъ прежнихъ правительствъ. «Когда апостольскій нунцій въ Парижѣ, монсиньоръ Киджи—

[1]) Dupin, Manuel, стр. 505 и 506.

сказано въ запискѣ нашего канцлера, приложенной къ нотѣ 7 января—незаконными путями передалъ письма епископамъ Орлеана и Пуатье, потомъ обнародованныя, — то французскій посолъ въ Римѣ принесъ жалобу на такое нарушеніе дѣйствующихъ во Франціи законовъ и, не получивъ скораго удовлетворенія, повторилъ ее. Монсиньоръ Киджи подвергнулся тогда за свой поступокъ формальному порицанію, и въ *Монитерѣ*, 19 февраля 1865 г., было объявлено, что въ частной аудіенціи онъ долженъ былъ выразить императору Наполеону сожалѣніе о случившемся и увѣрить его, что онъ не имѣлъ намѣренія презрѣть уваженіемъ къ международному праву».

Сосѣдняя съ Франціею держава, въ силу своей конституціи, допускаетъ полную свободу сношеній духовенства съ папою и обнародованія его буллъ и другихъ предписаній. «Бельгія, говоритъ одинъ изъ извѣстныхъ ея ученыхъ писателей, въ продолженіе столѣтій находилась подъ властію ревностно католическихъ державъ, Испаніи и Австріи. Воспоминая, какими правами пользовались наши государи прежняго времени, мы не думаемъ воскрешать преданій, тяжелыхъ для римскаго католицизма, потому что эти права были признаны самою церковью, которой эти государи считались ревностными защитниками. Но, защищая церковь, они въ то же время ревностно охраняли независимость короны; поэтому, ограждая права своей верховной власти, они не позволяли обнародовать буллы и другія распоряженія римскаго двора, безъ своего позволенія, placet, и безъ строгаго ихъ разсмотрѣнія въ совѣтѣ, чтобъ убѣдиться, нѣтъ-ли въ нихъ распоряженій несогласныхъ съ правами королевской власти или опасныхъ для общественнаго спокойствія.» Прежніе чины Бельгіи, юристы и канонисты считали эти права короны *неотчуждаемыми*, а между тѣмъ то, что прежде считалось невозможнымъ, теперь совершилось. «Во имя свободы церкви, продолжаетъ тотъ же писатель, во имя свободы книгопечатанія, творцы нашей конституціи считали долгомъ дозволить обнародованіе всевозможныхъ постановленій святого престола, оставивъ за собою только право преслѣдовать преступленія, которыя могли бы совершаться вслѣдствіе неограниченнаго пользованія этою свободою. И въ прежнее время у насъ были защитники такой свободы; но брабантскій совѣтъ (17 дек. 1657 г.) имъ отвѣчалъ, что дозволить свободное обнародованіе буллъ, съ тѣмъ, чтобы удержать за собою власть наказывать потомъ уже совершившіяся отъ того преступленія, похоже на то, чтобы дозволить нанесть себѣ раны съ цѣлью потомъ имѣть удовольствіе воспользоваться помощію доктора. Но опасно, чтобы лекарство не пришло поздно, когда зло уже сдѣ-

лается неисправимымъ. Правилу нашихъ старыхъ чиновъ слѣдуютъ почти повсюду и въ XIX столѣтіи; наша конституція составляетъ исключеніе. Успѣхъ-ли это на поприщѣ свободы или отказъ отъ верховной власти въ пользу церкви?»

Отвѣчая на этотъ вопросъ, которому придастъ особенную важность, г. Лоранъ говоритъ далѣе: «Наша конституція признаетъ, что каждое лицо можетъ свободно выражать свою мысль, подвергаясь только отвѣтственности въ случаѣ злоупотребленія этою свободою. Мы принимаемъ это правило, но въ томъ случаѣ, когда государство находится въ отношеніи къ частнымъ лицамъ; но мы его отвергаемъ, когда дѣло касается отношеній государства къ *обществамъ* (associations) и притомъ къ самому изъ нихъ сильному, къ церкви. Распространяя на церковь начало неограниченной свободы, составители бельгійской конституціи, если и не заставили свѣтскую власть отказаться отъ своей власти въ пользу духовной, то, во всякомъ случаѣ, обезоружили государство въ отношеніяхъ его къ церкви. Называя церковь *обществомъ*, мы говоримъ языкомъ науки, а не самой церкви. Но для того, чтобы устроить отношенія между государствомъ и церковью, не слѣдуетъ оставаться въ области идеальной, — должно стать на почву дѣйствительности; и тогда мы услышимъ общій голосъ католиковъ, галликанцевъ и ультрамонтановъ, называющій церковь — *властью* (pouvoir). Эта власть дарована ей Богомъ; по ученію ультрамонтановъ, во всей полнотѣ эта власть принадлежитъ папѣ, и, посредствомъ духовной власти, онъ можетъ дѣйствовать и на свѣтскую. Когда говоритъ церковь, когда папа посылаетъ буллу, это не отдѣльное лицо говоритъ, не человѣческое даже существо, но органъ божества, владѣющій вмѣстѣ съ нимъ даромъ непогрѣшимости. Говорятъ, неограниченная свобода церкви объявлять свои постановленія вовсе не составляетъ исключенія только для нея, но это общее право, которымъ въ Бельгіи каждый пользуется. Странное смѣшеніе понятій заключается въ этомъ сопоставленіи правъ частныхъ лицъ съ правами церкви. Для частнаго человѣка *печать* служитъ способомъ выраженія его *мыслей*, для церкви — ея *предписаній*. Частный человѣкъ, печатая, обнародуетъ личное мнѣніе, церковь повелѣваетъ во имя божіе. Частнаго человѣка, относящагося посредствомъ печати къ согражданамъ, послушаютъ или нѣтъ, — это будетъ зависѣть отъ его дара убѣждать и отъ интересовъ и расположенія читателей; однимъ словомъ, онъ дѣйствуетъ убѣжденіемъ и притомъ на ограниченное число читателей. Церковь не унижается, чтобы убѣждать: она приказываетъ, она угрожаетъ ослушникамъ муками ада, ея предписанія проповѣдуются съ каѳедръ служителями алтарей, въ

торжественныхъ богослуженіяхъ, всему народу, даже тѣмъ, которые и читать не умѣютъ. Объявленіе буллы не есть выраженіе мнѣнія, но обнародованіе *закона*. Ничего нѣтъ общаго между свободою книгопечатанія и тою свободою, которую бельгійская конституція предоставляетъ церкви. Самая полная свобода книгопечатанія возможна при употребленіи *placet*. Свобода книгопечатанія есть способъ выраженія своихъ мнѣній, а *placet* препятствуетъ только тѣмъ, которые говорятъ во имя своей *власти* давать *законы* народу безъ согласія его государственной власти» [1]).

Постоянные безпорядки и волненія, производимыя латинскимъ духовенствомъ въ Бельгіи, разжигавшія народныя страсти и не разъ ставившія правительство въ крайне затруднительное положеніе, объясняютъ возраженія гентскаго профессора противъ полной свободы дѣйствія, предоставленной латинской церкви бельгійскою конституціею. Конечно, приводимыя имъ обстоятельства, что церковь есть *общество* и что она есть *власть*, не представляютъ еще достаточнаго повода устранять ее отъ пользованія тѣми правами, которыя дарованы конституціею *частнымъ лицамъ*. Эти доводы, сколько намъ кажется, не могли бы имѣть такого значенія даже и для писателя, слова котораго мы привели, еслибъ понятіе о христіанской церкви не соединялось въ его представленіи тождественно — съ латинскою церковію. Но въ его глазахъ церковь представляется именно въ видѣ латинской, римской церкви, вполнѣ пропитанной внѣшнимъ, государственнымъ характеромъ. Это не просто *гражданское общество*, но общество состоящее изъ *подданныхъ* папъ; его іерархія не служитъ выраженіемъ только *духовной власти*, но и внѣшней, государственной, какъ покорное орудіе римскаго первосвященника, въ лицѣ котораго соединяются обѣ власти; однимъ словомъ, это — государство. Поэтому признаніе полной свободы латинской церкви, въ какомъ бы то ни было государствѣ, равносильно одному изъ двухъ явленій: или въ одномъ и томъ-же государствѣ будутъ два государства, и двѣ верховныя власти, какъ того такъ и другого государства, защищая каждая свою самостоятельность, будутъ находиться въ постоянной и непримиримой враждѣ и борьбѣ, — или одна должна будетъ уступить первенство другой и ей подчиниться. Которая же изъ двухъ властей можетъ подчиниться другой? Взглядъ Рима на этотъ вопросъ извѣстенъ и не можетъ подлежать сомнѣнію. Остается свѣтскимъ властямъ, даже по чувству самосохраненія, какъ замѣчалъ Порталисъ, а не только

---

[1]) Laurent, Van Espen, гл III, § 2, стр. 75 107, и слѣд — Ср. La liberté de conscience, par J. Simon. Introd.

въ огражденіе своей независимости и своего достоинства, — наблюдать за сношеніями латинскаго духовенства съ папою и подвергать предварительному просмотру папскія буллы и другія предписанія.

По заключеніи конкордата съ Австріею, 18-го марта 1855 г., Пій IX-й, въ аллокуціи 3-го ноября, объявлялъ кардиналамъ что — «въ силу своего божественнаго права первенства, ему удалось не только устранить, но совершенно уничтожить и исключить изъ конкордата ложное и превратное мнѣніе, въ высшей степени вредное и противное его божественному первенству и соединеннымъ съ нимъ правамъ, которое всегда осуждалъ апостольскій престолъ, а именно, что *placet* и *exequatur* необходимы со стороны свѣтской власти въ отношеніи къ духовнымъ распоряженіямъ и дѣламъ церковнымъ.» Римъ радовался своей побѣдѣ, но австрійское правительство скоро ощутило послѣдствія своего пораженія. Съ перваго же времени по заключеніи конкордата, оно замѣтило, что, отступивъ отъ началъ, которыми руководствовались Марія Терезія и Іосифъ II-й въ отношеніяхъ къ Риму, оно поставило себя въ постоянную съ нимъ борьбу и — въ печальную необходимость постоянно нарушать постановленія конкордата. Оно возбудило и недовольство Рима, и недовольство представителей своихъ народовъ; вопросъ о пересмотрѣ конкордата сдѣлался однимъ изъ самыхъ затруднительныхъ для австрійскаго правительства.

Такимъ образомъ, правительства, латинскія по исповѣданію, или поддерживаютъ въ этомъ случаѣ права короны, защищая ихъ отъ притязаній Рима, или, уступая ему эти права, бываютъ принуждены то нарушать конкордаты, то выносить борьбу и безпорядки, грозящіе каждый разъ нарушеніемъ общественной тишины и спокойствія. Папскія буллы и предписанія суть *законы;* но возможно-ли въ одномъ государствѣ допустить двѣ законодательныя власти, одна отъ другой независимыя. Еслибъ и возможно было вообще представить себѣ такой странный дуализмъ двухъ равноправныхъ властей, то совершенно немыслимо, чтобы существовали рядомъ двѣ законодательныя власти, изъ которыхъ одна предоставляетъ себѣ право отмѣнять законы, постановленныя другою, и не только освобождать ея подданныхъ отъ повиновенія этимъ законамъ, но даже грозить духовными карами, еслибъ, по долгу подданства, они стали бы имъ повиноваться. Но таковъ именно взглядъ Рима. Не нужно далеко ходить за примѣрами, чтобы подтвердить справедливость этихъ словъ; достаточно прочесть аллокуціи Пія IX-го по случаю нѣкоторыхъ постановленій недавняго времени правительствъ италіанскаго, испанскаго

и мексиканскаго о церковныхъ имуществахъ и монастыряхъ. Папа торжественно, предъ *вселенною*, выражаетъ свое неудовольствіе противъ законовъ свѣтской власти, по принятому издавна Римомъ обычаю, въ слѣдующихъ выраженіяхъ: «Исполняя свою обязанность, въ семъ торжественномъ собраніи, съ апостольскою свободою, мы возвышаемъ снова нашъ голосъ и отвергаемъ и осуждаемъ эти законы и объявляемъ ихъ ничтожными и неимѣющими никакой силы [1])». При такомъ положеніи дѣлъ, очевидно, уничтоженіе права свѣтской власти на предварительное разсмотрѣніе папскихъ буллъ и предписаній (placet), равносильно съ ея стороны отреченію отъ верховной власти.

Въ такомъ отношеніи находились къ этому вопросу, постоянно волнующему Европу, правительства, даже латинскія по исповѣданію. Какъ же относилась къ нему Россія?

Съ самаго перваго времени, какъ только Россія пришла въ непосредственное соприкосновеніе съ латинскою церковію, наше правительство опредѣленно выразило свой взглядъ на этотъ вопросъ, которому, въ сущности, постоянно оставалось вѣрнымъ въ своихъ отношеніяхъ къ Риму, несмотря на нѣкоторыя колебанія, подъ вліяніемъ случайныхъ обстоятельствъ. Постановленія Екатерины Великой и въ этомъ случаѣ составляютъ краеугольный камень и основу нашихъ законоположеній.

Когда послѣ перваго раздѣла Польши, для вновь присоединенныхъ губерній, императрица учредила два епископства, латинское и уніатское, то въ указѣ сенату, 1772 г. декабря 14, постановила: «Какъ въ сихъ провинціяхъ католицкая и уніатская церкви, въ разсужденіи ихъ вѣры, остаются при своихъ догматахъ и правилахъ; то ежели отъ папы прямо, или чрезъ посредство конгрегаціи, или инаго католицкаго духовнаго начальства, прислана будетъ, къ какой ни есть духовной власти, булла или иное какое повелѣніе, для обнародованія находящимся въ сихъ новоприобрѣтенныхъ отъ Польши провинціяхъ католикамъ и уніатамъ, таковыя папскія буллы и повелѣнія, помянутыя власти духовныя отсылать прежде должны къ генералъ-губернатору бѣлорусскому для представленія намъ самимъ и ожидать о объявленіи того въ народъ нашего соизволенія.» Впослѣдствіи, при дальнѣйшемъ развитіи законодательныхъ мѣръ въ отношеніи къ латинской церкви, установленъ былъ и самый порядокъ разсмотрѣнія папскихъ буллъ и другихъ пред-

---

[1]) Аллокуціи: 26-го іюля 1855, по дѣламъ Испаніи; 22-го января и 26-го іюня 1855 г., по дѣламъ Италіи; и 15-го декабря 1856 г., по дѣламъ Мексики.

писаній римскаго двора. Возведя, въ 1782 г. января 17-го, Сестренцевича въ званіе могилевскаго архіепископа, императрица предписывала ему: «Ни отъ кого болѣе не получать указовъ, какъ отъ насъ и сената нашего». Что же касается до папскихъ буллъ, то въ этомъ указѣ сказано: «Подтверждаемъ прежніе указы наши о неприниманіи никакихъ буллъ папскихъ, или отъ имени его писанныхъ посланій, повелѣвая отсылать оныя въ нашъ сенатъ, который, разсмотря содержаніе ихъ, и особливо не находится-ли въ нихъ чего-либо несходственнаго съ гражданскими законами всероссійскія имперіи, съ правами самодержавныя власти, отъ Бога намъ данной, обязанъ будетъ мнѣніе свое намъ представлять и ожидать позволенія или запрещенія нашего на обнародованіе подобныхъ буллъ и посланій». Этотъ указъ повсюду былъ обнародованъ — «въ церквахъ же римскаго исповѣданія, оный выставленъ быть долженъ для всенароднаго свѣдѣнія.» Въ исполненіе этого указа, архіепископъ Сестренцевичъ, получивъ буллу Пія VI го, отъ 28-го августа 1786 г., о тѣхъ правахъ, которыми римскій престолъ дозволилъ ему пользоваться въ продолженіе 10-ти лѣтъ, представилъ ее въ подлинникѣ въ правительствующій сенатъ. «По довольномъ и внимательномъ разсмотрѣніи — сказано въ высочайше утвержденномъ, 23-го марта 1787 г., докладѣ сената императрицѣ — онаго посланія, сенатъ пріемлетъ за главнѣйшее основаніе, побуждающее дозволить архіепископу принять таковое посланіе, 16-й онаго пунктъ, въ коемъ изображено: «архіепископу Сестренцевичу разрѣшать во всѣхъ казусахъ, престолу папскому предоставленныхъ», — ибо посредствомъ сего всякія впредь по частнымъ случаямъ переписки архіепископа Сестренцевича и связь съ Римомъ уменьшится, а особливо ежели утвердить, чтобы сіи данныя отъ имени папы архіепископу Сестренцевичу дозволенія не на 10 только лѣтъ, какъ въ томъ посланіи значится, но навсегда силу свою имѣли. И по сей единственно причинѣ не можемъ не апробовать онаго посланія, исключая только одинъ 21-й пунктъ, аки заключающій въ себѣ нѣкоторый видъ стѣсненія умовъ и родъ явнаго отвращенія къ другимъ исповѣданіямъ, каковое вводимое вновь изъ Рима положеніе не соотвѣтствовало бы разуму и намѣренію человѣколюбивыхъ вашего императорскаго величества узаконеній». Въ этомъ же 21-мъ пунктѣ папа дозволялъ архіепископу «имѣть и читать книги еретиковъ или невѣрующихъ», но предписывалъ ему запрещать ихъ чтеніе «другимъ, кромѣ тѣхъ, кои въ вертоградѣ божіемъ трудятся ко спасенію душъ». Сенатъ находилъ это предписаніе противнымъ 124-й ст. го-

родового положенія, въ которой сказано: «Дозволяется иновѣрнымъ, иногороднымъ и иностраннымъ свободное отправленіе вѣры.... да всѣ народы, въ Россіи пребывающіе, славятъ Бога всемогущаго различными языками по закону и исповѣданію праотцевъ своихъ, благословляя царствованіе наше и моля Творца вселенной объ умноженіи благоденствія и укрѣпленія силы имперіи всероссійской. И для того сенатъ признаетъ за полезнѣе, чтобъ оный 21-й пунктъ посланія въ россійской имперіи не имѣлъ никакой силы и дѣйствія».

Приведенныя слова доказываютъ, что предварительное разсмотрѣніе сенатомъ папскихъ буллъ и предписаній не было простою формальностію, но что, напротивъ, сенатъ входилъ въ подробное соображеніе ихъ сущности. Строго исполняя возложенную на него императрицею обязанность, сенатъ дорожилъ ею, какъ правомъ, и при каждомъ случаѣ повторялъ духовнымъ латинскимъ властямъ, чтобы они непремѣнно сообщали ему всѣ предписанія, какія бы ни получили изъ Рима. Такъ, въ 1791 г. января 7-го, получивъ отъ архіепископа Сестренцевича два посланія къ нему римской конгрегаціи о разрѣшеніи совершать браки въ нѣкоторыхъ степеняхъ родства, сенатъ дозволилъ ему руководствоваться ими, но въ тоже время предписывалъ, — «чтобъ онъ, и впредь, получаемыя имъ отъ папской конгрегаціи посланія, присылалъ въ сенатъ, на основаніи сдѣланныхъ ему на сей случай предписаній».

Архіепископъ Сестренцевичъ постоянно соблюдалъ это правило, не усматривая, конечно, въ немъ ничего, несогласнаго съ канонами церкви; онъ высоко цѣнилъ самостоятельное значеніе епископскаго сана и не желалъ быть простымъ папскимъ слугою и чиновникомъ. Но не такъ смотрѣли на то монашескіе ордена: они постоянно нарушали это правило и тайно сносились съ своими генералами, находившимися въ Римѣ. Это скоро замѣтила императрица, и потому, въ 1795 г. сентября 6-го, учредивъ епархіи пинскую и летичевскую и подчинивъ епископамъ этихъ епархій управленіе монастырями, предписывала: «Возобновляемъ повелѣнія наши, воспрещающія епископамъ, монастырямъ и всему духовенству римскаго исповѣданія признавать себя зависимыми отъ какой-либо духовной власти, пребывающей внѣ предѣловъ имперіи нашей, имѣть предосудительныя общему спокойствію отношенія, или высылать имъ доходы или часть оныхъ, избирать провинціальныхъ и генеральныхъ суперіоровъ и повиноваться ихъ повелѣніямъ». Въ отношеніи къ папскимъ булламъ подтвержденъ законъ 1782 января 17-го, и генералъ-

губернатору князю Репнину строго предписано было въ тоже время наблюдать за его исполненіемъ [1]).

Этотъ рядъ постановленій, въ продолженіе 10 лѣтъ подтверждающихъ одно и тоже правило, уже доказываетъ, какое важное придавало ему значеніе правительство императрицы Екатерины. Она ясно и опредѣленно выразила его не только въ своихъ постановленіяхъ, но и въ собственноручномъ письмѣ къ папѣ Пію VI, 1782 г., по случаю выраженныхъ имъ затрудненій утвердить Сестренцевича въ архіепископскомъ достоинствѣ. «Что касается до епископа Ст. Сестренцевича — писала императрица — котораго вы, знаменитый государь (illustre souverain), обвиняете въ злоупотребленіи вѣренной ему властью, то я не могу оставить безъ возраженія этого замѣчанія. Терпя, по примѣру предковъ, въ обширныхъ предѣлахъ имперіи всѣ исповѣданія безъ исключенія, а въ числѣ ихъ и римское, мы не допускаемъ, чтобы исповѣдующіе это ученіе въ какомъ то ни было отношеніи могли находиться въ зависимости отъ иностранной власти. Поэтому всѣ буллы и предписанія римскаго престола обнародуются въ нашей имперіи не иначе, какъ по нашему повелѣнію. И, какъ булла папы Климента XIV, относящаяся до іезуитовъ, никогда не была обнародована въ Россіи, то отдѣленіе этого общества, постоянно находившееся въ Бѣлоруссіи, оставалось неприкосновеннымъ, и вопросъ объ уничтоженіи или преобразованіи этого ордена никогда не былъ возбуждаемъ въ Россіи. Поэтому, когда упомянутый прелатъ, по вашему уполномочію обозрѣвать и устраивать монастыри, исполнилъ нашу волю, открывъ іезуитскій новиціатъ [2]), то могъ ли онъ, исполняя по долгу присяги свою обязанность, заслужить вашу немилость и сдѣлаться недостойнымъ получить pallium на санъ архіепископа».

Въ царствованіе императора Павла, основныя правила законодательства Екатерины въ отношеніи къ папскимъ булламъ не только не были измѣнены, но подтверждены.

Такъ, при новомъ раздѣленіи латинскихъ епархій и возведеніи Сестренцевича въ санъ митрополита, 1798 г. апрѣля 28, императоръ снова подтвердилъ — «чтобъ духовные римской вѣры, въ имперіи обрѣтающіеся, безъ позволенія верховной власти, не имѣли никакихъ отношеній внѣ предѣловъ Россіи, не высылали доходовъ за-границу безъ воли нашей, и, въ случаѣ присылки буллъ или посланій отъ папы, чтобъ архіепископъ и епископы

---

[1]) Полн Собр. Зак. №№ 13.922, 15.326, п 6 и 13, подтвер. 1783 г. ноября 14-го, № 15.876, №№ 16.521, 16.933, 17.379 п. 7, 17.380.

[2]) Полн. Соб. Зак. № 14 582, 1777 г.

представляли оныя на усмотрѣніе и рѣшеніе наше». Въ «регламентѣ для церквей и монастырей римско-католическаго исповѣданія въ россійской имперіи», выражено, какъ основное правило, что верховная власть государя—«распространяется равно и на это духовенство; оно должно соблюдать вѣрность къ нему и достодолжное послушаніе и исполнять во всей точности всякія законныя предписанія начальствъ». Въ 1799 г., въ именномъ указѣ митрополиту Сестренцевичу, 17 марта, императоръ Павелъ говорилъ, что законоположеніями имперіи латинская церковь достаточно устроена — «къ благоуспѣшному управленію дѣлъ, безъ всякаго посторонняго вліянія папскихъ буллъ и посланій, кои тѣмъ менѣе считаемъ мы нужными, что самая власть, отъ коей они проистекаютъ, по настоящему положенію обстоятельствъ, пребываетъ въ педѣйствіи». Поэтому, подтвердивъ постановленіе, 1798 г. 28 апр., о папскихъ буллахъ, императоръ повелѣвалъ — «вамъ и зависящимъ отъ васъ, яко единственнаго римскія церкви въ Россіи митрополита, духовнымъ властямъ управлять ввѣренными имъ паствами и дѣлами единственно на основаніи нашихъ узаконеній и истекающихъ изъ нихъ нашихъ повелѣній». Черезъ мѣсяцъ послѣ этого, 29 апрѣля, генералъ-губернатору Беклешову императоръ предписывалъ: «Имѣть наблюденіе, дабы папа, не взирая на изгнаніе его изъ престольнаго града и странствованіе по разнымъ мѣстамъ, не послалъ къ епископамъ, или другимъ начальникамъ духовныхъ католическихъ властей въ пріобрѣтенныхъ польскихъ губерніяхъ, буллъ, могущихъ произвесть недоумѣнія и клонящихся на присвоеніе себѣ власти управлять опымъ краемъ. Въ таковыхъ случаяхъ, подобныя повелѣнія папскія не допущать и не терпѣть по нимъ никакого исполненія, безъ предварительнаго утвержденія нашего [1])».

Конечно, въ этихъ рескриптахъ отразились личныя идеи императора Павла, который въ это время, въ виду политическихъ дѣлъ Европы и положенія папскаго престола, хотѣлъ совершенно отдѣлить отъ Рима латинскую церковь, находившуюся въ предѣлахъ нашей имперіи, и облечь Сестренцевича правами ея независимаго главы; но тѣмъ не менѣе общее правило законодательства Екатерины о значеніи папскихъ буллъ и предписаній — было вполнѣ сохранено.

Но хотя оно и было сохранено въ законѣ, съ этого однакоже времени, его поколебали въ приложеніи къ дѣйствительной жизни. Съ одной стороны, вліяніе на императора іезуита Грубера привело къ тому, что этотъ орденъ совершенно осво-

[1]) Полн. Собр. Зак. №№ 18.504, 18.734 п. 12, 18.892 и 18.949.

бодился не только отъ всякой зависимости отъ епархіальныхъ властей, но и отъ надзора правительства; съ другой—хотя и недолговременное пребываніе постояннаго папскаго нунція, конечно не соблюдавшаго этого правила, разстроило правильный ходъ дѣлъ въ этомъ отношеніи. Но всего важнѣе было то, что, съ этого времени, установленный императрицею Екатериною порядокъ предварительнаго разсмотрѣнія папскихъ буллъ въ правительствующемъ сенатѣ вышелъ изъ употребленія.

Такое положеніе дѣлъ не могло не оказать вліянія на послѣдующее царствованіе, постоянно выражавшее желаніе слѣдовать самымъ широкимъ началамъ вѣротерпимости. Два новыя учрежденія: особое управленіе дѣлами иностранныхъ исповѣданій и установленіе постояннаго нашего посольства въ Римѣ, имѣли косвенное вліяніе на отмѣну прежняго порядка и установленіе новаго. Хотя съ учрежденіемъ государственнаго совѣта, какъ высшаго законодательнаго установленія, предварительное разсмотрѣніе папскихъ буллъ слѣдовало бы предоставить ему, но этого постановлено не было. Между тѣмъ въ манифестѣ, 25 іюля 1810 г., о раздѣленіи государственныхъ дѣлъ на особыя управленія, постановлено: «Къ главному управленію духовныхъ дѣлъ иностранныхъ исповѣданій принадлежатъ всѣ предметы, относящіеся къ духовенству разныхъ иностранныхъ религій и исповѣданій, исключая судныхъ ихъ дѣлъ, кои по прежнему поступать имѣютъ въ правительствующій сенатъ [1])». Такимъ образомъ, за сенатомъ удержаны только судныя дѣла, а кому поручалось предварительное разсмотрѣніе папскихъ буллъ—оставалось необъясненнымъ въ законодательномъ порядкѣ.

При учрежденіи постояннаго посольства въ Римѣ, въ наставленіи гр. Кассини, получившему должность посланника, императоръ Александръ I говорилъ: «Что касается до духовныхъ дѣлъ, то между Россіею и Римомъ могутъ существовать сношенія только въ отношеніи къ нашимъ подданнымъ римско-католическаго исповѣданія. Въ моихъ заботахъ о нихъ, я съ удовольствіемъ полагаю, что они найдутъ теперь болѣе удобствъ въ сношеніяхъ съ римскою церковью по дѣламъ вѣры и, въ этомъ отношеніи, они ничѣмъ не будутъ стѣсняемы, если только будутъ сообразоваться съ правилами, предписанными моими предшественниками о свободѣ исповѣданія, терпимаго въ имперіи, и не позволятъ себѣ нападеній на первенство господствующей религіи». Конечно, наше посольство въ Римѣ не могло имѣть политическаго характера,—Римъ, какъ государство, не пред-

[1]) Полн. Собр. Зак. т. XXXI, №№ 24.307 § 13, 24.326, VI.

ставлялъ независимаго значенія въ средѣ европейскихъ государствъ; его цѣль единственно заключалась въ томъ, чтобы установить правильный порядокъ для сношеній римскихъ католиковъ съ папскимъ дворомъ. Такимъ образомъ и установился этотъ новый порядокъ сношеній чрезъ главноуправленіе иностранными исповѣданіями, а потомъ чрезъ министерство внутреннихъ дѣлъ и наше посольство въ Римѣ. Главноуправленіе, а за нимъ министерство, не руководствовалось въ этомъ случаѣ постоянными и одинаковыми правилами: иногда оно само разрѣшало эти сношенія, иногда по докладу государю, иногда папскія предписанія вносило въ комитетъ министровъ. Притомъ, не было обращено вниманія на слѣдующее обстоятельство: хотя всѣ сношенія Рима съ латинскимъ духовенствомъ и паствою въ другихъ государствахъ проникнуты однимъ общимъ направленіемъ и требуютъ надзора со стороны правительствъ, однакоже нельзя не различать два разряда такихъ сношеній. Одни имѣютъ особенную, государственную важность, какъ полученіе и обнародованіе папскихъ буллъ и другихъ предписаній, представляющихъ общественное значеніе; другія касаются болѣе личныхъ отношеній къ папѣ, какъ главѣ латинской церкви, напримѣръ, такъ называемыя сношенія по дѣламъ совѣсти. Установляя строгій законный порядокъ для первыхъ, законодательство Екатерины Великой о вторыхъ не считало нужнымъ много заботиться и предоставляло правительству административными мѣрами отклонять возможность вредныхъ отъ нихъ послѣдствій для государства.

Взглядъ императора Александра I на отношенія къ Риму, въ собственномъ смыслѣ, нисколько не различался отъ взгляда его предшественниковъ. Въ наказѣ графу Бутурлину, который, въ 1803 г., предназначался посланникомъ въ Римъ, онъ поручалъ ему устроить отношенія между римскимъ престоломъ и латинскимъ духовенствомъ имперіи такимъ образомъ, чтобы верховная власть Рима наименѣе тяготѣла надъ нимъ. «Римъ — писалъ императоръ — во всѣ времена ясно выражалъ стремленіе повсюду завладѣть исключительнымъ правомъ распоряжаться духовенствомъ и его имуществами и, подъ видомъ духовныхъ интересовъ овладѣть и свѣтскими. Такой порядокъ дѣлъ, установляя въ одномъ государствѣ другое государство, не былъ терпимъ никакою государственною властью; вездѣ поэтому, не довѣряя Риму, наблюдали за его дѣйствіями и ограждали себя отъ зависимости отъ римскаго престола. Но если верховная власть въ государствахъ латинскихъ по исповѣданію считала необходимымъ ограничивать опредѣленными предѣлами папскую власть, то еще болѣе необходимо ее ограничивать въ Россіи, гдѣ

римскій католицизмъ только терпимъ. Дозволяя моимъ подданнымъ латинскаго исповѣданія имѣть сношенія съ верховнымъ первосвященникомъ, я обязанъ наблюдать, чтобы его власть надъ ними не переходила тѣхъ предѣловъ, въ которые я желаю ее поставить. Она должна быть чисто духовной и не касаться свѣтскихъ дѣлъ, подъ какимъ бы то ни было предлогомъ». Поручая послаппику отклонять всѣ покушенія папскаго правительства въ этомъ отношеніи, для избѣжанія непріятныхъ для самого Рима послѣдствій, императоръ говоритъ послаппику, что всѣ сношенія его подданныхъ латинскаго исповѣданія должны совершаться чрезъ него; онъ будетъ получать отъ министерства вопросы, на которые отвѣты римскаго двора долженъ сообщать министерству, а оно будетъ передавать латинскому митрополиту. Такимъ образомъ — «всѣ сношенія будутъ совершаться дипломатическимъ путемъ одного двора съ другимъ, а не пасомыми съ ихъ пастыремъ (et non entre les ouailles et leur pasteur).»

Хотя посольство графа Бутурлина не состоялось, однакоже, впослѣдствіи, наблюдался именно этотъ порядокъ въ сношеніяхъ латинскаго духовенства и паствы съ папскимъ престоломъ. Но это послужило поводомъ, съ одной стороны, къ жалобамъ и притязаніямъ со стороны Рима, а съ другой — къ тому, что онъ постоянно былъ нарушаемъ духовенствомъ. Еще въ 1812 г., императоръ поручилъ гр. Воронцову сообщить его повелѣніе, которое должно имѣть силу закона, митрополиту Сестренцевичу, съ тѣмъ, чтобы онъ обнародовалъ его съ своимъ посланіемъ по всѣмъ латинскимъ епархіямъ. Въ немъ сказано: «Не смотря на положительное запрещеніе законами, до свѣдѣнія его величества дошло, что многія общины и частныя лица осмѣливаются входить въ непосредственныя сношенія съ римскимъ дворомъ и его представителями. Недовольный такимъ образомъ дѣйствій, государь поручилъ мнѣ сообщить вашему преосвященству, чтобы вы имѣли строгое за этимъ наблюденіе, и сообщить вамъ порядокъ, какому вы должны слѣдовать въ этомъ отношеніи. Если бы въ подвѣдомственной вамъ митрополіи встрѣтилось какое дѣло, на которое, по его сущности, слѣдовало бы обратить вниманіе римскаго двора, то всякій епископъ обязанъ представить о немъ министру, который, испросивъ разрѣшенія его величества, поручитъ нашему послаппику въ Римѣ войти по этому случаю въ сношенія съ папскимъ престоломъ. Точно также еслибы случилось, чего однакоже не слѣдуетъ и предполагать, чтобы, вопреки существующимъ законамъ, римскій дворъ прямо вамъ, или кому либо изъ духовенства или монастырю въ имперіи, сообщилъ буллу, декретъ или инструкцію, по какому бы то ни было пред-

мету; то вы, г. архіепископъ, должны безъ замедленія представить ихъ министру императора и не позволять себѣ или кому либо другому ихъ обнародовать, прежде нежели получите на то дозволеніе правительства. Его величество въ постоянной заботѣ о благѣ своихъ подданныхъ, безъ различія религій, учреждаетъ постояннаго посланника при римскомъ дворѣ, съ тою цѣлію, чтобы имѣть сношенія по всѣмъ духовнымъ нуждамъ его подданныхъ римско католическаго исповѣданія. Онъ рѣшилъ, что только этимъ путемъ, а не иначе, должны слѣдовать всѣ дѣла по сношеніямъ римско-католической церкви въ имперіи съ верховнымъ первосвященникомъ. Его величеству будетъ прискорбно прибѣгнуть къ строгимъ мѣрамъ противъ нарушителей этого порядка и потому онъ особенно предлагаетъ вамъ наблюдать за его исполненіемъ [1])».

Жалобы Рима на стѣсненіе сношеній римскихъ католиковъ и духовенства съ папою усилились съ тѣхъ поръ, какъ при императорѣ Николаѣ положенъ былъ предѣлъ латинской пропагандѣ въ западныхъ губерніяхъ, и затѣмъ послѣдовало присоединеніе уніатовъ къ православной церкви. Въ ограниченіи сношеній съ папою—римскій дворъ видѣлъ одну изъ первыхъ причинъ нравственнаго паденія латинскаго духовенства, въ слѣдствіе котораго оно принимало такое дѣятельное участіе въ польскомъ возстаніи. Кардиналъ статсъ-секретарь, еще въ 1832 г., въ нотѣ къ нашему правительству, говорилъ: «Строгое запрещеніе свободныхъ сношеній съ святымъ престоломъ по духовнымъ дѣламъ епископамъ, вообще духовенству и всѣмъ католикамъ, русскимъ подданнымъ, подъ страхомъ тяжкихъ, уголовныхъ наказаній, какъ это сказано въ постановленіи 1814 г. января 12, сообщенномъ могилевскому архіепископу, — запрещеніе, строго исполняемое на дѣлѣ, лишаетъ ихъ возможности обращаться съ духовными нуждами къ общему ихъ отцу, который поэтому не можетъ имъ оказывать никакой помощи, не можетъ имѣть вліянія на преподаніе истинныхъ правилъ, на соблюденіе каноновъ, наблюдать за дисциплиною и вообще за правильнымъ ходомъ церковныхъ дѣлъ. Недостаточно дозволить сношенія по такимъ предметамъ не иначе какъ чрезъ министровъ, и потому уже, что такія сношенія не были бы свободными, а особенно потому, что не могли бы внушать довѣрія въ отношеніи къ многочисленнымъ предметамъ духовнымъ и въ безконечныхъ слу-

---

[1]) Отношеніе гр. Воронцова, отъ 16 дек. 1812 г., объявлено митрополитомъ Сестренцевичемъ 15 дек 1813 г., и, 12 янв. 1814 г., напечатано въ Вильнѣ.—Галль-Морель, Docum. № 1.

чаяхъ въ дѣлахъ совѣсти, когда тайно желали бы сообщить о своихъ немощахъ (suc miserie) общему отцу и получить отъ него помощь». Не безъ умысла, конечно, римскій дворъ указывалъ особенно на сношенія частныхъ лицъ по дѣламъ совѣсти и оставляетъ въ сторонѣ папскія буллы и предписанія, которыя по преимуществу возбуждаютъ вниманіе правительствъ. Не смотря однако же на это, онъ выводитъ общее заключеніе: «Сношеніе вѣрныхъ съ папою въ католической церкви принадлежитъ къ числу существенныхъ ея основаній, и всякія въ этомъ случаѣ препятствія наносятъ тяжелыя раны ея устройству». Не безъ умысла также римскій дворъ указываетъ только на постановленіе императора Александра, составляющее не болѣе какъ подтвержденіе прежнихъ законовъ Екатерины и предписывающее только новый порядокъ сношеній. Онъ постоянно старался провести такой взглядъ, что эти коренныя постановленія нашего законодательства вышли изъ употребленія и утратили свою силу [1]).

Въ запискѣ Григорія XVI, поданной имъ лично императору Николаю Павловичу, въ 1845 г., во время его пребыванія въ Римѣ, указано также на постановленія о предварительномъ просмотрѣ папскихъ буллъ и ограничивающія свободу сношеній римскихъ католиковъ съ Римомъ, какъ на противныя вообще католицизму (anticattoliche). По настоянію папскихъ уполномоченныхъ, въ тайный протоколъ къ конкордату, 22 іюля 1847 г., была внесена слѣдующая статья: «Кардиналъ, уполномоченный его святѣйшества, настаивалъ на необходимости даровать католическимъ подданнымъ императора полную свободу сношеній съ святымъ престоломъ по дѣламъ совѣсти и вообще по дѣламъ духовнымъ. Уполномоченные его императорскаго величества отвѣчали, что способъ сношенія чрезъ посредство правительства и императорскаго посольства въ Римѣ былъ постоянно соблюдаемъ. Принимая въ соображеніе современныя обстоятельства, правительство не можетъ отказаться отъ мѣръ предосторожности, даже для пользы самихъ католическихъ своихъ подданныхъ; пока броженіе и дурныя страсти, возбужденныя польскимъ возмущеніемъ 1830 г. и новыми возмутительными попытками, недостаточно успокоются, нельзя отступать отъ существующаго порядка сношеній» [2]). Мысль, выраженная уполномоченными нашего правительства, была развита еще прежде, въ меморіи, переданной нашимъ посланникомъ въ Римѣ, гр. Гурьевымъ, папскому правительству, въ маѣ 1833 году. Римскій дворъ подъ «за-

---

[1]) Галль-Морель, Docum, № VI, стр. 13 и 14.

[2]) Esposiz. documentata, № 1, ст. 14, п. 6, стр. 5 и 6; № IV, ст. 1, стр. 19.

прещеніемъ свободныхъ съ нимъ сношеній» — сказано въ ней — конечно, разумѣетъ извѣстныя *границы*, которыя для нихъ установлены и *законный путь* чрезъ посредство императорскаго министерства. Мы отвѣтимъ на эти жалобы объясненіемъ, какъ образовался такой порядокъ сношеній. Онъ начался не 1814 г., какъ сказано въ нотѣ римскаго двора, но съ 1772 г., когда была присоединена Бѣлоруссія къ имперіи. Поводомъ къ этой мѣрѣ были сами римско-католическіе подданные, которые обращались къ императрицѣ Екатеринѣ II съ жалобами на своихъ духовныхъ лицъ, что многіе изъ нихъ, опираясь на власть дарованную имъ Римомъ, смотрѣли на церковныя имущества какъ на свою собственность, занимали деньги подъ залогъ этихъ имуществъ, уѣзжали потомъ изъ имперіи, не отдавъ отчета въ своихъ дѣйствіяхъ, и оставляли на приходахъ долги, заключенные ими для своихъ личныхъ выгодъ. Первое постановленіе [1]) по этому обстоятельству состоялось въ 1772 г. декабря 12, и было подтверждено впослѣдствіи 17 января 1782 г., 6 сентября 1795, 28 апрѣля 1798 г., 13 декабря 1803, и многими позднѣйшими предписаніями. Изъ этихъ самыхъ узаконеній очевидно, что правительство никогда не имѣло въ виду отступать отъ выраженныхъ въ нихъ правилъ, по слѣдующимъ причинамъ: 1) Что духовенство постоянно уклонялось отъ ихъ исполненія, произвольно распоряжаясь церковными доходами въ пользу духовныхъ властей чужеземныхъ и находившихся внѣ предѣловъ имперіи, съ которыми постоянно оно находилось въ противузаконныхъ и вредныхъ для общественнаго порядка сношеніяхъ. 2) Что иностранное духовенство вмѣшивалось въ юрисдикцію епископовъ и тѣмъ производило безпорядки. 3) Самымъ содержаніемъ буллъ, окружныхъ посланій и другихъ постановленій святого престола. Въ нихъ часто встрѣчаются такія правила и выраженія, которыя не могутъ быть допущены императорскимъ правительствомъ, даже несовмѣстныя съ началами вѣротерпимости, строго соблюдаемой въ Россіи, и въ силу которой, обезпечивая свободное отправленіе каждаго исповѣданія, правительство не позволяетъ нарушать правъ православной церкви и другихъ исповѣданій.

Впрочемъ, русское правительство всегда различало сношенія по дѣламъ вѣры отъ политическихъ. Долгимъ опытомъ оно убѣдилось, что не только христіанская вѣра, но и всякая другая служитъ опорою престолу и охраною общественнаго спо-

---

[1]) Еще прежде, въ 1769 г., по этому же поводу состоялся регламентъ римско-католической церкви, въ С.-Петербургѣ, февраля 12 — См Полн. Собр. Зак., т XVIII, №№ 13 251 и 13.252

койствія. Въ этомъ убѣжденіи, оно не только не дѣлаетъ никакихъ препятствій римскимъ католикамъ, обращающимся въ Римъ по ихъ духовнымъ нуждамъ, напротивъ, императорское правительство прилагаетъ старанія, чтобы доставить имъ пособія и облегченія и, принимая на себя посредничество въ этихъ сношеніяхъ, оно пересылаетъ ихъ прошенія и деньги въ римскія канцеляріи безъ всякаго вознагражденія. Самое посольство, учрежденное покойнымъ императоромъ Александромъ при папскомъ дворѣ, имѣетъ главнѣйшею цѣлію оказывать пособіе всѣмъ римскимъ католикамъ имперіи въ ихъ сношеніяхъ съ Римомъ. Вотъ къ чему въ сущности сводятся всѣ жалобы на стѣсненія сношеній католиковъ съ святымъ престоломъ; это стѣсненіе есть не иное что, какъ установленіе законнаго и правильнаго пути, въ видахъ пользы самихъ католиковъ. Такія формальности соблюдаются всѣми благоустроенными государствами, не исключая католическихъ» [1]). Комитетъ 1856 г. призналъ необходимымъ сохранить этотъ порядокъ и на будущее время и не счелъ возможнымъ удовлетворить въ этомъ случаѣ требованіямъ Рима [2]). Но это рѣшеніе комитета, конечно, не положило предѣла домогательствамъ папскаго правительства. Въ 1863 г., кардиналъ Антонелли писалъ: «І. Христосъ, основывая свою церковь, положилъ новый порядокъ дѣлъ, по коему эта церковь должна быть обществомъ совершеннымъ и независимымъ, подъ верховнымъ главою, римскимъ первосвященникомъ, подъ управленіемъ паствы епископами и священниками, находящимися въ его зависимости, чтобы поддерживалось и сохранялось единство управленія, ибо едина вѣра. Не касаясь цезаря, во всемъ, что относится къ порядку временному и гражданскому (temporale e civile), онъ хотѣлъ, чтобы церковь непосредственно распоряжалась духовными и церковными дѣлами. Желая, чтобы каждый дѣйствовалъ по своимъ свойствамъ, отдѣльно и независимо, онъ имѣлъ въ виду, чтобы свѣтская власть не переступала своихъ предѣловъ и не касалась того, что̀ относится до церковной верховной власти. Изъ этого слѣдуетъ, что церковь имѣетъ право постановлять законы, какъ въ отношеніи къ догмату, такъ и въ отношеніи дисциплины, управляя всѣмъ священнымъ и касающимся вѣры и нравственности, — право, основанное на ея божественномъ установленіи, независимое отъ какой бы то ни было свѣтской власти. Изъ этого права, исключительнаго и независимаго, проистекаетъ власть изслѣдовать, судить и рѣшать о ли-

[1]) Галль-Морель, Docum № XIV, стр 33 и 34.

[2]) Esposiz. docum. № XLV, стр. 142 и 143.

цахъ и предметахъ, въ отношеніи къ которымъ церковь постановляетъ законы... Къ числу существенныхъ принадлежностей церковнаго управленія относится свободное сообщеніе епископовъ и вѣрующихъ какъ между собою, такъ и съ римскимъ первосвященникомъ. Какъ земля, на которую свободно не падаютъ лучи солнца, не приноситъ плодовъ, точно такъ и частныя церкви, лишенные свободнаго сообщенія съ своимъ главою, установленнымъ І. Христомъ, упадаютъ... Императорское правительство смотритъ на верховнаго первосвятителя, какъ на иностраннаго государя въ отношеніи къ Россіи и Польшѣ, и придаетъ ему только политическій характеръ; но папа, какъ верховный глава католической религіи, не можетъ быть иностраннымъ ни для какого угла земли» [1])...

Полною свободою сношеній латинскаго духовенства и мірянъ съ папскимъ дворомъ, какъ того требовалъ Римъ, конечно былъ бы устраненъ всякій надзоръ верховной государственной власти надъ частью подданныхъ, и основалось бы, какъ выразился императоръ Александръ І-й въ наказѣ гр. Бутурлину, особое государство въ государствѣ. Но для Рима этого было еще мало. Чтобы это государство получило силу и бо̀льшую самостоятельность, для него нужна, такъ сказать, особая территорія, точно также независимая отъ верховной власти того государства, въ области котораго она находится. Поэтому вопросъ о церковныхъ имуществахъ, въ видахъ Рима и его канонистовъ, имѣетъ совершенно иное значеніе, нежели какое придаютъ ему европейскія государства и свѣтскіе юристы. Различіе взглядовъ въ этомъ отношеніи выразилось въ современномъ спорѣ, продолжающемся уже довольно долго, какъ въ литературѣ, такъ и въ преніяхъ законодательныхъ собраній о свѣтской и духовной власти папъ. Папа и его защитники, ультрамонтанскіе писатели, говорятъ, что значеніе *духовной* власти папы неразрывно связано съ его обладаніемъ извѣстною государственною областью, съ его властію какъ свѣтскаго государя. Ихъ противники, наоборотъ, утверждаютъ, что духовная власть папъ тогда только получитъ христіанское значеніе, когда перестанетъ быть въ тоже время и свѣтскою. Мы не войдемъ въ изложеніе подробностей этого спора, какъ современнаго, и потому болѣе или менѣе извѣстнаго. Онъ только косвенно относится къ излагаемому нами вопросу, но объясняетъ его. Право собственности на имущества латинской церкви въ настоящемъ смыслѣ принадлежитъ папѣ, какъ ея главѣ и государю; они

[1]) Esposiz. document. № LXVI, стр. 204 — 11.

составляютъ часть его территоріи, наслѣдіе св. Петра. Всякое прикосновеніе къ нимъ свѣтской государственной власти, въ глазахъ Рима, такое же нарушеніе правъ папы, какъ, напримѣръ, присоединеніе легатствъ къ италіанскому королевству. Таковъ истинный взглядъ Рима, если освободить его отъ умышленныхъ покрововъ, которыми его защитники стараются скрывать дѣйствительный его смыслъ. «Хотя церковь, говорятъ они, не есть царство *отъ міра сего*, но она—царство *въ мірѣ семъ*, и слѣдовательно нуждается во внѣшнихъ средствахъ для существованія. Поэтому на каждомъ христіанинѣ, а равно и на государствахъ, лежитъ обязанность снабжать церковь этими средствами. Такимъ образомъ составившіяся церковныя имущества должны быть святою и неприкосновенною принадлежностію церкви (domaine) и находиться исключительно въ управленіи самою церковью назначенныхъ лицъ. Въ строгомъ смыслѣ слова, никакой человѣкъ не имѣетъ права собственности на вещи; онъ въ потѣ лица своего долженъ воздѣлывать землю, всякая его собственность дана ему Богомъ только въ пользованіе, человѣкъ распоряжается, а право собственности принадлежитъ Богу. Этого права собственности Богъ не передалъ и государству, но возложилъ на него особую обязанность защищать и водворять порядокъ владѣнія. Богъ, какъ доказываютъ многія свидѣтельства изъ ветхаго завѣта, положительно повелѣлъ многіе предметы посвящать ему, а самъ передалъ ихъ священникамъ и левитамъ. Такое-же значеніе имѣютъ и церковныя имущества, которыя Тридентинскій соборъ поэтому и называетъ — res Dei. Когда государство налагаетъ руку на эти имущества, то совершаетъ въ полномъ смыслѣ слова святотатство; оно обязано защищать ихъ неприкосновенность. Если смотрѣть на различныя церковныя лица и общества, между которыми распредѣлены церковныя имущества, какъ только на распорядителей, то изъ этого слѣдуетъ, что тѣ теоріи, которыя приписываютъ право собственности государствамъ или даже церковнымъ обществамъ (т. е. народнымъ церквамъ), совершенно не вѣрны. Неправильно также въ этомъ случаѣ приписывать право собственности и папѣ; онъ только верховный ими распорядитель, и въ случаяхъ важныхъ, безъ его позволенія, нельзя ими располагать. Церковь можетъ, въ случаѣ нужды, изъ своихъ доходовъ помогать государству, но, въ качествѣ *милостыни* (almosen) [1]), и неиначе, какъ съ дозволенія папы». Въ сокращенномъ видѣ, но почти слово

[1]) Галликанская церковь выражалась въ этомъ случаѣ нѣсколько вѣжливѣе, называя такія подачки les dons gratuits.

въ слово, мы привели разсужденія одного изъ извѣстныхъ современныхъ канонистовъ [1]). «Только церковь можетъ законнымъ образомъ распоряжаться своими имуществами посредствомъ назначенныхъ ею для того лицъ, епископовъ, и посредствомъ римскаго первосвященника и подъ его зависимостію, какъ своего августѣйшаго и вселенскаго (universel) государя» — говорили еще весьма недавно піемонтскіе епископы въ адресѣ, который они подавали въ законодательное собраніе по случаю заявленной тамъ мысли о необходимости секуляризаціи церковныхъ имуществъ. Пій IX, въ аллокуціи 22-го января 1855 г., осудивъ сардинское правительство, торжественно воздавалъ хвалу епископамъ, которые ему противились и «словомъ и письменно, какъ твердыня дома Израилева, защищали дѣло Бога и церкви» [2]).

Римскій дворъ, постоянно возставая противъ всякаго вмѣшательства государственной власти въ управленіе церковными имуществами и защищая необходимость ихъ независимаго существованія, преслѣдуетъ двѣ цѣли:

1) Поставить духовенство въ полную независимость отъ свѣтской верховной власти. «Мы болѣе всего отстаиваемъ ту систему высшей дисциплины, вслѣдствіе которой духовенство должно быть свободно и независимо, т. е., чтобы оно было *собственникомъ*, говоритъ гр. де-Местръ. Въ этомъ отношеніи нашъ взглядъ никогда не могли измѣнить никакіе софизмы, изобрѣтенные невѣріемъ или жадностію. Мы хорошо знаемъ, что повсюду, гдѣ священники получаютъ жалованіе отъ правительства, они унижены, они робкіе слуги, или лучше сказать, рабы той власти, которая имъ платитъ деньги» [3]).

2) Сохранить верховную власть папы въ отношеніи къ церковнымъ имуществамъ и чрезъ это поставить латинское духовенство въ полную зависимость отъ Рима. Какъ римскій дворъ постоянно стремился уничтожить самостоятельное значеніе епископской власти и самихъ епископовъ — «присоединить къ общему стаду, которое божественною властію поручено пасти св. Петру и его преемникамъ» [4]), точно также постоянно онъ противодѣйствовалъ тому даже воззрѣнію, что церковныя имущества составляютъ собственность или находятся въ исключительномъ распоряженіи какой либо мѣстной церкви. Напротивъ,

---

[1]) Филлипсъ, Kirchenrecht. Т. II, § 114, стр. 586—607.

[2]) Laurent, L'église et l'état, т III, прилож. стр. 512. — J Simon. La liberté de conscience, прилож. стр 371 и слѣд.

[3]) Lettres et opuscules du comte Maistre. т. II, Paris, 4-me édit. стр. 386.

[4]) Филлипсъ, Kirchenrecht, т. II, § 80, стр. 175.

они составляютъ общую собственность всей церкви, и потому находятся въ верховномъ распоряженіи папъ. Папа удѣляетъ только часть своей власти въ этомъ случаѣ духовнымъ представителямъ мѣстной церкви и ставитъ ихъ въ зависимое отъ него положеніе или, пользуясь выраженіемъ гр. де-Местра, дѣлаетъ *рабами той власти*, отъ которой зависитъ обезпеченіе ихъ матеріальнаго существованія.

Нѣтъ нужды доказывать многочисленными историческими свидѣтельствами, что такого взгляда Рима на духовныя имущества не раздѣляетъ ни одно изъ европейскихъ государствъ. Не заходя далеко въ исторію, чтобы убѣдиться въ этомъ, стоитъ припомнить происшествія новаго времени, начавшіяся съ послѣднихъ лѣтъ прошлаго столѣтія повсюду и продолжающіяся до сихъ поръ — въ Италіи.

Русское правительство въ первый разъ встрѣтилось со взглядомъ Рима на церковныя имущества въ 1769 г., когда прихожане с.-петербургской латинской *кирки* обратились къ императрицѣ Екатеринѣ II-й съ просьбою принять подъ свое покровительство имущество церкви и тѣмъ защитить его отъ расхищенія духовными властями, присылаемыми имъ изъ Рима. Эти— «суперіоры—писали прихожане—имѣя такую власть изъ Рима, утверждаютъ сами собою, будто все то, что при церкви ихъ есть, принадлежитъ римской церкви и отъ оной имъ, суперіорамъ, въ спокойное владѣніе утверждено; хотя они никогда ни въ прежнемъ, ниже въ нынѣ начатомъ, съ тягостію для прихожанъ, строеніи ни мало не вспомоществовали», а между тѣмъ растрачивали имущество, дѣлали долги и, не заплативъ, уѣзжали въ Римъ. Прихожане обращались съ прошеніями къ римской конгрегаціи, но она оставила ихъ безъ отвѣта. Зато ихъ справедливыя жалобы уважила императрица и снабдила кирку особымъ регламентомъ, который устранялъ возможность расхищать ея имущество, присланными изъ Рима духовными лицами. Договоромъ, заключеннымъ съ Польшею въ 1772 г., предоставлено было духовенству въ областяхъ, присоединенныхъ къ имперіи, по прежнему пользоваться своими имуществами. Это условіе повторено и въ договорѣ 1779 г., но эти имущества однакоже русское правительство, равно какъ и австрійское и прусское, какъ принадлежащія къ государственной территоріи, признали государственными и верховное право собственности надъ ними удержали за государствомъ [1]). Въ послѣдствіи было нѣсколько частныхъ случаевъ, какъ послѣ изгнанія іезуитовъ изъ имперіи, когда

[1]) Полн. Собр. Зак. т. XVIII, №№ 13.251 п. 52, т. XXIV, № 17.736.

правительство нѣкоторыя изъ нихъ брало въ государственное управленіе; но общія мѣры въ этомъ отношеніи предприняты были только послѣ польскаго возстанія 1830 г., и преимущественно въ 1841 и 1843 г.

Но жалобы Рима начались уже ранѣе этого времени. Въ нотѣ, іюня 1832 г., кардиналъ Бернетти одною изъ причинъ печальнаго въ нравственномъ отношеніи состоянія латинскаго духовенства въ имперіи, указываетъ на его — «обѣдненіе вслѣдствіе отобранныхъ въ казну многихъ церковныхъ имуществъ», вопреки обѣщанію русскаго правительства поддерживать status quo латинской церкви въ имперіи, выраженному въ договорѣ съ Польшею въ 1772 г. Въ отвѣтъ на это, въ меморіи, переданной римскому двору гр. Гурьевымъ, въ маѣ 1833 г., замѣчено, что «русское правительство не только не отбирало никакихъ церковныхъ имѣній, но, напротивъ, въ случаяхъ тяжбъ объ этихъ имѣніяхъ съ частными лицами, оно приняло на себя обязанность защищать духовенство на правахъ казны. Благодаря такой защитѣ, въ продолженіе немногихъ послѣднихъ лѣтъ, при посредствѣ главнаго управленія духовныхъ дѣлъ иностранныхъ исповѣданій, выиграно въ пользу духовенства нѣсколько сотъ процессовъ самыхъ сложныхъ и сомнительныхъ. Правда, въ послѣднее время нѣкоторые изъ приходскихъ церквей и монастырей дошли до крайне бѣднаго положенія, но не по винѣ правительства, а частію отъ пониженія цѣнъ на земледѣльческія произведенія и трудность ихъ сбыта, частію отъ несостоятельности арендаторовъ или должниковъ, отъ пропущенія опредѣленнаго для иска законами срока и вообще отъ дурнаго управленія имуществами чрезъ настоятелей безпечныхъ и малосвѣдущихъ». Но Римъ очень хорошо зналъ, что общихъ мѣръ въ отношеніи къ церковнымъ имуществамъ въ это время еще не было принимаемо нашимъ правительствомъ; онъ обобщалъ свою жалобу для того, чтобы избѣгнуть указанія на тѣ частные случаи, которые онъ именно имѣлъ въ виду. Дѣйствительно, около этого времени, были конфискованы имущества трехъ монастырей: (березскаго, овручскаго и почаевскаго), за участіе въ мятежѣ, хотя въ немъ принимали участіе, не въ той только мѣрѣ, болѣе 50 монастырей. Что касается до договора 1772 г., на который указывалъ римскій дворъ, обязующій будтобы русское правительство поддерживать постоянно status quo правъ и преимуществъ латинскаго духовенства, то въ отвѣтѣ нашего правительства сказано: «Мы можемъ ограничиться нѣсколькими только словами въ отвѣтъ на это указаніе:—Въ манифестѣ, обнародованномъ вмѣстѣ съ договоромъ 1772 г., было выражено, что права римско-католическаго

духовенства останутся твердыми и неприкосновенными до тѣхъ поръ, пока *они сами вѣрноподданническій свой долгъ и присягу непорочно сохранятъ будутъ*. Но духовенство, какъ бѣлое, такъ и монашествующее, слишкомъ часто злоупотребляло тѣмъ покровительствомъ, которое правительство ему оказывало, пользуясь имъ для того, чтобы совращать православныхъ въ латинство; оно употребило во зло довѣріе правительства, внушая юношеству, котораго воспитаніе ему было ввѣрено, начала враждебныя законной власти и существующему порядку; наконецъ, оно принимало явное и непосредственное участіе въ мятежѣ. Итакъ, само духовенство, своимъ неблагодарнымъ и преступнымъ образомъ дѣйствій, разорвало договоръ, который обезпечивалъ ему мирное пользованіе своими преимуществами. Правительство, покоривъ его силою оружія, къ которому оно вынудило его прибѣгнуть, входитъ въ полныя права побѣдителя, и ему одному принадлежитъ теперь, по своей волѣ, прибѣгать къ тѣмъ средствамъ, которыя сочтетъ оно необходимыми для того, чтобы предотвратить на будущее время тѣ безпорядки, которые возбудили-было всѣ ужасы религіозной и гражданской анархіи въ этихъ областяхъ [1])».

При заключеніи конкордата, римскіе уполномоченные настояли на томъ, чтобы ихъ притязаніе о возвращеніи церковныхъ имуществъ внесено было въ особый протоколъ, 22 іюля 1847 г. Но вмѣстѣ съ тѣмъ внесенъ былъ и слѣдующій отвѣтъ уполномоченныхъ нашего правительства. Они объявили — «что не имѣютъ никакихъ особыхъ инструкцій по этому вопросу; но что впрочемъ императорское правительство подчинило общему съ государственными имуществами управленію тѣ имѣнія духовенства, въ которыхъ были крѣпостные крестьяне; что это—общая мѣра, одинаково касающаяся духовенства всѣхъ исповѣданій, не исключая и господствующей церкви; что доходы съ этихъ имѣній употребляются на содержаніе самого же католическаго духовенства. Но какъ этихъ доходовъ не достаетъ для этой цѣли, то правительство ежегодно прибавляетъ къ нимъ значительныя суммы, и теперь, по случаю учрежденія новой херсонской епархіи, должно будетъ еще увеличить это пособіе. Всѣ другія недвижимыя имущества духовенства, приносящія до 300 тыс. франковъ въ годъ дохода, и теперь находятся въ его распоряженіи; изъ капиталовъ же, принадлежавшихъ упраздненнымъ монастырямъ, образованъ вспомогательный для духовенства капиталъ, простирающійся до 6 милл. фр.». Комитетъ 1856 г. выразилъ ту же мысль, что правительство не лишило духовенства права собственности на его

---

[1]) Галль-Морель, Docum. №№ VI, стр. 15, XIII, стр. 31; XIV., стр. 35 и 41 и 42.

имущества, «но только устранило его отъ управленія ими. Поэтому, при установленіи окладовъ жалованья для духовныхъ лицъ, принято было за правило, что онѣ должны соотвѣтствовать доходамъ, получаемымъ съ церковныхъ имуществъ.» Конечно, *голая* собственность (nuda proprietas) не совсѣмъ удовлетворяла желаніямъ папы и латинскаго духовенства, однакоже и русское правительство не могло уступить въ этомъ случаѣ, и потому отказало римскому престолу въ его притязаніяхъ [1]).

Такимъ образомъ, русское правительство приняло на себя только управленіе этими имуществами, употребляя получаемые съ нихъ доходы на содержаніе самой латинской церкви, ея духовенства и учрежденій. Что же заставило его возложить на себя такую обременительную обязанность?

Мы указали уже на одну существенную причину, а именно, на участіе латинскаго духовенства въ мятежѣ, которая одна уже достаточно оправдываетъ эту мѣру. Но къ ней присоединились и другія: большая часть имѣній духовенства были населены крестьянами, исповѣдывавшими издавна православіе, или только присоединившимися къ нему изъ уніи. При существованіи крѣпостного права, нельзя было оставить ихъ въ рукахъ духовенства, которое употребляло всѣ средства для совращенія ихъ въ латинство и вообще дурно управляло ими и разоряло ихъ. Большую часть получаемыхъ съ этихъ имѣній доходовъ духовные распорядители или тратили на свои личныя потребности и прихоти, или отсылали въ Римъ, лишая церковь и ея учрежденія иногда даже средствъ безбѣднаго существованія. Такое положеніе дѣлъ, съ одной стороны, возбуждало постоянныя просьбы крестьянъ къ правительству, въ которыхъ они умоляли защитить ихъ отъ притѣсненій ихъ духовныхъ правителей, съ другой— размножало въ судахъ сложные процессы о правахъ на эти имущества, какъ духовенства съ частными лицами, такъ и между собою.

Но, конечно, римскій дворъ не могъ примириться съ этою мѣрою, потому что хотѣлъ удержать за собою и право собственности на эти имущества, и соединенное съ нимъ право распоряженія, потому что, какъ папа, такъ и монашескія управленія въ Римѣ, лишались значительныхъ доходовъ. Хотя отправленіе въ Римъ большей части доходовъ съ этихъ имуществъ и приводило въ бѣдное положеніе латинскую церковь въ имперіи, но Римъ не обращалъ на это вниманія и даже пользовался этимъ обстоятельствомъ, чтобъ сваливать въ этомъ случаѣ вину на

---

[1]) Esposiz. docum. № IV, п. IX, стр. 21; № XLV, стр. 149 и 150.

русское правительство, которое будто бы не только не заботится о безбѣдномъ существованіи латинской церкви въ имперіи, но даже лишаетъ ее необходимыхъ для этого средствъ.

Создать свое особое государство въ русскомъ государствѣ, независимое отъ верховной его власти, какъ по личному его составу, такъ и въ территоріальномъ отношеніи, конечно, было важно для римскаго двора; ибо такимъ образомъ онъ воздвигалъ неприступную крѣпость въ срединѣ города, которая могла постоянно держать его въ страхѣ, грозя ему разрушеніемъ. Но въ видахъ Рима этого было еще мало.

Создавая свое государство въ средѣ другого, онъ считаетъ своимъ долгомъ заботиться о постоянномъ умноженіи числа его подданныхъ и объ увеличеніи его имуществъ. На дѣло *пропаганды* папское правительство смотритъ, какъ на одну изъ священныхъ своихъ обязанностей. Папа Григорій XVI, въ запискѣ, переданной имъ императору Николаю Павловичу въ Римѣ, жалуясь на удаленіе *апостольскихъ миссіонеровъ* изъ Грузіи, которые вмѣсто того, чтобы обращать могометанъ и язычниковъ въ христіанство, принялись за совращеніе православныхъ въ латинство, говоритъ: «Ихъ обвиняютъ въ прозелитизмѣ въ пользу католической церкви, но въ сущности они исполняли только свое священное призваніе, которое заключается въ *проповѣди евангеліи всей твари*, и въ предписаніи: проповѣдуйте *всѣмъ народамъ*. Впрочемъ, они исполняли свою обязанность мирно, не употребляя ни хитростей, ни насилія, ни соблазнительныхъ внушеній. Каждому предоставлялась свобода ихъ слушать по желанію и слѣдовать ихъ совѣтамъ и наставленіямъ въ дѣлѣ вѣры [1])». Но дѣйствительно-ли латинская церковь пользуется только мирною проповѣдью для возвѣщенія міру того ученія, которое она считаетъ истиннымъ? Не прикрывается ли она только этимъ покровомъ смиренія въ *виду обстоятельствъ времени*, какъ выражаются папы въ конкордатахъ, дѣлая непріятныя для нихъ уступки свѣтской власти? Такая проповѣдь вовсе не исключаетъ терпимости другихъ христіанскихъ исповѣданій, — но признаетъ ли терпимость латинская церковь?

«Римская церковь по самой своей сущности должна отличаться нетерпимостію» — писалъ, въ 1804 г., папскій кардиналъ, статсъ-секретарь Консальви къ нунцію въ Парижѣ, кардиналу Капрарѣ. «Римская церковь можетъ оказывать *терпимость*, говоритъ извѣстный канонистъ, на котораго мы уже не разъ опирались, какъ на важный авторитетъ, признанный самимъ Ри-

[1]) Тамъ же, № I, ст. 15, стр. 7.

момъ, — только къ *язычникамъ*, потому что они заблуждаются по незнанію; можетъ терпѣть также евреевъ, какъ свидѣтелей истины; но она не можетъ оказывать терпимость къ *ереси*, потому что она колеблетъ основанія общаго вѣрованія. Синагога сопутствуетъ церкви, какъ служанка, храня священное писаніе; но ересь возносится надъ церковью, не уважаетъ ея представителей во всѣхъ степеняхъ, зоветъ ее къ суду на основаніи слова божія. Можетъ-ли церковь, учительница истины, заключить съ нею миръ и стало-быть возвесть ее вмѣстѣ съ собою на престолъ и съ нею раздѣлить свою власть! Ересь въ ея дѣйствительномъ и истинномъ значеніи есть величайшее преступленіе; если язычники оскорбляютъ Бога, то — по невѣдѣнію, а ересь съ сознаніемъ разрываетъ истину; если евреи тѣлесно распяли Христа, то ересь приковываетъ ко кресту его таинственное тѣло, — церковь. Поэтому, вполнѣ становится понятною та *нетерпимость*, которую церковь выражаетъ во всѣхъ своихъ постановленіяхъ противъ ереси, и особенно въ bulla coenae, тѣ жестокія выраженія, которыми она постоянно ее обозначаетъ, строгія наказанія, которыя она употребляетъ противъ еретиковъ, и предоставленіе ихъ въ руки свѣтской власти съ требованіемъ отъ свѣтскихъ властителей, чтобы они и законами, и оружіемъ помогали искорененію ереси. Съ ересью имѣетъ близкое сродство и *схизма* (расколъ). Она, въ сущности, заключается въ томъ, что крещеные христіане, не сомнѣваясь въ вѣрѣ и не отдѣляясь отъ ней, отрѣшаются однако-же отъ установленной Богомъ церковной власти, отъ *папы*. Схизматику, отрѣшающемуся отъ единства церкви возможно-ли сохранить и чистоту ученія? Если ересь приводитъ къ схизмѣ, то и схизма приводитъ къ ереси, ибо ея существованіе можетъ оправдываться только ложнымъ ученіемъ. Церковь считаетъ схизму точно такимъ же тяжелымъ преступленіемъ, какъ и ересь, и одинаково къ ней относится [1])».

Приведенныя слова кажется достаточно объясняютъ, что между проповѣдью христіанскою, по евангельской заповѣди, и латинскою пропагандою — ничего нѣтъ общаго. Христіанское *слово мира* не нуждается въ помощи внѣшней силы; латинская проповѣдь, напротивъ, постоянно призываетъ ее себѣ на помощь и на нее опирается.

Откровеннымъ, постояннымъ и долговременнымъ осуществленіемъ на дѣлѣ этого ученія латинской церкви — было польское государство въ отношеніи къ подданнымъ не-латинскаго исповѣ-

---

[1]) Филлипсъ, Kirchenrecht, т. II, § 102, стр. 441—452; сравн. § 97, стр. 399—400, также §§ 99 — 111.

данія, и особенно къ православнымъ. Свѣтской власти Рѣчи-Посполитой папы постоянно проповѣдывали крестовый походъ противъ православныхъ ея подданныхъ; покровительствуемое этою властію польское духовенство, при пособіи всевозможныхъ насилій, проповѣдывало обращеніе въ латинство. Преслѣдуемые исповѣдники восточной церкви постоянно обращались къ Россіи съ просьбами, и она не отказывала имъ въ помощи словомъ заступничества передъ ихъ властію, такъ же какъ въ настоящее время не отказываетъ своимъ единовѣрцамъ и соплеменникамъ въ Турціи. Неумолимая, историческая логика событій привела къ тому, что Риму, вмѣсто полнаго обращенія, удалось создать шаткое зданіе уніи, а вмѣстѣ съ тѣмъ совершенно разрушить то орудіе, которымъ онъ дѣйствовалъ въ этомъ случаѣ, т. е. польское государство.

Несмотря однакоже на то, что съ тѣхъ поръ, большая часть областей, подвластныхъ бывшему польскому королевству, присоединилась къ Россіи, почти разрушилось цѣлое зданіе уніи, и православное правительство замѣнило латинское и іезуитское, —духовенство латинское не оставляло своего прежняго образа дѣйствій. Польскіе паны, пользуясь крѣпостнымъ правомъ, а иногда и вліяніемъ на управленіе, ему содѣйствовали; во время силы іезуитскаго-у насъ ордена, ему удалось даже достигнуть значительныхъ успѣховъ. Римъ, конечно, покровительствовалъ этимъ дѣйствіямъ и стремился удалить всѣ преграды, которыя наше правительство всегда полагало латинской пропагандѣ. Поэтому и въ протоколъ къ конкордату внесено, заявленное римскими уполномоченными, желаніе папскаго двора, чтобы были отмѣнены — «такъ-называемые законы противъ прозелитизма, внесенные въ 1845 г. въ уложеніе о наказаніяхъ».

На это заявленіе наши уполномоченные отвѣчали: «Уголовные законы о прозелитизмѣ не могутъ быть отмѣнены безъ нарушенія правъ господствующей церкви. При самомъ открытіи настоящихъ переговоровъ, императоръ указалъ на эти права, какъ на неприкосновенныя. По этой причинѣ императорское правительство не могло считать эти законы утратившими свою силу, и внесло ихъ въ новый уголовный кодексъ. Но, пользуясь своимъ правомъ верховной власти, оно предоставило себѣ, при ихъ примѣненіи на дѣлѣ, руководствоваться снисходительностію, доведенною до крайнихъ предѣловъ терпимости, не переходя лишь въ равнодушіе въ дѣлахъ вѣры (indifférence). Въ доказательство этой снисходительности, уполномоченные заявляли, «что едвали возможно указать на одинъ случай, когда бы духовное лицо католическаго, лютеранскаго или другаго исповѣданія въ Россіи, было осуждено

или даже предано суду за совращеніе, что, впрочемъ, представляется почти невозможнымъ по самому своему существу, ибо всякій новообращенный непремѣнно будетъ утверждать, что онъ перемѣнилъ исповѣданіе по собственному убѣжденію, а не подъ вліяніемъ другихъ». Конечно, существованіе строгаго закона не могло бы оправдываться тѣмъ, что онъ не исполняется и исполняться не можетъ. Въ отношеніи къ частнымъ лицамъ, эти законы, если и могутъ быть прилагаемы, то дѣйствительно въ случаяхъ рѣдкихъ и выходящихъ изъ обыкновеннаго порядка дѣлъ; но они составляютъ важное огражденіе противъ совращенія въ латинство цѣлыхъ общинъ и округовъ, на которое нерѣдко покушалось латинское духовенство, и что хорошо извѣстно нашему правительству.

Въ связи съ этимъ притязаніемъ Рима находятся и слѣдующія, также внесенныя въ особый протоколъ къ конкордату, а именно: объ измѣненіи епископской присяги, объ учрежденіи уніатскаго епископа для имперіи, и вопросы, касающіеся до смѣшанныхъ браковъ.

Въ 1783 г., когда папскій нунцій, монсиньоръ Аркетти, прибылъ въ Петербургъ съ тѣмъ, чтобы властію папы утвердить распоряженія императрицы въ отношеніи къ латинской церкви и посвятить Сестренцевича въ санъ архіепископа, онъ привезъ съ собою и образецъ присяги, которую, по обычаямъ римскаго двора, должны произносить при посвященіи архіепископы и епископы. Въ этой присягѣ, сверхъ того, что не дозволялось имъ распоряжаться имуществами безъ позволенія папы, епископы должны были обѣщать, что — «будутъ преслѣдовать, во сколько позволятъ имъ ихъ силы, схизматиковъ и всѣхъ тѣхъ, кои отложились отъ І. Христа и его преемниковъ», т. е. папъ. Разсмотрѣвъ эту присягу, императрица, въ нотѣ 27 окт. 1783 г., поручила объявить нунцію, что — «порядокъ, принятый въ этомъ случаѣ латинскою церковью, не согласуется съ достоинствомъ верховной власти въ имперіи и нарушаетъ уваженіе, которое *терпимая* только церковь обязана соблюдать въ отношеніи къ *господствующей* церкви». «Необходимо, по самой сущности обстоятельствъ, сказано далѣе въ этой нотѣ, чтобы присяга католическихъ епископовъ въ странѣ, гдѣ верховная власть принадлежитъ къ другому исповѣданію, не препятствовала имъ, какъ подданнымъ, сохранять вѣрность и покорность этой власти». На этомъ основаніи императрица потребовала, чтобы указанныя выраженія были исключены изъ присяги, и сверхъ того, чтобы она была дополнена слѣдующими словами: «Сіе все (заключающееся въ присягѣ) и въ подробности тѣмъ непарушимѣе соблюду, что

удостовѣренъ я, что ничего въ оном̀ такого не содержится, чтобы въ присягѣ въ вѣрности моей законной, верховной государынѣ и императорскаго ея престола преемникамъ, мною учиненномъ, противно быть могло».

Послѣ многихъ колебаній, нунцій согласился, именемъ папы. принять этотъ образецъ присяги, который и былъ законнымъ порядкомъ обнародованъ, а императрица поручила генералъ-прокурору объявить, что она его — «апробовала, и что позволяется всѣмъ постановляемымъ въ здѣшней имперіи архіепископамъ римскаго исповѣданія оную дѣлать ихъ священноначальнику, при совершеніи надъ ними церковнаго обряда [1])».

Съ тѣхъ поръ, всѣ латинскіе епископы въ имперіи приносили присягу по этому образцу; только въ 1814 г. случилось слѣдующее происшествіе: едва содѣйствіемъ императора Александра былъ возстановленъ папскій престолъ, какъ Пій VI, прислав̀ утвержденіе вновь избранному правительствомъ епископу и его суффраганамъ, присовокупилъ къ нему и присягу по прежнему образцу, отвергнутому императрицею Екатериной, а въ «бреве», на имя новаго епископа, предавалъ отлученію отъ церкви всякаго, кто не по присланному имъ образцу произнесетъ присягу. По разсмотрѣніи этой присяги въ комитетѣ министровъ, она не была принята и возвращена въ Римъ для исправленія. Конечно, римскій дворъ уступилъ настояніямъ нашего правительства, и кардиналъ статсъ-секратарь Консальви оправдывалъ этотъ поступокъ недоразумѣніемъ и ошибкою со стороны производителей дѣлъ въ папской канцеляріи, которые будтобы не знали, какую присягу произносятъ латинскіе епископы въ Россіи, а справокъ навесть не могли, потому что папскіе архивы еще находятся въ Парижѣ.

При заключеніи конкордата, римскіе уполномоченные заявили свое неудовольствіе противъ этой присяги, которое и внесено въ особый протоколъ. Заключающіяся въ ней условія, говорили они, находятся въ связи съ законами противъ прозелитизма и «оскорбляютъ совѣсть католиковъ, тѣмъ болѣе, что епископы не могутъ исполнять его добросовѣстно, потому что, оставляя въ сторонѣ соблазнъ или насиліе, не можетъ-же католикъ отказаться отъ евангельской заповѣди: *идите, проповѣдуйте всѣмъ народамъ*». Русскіе уполномоченные отвѣчали, что эта присяга издавна существуетъ и не возбуждала никакихъ неудобствъ, что заключающимся въ ней условіемъ «правительство не имѣло на-

---

[1]) Полн. Собр. Зак. т. XXII, № 15 982, стр 131—133.

мѣренія налагать обязанностей противныхъ нравственности и религіи.»

Въ тѣхъ же видахъ пропаганды, внесено въ протоколъ слѣдующее заявленіе кардинала Ламбрускини: «Чтобы обезпечить остающимся въ имперіи уніатамъ свободное отправленіе ихъ исповѣданія до тѣхъ поръ, пока не будетъ постановленъ особый для нихъ епископъ, слѣдуетъ поручить ихъ управленію латинскихъ епископовъ на томъ же основаніи, какъ это условлено для армянъ. Онъ также настаивалъ на томъ, что слѣдуетъ дозволить возвращаться въ унію тѣмъ, которые, вслѣдствіе особыхъ обстоятельствъ послѣднихъ лѣтъ, приняли несвободно православіе *или латинство*».

Нельзя не обратить особеннаго вниманія на всю странность этого заявленія: армяне-католики очень могли быть подчинены управленію латинскихъ епископовъ, но уніаты и прежде никогда имъ не подчинялись. Притомъ, заявленіе о возможности перехода принявшихъ латинство уніатовъ, снова въ унію, какъ рѣшительно противное правиламъ латинской церкви и потому неисполнимое на дѣлѣ, очевидно употреблено римскимъ уполномоченнымъ только какъ средство, чтобы добиться уступки своему домогательству, о которомъ только косвенно упомянуто. Это домогательство заключалось въ томъ, чтобы установить особаго уніатскаго епископа для имперіи, гдѣ уже почти не оставалось болѣе уніатовъ, очевидно съ цѣлію совращенія православныхъ.

Уполномоченные нашего правительства отвѣчали на это заявленіе: «Что имъ остается только повторить то, что уже нѣсколько разъ было заявлено, въ 1839 г. и прежде (въ 1794, 1795 и 1796), что никто не былъ принужденъ силою къ перемѣнѣ вѣроисповѣданія, но что одного того обстоятельства, что бывшіе уніаты, до конца XVI и частію въ XVIII столѣтіи, исповѣдывали восточное православіе, достаточно, чтобы понять возвращеніе ихъ всѣхъ къ вѣроисповѣданію своихъ предковъ. Во владѣніяхъ императора, именно въ царствѣ польскомъ, есть уніатскій епископъ и при немъ суффраганъ, а потому, если-бы въ послѣдствіи оказалось, что въ имперіи еще находятся уніаты и что нужно принять мѣры помочь имъ въ духовныхъ нуждахъ, то правительство, по соглашенію съ святымъ престоломъ, могло бы подчинить ихъ его управленію.»

Наконецъ, по настоянію папскаго уполномоченнаго, были внесены въ протоколъ нѣкоторые вопросы о смѣшанныхъ бракахъ. Въ *изложеніи* 1866 г. ноябр. 15, Пій IX указываетъ особенно на нихъ, какъ на самые щекотливые въ бывшихъ переговорахъ

(un delicatissimo punto),—и весьма справедливо, потому что они уже касались постановленій православной церкви. На нѣкоторые изъ нихъ, по заключеніи конкордата, допущены были нашимъ правительствомъ уступки, о которыхъ мы говорили; но сверхъ того оставались еще слѣдующіе, на которые, по разсмотрѣніи ихъ въ комитетѣ 1856 г. наше правительство отвѣчало отказомъ римскому: 1) Папа требовалъ, чтобы всѣ дѣла брачныя и о разводахъ, въ бракахъ смѣшанныхъ, когда одна изъ сторонъ принадлежитъ къ латинскому исповѣданію, подлежали разсмотрѣнію не православнаго духовнаго суда, а латинскаго; и 2) чтобы отмѣненъ былъ законъ 1832 г., по которому брачущіеся обязаны давать обѣщаніе, что дѣти отъ такихъ браковъ будутъ воспитываемы въ православной вѣрѣ, и что такіе браки тогда только признаются дѣйствительными, когда вѣнчаніе совершено было православнымъ священникомъ [1]). Но тѣ же самыя правила, основанныя на древнихъ церковныхъ канонахъ, признаетъ и латинская церковь [2]). Удерживая ихъ исключительно для себя, очевидно, она желала показать свое превосходство надъ восточною церковью въ той странѣ, гдѣ послѣдняя признается господствующею. Еще прежде, въ отношеніи къ этимъ вопросамъ, наше правительство объявляло Риму, «что оно приняло за правило не входить о нихъ въ дипломатическіе переговоры, но предоставлять ихъ рѣшенію духовной власти [3])». Поэтому, и въ настоящее время оно совершенно ихъ устранило.

Такимъ образомъ, на всѣ изложенные вопросы, вслѣдствіе

---

[1]) 2-е Полн. Соб. Зак. Т. VII., ук ноябр. 23, №. 5.767.

[2]) «Что касается до заявленія русскихъ уполномоченныхъ, что правила о вѣроисповѣданіи дѣтей отъ смѣшанныхъ браковъ — сказано въ папской запискѣ 1866 г. нояб. 15—одинаковы въ русской и латинской церквахъ, то на это необходимо замѣтить, что положеніе и образъ дѣйствій латинской церкви въ этомъ отношеніи совершенно различается отъ русской церкви. Латинская церковь, въ силу того начала, что не признаетъ спасенія внѣ ея, требуетъ воспитанія дѣтей въ своей вѣрѣ въ тѣхъ случаяхъ, когда по необходимости она даетъ разрѣшеніе на заключеніе смѣшанныхъ браковъ, которые вообще запрещаются ея правилами. Слѣдовательно, она принимаетъ за основаніе это запрещеніе. Напротивъ, императорскіе законы поощряютъ смѣшанные браки до такой степени, что запрещаютъ латинскимъ священникамъ дѣлать въ этомъ случаѣ какія либо препятствія, поставляя ихъ такимъ образомъ въ тяжкое положеніе или нарушать церковныя правила или императорскіе законы» Esposiz. docum. стр. 14 —Но древнія каноническія правила, сохраняемыя въ чистотѣ восточною церковію, не запрещаютъ смѣшанныхъ браковъ. Правило, запрещающее такіе браки съ православными, введено только римскою церковію, послѣ ея отдѣленія отъ восточной, и не согласуется съ древними церковными канонами. Если-бы даже наше правительство и поощряло такіе браки, то это относится къ видамъ политическимъ; церковныя же правила только ихъ не воспрещаютъ. Zhischman. Eherecht, стр. 506 и слѣд. 546 и слѣд

[3]) Галль-Морель, Doc. № XIV, стр. 41.

представленія комитета 1856 г., наше правительство должно было отвѣчать отказомъ Риму, потому что въ нихъ выражались притязанія, несовмѣстныя ни съ достоинствомъ государственной власти, ни съ постановленіями и правами господствующей церкви, т. е. именно, съ тѣми двумя условіями, которыя императоръ Николай, въ письмѣ къ папѣ Григорію XVI, 17 дек., 1845 г., положилъ въ основаніе обѣщанныхъ имъ переговоровъ съ Римомъ [1]).

Но римскій дворъ съ своей стороны, конечно, не могъ удовлетвориться отрицательнымъ отвѣтомъ нашего правительства, не отказавшись отъ своихъ притязаній на полновластіе, потому что такой отвѣтъ ограничивалъ именно это полновластіе. «Права верховнаго первосвященника и его духовное полновластіе, говоритъ извѣстный ультрамонтанскій писатель [2]), до такой степени священны въ католической церкви, что они составляютъ сущность самой религіи, потому что, если бы отстранить этотъ основной догматъ, то мы почти пришли бы къ соглашенію съ церквами русскою, греческою, восточною и др., или по крайней мѣрѣ остались бы лишь такія различія, которыя, при добросовѣстномъ обсужденіи, легко было бы разъяснить. Только полновластіе папы составляетъ существенное затрудненіе, потому что мы держимся за него, какъ за самую вѣру. Протестанты называютъ насъ *папистами*, и они совершенно правы, придавая намъ такое названіе». И дѣйствительно, Римъ не отказался отъ своихъ притязаній, и въ дальнѣйшемъ разсказѣ мы увидимъ, къ какимъ онъ прибѣгалъ средствамъ, чтобы вынудить уступки со стороны русскаго двора по этимъ вопросамъ.

---

[1]) Esposiz. docum Зап. стр. 10—17, докум. №. IV, п. 3, 4, 5, 9—12; №. XLV, стр 130—150.

[2]) Гр. де-Местръ, Lettres et opuscules, т. II, стр. 389, изд. 4 Paris.

VIII.

Постановленія о латинской церкви въ царствѣ польскомъ 1817 г.—Дѣйствія правительства и духовенства до 1830 года.— Сношенія съ Римомъ.

Мы уже замѣтили, что большая часть распоряженій нашего правительства, на которыя такъ постоянно жаловался римскій дворъ, почти вовсе не распространялись на царство польское. Тамъ латинская церковь находилась до настоящаго времени въ томъ положеніи, въ какомъ засталъ ее 1815-й годъ, и управлялась на основаніи особыхъ законоположеній, на которыя мы должны обратить вниманіе прежде, нежели приступимъ къ обозрѣнію современныхъ происшествій.

Едва только выступило на поприще политическаго существованія созданное, вопреки представленіямъ почти всѣхъ европейскихъ государствъ, великодушіемъ императора Александра I, въ 1815 г., царство польское, какъ вопросъ объ устройствѣ и управленіи духовенствомъ и его имуществами поднятъ былъ тамошними государственными учрежденіями.

Его возбудило не русское правительство; но старая Рѣчь-Посполитая оставила его какъ тяжелое наслѣдіе новой верховной власти. Шляхетское сословіе считало себя главнымъ представителемъ власти въ старой Польшѣ; король былъ только знаменемъ въ его рукахъ, народъ и земля—подвластными ей орудіями. Но сила шляхты опиралась на поземельное владѣніе, а между тѣмъ, къ XVIII столѣтію, оказалось, что двѣ трети польской государственной территоріи находились въ обладаніи духовенства [1]). Такимъ образомъ, сила ускользала изъ ея рукъ. Хотя

[1]) При Сигизмундѣ III, высшему духовенству въ Польшѣ принадлежало 100.530 деревень, приходскому и монастырямъ 60.530 дер., т. е. всего 161.060; а король и дворянство владѣли 90.000 деревень

духовенство, и даже въ высшихъ его степеняхъ, пополнялось изъ той же шляхты, но, впослѣдствіи, подъ вліяніемъ іезуитовъ и ультрамонтанскихъ воззрѣній, оно тяготѣло болѣе къ Риму и приносило для него въ жертву выгоды отечества. Поэтому, еще прежнее польское правительство стремилось къ тому, чтобы положить предѣлъ скопленію недвижимыхъ имуществъ въ рукахъ духовенства и подчинить его дѣйствія хотя нѣкоторому надзору государственной власти. Постановленіями сеймовъ 1635, 1669, 1764 и 1768 гг. запрещено было духовенству вновь пріобрѣтать имѣнія [1]). Въ 1775 г., когда былъ уничтоженъ въ Польшѣ орденъ іезуитовъ, всѣ его имѣнія и капиталы, приносившія до 440 тысячъ доходу въ годъ, поступили въ распоряженіе правительства и были предназначены на усиленіе училищнаго капитала. Конституціею 1789 г., по смерти краковскаго епископа, опредѣлено было имѣнія этого епископства, приносившія въ годъ до 150 тысячъ руб. дохода, обратить на общія нужды государства. Въ петербургской конвенціи, которою положенъ конецъ самостоятельному существованію Рѣчи-Посполитой, 27 января 1797 г., имущества духовенства подчинены общему правилу о смѣшанныхъ подданныхъ въ отношеніи къ поземельной собственности. «Три двора, сказано въ этой конвенціи, зная всѣ нестроенія, сопряженныя съ существованіемъ подданныхъ, донынѣ признаваемыхъ смѣшанными, въ разсужденіи ихъ владѣній, находящихся въ разныхъ государствахъ, условились не терпѣть болѣе»,... чтобы подданные одной державы владѣли имѣніями въ другой, и потому предписали имъ продать имѣнія, находящіяся въ иностранныхъ государствахъ, впродолженіе пятилѣтняго срока. Прилагая то же правило къ имуществамъ латинскаго духовенства и монастырей, т. е., «не терпѣть впредь смѣшаннаго владѣнія»,—державы постановили: «что сіи права имѣютъ вовсе принадлежать къ распоряженію той изъ трехъ державъ, въ областяхъ коея оныя лежатъ (т. е. имѣнія), и подъ симъ наименованіемъ правъ, принадлежащихъ духовенству, заключаться будутъ всѣ суммы денегъ, подъ закладъ или въ сохраненіе отданныя, которыя также вернутся въ казну той короны, въ областяхъ коея они будутъ лежать [2])».

Предоставивъ, такимъ образомъ, государству верховную собственность надъ имуществами духовенства, Россія иначе понимала свое право въ этомъ случаѣ, нежели Пруссія и Австрія.

---

[1]) Volumina legum. Изд. 1859 г., т. III, стр. 405 и слѣд.; т. V, стр 12 и 14; т. VII, стр. 381

[2]) Полн. Собр. Зак № 17.736, ст XI, и XIII.

Не смотря на различіе вѣроисповѣданій, обѣ эти державы почти одинаково отнеслись къ церковнымъ имуществамъ: они отобрали ихъ въ казну; русское же правительство, напротивъ, оставило ихъ въ распоряженіи самого духовенства [1]).

Едва сложилось правительство, вновь созданнаго, въ 1815 г., царства польскаго, какъ само сочло необходимымъ немедленно приступить къ разсмотрѣнію вопросовъ объ устройствѣ духовенства и монастырей, къ отношенію ихъ къ правительству и общимъ законамъ страны и къ управленію ихъ имуществами. Уже въ концѣ 1815 года, проектъ *органическаго* статута представленъ былъ на разсмотрѣніе государственнаго совѣта царства и въ слѣдующемъ году былъ поднесенъ на утвержденіе императору [2]). «Хотя духовенство — сказано въ предисловіи къ этому статуту — подчинено, какъ и всѣ прочіе обитатели царства, общимъ законамъ страны и предписаніямъ правительства, однакоже, чтобы оно съ пользою могло служить странѣ, представилось нужнымъ постановить особыя правила о внутренней дисциплинѣ и отправленіи имъ своихъ обязанностей».

Положивъ въ основаніе, выраженное въ этихъ словахъ, главное начало, что духовенство, и слѣдовательно принадлежащія ему имущества, составляютъ нераздѣльную часть государства и потому подчиняются общимъ государственнымъ законамъ и власти,— проектъ статута предполагалъ постановить слѣдующія правила:

«Коммиссія исповѣданій и народнаго просвѣщенія имѣетъ попеченіе и надзоръ надъ духовенствомъ (opieka i dozor, la protection et la surveillance), которое только чрезъ ея посредство можетъ обращаться къ правительству и ею извѣщается о его волѣ. Архіепископъ и епископы назначаются властію государя и не должны отлучаться изъ своихъ епархій, развѣ по исполненію обязанностей, возложенныхъ на нихъ закономъ или правительствомъ. Всякая переписка между папою и духовенствомъ должна производиться чрезъ посредство правительства, а папскія буллы и бреве могутъ быть обнародованы не иначе, какъ съ разрѣшенія государя» (ст. 1, 2, 10, 31 и 32).

---

[1]) Пруссія, инкамераціоннымъ эдиктомъ, 15 мая 1796 года, и инструкціею 10 сентября того же года, обратила въ казну всѣ имущества, принадлежавшія высшему духовенству, назначивъ ему компетенцію. Австрія взяла въ свое вѣдѣніе, патентомъ 30 октября 1800 г. и инструкціею 15 мая 1801 г., всѣ имѣнія, которыя составляли собственность духовныхъ лицъ или учрежденій, не имѣвшихъ приходовъ.

[2]) Онъ разсматривался въ общемъ собраніи государственнаго совѣта царства 28 ноября 1815 года и 8 марта 1816, подъ предсѣдательствомъ кн. Зайончека, въ присутствіи кн. Адама Чарторыйскаго, 4-хъ министровъ и 13-ти членовъ, въ числѣ которыхъ былъ прелатъ Пражмовскій (потомъ плоцкій епископъ), всѣ римско-католическаго исповѣданія.

Что касается до постановленія о папскихъ буллахъ и бреве, то оно опиралось на существовавшій уже законъ. Еще саксонское правительство герцогства Варшавскаго, декретомъ 20 апр. 1808 г., постановило, что министръ внутреннихъ дѣлъ и исповѣданій обязанъ — «разсматривать буллы и бреве римскаго престола и представлять ихъ королю, прежде ихъ обнародованія въ герцогствѣ».

Въ отношеніи къ имуществамъ духовенства, въ проектѣ статута предполагалось — «сохранить право духовенства пользоваться поземельною собственностію и капиталами, которые нынѣ ему принадлежатъ; но подъ попеченіемъ и надзоромъ коммиссіи исповѣданій и народнаго просвѣщенія». Въ то же время этой коммиссіи предписывалось привесть въ извѣстность всѣ эти имущества, распредѣлить доходы съ нихъ сообразно съ потребностями духовныхъ лицъ и учрежденій, и подвергнуть ихъ такимъ же повинностямъ въ отношеніи къ государству, какимъ подлежатъ всѣ другіе собственники въ царствѣ. Такимъ образомъ, духовенству, въ этомъ случаѣ, не давалось никакихъ преимуществъ въ сравненіи съ помѣщиками, и сверхъ-того, въ виду обремененія крестьянъ въ имѣніяхъ духовенства, по предложенію кн. Адама Чарторысскаго, въ проектѣ предположено, что — «учрежденія, относящіяся къ крестьянамъ въ духовныхъ имѣніяхъ должны быть тѣ же самыя, какъ и въ имѣніяхъ казенныхъ» (ст. 1, 33, 36, 37 и 38).

Къ этимъ общимъ правиламъ были присоединены и нѣкоторыя частныя, сообразныя съ мѣстными обстоятельствами. Въ Польшѣ, напримѣръ, какъ и вездѣ, латинское высшее духовенство присвоивало себѣ большую часть доходовъ съ имуществъ и оставляло на скудномъ содержаніи низшее, приходское духовенство. Стремленіе къ увеличенію доходовъ со стороны духовенства, вопреки каноническимъ правиламъ, заключалось и въ томъ, что одно лицо присвоивало себѣ нѣсколько бенефицій. Поэтому въ проектѣ статута предписывалось коммиссіи исповѣданій и народнаго просвѣщенія, при распредѣленіи доходовъ съ церковныхъ имуществъ, особенно обратить вниманіе на то — «чтобы прежде всего были обезпечены приходскіе священники достаточнымъ, годовымъ доходомъ», и постановлялось что — «никто изъ духовенства не можетъ имѣть болѣе одной бенефиціи» (ст. 24 и 37).

Въ тоже время былъ представленъ на утвержденіе императора и проектъ декрета о монашествующемъ духовенствѣ въ царствѣ [1]), въ объяснительной запискѣ къ которому польское

[1]) 8-го марта (20) 1816 г. составленный въ коммиссіи исповѣданій и народнаго просвѣщенія, подъ предсѣдательствомъ Станислава Потоцкаго.

правительство оправдывало необходимость этой мѣры въ слѣдующихъ словахъ:

«Нельзя не обратить вниманіе на то, что, не смотря на предубѣжденія противъ монашескихъ орденовъ и на явный упадокъ въ нихъ нравственности, они все еще пользуются довѣріемъ большинства въ народѣ. Поэтому необходимо съ осторожностію приступать къ ихъ преобразованію, чтобы не оскорбить общественнаго мнѣнія и не запугать робкихъ душъ (ne point allarmer les consciences timorées). Существованіе монашескихъ орденовъ въ церкви также необходимо, какъ нужны примѣры христіанскихъ добродѣтелей вообще для вѣрующихъ. Но какъ вообще случается въ ходѣ дѣлъ человѣческихъ, чѣмъ болѣе они удаляются отъ своего первоначальнаго источника, тѣмъ болѣе, по различнымъ обстоятельствамъ, измѣняютъ своему истинному призванію.

«Разнообразіе столькихъ монашескихъ орденовъ, различающихся въ настоящее время между собою только по одеждѣ, уже не приноситъ никакой пользы; между тѣмъ привилегіи, которыя, за прежнія заслуги, даровалъ имъ святой престолъ, сохраняются до сихъ поръ. Уклоняясь отъ подчиненности власти епископовъ, они перестали быть поучительными примѣрами для вѣрующихъ и приносить пользу обществу. Этого еще недостаточно, что нѣкоторыя частныя лица занимаются науками и обнаруживаютъ замѣчательныя дарованія, что нѣкоторые монастыри занимаются воспитаніемъ юношества, а другіе доставляютъ помощниковъ въ приходы, — это явленія случайныя, зависящія отъ личныхъ свойствъ нѣкоторыхъ настоятелей монастырей, и перемѣняющіяся вмѣстѣ съ ихъ перемѣною. Для блага церкви и общества, необходимы болѣе прочныя основанія, болѣе надежныя обезпеченія, которыя и можетъ представить только преобразованіе монашескихъ орденовъ, согласно съ современными потребностями церкви. Папа Иннокентій X-й предполагалъ произвести это преобразованіе, и въ буллахъ: *Militantis Ecclesiae* и *Instaurandae regularis disciplinae,* выразилъ главныя его начала въ отношеніи къ Италіи и Сициліи. Узнавъ объ этомъ, польское духовенство, по совѣщаніи, подъ предсѣдательствомъ Андрея Лещинскаго, гнѣзненскаго архіепископа, отправило къ папѣ гнѣзненскаго каноника Юдицкаго, съ прошеніемъ, отъ 13-го февраля 1653 г., распространить и на Польшу дѣйствіе этихъ буллъ. Только неожиданная кончина Иннокентія X-го помѣшала приведенію въ дѣйствіе этого благодѣтельнаго намѣренія. Орденскіе генералы слишкомъ удалены. Надзоръ за монашествующими долженъ быть порученъ епископамъ, которые, не уничто-

жая званія провинціаловъ, должны быть облечены властію надзора надъ монашествующими какъ въ отношеніяхъ ихъ къ свѣту, такъ и въ отношеніи къ внутренней между ними дисциплинѣ, и, совокупно съ ихъ начальствомъ, подвергать ихъ взысканіямъ. Какъ только эта власть будетъ предоставлена епископамъ, такъ само собою уничтожится всякое вліяніе иностранныхъ властей.»

Въ виду этихъ соображеній, коммиссія, при составленіи проекта декрета, приняла въ руководство слѣдующія начала:

1) Такъ какъ во многихъ монастыряхъ совершенно упала внутренняя дисциплина, въ слѣдствіе недостатка доходовъ для содержанія, а бѣдность страны не дозволяетъ ихъ увеличить, то желательно, чтобы монастыри однихъ орденовъ соединить такъ, чтобы въ каждомъ изъ нихъ находилось не менѣе установленнаго Тридентинскимъ соборомъ числа монаховъ.

2) Многочисленность монашескихъ орденовъ въ царствѣ въ настоящее время, когда желающихъ принимать обѣты оказывается все менѣе и менѣе, служитъ поводомъ къ недостаточности въ монастыряхъ числа монаховъ и паденію отъ того дисциплины, а поэтому необходимо сократить число монастырей.

3) Настоящее положеніе монашескихъ орденовъ требуетъ внимательнаго надъ ними надзора, который всего удобнѣе поручить епископамъ, по особому полномочію папы.

4) Чтобы упрочить существованіе монашескихъ орденовъ, необходимо ихъ устроить такъ, чтобы они приносили пользу обществу, по примѣру ихъ основателей, но чтобы эта польза соотвѣтствовала требованіямъ страны. Поэтому возможно бы раздѣлить ихъ на три разряда, оставивъ нѣсколько монастырей и для чисто созерцательной жизни, другимъ предоставить принять на себя содержаніе общественныхъ училищъ, или обученіе въ нихъ, или прислугу въ больницахъ и тюрьмахъ, или же управленіе приходами и доставленіе въ другіе приходы викаріевъ.

На основаніи этихъ началъ и былъ составленъ проектъ декрета; но въ концѣ объяснительной къ нему записки сказано: «Хотя порядокъ требовалъ бы избрать самый короткій путь, для приведенія въ исполненіе преобразованія монастырей, но есть предметы, до которыхъ безотвѣтственно нельзя касаться, не сохраняя почтенія къ принятымъ формамъ. Таково и это преобразованіе. Нѣкоторые канонисты утверждаютъ, что государи могутъ по своему усмотрѣнію распоряжаться монастырями; но не таково убѣжденіе нашего народа и всей католической Европы. Они думаютъ, что до монашескихъ орденовъ, находящихся подъ особымъ попеченіемъ главы церкви, не слѣдуетъ касаться безъ его согласія. Не входя въ ученыя пренія, довольно замѣтить, что это

общее мнѣніе, противъ котораго не захочетъ дѣйствовать правительство, не прибѣгающее къ насилію. И почему бы папа не согласился на такое справедливое и необходимое преобразованіе, если со стороны его величества ему будетъ представлено о необходимости этого преобразованія въ пользахъ религіи, не только для сохраненія существованія монастырей, но и въ видахъ ихъ благоустройства.»

Проектъ декрета не былъ разсмотрѣнъ государственнымъ совѣтомъ царства, какъ проектъ статута о духовенствѣ, между тѣмъ они находились въ связи между собою. Въ послѣднемъ (ст. 20), надзоръ надъ монастырями поручался уже епископамъ. Это обстоятельство, а еще болѣе то, что въ обоихъ проэктахъ предусматривалась необходимость по нѣкоторымъ вопросамъ сношеній съ Римомъ, было причиною того, что императоръ не утвердилъ ихъ, но, съ нѣкоторыми замѣчаніями, возвратилъ для совокупнаго разсмотрѣнія въ совѣтѣ царства, 23-го мая 1816 г. Послѣ многихъ опытовъ, императоръ Александръ хорошо зналъ, что̀ значитъ входить въ какія бы то ни было сношенія съ Римомъ, и потому главное его замѣчаніе касалось именно этого вопроса. Онъ поручалъ правительству составить въ томъ смыслѣ проектъ постановленій о духовенствѣ, чтобы не возбуждать вопросовъ, которые потребовали бы сношеній съ папою.

По разсмотрѣніи этихъ проектовъ вновь въ общемъ собраніи государственнаго совѣта царства, составленъ былъ декретъ, утвержденный императоромъ, 18-го (6) марта 1817 г., и до настоящаго времени составлявшій коренное законоположеніе для латинскаго духовенства въ царствѣ польскомъ, а потому мы обратимъ на него особенное вниманіе.

Вникая въ общее направленіе этого законоположенія, нельзя не замѣтить, что само польское правительство, при его составленіи, руководилось тѣми же общими началами, которыя выражаются во всѣхъ почти законодательствахъ европейскихъ государствъ въ отношеніи къ латинскому духовенству и тѣмъ болѣе въ нашемъ законодательствѣ. Духовенство признано одною изъ составныхъ частей польскаго народа, однимъ изъ сословій, и подчинено общимъ законамъ государства и надзору правительства. Это начало единственно совмѣстное съ понятіемъ о независимой верховной власти каждаго государства, вовсе однакоже не соотвѣтствовало ни ультрамонтанскимъ взглядамъ Рима, ни преданіямъ самого польскаго духовенства прежней Рѣчи Посполитой. Римъ обязываетъ духовенство повиноваться безусловно только папѣ, или кому онъ укажетъ и въ какой мѣрѣ прикажетъ. Духовенство старой Польши постоянно опиралось на эти при-

тязанія Рима для того, чтобы господствовать въ своей странѣ, усердно пользуясь правами, которыя предоставляли ему законы, и не подчиняясь никакимъ обязанностямъ. Но въ это время само польское духовенство, принимавшее участіе въ составленіи проекта, не возражало и не противилось общему желанію страны.

Вслѣдствіе этого главнаго начала, духовенство подчинено судебнымъ, административнымъ и полицейскимъ властямъ во всѣхъ дѣлахъ общихъ для другихъ обывателей царства (ст. 5), а особые попеченіе и надзоръ надъ нимъ и надъ его имуществами предоставленъ правительственной коммиссіи духовныхъ дѣлъ и народнаго просвѣщенія (ст. 1). Эта коммиссія должна была сообщать духовенству всѣ повелѣнія и распоряженія правительства по духовнымъ дѣламъ и, чрезъ ея посредство, ему давалось право входить съ представленіями къ правительству (ст. 2 и 3). Ея обязанности въ отношеніи къ надзору и попечительству о духовенствѣ касались какъ личнаго его состава, такъ и принадлежавшихъ ему имуществъ, нисколько не касаясь однакоже внутренней дисциплины.

Въ отношеніи къ замѣщенію духовныхъ должностей, былъ постановленъ слѣдующій порядокъ: 1) По смерти епископа, капитулъ каѳедры долженъ былъ избрать временнаго администратора и кандидатовъ, которыхъ, по ихъ заслугамъ, считаетъ достойными къ занятію епископской каѳедры и представить о томъ въ коммиссію духовныхъ дѣлъ. 2) Администраторы утверждаются самою коммиссіею, а о кандидатахъ на епископскія каѳедры она представляетъ намѣстнику для дальнѣйшихъ сношеній съ верховною властію и римскимъ дворомъ (ст. 7 и 9). 3) Избраніе оффиціаловъ, членовъ консисторій и благочинныхъ, а равно и кандидатовъ на мѣста суффрагановъ предоставлено епископамъ, которые сообщаютъ о своихъ выборахъ коммиссіи. О кандидатахъ на мѣста суффрагановъ коммиссія сообщаетъ намѣстнику для дальнѣйшихъ распоряженій (ст. 8 и 14).

По замѣщенію духовныхъ должностей по приходамъ, декретомъ установленъ былъ слѣдующій порядокъ. Ежегодно епископы должны были назначать экзамены для кандидатовъ на эти должности, составлять списки экзаменовавшихся, съ отмѣтками о способностяхъ и поведеніи каждаго, и сообщать ихъ коммиссіи. Приходъ можетъ быть данъ кандидату только помѣщенному въ спискѣ. Въ приходахъ, гдѣ право патроната (ктиторства) принадлежитъ владѣльцамъ или государству, епископъ назначаетъ духовныхъ, по соглашенію съ ктиторами. Споры въ этомъ случаѣ разрѣшаетъ коммиссія. Никто изъ духовныхъ не можетъ имѣть двухъ приходовъ. Безъ разрѣшенія правительства, епископы не

могутъ соединять двухъ приходовъ въ одинъ, ни учреждать новыхъ, ни измѣнять существующихъ ихъ границъ. Епископы должны имѣть жительство въ своихъ епархіяхъ, равно и другія духовныя лица не должны отлучаться отъ своихъ костеловъ безъ дозволенія епископовъ, и притомъ не болѣе какъ на 6 недѣль. На болѣе продолжительный срокъ должно быть испрашиваемо разрѣшеніе коммиссіи. Епископы должны ежегодно представлять коммиссіи подробныя вѣдомости о числѣ духовныхъ и монаховъ и о епархіальныхъ семинаріяхъ. Синоды не могутъ собираться безъ дозволенія правительства, и ихъ постановленія, прежде обнародованія, должны быть сообщаемы коммиссіи. Духовныя власти, безъ вѣдома и дозволенія правительства, не могутъ объявлять папскихъ буллъ (ст. 7 — 9, 11 — 14, 18, 19 и 24 — 28).

Что касается до монашествующаго духовенства и монастырей, то въ декретѣ находимъ слѣдующія правила. Епископы должны имѣть бдительный надзоръ за внѣшнею полиціею монастырей, которые только чрезъ посредство епископа или консисторіи могутъ входить съ представленіями къ правительству. Настоятели монастырей избираются самими монашествующими въ присутствіи епископа или заступающаго его мѣсто. Протоколъ избранія епископы передаютъ въ правительственную коммиссію, которая избраннаго представляетъ на утвержденіе верховной власти. О всѣхъ перемѣнахъ въ монашествующемъ духовенствѣ, епископы или консисторіи обязаны доносить коммиссіи. Монастыри, какъ мужскіе, такъ и женскіе, не могутъ никого принимать на искусъ безъ предварительнаго испытанія просителя епархіальнымъ начальствомъ и безъ исходатайствованія на его принятіе дозволенія коммиссіи. Также не могутъ принимать въ послушники лицъ не имѣющихъ 24 лѣтъ отъ рожденія, ни допускать ихъ къ торжественнымъ монашескимъ обѣтамъ ранѣе достиженія ими 30-лѣтняго возраста (ст. 10, 15 — 17 и 20).

Всѣ церковныя имущества и строенія находятся подъ надзоромъ и попеченіемъ правительственной коммиссіи духовныхъ дѣлъ. Она наблюдаетъ за цѣлостію костеловъ и духовныхъ строеній, распоряжается исправленіемъ старыхъ или возведеніемъ новыхъ, при назначенномъ ею лицѣ, каждый вступающій въ должность священника обязанъ по описи принять имущество прихода и отвѣчать за его цѣлость. Священники, со дня вступленія въ должность, пользуются доходами съ своего прихода пожизненно. По смерти священника, до назначенія новаго, доходы поступаютъ въ распоряженіе коммиссіи, и употребляются на исправленіе костела или улучшеніе мѣстнаго хозяйства. Коммиссія ежегодно, съ 1 января, должна приводить въ извѣстность доходы каждаго

прихода. Никакая духовная собственность не можетъ быть обмѣниваема, ни отдаваема въ арендное содержаніе болѣе нежели на три года, и не иначе какъ съ утвержденія коммиссіи; только годовые контракты могутъ быть утверждаемы епископами. Точно также никакіе капиталы не могутъ быть взыскиваемы или переносимы на другое обезпеченіе безъ разрѣшенія правительства. Костелы и духовныя сословія не могутъ принимать дарственныхъ записей на имущества, безъ такого-же разрѣшенія (ст. 29 — 37).

Какъ іерархическое подчиненіе низшаго духовенства высшему, такъ и права духовнаго суда, установленныя каноническими правилами были не только признаны, но и подтверждены; однако же правительство не отказывало духовнымъ въ своей защитѣ и правосудіи и допускало жалобы низшихъ духовныхъ лицъ на высшія. Въ этомъ отношеніи, въ декретѣ, заключаются слѣдующія правила. Ни одно духовное лицо, по предметамъ относящимся къ его обязанностямъ, не имѣетъ права входить съ просьбами и представленіями въ правительственную коммиссію духовныхъ дѣлъ иначе, какъ чрезъ посредство своего духовнаго начальства; но если бы это подлежащее начальство, въ теченіе четырехъ недѣль, не объявило просителю объ отправленіи его просьбы, то, въ такомъ случаѣ, равно во всѣхъ обстоятельствахъ, имѣющихъ отношеніе къ гражданскимъ властямъ, духовныя лица могутъ приносить жалобы прямо въ коммиссію. Она же разсматриваетъ и рѣшаетъ споры между духовенствомъ римско-католическимъ и другихъ исповѣданій. Духовные суды, за проступки и дѣйствія несообразныя съ саномъ и духовными обязанностями, могутъ опредѣлять наказанія; но въ декретѣ однако же постановлено — какія наказанія и въ какихъ размѣрахъ. Такимъ образомъ духовные суды могутъ приговаривать:

1) къ денежнымъ пенямъ въ пользу благотворительныхъ заведеній не свыше ста злотыхъ;

2) къ эпитиміи на мѣсяцъ;

3) къ временному устраненію отъ исполненія духовныхъ требъ;

4) къ удаленію отъ прихода, — и

5) воспрещенію исполненія священническихъ обязанностей.

Но духовныя власти должны доносить коммиссіи о всѣхъ случаяхъ, влекущихъ за собою наказанія, опредѣленныя въ послѣднихъ трехъ пунктахъ, обязывая духовныя лица явиться передъ своимъ судомъ, который однакоже можетъ состояться не прежде, какъ послѣдуетъ разрѣшеніе коммиссіи. Но если бы духовное начальство само собою, безъ суда, подвергло какое-либо духовное лицо одному изъ означенныхъ наказаній, то ему пре-

доставляется право жалобы въ правительственную коммиссію. Точно также, если бы духовный судъ приговорилъ къ болѣе строгимъ наказаніямъ, нежели какія установляетъ декретъ, то правительственная коммиссія, по принесеніи ей на то жалобы, не входя въ разсмотрѣніе приговора, облегчаетъ строгость наказанія сообразно установленнымъ въ декретѣ (ст. 4, 21—23).

Соображая правила декрета съ проектами, послужившими ему основаніемъ, нельзя не обратить вниманія на нѣкоторыя между ними, довольно важныя, различія. Главнѣйшія изъ нихъ заключаются въ слѣдующемъ:

1) Въ проектахъ предполагалось, что назначеніе епископовъ принадлежитъ исключительно верховной власти, въ декретѣ же сохраненъ существовавшій прежде порядокъ выборовъ капитулами.

2) Въ проектахъ, хотя управленіе имуществами оставлялось за духовенствомъ, но однакоже подчинялось нѣкоторымъ ограниченіямъ: такъ, всѣ отношенія къ крестьянамъ предполагалось устроить въ нихъ также, какъ въ государственныхъ, и всѣ имущества духовенства подчинить такимъ же повинностямъ, какія отбываютъ имущества всѣхъ другихъ владѣльцевъ въ царствѣ. Въ декретѣ вовсе не упомянуто объ этихъ условіяхъ.

3. Въ проектахъ предполагалось, чтобы всѣ сношенія духовенства съ римскимъ престоломъ производились не иначе, какъ чрезъ посредство правительства; въ декретѣ же нѣтъ этого постановленія и удержано только существовавшее уже правило о порядкѣ обнародованія папскихъ буллъ. Наконецъ,

4. Въ проектахъ предполагалось, монастыри безусловно подчинить власти епископовъ; въ декретѣ, хотя они также подчинены надзору епископовъ, но въ отношеніи только ко внѣшней дисциплинѣ. Вопросы же о сокращеніи числа монастырей, раздѣленіи ихъ на разряды, съ возложеніемъ на нихъ нѣкоторыхъ общественныхъ обязанностей, уничтоженіе нѣкоторыхъ орденовъ, какъ вредныхъ, — совершенно обойдены и отложены до будущаго времени.

Если вникнуть въ сущность этихъ различій между проектами и самымъ закономъ, то окажется очевидно, что они вызваны желаніемъ устранить необходимость предварительныхъ сношеній съ римскимъ дворомъ, чего именно требовалъ императоръ Александръ.

Такимъ образомъ, этимъ основнымъ законоположеніемъ о духовенствѣ въ царствѣ польскомъ были удовлетворены желанія страны, выраженныя ея представителями. Духовенство однакоже, въ числѣ немногихъ лицъ, возражало противъ двухъ изъ правилъ. 1818 г. 18 апр., пять епископовъ обратились съ проше-

ніемъ къ государю о томъ, чтобы допущены были два изъятія изъ этого закона, а именно: о предоставленіи епископамъ непосредственнаго суда надъ виновными священниками, не испрашивая разрѣшенія правительственной коммиссіи духовныхъ дѣлъ, и объ измѣненіи опредѣленнаго возраста для поступленія въ новиціатъ и произнесенія монашескихъ обѣтовъ. Необходимость перваго изъятія они оправдывали тѣмъ, что представляются «случаи, въ коихъ соблазнъ требуетъ скораго врачеванія», а сношенія съ коммиссіею замедляютъ ходъ этихъ дѣлъ. Что же касается до второго, то они говорили, что человѣку, достигшему уже 24-лѣтняго возраста, «трудно рѣшиться принять званіе, обрекающее его на лишенія»; а между тѣмъ свѣтскаго духовенства мало, и монахи должны были по необходимости исполнять обязанности приходскихъ священниковъ, капелланов въ войскахъ, въ училищахъ, больницахъ и т. под. На первую изъ этихъ просьбъ императоръ изъявилъ согласіе, но опредѣленные закономъ возрасты для вступленія въ новиціатъ и въ монахи оставилъ неизмѣненными на томъ основаніи, какъ сказано въ высочайшемъ повелѣніи, 1818 г. 25 авг., чтобы предупредить произнесеніе вѣчныхъ обѣтовъ въ слишкомъ молодыхъ лѣтахъ и безъ дознанія на опытѣ, могутъ ли они отвѣчать истинному призванію. Но и въ этомъ случаѣ императоръ сдѣлалъ уступку, чтобъ удовлетворить прошенію епископовъ, дозволивъ пултускимъ бенедиктинскимъ монахамъ не стѣсняться законнымъ опредѣленіемъ возраста, зная ихъ заслуги для общественной пользы.

Въ одно время съ декретомъ объ устройствѣ духовенства въ царствѣ польскомъ, 6 марта 1817 г., состоялся другой, которымъ предписано было составить подробное описаніе имуществъ духовенства, заключающихся въ населенныхъ имѣніяхъ, земляхъ, десятинахъ, чиншахъ и капиталахъ, обозначить разстояніе церквей, населенность приходовъ, съ замѣчаніями, не будетъ ли полезно нѣкоторые соединить. По окончаніи описи, предписано было епископамъ совмѣстно заняться составленіемъ проекта іерархіи въ царствѣ польскомъ и ея содержанія, сообразно съ дѣйствительною потребностью. Этотъ проектъ долженъ быть внесенъ въ коммиссію духовныхъ дѣлъ, и ею, установленнымъ порядкомъ, представленъ на высочайшее разрѣшеніе. Это предписаніе однакоже не было исполнено; духовенство старалось затянуть его исполненіе, чтобы устранить правительство отъ участія въ дѣлѣ, которое оно считало подлежащимъ исключительному своему вѣдѣнію и избѣжать его надзора за управленіемъ духовными имуществами. Хотя, повидимому, духовенство и подчинялось предписаніямъ декрета 1817 г., однако же при каж-

дой возможности, старалось не исполнять его; особенно же монастыри, которые продолжали по прежнему избирать провинціаловъ и сноситься съ орденскими генералами. Римъ, конечно, одобрялъ, быть можетъ молча, дѣйствія духовенства, потому что не признавалъ существованія закона, составленнаго безъ его участія. Между тѣмъ, состояніе монастырей было доведено до такого соблазна, и управленіе ихъ имуществами, и вообще церковными, до такого безпорядка, что требовало принятія немедленныхъ мѣръ. Это сознавало само духовенство и, чтобъ устранить вмѣшательство правительства, воспользовалось случаемъ, чтобы заставить Римъ вмѣшаться въ это дѣло. Послѣ послѣдняго раздѣла Польши и учрежденія царства, представилась необходимость въ новомъ раздѣленіи епархій. Это раздѣленіе было составлено и утверждено буллою Пія VII, *ex imposita*, 30 іюня 1818 г. Въ этой буллѣ, ея исполнителю, владиславскому епископу Франциску Мальчевскому, папа предписывалъ: «Такъ какъ, вслѣдствіе разныхъ перемѣнъ и бѣдствій отъ войнъ, имѣнія, принадлежавшія прежде епископскимъ престоламъ, каѳедральнымъ капитуламъ и духовнымъ семинаріямъ почти совершенно растрачены и доходы значительно умепьшились; то мы, чтобъ сколько возможно удовлетворить этимъ потребностямъ, ему же, епископу Франциску, предоставляемъ вникнуть въ настоящее положеніе имѣній и доходовъ, принадлежащихъ монастырямъ или аббатствамъ и простымъ бенефиціямъ и, выслушавъ всѣхъ, имѣющихъ нѣкоторое въ нихъ участіе, апостольскою данною ему властію, упразднить столько упомянутыхъ монастырей, или аббатствъ и простыхъ бенсфицій, сколько нужно будетъ для пополненія дохода всякаго существующаго уже епископскаго стола, капитула или семинаріи, равно какъ и для совершеннаго и достаточнаго обезпеченія содержанія новой епископской церкви, капитула и семинаріи яновской или подлясской. Но при упраздненіи принадлежащихъ монастырямъ или аббатствамъ и бенефиціямъ имѣній и доходовъ, которые имѣютъ быть соразмѣрно раздѣлены между епископскимъ столомъ, капитуломъ и семинаріею, должно быть обращено вниманіе на приличное исполненіе обрядовъ, и чтобы соблюдаемы были обычныя обязанности этихъ монастырей или аббатствъ и бенефицій. Кромѣ того постановляемъ, чтобы такихъ бенефицій въ каждой епархіи оставалось столько, чтобы епископы могли награждать заслуженныхъ духовныхъ своихъ епархій. Исполняя со всевозможною точностью нашу грамоту, епископъ долженъ также обдумать и все устроить такъ, чтобы каждый епископъ имѣлъ выгодное и приличное помѣщеніе, всякая семинарія — удобный для себя домъ, и чтобы имъ назначенъ

былъ годовой доходъ, необходимый для приличнаго поддержанія епископскаго достоинства, для содержанія каѳедральныхъ церквей, для воспитанія, содержанія и наставленія юношества, находящагося въ семинаріяхъ».

Приведенныя слова буллы доказываютъ, что, дозволяя сократить число монастырей, папа имѣлъ въ виду единственно экономическую цѣль, нравственный же ихъ упадокъ и несоблюденіе правилъ дисциплины не обратили на себя его вниманія. Впрочемъ, тою же буллою власти епископовъ подчинено не одно бѣлое духовенство, но и — «монашествующіе обоего пола,» — однакоже съ оговоркою: «кромѣ состоящихъ на особыхъ правахъ,» — которая допускала неприкосновенность монашескихъ статутовъ, и слѣдовательно подчиненіе орденскимъ генераламъ. Доходы упраздненныхъ монастырей должны были увеличить содержаніе только высшаго духовенства, а наиболѣе нуждавшееся въ средствахъ для существованія, духовенство приходское, оставлено безъ всякаго вниманія. Но и на эту уступку римскій дворъ согласился послѣ продолжительныхъ переговоровъ и имѣя въ виду предположенія, составленныя въ правительственной коммиссіи духовныхъ дѣлъ самого царства польскаго.

На основаніи этой буллы, декретомъ уполномоченнаго папою архіепископа Мальчевскаго, 17 апр. 1819 г., объявлены были упраздненными 47 мелкихъ монастырей разныхъ орденовъ и 18 коллегіатствъ, бенефицій и комендаторскихъ аббатствъ. Хотя это число и было весьма незначительно въ сравненіи съ общимъ числомъ монастырей въ царствѣ, и еще многіе, какъ по недостаточному числу монаховъ, такъ и по недостатку средствъ для безбѣднаго существованія, слѣдовало бы также закрыть; но, даже изъ этого числа, въ 1823 и 1824 г., допущены были изъятія, такъ что нѣкоторые изъ этихъ монастырей, закрытыхъ декретомъ по уполномочію папы, существовали до настоящаго времени.

Съ тѣхъ поръ и до настоящаго времени, т. е. до послѣднихъ мѣръ, принятыхъ нашимъ правительствомъ послѣ послѣдняго мятежа, латинскіе монастыри въ царствѣ польскомъ были вполнѣ предоставлены самимъ себѣ. Въ этой небольшой странѣ, было 197 монастырей, 155 мужскихъ и 42 женскихъ; они владѣли имуществами, приносившими до 216,000 р. дохода, не подчинялись общей епархіальной власти, избирали своихъ провинціаловъ и сносились съ генералами, находившимися за-границей. «Однимъ словомъ, какъ справедливо замѣтилъ одинъ изъ нашихъ ученыхъ писателей, царство польское было до сихъ поръ такою страною въ Европѣ, гдѣ латинское монашество, также какъ и въ

папской области, сохранило наибольшую самостоятельность, и гдѣ со стороны государственной власти былъ предоставленъ ему наибольшій просторъ [1])».

Въ виду роскошнаго содержанія высшей іерархіи, получавшей огромные доходы, мысль обезпечить безбѣдное существованіе приходскаго духовенства постоянно обращала на себя вниманіе правительства. Но для того, чтобы она могла быть приведена въ исполненіе, нужно было привести въ извѣстность всѣ доходы, получаемые духовенствомъ съ его имуществъ, и потомъ равномѣрно и уравнительно распредѣлить его между духовными по степенямъ іерархіи. Такова была цѣль декрета 6 марта 1817 г. Но при такомъ распредѣленіи доходовъ, очевидно, что содержаніе низшаго духовенства могло увеличиться только на счетъ высшаго, а между тѣмъ рѣшеніе этого вопроса поручено было самимъ епископамъ. Нежеланіе пожертвовать нѣкоторою частію доходовъ, а еще болѣе обнаружить передъ правительствомъ всю неравномѣрность ихъ распредѣленія и дурное управленіе имуществами, безъ сомнѣнія, были причиною того, что дѣло не подвигалось впередъ. Сверхъ того, духовенство опасалось, и не безъ основанія, что лишь только всѣ имущества и приносимые ими доходы будутъ приведены въ извѣстность, то правительство возьметъ ихъ въ свое управленіе. Предписанный декретомъ 1817 г. надзоръ правительственной коммиссіи духовныхъ дѣлъ надъ управленіемъ духовенствомъ своими имуществами уже былъ не по сердцу высшему духовенству, а кромѣ того, еще новый примѣръ былъ на лицо: папская булла 1818 г. поручала архіепископу Мальчевскому имущества закрываемыхъ монастырей распредѣлить между епископскими каѳедрами, а между тѣмъ они были взяты въ управленіе сначала коммиссіи духовныхъ дѣлъ, а потомъ переданы коммиссіи финансовъ съ тѣмъ, чтобы ввести въ нихъ такія же отношенія къ крестьянамъ, какія въ это время были установлены въ казенныхъ имѣніяхъ [2]). Мѣра,

---

[1]) А. Ѳ. Гильфердингъ, О значеніи монастырской реформы въ царствѣ Польскомъ.

[2]) Римъ обвинялъ за это арх. Мальчевскаго, что онъ вышелъ изъ предѣловъ даннаго ему папою полномочія. Отвѣчая на это обвиненіе, его преемникъ, варшавскій архіепископъ, примасъ и сенаторъ царства, апостольскій делегатъ Голловчицъ, въ донесеніи Пію VII, 20 августа 1822 г., благодаря императора Александра за дарованныя Польшѣ милости и оправдывая своего предшественника, говоритъ: N'etait-il juste et convenable, tandis que nous voyons le temps détruire tout peu-à-peu, de faire contribuer les monastères et abbayes déchues de leur ancienne splendeur, discipline et science, aux besoins généraux de le cause catholique et de pourvoir ainsi aux premiers besoins du culte et du service divin, en dotant les siéges episcopaux, les chapitres et les seminaires, sources et berceau du renouvellement perpétuel de tous le dégrés de la hierarchie de l'église?

конечно, необходимая, если принять во вниманіе, что крестьяне въ этихъ имѣніяхъ часто бывали еще болѣе обременены повинностями, нежели въ имѣніяхъ пановъ, но она не могла нравиться духовенству. Хотя правительство не отрицало правъ собственности духовенства на эти имущества, и всѣ доходы отдавало въ его пользу; но духовенство опасалось, что это только первый шагъ къ такъ-называемой тогда въ Польшѣ *прусской системѣ*, т. е., что рано или поздно правительство причислитъ эти имущества къ государственнымъ, а духовенству назначитъ постоянные оклады жалованья.

Явное нежеланіе польскаго духовенства исполнить волю императора Александра, принудило его, въ 1823 г., указомъ 11 января, составить особый комитетъ изъ десяти членовъ, подъ предсѣдательствомъ графа Замойскаго, предсѣдательствовавшаго тогда и въ правительствующемъ сенатѣ. На этотъ комитетъ возложено было исполненіе той же задачи, привести въ извѣстность всѣ имущества духовенства и приносимые ими доходы и составить проектъ, полный и подробный, о содержаніи духовенства.

Не одно однакоже духовенство въ царствѣ польскомъ противодѣйствовало въ этомъ случаѣ видамъ императора и большинства членовъ тогдашняго польскаго правительства, состоявшаго исключительно изъ поляковъ, не одно оно было пропитано ультрамонтанскими понятіями, — но и большая часть пановъ, особенно принадлежавшихъ къ такъ-называемой аристократіи. Ихъ взгляды въ этомъ случаѣ или нисколько не различались отъ взглядовъ духовенства, или они находились подъ его вліяніемъ и служили для него покорнымъ орудіемъ. Таковъ былъ и гр. Замойскій и большинство членовъ комитета. Поэтому, напередъ можно было ожидать, какой будетъ составленъ проектъ и — этотъ проектъ, представленный императору 5-го марта 1825 г., вполнѣ оправдалъ ожиданія.

Хотя исчисленная сумма доходовъ съ церковныхъ имуществъ не представлялась достовѣрною, потому что болѣе основана была на люстраціи 1789 г., не обнимавшей всѣхъ церковныхъ имуществъ, на добровольныхъ показаніяхъ самого духовенства, на которыя полагаться было нельзя, и на описяхъ, сдѣланныхъ хотя и по распоряженію коммиссіи духовныхъ дѣлъ, но не провѣренныхъ надлежащимъ образомъ; однакоже она выразилась въ суммѣ весьма значительной, 5 слишкомъ милліоновъ злотыхъ, которая могла бы доставить достаточное обезпеченіе духовнымъ лицамъ, при правильномъ распредѣленіи. Но комитетъ позаботился особенно о томъ, чтобы не только оградить высшее духовенство отъ всякихъ потерь, но даже еще болѣе расширить его средства и

увеличить его доходы, а вмѣстѣ съ тѣмъ, сохранить, въ тоже время, за духовенствомъ свободное распоряженіе его недвижимыми имуществами и капиталами. Низшему приходскому духовенству, наиболѣе нуждавшемуся въ обезпеченіи, комитетъ не оказалъ сочувствія и не выразилъ готовности сдѣлать ему дѣйствительную помощь. Въ отношеніи къ приходскимъ священникамъ, комитетъ принялъ въ основаніе, чтобы всякому пробству, которое имѣетъ до 300 р. въ годъ дохода, оставить по прежнему владѣть только ихъ имуществами (фундушами), не прибавляя еще къ ихъ содержанію. Но тѣмъ, которые получаютъ менѣе этого доходъ, предполагалось увеличить содержаніе въ такомъ размѣрѣ: плебанамъ, которые получали болѣе 150 р. дохода въ годъ, назначалось прибавить до 225, а тѣмъ, которые получали менѣе 150, возвесть содержаніе до этой суммы. Къ разряду послѣднихъ принадлежало наибольшее число приходскихъ священниковъ (726 изъ 1076).

Такимъ образомъ, комитетъ разрѣшилъ предложенную ему задачу: всѣ церковныя имущества и доходы, съ нихъ получаемые, предполагалось оставить въ томъ положеніи, въ какомъ они находились, т. е. въ полномъ распоряженіи духовенства; высшему духовенству значительно усилить содержаніе и незначительно низшему, и весь этотъ расходъ, исчисленный въ 265 тысячъ руб. (1,769,276 злотыхъ), возложить на государственную казну. Рѣшеніе весьма просто; но, конечно, оно не могло удовлетворить императора, потому что не только не соотвѣтствовало его желаніямъ, а напротивъ, шло прямо наперекоръ имъ. Не смотря на то, онъ не хотѣлъ отвергнуть его собственною властію и предоставилъ разсмотрѣнію государственнаго совѣта царства. При этомъ случаѣ, выразились тѣ двѣ партіи, о которыхъ мы упоминали. Предводителемъ одной явился министръ просвѣщенія и духовныхъ дѣлъ, Станиславъ Грабовскій, который защищалъ проектъ и вообще всѣ притязанія духовенства; во главѣ другой, сталъ министръ финансовъ, князь Любецкій, который доказывалъ всю несостоятельность этого проекта и гибельныя послѣдствія для государства, если удовлетворить всѣмъ требованіямъ духовенства. Многія пренія не привели ни къ какимъ положительнымъ заключеніямъ, и императоръ, разсмотрѣвъ ихъ, нашелъ, что предположенія комитета не достигли еще всей необходимой для такого важнаго предмета степени зрѣлости, и что, по недостатку матеріаловъ, послужившихъ основаніемъ этой работы, слѣдуетъ смотрѣть на нее, какъ на подготовительную мѣру къ предполагаемому, окончательному устройству римско-католическаго духовенства въ царствѣ.

Не утвердивъ представленныхъ предположеній, покойный императоръ Николай Павловичъ однакоже не считалъ это дѣло оконченнымъ и предписалъ, 16-го февраля 1826 г., правительственной коммиссіи духовныхъ дѣлъ и просвѣщенія представить подробное исчисленіе случайныхъ доходовъ духовенства отъ такъ-называемыхъ имъ *jura stolae*, которыя предполагалось обратить на нужды по отправленію богослуженія и содержаніе и исправленіе костеловъ, и вмѣстѣ съ тѣмъ, составить описаніе тогдашней іерархіи и предположенія объ увеличеніи или уменьшеніи ея состава, сообразно съ потребностями общества. Той же коммиссіи, но вмѣстѣ съ коммиссіею финансовъ, повелѣвалось подробно разсмотрѣть всѣ роды и виды постоянныхъ и непостоянныхъ доходовъ духовенства, какъ римско-католическаго, такъ и греко-уніатскаго, а равно и лежащихъ на этихъ имѣніяхъ обязанностей, согласно общимъ основаніямъ, принятымъ при отдачѣ въ безсрочную аренду имѣній казенныхъ.

Такимъ образомъ, императоръ Николай не измѣнялъ образа дѣйствій своего предшественника, не стѣснялъ мѣстнаго управленія и снова призвалъ его къ содѣйствію въ этомъ важномъ дѣлѣ. Онъ началъ съ того-же, съ чего начиналъ и императоръ Александръ; сверхъ того, желая немедленно оказать пособіе бѣднѣйшимъ изъ приходскихъ священниковъ, въ томъ же предписаніи, повелѣлъ коммиссіи финансовъ открыть кредитъ въ 55 слишкомъ тысячъ ежегодно на вспомоществованіе приходскимъ священникамъ, не имѣющимъ 150 р. дохода въ годъ, съ тѣмъ однакоже, чтобы предварительно разсмотрѣно было дѣйствительное состояніе фундушей всѣхъ приходовъ, находящихся въ этомъ положеніи.

Въ учрежденныхъ коммиссіяхъ повторились тѣ же разногласія, тѣ же два различныхъ направленія, и дѣло не подвинулось ни на шагъ впередъ, какъ вспыхнуло польское возмущеніе.

Такимъ образомъ и въ этомъ случаѣ, предположенныя правительствомъ цѣли не были достигнуты, вслѣдствіе постояннаго противодѣйствія духовенства и покровительствовавшей ему партіи въ польскомъ обществѣ и правительствѣ; но за то была достигнута другая цѣль: послѣ назначенія кредита въ 55 тыс. для пособія бѣднѣйшему приходскому духовенству, польское духовенство постоянно пользовалось щедростью правительства при каждомъ удобномъ случаѣ, такимъ образомъ, что непрерывно назначались новыя пособія, и расходъ казны увеличивался съ каждымъ годомъ, а наконецъ, къ 1864 г., возросъ до 325,825 руб., т. е.

до суммы гораздо бо̀льшей, нежели какую предполагалъ даже комитетъ Замойскаго.

Послѣ всего изложеннаго, кажется, мы имѣемъ полное право сказать, что декретъ 1817 года никогда не исполнялся какъ слѣдовало, и духовенство не хотѣло подчиняться изложеннымъ въ немъ правиламъ. Но постоянно обходя ихъ, оно, до поры до времени, воздерживалось явно возставать противъ закона. Эта пора скоро наступила. Послѣ присоединенія уніатовъ къ православной церкви, отношенія римскаго двора къ нашему правительству измѣнились. Пользуясь благосклоннымъ его заступничествомъ, извѣстный уже намъ подлясскій епископъ Гутковскій первый выразилъ открыто взглядъ, господствовавшій въ польскомъ духовенствѣ, на декретъ 1817 г. Въ отзывѣ коммиссіи внутреннихъ дѣлъ, въ 1840 г., онъ писалъ: «Декретъ 1817 г. изготовленъ бывшимъ въ то время министромъ духовныхъ дѣлъ, Станиславомъ Потоцкимъ, человѣкомъ вовсе не религіознымъ, и представленъ такимъ же бывшимъ намѣстникомъ въ царствѣ на утвержденіе блаженныя памяти императора Александра I, равнымъ образомъ потворствовавшимъ въ то время подобнымъ мечтамъ либерализма. — Хотя бы означенный декретъ нынѣ вновь получилъ высочайшее государя императора утвержденіе; то, и въ такомъ случаѣ, духовенствомъ римско-католическимъ исполняемъ быть не можетъ, а потому епископъ предваряетъ, что онъ не только не видитъ надобности разсылать духовенству своей епархіи полученныхъ имъ экземпляровъ этого декрета, но торжественно объявляетъ, что, какъ онъ самъ не будетъ исполнять декрета, такъ равно не дозволитъ того и духовенству». Конечно, только епископъ Гутковскій способенъ былъ къ такому дерзкому поступку, но втайнѣ ему сочувствова̀ли многіе, въ виду покровительства, оказываемаго Римомъ [1]).

Произведенныя возмущеніемъ 1830 г. неустройства касались, конечно, и духовенства, большая часть котораго принимала въ немъ участіе, и церковныхъ имуществъ. Возстановляя порядокъ и общественное спокойствіе, русское правительство могло бы воспользоваться правомъ побѣдителя и преобразовать состояніе духовенства на тѣхъ основаніяхъ, которыя давно уже имѣлись въ виду, однакоже оно ограничилось только немногими мѣрами. Даже приготовленный ужс, передъ самымъ началомъ мя-

---

[1]) Въ запискѣ, приложенной къ аллокуціи Григорія XVI, 1842 г. іюля 22, сказано: «что касается до Подлясскаго епископа, на котораго русское правительство возводило столько обвиненій, то онъ совершенно оправдался и оказался невиннымъ въ глазахъ святого престола». Галль-Морель, стр. XXII.

тежа (въ 1829 — 30 годахъ), въ коммиссіи финансовъ проектъ, о приведеніи въ дѣйствіе въ царствѣ принятыя Пруссіею основанія для совершеннаго устраненія духовенства отъ управленія имѣніями и назначенія ему постоянныхъ окладовъ жалованья, не былъ приведенъ въ исполненіе. Императоръ ограничился только подтвержденіемъ существовавшихъ уже въ Польшѣ законовъ, и, такимъ образомъ, декретъ 1817 г. выведенъ былъ изъ забвенія и предписано соблюдать всѣ изложенныя въ немъ правила. Сверхъ того, ограждены были права господствующей вѣры отъ нарушеній ея правилъ латинскимъ духовенствомъ въ царствѣ въ отношеніи къ смѣшаннымъ бракамъ, и приняты мѣры къ обузданію латинской пропаганды. Вообще же, духовенство оставлено было въ томъ же положеніи, въ какомъ находилось оно въ предшествовавшее царствованіе. Положеніе его не измѣнилось, но измѣнился образъ его дѣйствій.

Вслѣдъ за поданнымъ Гутковскимъ примѣромъ, начали возникать одно за другимъ недоразумѣнія и вопросы, которые возбуждало польское духовенство. Въ 1844 г., въ исполненіе декрета 1817 г., коммиссія внутреннихъ и духовныхъ дѣлъ дала общее предписаніе духовному начальству, чтобы ей представляемы были документы о происхожденіи каждаго лица, поступающаго въ монахи, его познаній, нравственности, о томъ, что онъ не состоитъ подъ судомъ и слѣдствіемъ, и чтобы вообще доводимы были до ея свѣдѣнія всѣ перемѣны, происходящія въ монастыряхъ, чтобы капитулы и консультаціи собирались и производились съ ея вѣдома и разрѣшенія, чтобы ихъ приговоры и постановленія представлялись ей, прежде приведенія ихъ въ исполненіе. Не смотря на то, что всѣ эти требованія основывались на законѣ и составляли только исполненіе постановленныхъ въ немъ правилъ, нѣкоторые изъ епископовъ представили возраженія, говоря, что не могутъ исполнять этого распоряженія коммиссіи, стѣсняющаго власть начальниковъ монашескихъ орденовъ, потому что декретъ 1817 года не былъ внесенъ въ дневникъ законовъ и стало быть не имѣетъ обязательной силы, что Тридентинскимъ соборомъ дозволено произносить монашескіе обѣты достигшимъ 16 лѣтняго возраста, что по правиламъ того же собора и по булламъ папъ, епископы должны наблюдать за поведеніемъ монаховъ только внѣ монастырей и въ чрезвычайныхъ лишь случаяхъ могутъ вмѣшиваться въ монашескія дѣла, и то не въ качествѣ епископовъ, а какъ делегаты римскаго престола; за нарушеніе же этого правила, булла Пія IV, 1564 г., подвергаетъ епископовъ отлученію или другимъ церковнымъ наказаніямъ. Конечно, эти возраженія не были приняты во вни-

маніе, но они возбудили другой вопросъ о значеніи папскихъ буллъ. Декретомъ 1817 года было подтверждено уже прежде дѣйствовавшее правило, что папскія буллы получаютъ обязательную силу въ царствѣ, только послѣ предварительнаго разсмотрѣнія правительствомъ и его одобренія и дозволенія обнародовать. На этомъ основаніи, многія папскія буллы и бревс оставались безъ исполненія и не имѣли дѣйствія въ царствѣ. Духовенство, напротивъ, считало ихъ для себя обязательными и особенно буллы, которыми тамошнимъ епископамъ дозволялось давать разрѣшенія лицамъ, принадлежащимъ къ карбонарамъ, масонамъ и другимъ тайнымъ обществамъ, отъ церковныхъ взысканій и наказаній, опредѣленныхъ буллою Пія VII, 1821 г. По случаю этихъ пререканій, намѣстникъ царства писалъ въ 1846 г., что, конечно, «въ каждомъ государственномъ какъ и уголовномъ преступленіи есть двѣ стороны, духовная и гражданская, и правительство, не входя въ тайны исповѣди, не препятствуетъ церкви разрѣшать на духу всѣ преступленія, къ оскорбленію Бога и къ обидѣ ближняго относящіяся, такъ какъ исповѣдь въ высшемъ значеніи есть судъ божій, а не человѣческій; но за тѣмъ не слѣдуетъ, чтобы правительство давало свое согласіе къ разрѣшенію на духу государственныхъ преступленій, противныхъ гражданскому порядку и осуждаемыхъ даже верховною духовною властію; ибо такимъ согласіемъ, оно противорѣчило бы собственнымъ постановленіямъ, воспрещающимъ тайныя общества и опредѣляющимъ за оныя строгія наказанія. Приведеніе въ дѣйствіе всякой папской буллы, декрета или рѣшенія, зависитъ отъ согласія правительства; слѣдовательно, и допущеніе вышеупомянутаго рода уполномочій было бы явнымъ согласіемъ правительства на разрѣшеніе на духу того, что оно само считаетъ государственнымъ преступленіемъ. Даже и въ тѣхъ государствахъ, гдѣ римско-католическое исповѣданіе первенствуетъ, подобныя буллы сообщаются духовенству не иначе, какъ съ оговоркою или прямо съ уничтоженіемъ тѣхъ мѣстъ, которыя правительство считаетъ противными своимъ постановленіямъ и видамъ. Въ царствѣ же польскомъ, въ необходимости этой мѣры должны утверждать еще болѣе постоянное стремленіе тамошняго духовенства къ противодѣйствію правительству и явное сочувствіе его къ обнаружившимся тамъ политическимъ замысламъ до того, что оно не усумнилось даже употребить тайну исповѣди противу лицъ, содѣйствовавшихъ правительству къ обнаруженію и задержанію злоумышляющихъ». Поэтому намѣстникъ полагалъ, что въ царствѣ слѣдуетъ сообщать духовенству такія буллы въ подлинникахъ, но уничтожая въ нихъ предварительно мѣста, несогласныя съ

нашими государственными постановленіями или видами правительства. Въ этомъ смыслѣ и состоялось высочайшее повелѣніе 26 окт. 1846 г. Конечно, духовенство польское не было имъ довольно, и его враждебное отношеніе къ правительству все болѣе и болѣе возрастало. Чрезъ десять лѣтъ, въ 1856 г., новый намѣстникъ царства сообщалъ—«что общее направленіе умовъ тамошняго римско-католическаго духовенства въ политическомъ отношеніи неблагопріятно для правительства, а между тѣмъ оно имѣетъ сильное вліяніе на всѣ слои народонаселенія всякаго возраста и состоянія. Послѣдователи римско-католическаго исповѣданія, видя въ каждомъ духовномъ лицѣ существо высшее, непогрѣшительное въ своихъ мнѣніяхъ, по важности званія, учености и святости, и сообразно такому вѣрованію и убѣжденію, направляя постепенно всѣ свои чувства, проникнуты высочайшею симпатіею къ Риму; духовенство же, получая окончательное образованіе въ семинаріяхъ, видитъ въ папѣ не только главу своей церкви, но и монарха, присягая въ безусловномъ ему повиновеніи».

Такіе поступки и общее направленіе духовенства латинской церкви въ царствѣ польскомъ объясняются тѣмъ, что, послѣ присоединенія уніатовъ къ нашей церкви, измѣнилось направленіе политики римскаго двора въ отношеніи къ нашему правительству, а это измѣненіе, выразившееся въ жалобахъ на мнимое гоненіе латинской церкви въ предѣлахъ имперіи и царства, давало поводъ духовенству подчиниться тайнымъ замысламъ польской справы и сдѣлаться сильнѣйшимъ въ ея рукахъ орудіемъ мятежа.

Въ 1832 г., въ нотѣ 6 сент, папскій кардиналъ статсъ-секретарь писалъ нашему правительству: «Дошло до свѣдѣнія его святѣйшества, что имущества упраздненныхъ въ царствѣ Польскомъ монастырей, которые, по предписанію буллы папы Пія VI, священной памяти, назначались для вспомоществованія епископскимъ каѳедрамъ и семинаріямъ, взяты въ казну. Извѣстился также его святѣйшество, что правительство въ Польшѣ обратилось къ епископамъ съ требованіемъ, чтобы въ каждой епархіи они уступили по одной церкви, по указанію правительства, для употребленія греческаго неуніатскаго исповѣданія; требованіе противное правиламъ католической религіи, котораго епископы исполнить не могутъ. Доведено также до свѣдѣнія святого отца, что тысячи польскихъ дѣтей перевезены внутрь русской имперіи, гдѣ они подвергаются опасности оставить католическое исповѣданіе, къ которому принадлежатъ. Наконецъ, что жалованіе епископамъ, которое они получаютъ въ замѣнъ своихъ

имуществъ, уменьшено до половины.» Въ нотѣ 1-го іюня 1840 г., кардиналъ статсъ-секретарь, говоря объ угнетеніи латинской церкви, указываетъ на «указъ 23 ноября 1832 г., которымъ постановленія о смѣшанныхъ бракахъ распространены на Польшу, вопреки договорамъ между Россіею и прежнею польскою республикою, на указъ 1833 г., которымъ возобновлено старинное предписаніе императрицы Екатерины II, чтобы каждый приходъ заключалъ въ себѣ не менѣе 400 душъ, и на указы 21 іюня 1833 и 22 апр. 1834 г., коими учреждены были епископства господствующей церкви въ Варшавѣ и Полоцкѣ, вслѣдствіе чего отнята въ Варшавѣ у католиковъ великолѣпная церковь св. Креста, также какъ въ Вильнѣ — Св. Казиміра.» Въ нотѣ 2 окт. 1840 г., онъ снова указываетъ на исчисленныя въ предшествовавшихъ нотахъ угнетенія, которыя претерпѣваетъ латинская церковь подъ русскою властью, и особенно говоритъ о присоединеніи уніатовъ.

Въ отвѣтъ на эти заявленія, наше правительство препроводило римскому двору подробную ноту съ чрезвычайнымъ уполномоченнымъ, г. Фурманомъ, въ 1841 г. Въ ней сказано: «Имѣнія монастырей, закрытыхъ, на основаніи буллы Пія VII, никогда не были обращаемы въ казну. До 1830 г., они состояли въ особомъ управленіи, а потомъ, по водвореніи порядка, дѣйствительно подчинены общему управленію съ государственными имуществами, но единственно въ видахъ доставленія большаго для духовенства дохода. Они приносятъ въ годъ до 536,624 злотыхъ, которые употребляются въ пособіе духовенству слѣдующимъ образомъ:

1)	на содержаніе духовныхъ ассесоровъ при варшавскомъ архіепископѣ	17,500
2)	» епископовъ-суффрагановъ	18,000
3)	» коллегіальныя церкви.	13,517
4)	» приходское духовенство	65,296
5)	» семинаріи	53,109
6)	» академію	100,909
7)	» пенсіи монахамъ упраздненныхъ монастырей	114,157

Остальные доходы точно также употребляются исключительно на нужды духовенства какъ бѣлаго, такъ и монашествующаго. Что же касается до духовной академіи, то къ получаемой ею суммѣ изъ доходовъ имѣній упраздненныхъ монастырей, казна царства изъ своихъ средствъ прибавляетъ ежегодно 50 тыс.

зл. Сверхъ того, казна царства издержала изъ своихъ суммъ до полумилліона на перестройку соборной церкви св. Яна въ Варшавѣ и 300 т. зл. на церковь піаристовъ; и вообще, казна не только не обращаетъ въ свою пользу доходовъ съ имѣній духовенства, но постоянно значительно жертвуетъ своими суммами для пособій церкви. Ошибочный слухъ, что будто-бы отняты латинскія церкви для обращенія ихъ въ православныя, трудно и представить на чемъ могъ быть основанъ? Не подало-ли къ тому поводъ, что давно запустѣлыми развалинами, оставшимися отъ построекъ упраздненныхъ монастырей въ Люблинѣ и Радомѣ, предположено было воспользоваться для нуждъ господствующей церкви?

«Въ отношеніи къ мнимому *похищенію* польскихъ дѣтей, вотъ въ немногихъ словахъ правдивый разсказъ. Послѣ взятія Варшавы, много дѣтей остались сиротами, послѣ убитыхъ отцевъ, дравшихся въ рядахъ возмутителей. Матери этихъ дѣтей, лишенныя средствъ для существованія, сами обратились съ просьбами къ побѣдителю, умоляя взять ихъ дѣтей подъ свое попеченіе. Тронутый ихъ участію, великодушно забывая прошлое, и не желая вины отцевъ вымѣщать на дѣтяхъ, главнокомандующій устроилъ временное убѣжище для этихъ несчастныхъ дѣтей, поручилъ ихъ кормить и одѣвать и потомъ, съ согласія императора, видя невозможность помѣстить ихъ въ воспитательныя заведенія царства, которыя возмущеніемъ были совершенно разстроены, распредѣлилъ ихъ по военно-учебнымъ заведеніямъ имперіи, и тѣмъ доставилъ имъ возможность образоваться и потомъ служить съ пользою для страны. Всѣ эти заведенія находятся въ городахъ или близко отъ нихъ, гдѣ находятся латинскіе священники; слѣдовательно, дѣти не могутъ нуждаться въ духовной помощи и не рискуютъ оставить свое исповѣданіе. Такимъ образомъ, фактъ справедливъ, но неблагонамѣренность, всегда готовая искажать всѣ дѣйствія правительства, дѣло человѣколюбія и благотворенія представила въ видѣ угнетенія. Это обстоятельство уже должно бы убѣдить римскій дворъ, какъ мало слѣдуетъ довѣрять извѣстіямъ, которыя доходятъ къ нему помимо русскаго правительства.

«Въ отношеніи къ жалованью епископамъ, слѣдуетъ замѣтить, что, до возмущенія 1830 г., каждый изъ нихъ получалъ по 50 тыс. злот. Въ 1831 г., они сами предложили революціонному правительству, что отказываются отъ трети своего содержанія въ пользу возмущенія. По возстановленіи порядка, правительство не только не оставило ихъ содержанія въ томъ размѣрѣ, кото-

рый, такъ сказать, они сами себѣ назначили, но возвело его до 40 т. зл., которые получаетъ теперь каждый епископъ.

«Римскій дворъ жалуется на указъ 23 ноября 1833 г. о смѣшанныхъ бракахъ и указываетъ на договоры Россіи съ бывшею польскою республикою; но ему слѣдовало бы обратить вниманіе, что старые трактаты, заключенные съ государственною властію, давно уже не существующею, не могутъ сохранить обязательной силы для одной только стороны, когда другая не можетъ уже исполнять принятыхъ ею на себя обязательствъ. Но притомъ, римскій дворъ не можетъ не знать, что этими трактатами вопросъ о смѣшанныхъ бракахъ, въ отношеніи къ дѣтямъ, разрѣшался такъ, что мальчики слѣдовали вѣроисповѣданію отца, а дѣвочки вѣроисповѣданію матери. Римскій дворъ никогда не признавалъ этого способа рѣшенія вопроса и постоянно требовалъ, чтобы всѣ дѣти были латинскаго исповѣданія. Впрочемъ, въ царствѣ польскомъ нѣтъ закона, который бы обязывалъ латинское духовенство благословлять подобные браки.

«Что касается до указа, чтобы приходы не раздроблялись менѣе 400 душъ, то самъ римскій дворъ замѣчаетъ, что это подтвержденіе только закона существующаго и притомъ вполнѣ соотвѣтствующаго духовнымъ потребностямъ католическаго народонаселенія. Въ господствующей церкви часто одинъ священникъ исполняетъ всѣ требы прихода, состоящаго изъ 1000 душъ.

«Учрежденіе православнаго епископства въ Варшавѣ очень естественно объясняется тѣмъ значительнымъ количествомъ обитателей въ ней, которые принадлежатъ къ этому исповѣданію, равно какъ и войскъ и военной администраціи, состоящихъ большею частію изъ православныхъ. Не странно ли предполагать, чтобы въ такомъ большомъ городѣ, какъ Варшава, не было бы епископской каѳедры того исповѣданія, къ которому принадлежитъ государь страны, тогда какъ въ столицѣ имперіи всѣ христіанскія исповѣданія свободно отправляютъ свое богослуженіе? Что касается до того, что церковь св. Креста отнята у католиковъ, то это совершенно ложно; это одна изъ лучшихъ церквей въ Варшавѣ и теперь принадлежитъ имъ. Церковь же Казиміра въ Вильнѣ принадлежала іезуитамъ и послѣ ихъ изгнанія была закрыта. Это совершилось четверть столѣтія тому назадъ, и современное правительство не можетъ быть отвѣтственно за давно прошедшее».

Въ заключеніи этой ноты замѣчено, что она можетъ служить римскому двору доказательствомъ, что русское правительство всегда готово давать ему объясненія по всѣмъ вопросамъ и доставлять вѣрныя свѣдѣнія о положеніи латинскаго духовен-

ства въ странахъ, находящихся подъ властію русскаго императора. Но ставъ въ рѣшительно враждебныя отношенія къ нашему правительству, римскій дворъ не хотѣлъ вѣрить этимъ свѣдѣніямъ и, наоборотъ, давалъ полную вѣру тѣмъ клеветамъ, которыя тайными путями передавали ему польскіе ксендзы и паны, или печатали въ европейскихъ газетахъ. Не смотря на подробныя объясненія, папа повторилъ всѣ тѣ же обвиненія, которыя изложены были въ приведенныхъ нотахъ римскаго двора, въ извѣстной исторической запискѣ, обнародованной имъ въ 1842 г., вмѣстѣ съ аллокуціей 22 іюля того же года [1]).

Кажется, нѣтъ нужды объяснять, что обвиненія Рима—одни основаны на совершенно ложныхъ извѣстіяхъ о несуществовавшихъ никогда дѣйствіяхъ, другія преувеличены неблагонамѣренными разсказами, и третьи, наконецъ, состоятъ изъ простыхъ—незамысловатыхъ придирокъ, какъ напримѣръ, указаніе на трактаты съ несуществующимъ уже государствомъ, и притомъ установлявшіе правила, противъ которыхъ всегда возражалъ самъ же римскій дворъ. Конечно, къ такимъ неразборчивымъ средствамъ можетъ прибѣгать только слѣпая и самоувѣренная вражда; но она служила вызовомъ и поощреніемъ къ подобнымъ же дѣйствіямъ для латинскаго духовенства имперіи и царства. Общее же направленіе и дѣйствія этого духовенства явились только наглядными выраженіемъ той тайной, подземной работы, которую польскіе заговорщики вели съ самыхъ 30-хъ годовъ противъ Россіи.

---

[1]) Галль-Морель. Зап стр. XII и слѣд.; Docum. №№ XII, стр. 31; № LIX, стр. 129 — 30; № LXVIII, стр. 141; и № LXIX, стр. 142 — 48.

IX.

Враждебныя Россіи польскія партіи.—Ихъ отношеніе къ духовенству.—Воспитаніе въ видахъ участія въ приготовляемомъ возстаніи.—Съѣзды латинскаго духовенства въ 1862 г —Значеніе подлясской епархіи.

Тяжело вспоминать тѣ явленія, которыми сопровождалось послѣднее польское возстаніе, руководимое такъ называемою *народовою справою* и кровавыми исполнителями ея своекорыстныхъ предпріятій. Но, ограничиваясь предѣлами занимающихъ насъ вопросовъ, мы можемъ не останавливаться на нихъ, и, указавъ только въ общихъ чертахъ главныя свойства мятежа, сосредоточиться на опредѣленіи участія, какое принимало въ немъ польское духовенство латинской церкви.

Приготовленія къ мятежу начались издавна. Съ одной стороны, раздѣлъ областей прежней Рѣчи-Посполитой между тремя государствами представлялъ всѣ удобства къ составленію заговоровъ, съ другой—польская эмиграція, которой покровительствовали нѣкоторыя изъ европейскихъ державъ, сосредоточенная по преимуществу въ Парижѣ, представляла источникъ, изъ котораго разливалась и проповѣдь о возстановленіи Польши въ предѣлахъ 1772 года, и приготовленія къ возстанію. Но все это совершалось въ предѣлахъ одного шляхетскаго сословія, раздѣлявшагося на двѣ главныя партіи: аристократическую и демократическую, представителей прежнихъ пановъ и мелкой шляхты. У обѣихъ партій цѣли были одни и тѣже, но онѣ различались въ воззрѣніяхъ на способъ дѣйствія и на будущее устройство независимой Польши; въ глазахъ однихъ носился образъ прежней Рѣчи-Посполитой съ необузданнымъ своеволіемъ пановъ; въ глазахъ другихъ—фантомъ соціальной и коммунистической республики, созданной демагогами всѣхъ странъ и народовъ, съ ко-

торыми въ постоянныхъ связяхъ находились польскіе эмигранты. Предположенія, созрѣвшія въ шляхетскихъ головахъ, могли имѣть вліяніе только на это сословіе въ царствѣ польскомъ и въ тѣхъ губерніяхъ имперіи, которыя входили, въ прежнее время, въ составъ польскаго королевства. Но между этимъ сословіемъ и народомъ многовѣковая исторія прорыла цѣлую бездну. Въ западныхъ губерніяхъ имперіи, народъ чисто русскій по происхожденію, въ огромномъ большинствѣ исповѣдовавшій восточное православіе, не имѣлъ ничего общаго съ панами и шляхтою, поляками и римскими католиками, и ненавидѣлъ ихъ за угнетенія и религіозныя гоненія. Повидимому, мирныя отношенія между этими сословіями поддерживались, съ одной стороны, существовавшимъ въ то время крѣпостнымъ правомъ, а съ другой—русскою администраціею, къ помощи которой, чтобы держать въ покоѣ угнетаемый ими народъ, постоянно прибѣгали поляки и постоянно ее обманывали. Эти отношенія должны были сильно поколебаться съ уничтоженіемъ крѣпостного права и обезпеченіемъ самостоятельности крестьянъ поземельною собственностью.

Но законоположенія 19-го февраля 1861 года должны были оказать вліяніе и на царство польское. Хотя единство племени и вѣроисповѣданія, несуществованіе крѣпостного права, должны бы поставить его въ отношенія мирныя и дружелюбныя съ высшимъ сословіемъ; но на дѣлѣ этого не было. Угнетая и презирая крестьянъ, упорно не давая ходу ни одной изъ мѣръ правительства, клонившихся къ улучшенію ихъ быта, шляхетское сословіе и въ царствѣ польскомъ было ненавидимо крестьянами, которые постоянно сочувствовали нашему правительству и въ немъ одномъ видѣли спасеніе и защиту отъ произвола и угнетенія пановъ.

Такое положеніе дѣлъ было извѣстно коноводамъ возстанія, и противъ него они принимали всѣ мѣры. Они хорошо понимали, что ни русскій, ни польскій народъ не будетъ за нихъ. Но какія же представлялись средства привлечь его на свою сторону? Требованія демократической партіи о надѣлѣ крестьянъ землею встрѣчали необоримый отпоръ въ своекорыстіи пановъ, которыхъ поддерживала аристократическая партія. Проповѣдь возстанія посредствомъ сочиненій и эмиссаровъ эмиграціи, небезопасная сама по себѣ, могла ограничиваться только шляхтою и панами. Распространить эту проповѣдь въ народныя массы, оградить ее по возможности отъ вниманія нашего правительства и даже защитить отъ вмѣшательства съ его стороны, представлялось только одно средство: дѣйствовать чрезъ духовенство!

Только это сословіе представляло орудіе дѣйствительное, сильное для того, чтобы питать несбыточныя надежды на успѣхъ въ коноводахъ польской справы.

Составленное по преимуществу изъ польской шляхты и пановъ, оно представляло среду, весьма способную для того, чтобы превратиться въ главнаго дѣятеля въ мятежѣ. Общій характеръ латинскаго духовенства не только не могъ служить препятствіемъ къ такому направленію его дѣятельности, но, напротивъ, способствовалъ. Занятое постоянно вмѣшательствомъ въ свѣтскія дѣла, латинское духовенство вездѣ и повсюду представляетъ не собственно христіанскихъ служителей алтаря, но политическую партію, тѣмъ болѣе сильную и опасную, что религіею она прикрываетъ свою дѣятельность, направленную къ политическимъ цѣлямъ, и опирается на защиту чуждой государству власти римскаго первосвященника, котораго считаетъ своимъ государемъ, а себя—его вѣрноподданными. Это безбрачное духовенство повсюду оказываетъ сильное вліяніе на женщинъ и чрезъ нихъ врываясь въ семью, увлекаетъ за собою всѣхъ ея членовъ.

Такое значеніе имѣло латинское духовенство особенно въ Польшѣ; это понимала эмиграція, и обѣ ея партіи совершенно сходились между собою во взглядѣ на то, какую важную услугу оно можетъ оказать мятежу, если приметъ въ немъ непосредственное участіе. *Красные* уговаривали молодыхъ людей изъ своей среды поступать въ ксендзы, не смотря на отсутствіе въ нихъ всякихъ христіанскихъ вѣрованій; *бѣлые* опутывали своими сѣтями римскій дворъ, и всѣ вмѣстѣ возбуждали общественное мнѣніе Европы противъ Россіи. Изъ дома князя Чарторысскаго препровождались папѣ и денежныя пособія, въ которыхъ онъ также нуждался, въ видѣ лепты св. Петра со стороны Польши, и вмѣстѣ съ тѣмъ всевозможныя извѣстія о мнимыхъ гоненіяхъ, которыя претерпѣваетъ латинская церковь въ имперіи и царствѣ, и клеветы на русское правительство.

Сѣмена мятежа, усердно разсѣеваемыя польскими возмутителями, упадали въ этомъ случаѣ на плодоносную почву: латинское духовенство вошло въ ихъ виды, начиная съ главы и до послѣдняго плебана. Духовно-учебныя заведенія, какъ академія и семинаріи, на которыя правительство не щадило издержекъ, желая поднять просвѣщеніе латинскаго духовенства, сдѣлались школами для приготовленія будущихъ руководителей возстанія. Въ Петербургѣ даже, въ духовной римско-католической академіи, еще въ 1858 г., ксендзъ Феллинскій, въ послѣдствіи архіепископъ варшавскій, въ тайныхъ бесѣдахъ съ своими учениками, будущими служителями церкви, выражалъ слѣдующія правила:

«Власть духовная совершенно различна отъ свѣтской, ибо эта послѣдняя установлена только для поддержанія порядка, и мы обязаны ее почитать, какъ отъ Бога установленную, хотя бы она и была зла; но повиноваться ей должны только въ томъ случаѣ, когда ея распоряженія не противорѣчатъ *церковному праву*. Между тѣмъ, съ властью духовною соединена *благодать*; отъ папы, какъ отъ главы церкви, изливается благодать и на всѣхъ членовъ церкви». Но понятіе о церковномъ правѣ, по ученію ультрамонтановъ и іезуитовъ, сводится исключительно къ предписаніямъ папы, и потому повиновеніе свѣтской власти они допускаютъ только въ той мѣрѣ, въ какой сама она повинуется повелѣніямъ Рима. «Обращая вниманіе на современное положеніе церкви, замѣчаетъ Феллинскій, съ утѣшеніемъ видимъ, что все наше наличное духовенство болѣе, чѣмъ когда либо, заявляетъ преданности и привязанности къ апостольскому престолу. Само французское духовенство уже добровольно отреклось отъ галликанизма, въ Австріи заключенъ конкордатъ въ томъ смыслѣ, чтобъ духовенство имѣло непосредственныя сношенія съ Римомъ. Добрый это признакъ и доброе дѣло, потому что не могутъ члены быть отдѣлены отъ главы. Мы по опыту видимъ, какія происходили и происходятъ невыгоды, пока духовенство *зависитъ отъ правительства*, безъ котораго оно не могло ни епископа избрать, ни что либо подобное совершить. Отсюда же происходили и неоднократныя нарушенія церковнаго права: становой тамъ какой-нибудь погрозитъ доносомъ, духовный и молчитъ, будучи какъ бы оторванъ отъ престола, который одинъ можетъ защитить его. Дѣйствительно, нынѣ духовенство за границею поняло, что совершенное *подданство* Риму, не только не составляетъ для него какого либо ярма, напротивъ, служитъ крѣпкою защитою. Поэтому оно старается, сколько возможно, освободиться изъ подъ свѣтской власти, хотя еще не вполнѣ умѣетъ дѣйствовать (т. е. нигдѣ еще не рѣшалось возставать противъ него съ оружіемъ въ рукахъ); давнишняя привычка сдѣлала его боязливымъ и неувѣреннымъ въ себѣ. Повторяю: эта перемѣна мнѣній обнаруживается вездѣ, быть можетъ со временемъ очередь дойдетъ и до насъ».

Дѣйствительно, ультрамонтанское направленіе, послѣ французской революціи, сдѣлало огромные успѣхи: все высшее духовенство въ латинской, по исповѣданію, Европѣ отреклось отъ основныхъ началъ церковнаго устройства, отъ самостоятельнаго значенія епископской власти и соборнаго управленія, и превратилось изъ служителей алтаря въ вѣрноподданныхъ папы въ государственномъ смыслѣ. Такое значеніе духовенства, конечно,

ставило его въ особенныя, исключительныя отношенія къ мѣстной верховной власти и вообще къ правительству.

«Свѣтская власть можетъ быть двоякая, говоритъ Феллинскій; надо различать власть законную, которую любимъ, которая происходитъ отъ собственныхъ королей, и власть наброшенную, подъ которой мы находимся теперь». Отъ этой послѣдней власти, конечно, позволительно желаніе избавиться; но заговоровъ и возстаній еще прямо не проповѣдуетъ духовный наставникъ; онъ ждетъ избавленія отъ *воли Божіей*, но понятіе объ этой волѣ онъ выражаетъ въ надеждѣ на чуждую помощь. «Какъ нѣкогда опомнившихся іудеевъ спасалъ Богъ, такъ и съ нами кающимися можетъ сдѣлать; какъ имъ послалъ Кира, такъ и намъ можетъ даровать избавителя и помощника во время, когда мы и не ожидаемъ. Вѣдь когда французы перешли за Рейнъ, или были подъ Севастополемъ, развѣ не показалъ Богъ очевидно возможность нашего избавленія. Пусть бы французы только заняли эти области, и пусть бы только пало въ нихъ русское правительство, тогда бы всѣ поднялись; но такъ какъ мы не были этого достойны, то Богъ только показалъ, что можетъ насъ избавить и затѣмъ отнялъ свою руку»? Пропаганду католицизма считаетъ Феллинскій отличительною чертою исторіи Польши. «Пока она сохраняла чистоту вѣры и нравовъ, до тѣхъ поръ и была могущественною. Должно еще замѣтить, что она всегда отличалась шляхетностію и просвѣщеніемъ, воевала не для добычи и завоеваній, но единственно для распространенія католической вѣры, что возрасла не корыстію, но въ слѣдствіе добровольнаго подчиненія и сліянія съ другими. Напримѣръ, Литва братски породнилась, отнюдь не войною, но чрезъ принятіе католической вѣры; такъ и съ Русью Польша воевала для распространенія католической вѣры и для защиты уніатовъ; тоже и казакамъ Баторій далъ особенныя права и большія льготы, которыя не отнимались у нихъ никогда, а Польша хотѣла привить къ нимъ католицизмъ. Итакъ, мы видимъ, что Польша никогда не руководствовалась корыстью, но имѣла въ виду чистую цѣль введенія и распространенія католической вѣры». Но, какими средствами дѣйствовала она, чтобы достигнуть этой цѣли?—нашъ проповѣдникъ благоразумно о томъ умалчиваетъ. Впрочемъ, въ глазахъ латинскаго прелата такая *высокая* цѣль можетъ оправдать всѣ *низкія* средства насилія и обмана, о которыхъ такъ громко засвидѣтельствовала исторія гоненій православной церкви въ областяхъ бывшей Рѣчи-Посполитой. Въ виду той же цѣли — защиты латинской церкви, и ксендзъ Феллинскій дозволилъ себѣ искажать всѣмъ извѣстныя историческія явленія

Считая русскую власть незаконною въ отношеніи къ Польшѣ, насильно ей навязанною, желая освободиться отъ нея и не пренебрегая никакими средствами для достиженія цѣли, какъ же могъ опъ проповѣдовать до нѣкоторой степени покорность этой власти? Двѣ причины заставляли ксендза Феллинскаго неясно выражаться въ этомъ случаѣ: съ одной стороны, папское посланіе, осуждавшее польское возстаніе 1831 г. и предписывавшее духовенству покорность власти; съ другой, въ рукахъ русскаго правительства была сила. Поощряя возстаніе и подготовляя его подъ вліяніемъ эмиграціи, необходимо было, однако, не прямо противорѣчить Риму, но постепенно вовлечь его въ свои виды; а въ тоже время обезсилить русское правительство, передавъ все управленіе въ руки поляковъ. Но тайная мысль однакоже выразилась съ достаточною ясностью въ совѣтахъ наставника петербургской академіи, которые онъ предлагалъ для руководства будущимъ служителямъ алтаря въ отношеніи къ исповѣди. «Что касается до заговоровъ и тѣмъ паче участія въ войнѣ, соединенной съ присягою, говоритъ онъ, то слѣдуетъ замѣтить, что *ни дозволять этого нельзя*, ни также *запрещать совершенно*, на исповѣди. Но мы должны напомнить и предостеречь кающагося, чтобы не участвовалъ. Если же замѣчаемъ, что въ его дѣйствія не входитъ никакого личнаго разсчета, что онъ дѣлаетъ это для общаго, по его мнѣнію, блага; то совершенно ему отказывать въ разрѣшеніи не можемъ, да и не обязаны» [1]).

Нужно ли объяснять приведенныя слова изъ бесѣдъ Феллинскаго? Въ нихъ слышится голосъ, направленіе и мнѣнія давно знакомыя всѣмъ, кому извѣстны ученія папъ, іезуитовъ и ихъ послѣдователей ультрамонтановъ. Они ясны, впрочемъ, и сами по себѣ и весьма скоро объяснили себя на самомъ дѣлѣ. Пропитанное такими ученіями духовенство сдѣлалось самымъ ревностнымъ проповѣдникомъ мятежа и горячимъ участникомъ во всѣхъ его преступныхъ дѣйствіяхъ. Но къ ультрамонтанскому направленію, во взглядѣ на значеніе Польши между другими народами, присоединилось и другое, — фантастическое ученіе, выработанное нѣкоторыми изъ эмигрантовъ, послѣдователями Товянскаго и Мицкевича объ историческомъ и религіозномъ призваніи Польши въ судьбахъ европейскихъ государствъ. Оно доведено было до послѣдней степени богохульства въ такъ называемой польской революціонной обѣднѣ, въ которой Польша уподобляется І. Христу, а ея историческія судьбы — страстямъ

[1]) «Дружескіе совѣты и бесѣды» Феллинскаго. Вѣстникъ Западной Россіи 1866 г.

Христовымъ. «Какъ Христосъ пострадалъ за весь міръ, воспѣвается въ молитвахъ этой обѣдни, такъ и Польша совершаетъ свой крестный путь; нечестивые народы, отъ которыхъ отступила благодать Божія, ее разчетвертовали, она распята на крестѣ, положена во гробъ, но наступаетъ третій день послѣ погребенія, она скоро воскреснетъ для спасенія всѣхъ народовъ, какъ единая, избранная ихъ руководительница на историческомъ пути къ обѣтованной Спасителемъ цѣли, когда побѣжденное и униженное зло потухнетъ на землѣ окончательно, любовь же соединитъ всѣ народы въ одно стадо, подъ однимъ пастыремъ, *видимымъ главою церкви*. I. Христосъ — единый сынъ Божій, а Польша — единая дщерь божья, хранительница божественной истины, всемірная очистительная жертва» и т. д. [1]). Дѣйствительно ли была утверждена эта месса польскою католическою церковью, какъ значится въ рукописи, найденной кіевскою слѣдственною коммиссіею, мы не хотимъ говорить утвердительно; но это возможно, если припомнимъ едва минувшія дѣйствія польскаго духовенства. Въ церквахъ говорились возмутительныя проповѣди и пѣлись революціонныя пѣсни, духовныя процессіи превратились въ революціонныя демонстраціи, монастыри были главными притонами шаекъ мятежниковъ и складовъ оружія, духовные не только благословляли возстаніе, приводили къ присягѣ подземному правительству; но сами становились въ ряды мятежниковъ и отличались звѣрскимъ неистовствомъ. «*Большая часть*—говоря словами князя Горчакова, основанными на многочисленныхъ и всѣмъ извѣстныхъ фактахъ — римско-католическаго духовенства въ царствѣ Польскомъ пошла по такому пути, что нарушила обязанности, лежащія на священнослужителяхъ и нанесла ущербъ матеріальнымъ и религіознымъ интересамъ ввѣренной попеченію ея паствы. Пользуясь вліяніемъ на низшіе классы народонаселенія и въ особенности на женщинъ, прибѣгая къ исповѣди, какъ могущественному орудію, для упроченія этого вліянія, духовенство содѣйствовало революціонной организаціи. Религіозный фанатизмъ, привычка вмѣшиваться непрерывно и безъ зазрѣнія совѣсти въ дѣла мірянъ, упадокъ нравственности какъ бѣлаго, такъ и чернаго духовенства, повели *къ чудовищному союзу* между церковью и революціею». Воспитаніе, полученное латинскими духовными лицами, на которое мы указали, конечно, могло подготовить многихъ дви-

---

[1]) Священная месса польскаго народа или молитвы въ нынѣшнихъ крайнихъ нуждахъ ойчизны для чтенія во время священной мессы, изъ ея текста составленныя и утвержденныя польскою католическою церковью. Вѣстникъ Запад. Россіи 1866 г.

гателей и пособниковъ мятежа изъ этого сословія. Не одни однакоже только отдѣльныя личности вступали въ этотъ *чудовищный союзъ*, но все латинское духовенство въ полномъ его составѣ; исключенія составляли только отдѣльныя личности, и то весьма немногія и притомъ постоянно хранившія молчаніе. Монашескіе ордена прежде всѣхъ примкнули къ мятежной организаціи, когда бѣлое духовенство еще колебалось, стать ли на сторону бѣлыхъ или красныхъ. Съ цѣлію достигнуть общаго соглашенія въ томъ, какое участіе должно принять духовенство въ возстаніи, назначались съѣзды. Изъ многихъ такихъ съѣздовъ особенно замѣчателенъ, по своимъ постановленіямъ, многочисленный съѣздъ подлясскаго духовенства, 13 ноября 1862 г.

На этомъ съѣздѣ постановлено: «Подлясское духовенство, собравшись на общее засѣданіе и разсмотрѣвъ тѣ средства, которыми можно-бы помочь ойчизнѣ, выслушавъ мнѣніе всѣхъ присутствовавшихъ и обсудивъ подробно основныя начала и стремленія двухъ комитетовъ, шляхетскаго и центральнаго, и прочтя протоколы засѣданія сандомірскаго духовенства, постановило слѣдующее:

1. Оно принимаетъ программу центральнаго комитета во всей силѣ и цѣлости, исключая лишь то, что̀ могло-бы нарушить свободу и права римско-католической церкви.

2. Чтобы сохранить полное единство въ дѣйствіяхъ, оно подчиняется распоряженіямъ центральнаго комитета.

3. Во главѣ общаго движенія въ епархіи должно быть поставлено выборное духовное лице. Оно по всѣмъ предметамъ должно сноситься съ представителями власти центральнаго народнаго комитета въ воеводствѣ. Въ помощь этому лицу могутъ быть назначены, выбранные по большинству голосовъ, ксендзы, по одному изъ деканата.

4. Оно положило оказывать полное повиновеніе, какъ уже вышедшимъ, такъ и впредь имѣющимъ выходить, распоряженіямъ и предписаніямъ комитета, во сколько они окажутся согласными съ благомъ церкви.

5. Принятое такимъ образомъ рѣшеніе обязательно для духовныхъ лицъ всѣхъ степеней, которыя должны подчиняться ему съ полною рѣшимостію, безусловно и безстрашно.

6. Организованное такимъ образомъ духовенство обязано приносить всякаго рода пожертвованія, какія будутъ опредѣлены довѣреннымъ лицемъ комитета.

7. Духовенство обязано всегда, когда это можетъ потребоваться, принимать и приводить къ присягѣ всѣ лица, занимаю-

щіяся *работами* (т. е. кинжальщиковъ и жандармовъ-вѣшателей) по порученію центральнаго комитета.

8. Согласно этимъ правиламъ, каждое духовное лицо должно исполнить возложенныя ими на него обязанности подъ страхомъ отвѣтственности какъ предъ духовною, такъ и предъ свѣтскою властью.

«Устроенную такимъ образомъ организацію какъ въ общемъ ея видѣ, такъ и во всѣхъ частностяхъ, духовенство архіепископства варшавскаго и епископства холмскаго, въ лицѣ своихъ выборныхъ, присутствующихъ на сегодняшнемъ общемъ собраніи, торжественно признаетъ, а духовенство подлясское, съ своей стороны, призываетъ духовенства всѣхъ епархій какъ конгрессовки, такъ и иныхъ провинцій единой и нераздѣльной Польши къ тому, чтобы оно, не теряя минуты времени, поспѣшило организоваться, съ цѣлію немедленнаго приведенія въ исполненіе какъ основной программы, такъ и самыхъ рѣшеній центральнаго комитета.

«Мужъ довѣрія епископства подлясскаго приглашаетъ депутатовъ архіепископства и холмской епархіи, немедленно по возвращеніи своемъ въ свои епархіи, созвать подобные же съѣзды и о послѣдствіяхъ оныхъ увѣдомить какъ центральный комитетъ, такъ и его самого—довѣренное лице подлясскаго духовенства и членовъ шляхетскаго комитета».

Такимъ образомъ, подлясское духовенство, съ депутатами отъ другихъ епархій, какъ бы призванное на политическій сеймъ, является судьею и рѣшителемъ спора между двумя революціонными комитетами, шляхетскимъ и центральнымъ, представителями двухъ разъединенныхъ между собою революціонныхъ партій, такъ называемыхъ бѣлыхъ или аристократовъ, и красныхъ или демократовъ. Торжественному слову духовенства крайняя демократическая партія обязана была окончательною побѣдою надъ такъ называемыми бѣлыми, и вступленіе духовенства въ мятежную организацію центральнаго комитета было знакомъ къ всеобщему вооруженному возстанію. Менѣе нежели чрезъ два мѣсяца послѣ съѣзда подлясскаго духовенства, повсюду вспыхнулъ мятежъ; и въ костелахъ читалась извѣстная проповѣдь ксендза Сикстуса, члена центральнаго комитета, объ изгнаніи русскихъ изъ Польши, въ которой объявлялось во всеобщее свѣдѣніе, что устроилось народное правительство, которому отнынѣ всѣ обязаны повиноваться [1]).

---

[1]) Докладъ особ. коммиссіи, учрежден. въ Варшавѣ по дѣлу о римско-католическихъ монастыряхъ въ царствѣ Польскомъ, стр 96 — 99.

Подлясскому духовенству выпало на долю начать вооруженный мятежъ, своимъ съѣздомъ 13-го ноября 1862 г., и окончить, въ лицѣ одного изъ своихъ членовъ, буйнаго предводителя послѣдней мятежнической шайки, — ксендза Бржоско! Подлясское духовенство и не безъ причины стало во главѣ возстанія и увлекло за собою духовенство всѣхъ другихъ латинскихъ епархій.

До 1818 г., въ царствѣ польскомъ было только семь епархій; въ этомъ году, по представленію правительства, была учреждена осьмая, именно подлясская, буллою Пія VII. Какая нужда требовала учрежденія новой епархіи на восточной границѣ новосоставленнаго царства польскаго? Въ проектѣ новаго раздѣленія епархій, составленномъ въ 1817 г., упоминается только та причина, чтобы границы епархій совпадали съ границами воеводствъ. Но, очевидно, одно это обстоятельство не могло служить достаточнымъ поводомъ для новаго разграниченія епархій, на которое римскій дворъ вообще не охотно соглашается, когда предположенія о такомъ разграниченіи предлагаются свѣтскою властью. Въ обѣихъ епархіяхъ, подлясской и люблинской, число латинскихъ приходовъ было гораздо менѣе, нежели въ одной, напримѣръ, варшавской или краковской и куявской [1]), а пространства, весьма незначительныя и до того времени, не представляли затрудненій для дѣятельности одного епископа. Но подъ этою явно выраженною причиною скрывались другія — тайныя. Большая часть народонаселенія этой новой епархіи состояла изъ уніатовъ; въ самомъ Яновѣ, гдѣ была учреждена епископская каѳедра, весьма незначительное число жителей принадлежало къ латинскому исповѣданію, и притомъ этотъ городъ лежитъ не въ центрѣ новой епархіи, а почти на самыхъ ея границахъ съ Гродненскою губерніею. Очевидно, что учрежденная вновь каѳедра не была простымъ епископствомъ, но, въ тоже время, и миссіею для совращенія въ латинство уніатовъ царства и православныхъ смежной съ нимъ губерніи имперіи. Въ виду этого обстоятельства, становится понятно, почему Римъ не оказалъ ни малѣйшаго сопротивленія посланному нашего правительства для переговоровъ съ нимъ по этому вопросу, Льву Потоцкому, и безъ возраженій утвердилъ учрежденіе новой епархіи.

Значеніе этой епархіи немедленно послѣ ея учрежденія обнаружилось на дѣлѣ; съ одной стороны, постепенно начало умножаться, ежегодно возрастая, число совращеній не только уніатовъ, но и православныхъ въ латинство; съ другой, правитель-

---

[1]) И въ настоящее время въ подлясской и люблинской епархіи считается 239 приходовъ, а въ одной варшавской 281, калишской 337, плоцкой 235, келецкой 228.

ство постоянно начало получать жалобы отъ уніатскаго и православнаго духовенства на насилія и обманы духовныхъ и особенно монаховъ подлясской епархіи. Самый выборъ лицъ на эту каѳедру служитъ лучшимъ доказательствомъ того, какое значеніе придавалъ ей римскій дворъ. Всѣ они отличались крайнимъ ультрамонтанскимъ направленіемъ и ожесточенною нетерпимостію къ другимъ исповѣданіямъ. Прикрываясь папскими предписаніями и каноническими постановленіями, они явно не признавали законовъ страны по отношенію къ устройству и управленію церкви и не исполняли предписаній правительства; совращеніе-же въ латинство, безъ разбора средствъ, считали своимъ призваніемъ. Мы уже указывали на образъ мыслей и дѣйствій епископа Гутковскаго; но и всѣ другіе дѣйствовали совершенно въ томъ-же духѣ, такъ-что, кажется, одинъ и тотъ-же епископъ Гутковскій, котораго ксендзъ Феллинскій выставлялъ своимъ ученикамъ за образецъ для подражанія, управлялъ этою епархіею, отъ ея основанія и до конца, по временамъ перемѣняя только имя и прозвище.

Воспитанное въ такихъ преданіяхъ подлясское духовенство, отличавшееся ненавистью ко всему русскому, весьма естественно, первое заключило союзъ съ революціею и увлекло за собою духовенство всѣхъ другихъ епархій. «Польское духовенство, говоритъ издатель документовъ по сношеніямъ съ Римомъ польскаго народоваго ржонда, видя въ національномъ правительствѣ защитника святой вѣры и церкви, добровольно подчинилось его власти и прежде всего стремилось возобновить древнюю зависимость отъ св. престола [1])». Участіе въ мятежѣ отдѣльныхъ духовныхъ лицъ возможно было бы объяснять личными наклонностями, увлеченіемъ и вообще испорченною нравственностью духовенства. Но чѣмъ объяснить совокупное дѣйствіе всего духовенства? Въ отвѣтѣ на этотъ вопросъ, конечно, не затруднялось общественное мнѣніе Россіи, давно знакомое съ отношеніями къ намъ римскаго двора; но теперь обнародованные документы, какъ въ запискѣ нашего канцлера, такъ и въ папскомъ сборникѣ, не оставляютъ никакого сомнѣнія въ томъ, что польское духовенство дѣйствовало во время мятежа согласно съ видами римскаго двора.

[1]) Insurrezione Polacca nel 1863—1864 ann.—Эта брошюрка издана въ Римѣ, слѣдовательно, съ вѣдома и согласія папскаго правительства, въ дополненіе, какъ сказано въ предисловіи къ ней, тѣхъ актовъ, которые обнародованы папскимъ правительствомъ. Въ ней, кромѣ предисловія и введенія (стр. 3—8), помѣщены семь актовъ революціоннаго польскаго правительства по сношеніямъ съ Римомъ и обѣщано изданіе такихъ же актовъ по сношеніямъ съ Франціею.

X.

Сношенія Рима въ 1861—63 годахъ съ нашимъ правительствомъ и польскимъ народовымъ ржондомъ.

Римскій дворъ, въ сношеніяхъ съ нашимъ правительствомъ послѣ 1830 года, постоянно выставлялъ, какъ особенную заслугу, вызывающую на благодарность ему и уступки со стороны Россіи его требованіямъ, то обстоятельство, что онъ не оказывалъ поддержки польскому возстанію и внушалъ латинскому духовенству повиновеніе законной власти. Въ объяснительной запискѣ, обнародованной въ 1842 году, при аллокуціи 22 іюля, римскій дворъ говоритъ: «Польша, сдѣлавшись жертвою преступнаго соблазна, была возмущена политическими событіями, всѣмъ извѣстными. Тогда святой отецъ, вселенскій учитель великой семьи католиковъ, обладатель и ревностный хранитель истиннаго ученія вѣры, въ виду котораго, между прочимъ, всегда было священнымъ то правило, что подданные обязаны сохраненіемъ вѣрности, подчиненія и покорности своему государю въ порядкѣ гражданскомъ, усмотрѣлъ необходимость и почувствовалъ долгъ напомнить и внушить это правило, при тогдашнихъ обстоятельствахъ, польскому народу, опасаясь, чтобы страсти времени и обманчивыя внушенія тѣхъ, которые злоупотребляли религіею для ихъ преступныхъ видовъ, не исказили и не уничтожили его въ этомъ народѣ. Сверхъ того, онъ желалъ положить предѣлъ многочисленнымъ бѣдствіямъ, которыя, хотя и вытекаютъ изъ началъ противныхъ католической вѣрѣ, но могли обратиться во вредъ не только увлеченнымъ соблазномъ его духовнымъ дѣтямъ, но и самой этой вѣрѣ, и такъ уже угнетенной въ Польшѣ. Подвигнутый такими чувствами, его святѣйшество безъ замедленія отнесся къ епископамъ этой несчастной страны, заклиная ихъ поддерживать какъ въ духовен-

ствѣ, такъ и въ народѣ, вѣрность, подчиненность и миръ, напоминая и тѣмъ и другимъ, какъ виновны передъ Богомъ и церковью тѣ, которые возстаютъ противъ законной власти. И такъ какъ можно было предполагать, что вслѣдствіе политическихъ обстоятельствъ голосъ верховнаго пастыря не достигъ до этой страны, святой отецъ, принявъ во вниманіе желаніе императора, сообщенное ему его посланникомъ, кн. Гагаринымъ, возобновилъ свои совѣты епископамъ царства, съ цѣлію содѣйствовать прочности только-что водвореннаго тамъ общественнаго порядка и особенно возвратить на путь долга тѣхъ изъ духовныхъ, которые съ него уклонились». Дѣйствительно, въ нотѣ, переданной кардиналу Бернетти нашимъ посланникомъ, 20 апрѣля 1832 года, извѣщая римскій дворъ объ усмиреніи польскаго мятежа и указывая на то, что духовенство принимало въ немъ дѣятельное участіе, даже съ оружіемъ въ рукахъ, наше правительство полагало, что водворенный въ царствѣ порядокъ можетъ быть проченъ только въ томъ случаѣ, если—«духовенство раскается въ своихъ преступныхъ заблужденіяхъ и будетъ покоряться законамъ», и на этотъ путь можетъ направить его только власть папы. Съ этою цѣлію оно приглашало римскаго первосвященника—«возвысить свой голосъ» и внушить ему правила покорности законной власти. На этотъ призывъ папа отвѣчалъ посланіемъ къ польскимъ епископамъ, 9 іюня 1832 г., въ которомъ внушалъ имъ повиноваться верховной власти и тоже повторилъ въ окружномъ посланіи, 15 августа того же года. Въ 1845 году, въ запискѣ, переданной лично императору Николаю Павловичу въ Римѣ, Григорій XVI упоминаетъ объ этихъ документахъ, а вмѣстѣ съ тѣмъ говоритъ, что римское правительство не приняло депутата, который былъ присланъ польскимъ революціоннымъ правительствомъ просить помощи папы, и даже—съ негодованіемъ выслало его изъ Рима. Нельзя не обратить вниманія, что этотъ именно поступокъ римскаго двора и эти посланія къ польскому духовенству Пій IX счелъ возможнымъ покрыть молчаніемъ въ своей многословной запискѣ, обнародованной въ обличеніе нашего правительства въ 1866 году!

Дѣйствительно, такъ поступалъ римскій дворъ въ 30-хъ годахъ; но послѣдовалъ ли Пій IX примѣру своего предшественника, и такъ ли дѣйствовало римское правительство во время послѣдняго польскаго возстанія, въ которомъ латинское духовенство принимало еще гораздо большее участіе?

«При первыхъ проявленіяхъ преступныхъ замысловъ, императорскій кабинетъ, сказано въ запискѣ нашего канцлера, при-

ложенной къ нотѣ 7 января, увѣдомилъ о нихъ правительство святаго престола, призывая вмѣшательство верховной власти папы, чтобы она возвратила латинское духовенство къ мирному исполненію его священнаго призванія». Но это представленіе оставлено римскимъ дворомъ безъ отвѣта и безъ всякихъ послѣдствій. Такимъ образомъ, Пій IX поступилъ, въ этомъ случаѣ, совершенно противоположно тому, какъ поступилъ при подобныхъ же обстоятельствахъ его предшественникъ, и не могъ поступить иначе, оставаясь вѣрнымъ самому себѣ, какъ мы увидимъ далѣе.

Долго длилось долготерпѣніе нашего правительства, долго не принимало оно никакихъ дѣйствительныхъ мѣръ противъ мятежныхъ безпорядковъ, повторявшихся ежедневно, и въ размѣрахъ, угрожавшихъ полнымъ возмущеніемъ. Съ мирными цѣлями еще назначенъ былъ намѣстникомъ графъ Ламбертъ; но прибывъ въ Варшаву и удостовѣрившись, наконецъ, въ грозящей опасности, онъ вынужденъ былъ объявить се на военномъ положеніи, 14 октября 1861 года. Удаленный военнымъ положеніемъ съ улицъ и площадей, мятежъ нашелъ себѣ убѣжище въ костелахъ и монастыряхъ: духовенство гостепріимно отворило ему двери храма, на другой же день по объявленіи военнаго положенія. Цѣлый день, въ наполненныхъ толпами народа храмахъ, раздавались съ каѳедръ мятежныя проповѣди, и ихъ своды оглашались революціонными пѣснями. Такое напряженное состояніе дѣлъ естественно привело къ столкновенію между войсками, размѣщенными по городу для предупрежденія безпорядковъ, и толпами мятежниковъ. Воспользовавшись этимъ случаемъ, епархіальныя власти закрыли всѣ церкви въ Варшавѣ и предписали повсемѣстный трауръ. Съ этого времени и высшее духовенство открыто стало въ ряды мятежниковъ; но, чтобы прикрыть свои дѣйствія, оно представило гр. Ламберту свои требованія, изложенныя въ 16 статьяхъ. Указавъ, что римско-католическая вѣра такъ тѣсно связана съ жизнью польскаго народа, что на ней по преимуществу зиждется и общественное благоденствіе и частное спокойствіе, что прежніе короли оказывали ей всевозможное покровительство и попеченіе, и что въ настоящее время она находится въ положеніи угнетенномъ, духовенство просило намѣстника представить императору слѣдующія его требованія:

1) Чтобы возстановлено было прежнее значеніе римско-католической вѣры (pristinam auctoritatem).

2) Чтобы статьи, 193, 195, 196, 197, 198, 199, 200 и

201, уголовнаго уложенія, а равно и постановленія о смѣшанныхъ бракахъ были отмѣнены.

3) Также и распоряженія правительства, противныя началамъ католической церкви и Евангелію, чтобы не принимать на исповѣдь лицъ, неизвѣстно къ какому исповѣданію принадлежащихъ, чтобы отмѣнить декретъ намѣстника (1854 г.), ограничивающій свободу проповѣди и распоряженіе правительственной коммиссіи, чтобы епископы свои посланія и постановленія не обнародовали безъ предварительнаго ея согласія.

4) Чтобы коммиссія не вмѣшивалась въ дѣла духовныя, какъ процессіи, проповѣди, церковныя церемоніи и т. п.

5) Чтобы коммиссія устранена была отъ участія въ духовномъ судѣ.

6) Чтобы епископы могли составлять епархіальные соборы, праздновать юбилеи и посылать миссіи.

7) Чтобы на мѣста епископовъ капитулы избирали кандидатовъ.

8) Чтобы число учениковъ семинарій, духовныхъ и монаховъ не было ограничено.

9) Чтобы при академіяхъ были открыты бурсы для постороннихъ учениковъ.

10) Чтобы изъ доходовъ упраздненныхъ монастырей были основаны въ каждой епархіи дома для призрѣнія престарѣлыхъ духовныхъ съ жалованьемъ каждому.

11) Чтобы учрежденъ былъ домъ покаянія для духовныхъ въ Monte Calvo.

12) Чтобы безъ согласія духовенства, коммиссія не дѣлала назначеній изъ доходовъ упраздненныхъ монастырей, и вообще, чтобы они распредѣлялись согласно съ буллою Пія VII.

13) Чтобы епархіальныя консисторіи по дѣламъ духовнымъ могли свободно сноситься съ святымъ престоломъ.

14) Чтобы смягчены были правила объ исправленіи церквей и построеніи новыхъ.

15) Чтобы измѣнены были правила о фундушахъ; и —

16) Чтобы духовныя лица, подвергшіяся удаленію или заключенію, были возвращены къ своимъ мѣстамъ и впредь не были бы заключаемы или удаляемы безъ согласія духовныхъ властей [1]).

Вникая въ сущность этихъ требованій, нельзя не замѣтить, что въ это время все высшее духовенство царства польскаго

---

[1]) Esposiz. document. № LVI, стр. 175—77.

повторило въ нихъ то же самое, что̀ нѣсколько лѣтъ прежде въ общихъ и дерзкихъ выраженіяхъ высказалъ епископъ Гутковскій о декретѣ 1817 года. Удовлетвореніе этимъ требованіямъ равнялось бы полной отмѣнѣ этого декрета, и тогда дѣйствительно духовенство латинское оказалось бы внѣ законовъ того государства, въ которомъ находится, и устранило бы всякое на него вліяніе правительства. Духовенство ясно выразило мысль, чтобы свѣтская власть не касалась духовныхъ лицъ даже въ тѣхъ случаяхъ, когда они явно возстаютъ противъ нея. Правительство удаляло изъ царства или подвергало заключенію ихъ, не какъ духовныхъ, а какъ преступниковъ, явныхъ и обличенныхъ участниковъ мятежа. Могло ли оно полагаться въ этихъ случаяхъ на духовныя власти, которыя сами принадлежали къ мятежной организаціи и были главными двигателями возстанія?

Но этого мало; въ требованіяхъ польскаго духовенства заключались тѣже притязанія, которыя постоянно предъявлялъ Римъ при переговорахъ съ нашимъ правительствомъ. Очевидно, безъ полномочія со стороны римскаго двора, или не разсчитывая на его покровительство въ этомъ случаѣ, оно не рѣшилось бы на подобныя требованія. Примѣръ покровительства, оказаннаго Римомъ епископу Гутковскому, уже могъ указать, кто руководилъ и въ этомъ случаѣ дѣйствіями польскаго духовенства: посредствомъ возстанія римскій дворъ надѣялся вынудить у Россіи тѣ уступки, которыхъ не удалось ему достигнуть помощію дипломатическихъ переговоровъ. Неожиданный случай скоро обнаружилъ дѣйствительное участіе папской власти въ этомъ поступкѣ польскаго духовенства.

Отъ 6 іюня того же 1861 г., папа Пій IX тайными путями отправилъ варшавскому архіепископу Фіалковскому «бреве». Оно сдѣлалось извѣстнымъ только по смерти, скоро послѣдовавшей, этого архіепископа, когда нѣкоторыя изъ преданныхъ Риму газетъ обнародовали его въ числѣ другихъ документовъ. Но еще прежде, нежели огласился этотъ поступокъ римскаго двора,—сообщая нашему посланнику въ Римъ, доставленныя гр. Ламбертомъ свѣдѣнія о происшествіяхъ въ Варшавѣ и участіи, какое принимало въ нихъ духовенство, нашъ канцлеръ писалъ, 9 окт. 1861 г., что латинское духовенство упорно держится того же направленія, которое оно приняло съ самаго начала мятежа. «Если оно закрыло церкви въ Варшавѣ, считая ихъ поруганными, то я нахожу, что оно было совершенно право въ этомъ отношеніи: поруганіе началось съ того дня, когда человѣческія страсти проникли въ священныя ограды, и когда раздавшіяся тамъ революціонные гимны замѣнили христіанскія молитвы. Съ

этой точки зрѣнія, конечно, храмы поруганы, и, — если латинское духовенство, очистивъ дома молитвы, откроетъ ихъ съ твердою рѣшимостію не терпѣть въ нихъ ничего инаго, кромѣ того, что̀ Господомъ заповѣдано совершать въ храмахъ, то оно исполнитъ только свой долгъ. Но не таковы, какъ кажется, мнѣнія польскаго духовенства: полагаютъ, напротивъ, что оно намѣревается приступить къ закрытію церквей во всемъ царствѣ польскомъ, намѣревается положить на всю страну, такъ сказать, церковное запрещеніе и, лишивъ вѣрующихъ возможности слушать слово Божіе, обратить ихъ на служеніе возбужденнымъ мірскимъ страстямъ». Такова, дѣйствительно, и была цѣль латинскаго духовенства. Смягченнымъ слогомъ дипломатической ноты была выражена, горькая для всякаго христіанина, истина, что латинское духовенство поругало самого себя и поругалось надъ своею все-таки христіанскою церковью, ставъ не только въ ряды мятежниковъ, но сдѣлавшись коноводомъ возстанія. Но достоинство имперіи побудило канцлера замѣтить нашему посланнику въ Римѣ, что онъ — «необязываетъ его въ настоящее время обратиться съ формальнымъ представленіемъ объ этомъ къ папѣ, не хочетъ повторять призыва, который однажды уже не былъ выслушанъ», но поручилъ сообщить эти свѣдѣнія кардиналу Антонелли, надѣясь, что онъ пойметъ и оцѣнитъ по достоинству дѣйствія латинскаго духовенства въ царствѣ польскомъ.

Кардиналъ Антонелли не замедлилъ отвѣчать нашему посланнику отъ лица папы. «Святой отецъ, говорилъ онъ, *конфиденціально* не одобрилъ поведенія польскаго духовенства»; — но когда посланникъ выразилъ мысль, чтобы это неодобреніе главы латинской церкви было *гласно* заявлено, тогда кардиналъ отвѣтилъ, что — «святому отцу тѣмъ труднѣе высказаться *открыто* по этому вопросу, что до него доходятъ постоянныя жалобы польскаго духовенства на затрудненія, которыя оно встрѣчаетъ въ исполненіи своихъ религіозныхъ обязанностей». Чтобы отвлечь вниманіе отъ тщательно скрываемыхъ своихъ дѣйствій, папскій дворъ возбудилъ, при этомъ случаѣ, переговоры о посылкѣ въ Варшаву своего уполномоченнаго.

Между тѣмъ сдѣлалось извѣстнымъ обнародованное въ газетахъ посланіе Пія IX къ архіепископу Фіалковскому, 6 іюня 1861 г. «Римскій первосвященникъ — говоримъ словами нашего канцлера — выражалъ въ немъ сочувствіе къ желаніямъ польскаго народа, которыя называлъ законными, несмотря на то, что они выражались въ насильственныхъ и разрушительныхъ дѣйствіяхъ». Это посланіе заслуживаетъ особеннаго вниманія и, чтобы по-

нять все его значеніе, необходимо приномнить слѣдующее обстоятельство.

Аллокуція и посланіе къ польскому духовенству Григорія XVI, въ 1832 г., въ которыхъ онъ осуждалъ мятежъ и проповѣдовалъ покорность и повиновеніе законной власти, были чрезвычайно непріятны польской революціонной партіи, отвлекая духовенство отъ дѣятельнаго участія въ ея замыслахъ,—и самому духовенству, питавшему полное сочувствіе къ революціи. Они говорили, что дѣло революціи есть, въ тоже время, и дѣло латинской церкви, поэтому она должна благословлять его и оказывать ему свое содѣйствіе. Освобождая страну отъ русскаго владычества, они освобождаютъ, въ тоже время, и церковь отъ угнетеній, которымъ она будто-бы подвергается. Поэтому папа, въ виду сохраненія мирныхъ отношеній къ Россіи, осуждая возстаніе, жертвуетъ интересами латинской церкви въ Польшѣ Не будемъ рѣшать затруднительнаго вопроса: могъ ли римскій дворъ приписывать важное значеніе подобнымъ упрекамъ польскихъ возмутителей, боялся-ли дѣйствительно утратить свое значеніе въ польскомъ народѣ, или желалъ воспользоваться этимъ обстоятельствомъ, какъ средствомъ исторгнуть у русскаго правительства тѣ уступки, которыхъ не удалось ему получить путемъ переговоровъ? Не будемъ гадать о тайныхъ замыслахъ Рима, но вникнемъ въ самыя явленія. Папа Григорій XVI счелъ нужнымъ торжественно, въ аллокуціи 1842 г. іюля 22, опровергать то мнѣніе, какъ злонамѣренную клевету, пущенную въ ходъ врагами латинской церкви.

Въ обширномъ посланіи къ архіепископу варшавскому, о которомъ идетъ рѣчь, Пій IX развиваетъ туже мысль, защищается отъ этой *безсовѣстной клеветы* и поручаетъ епископамъ и ихъ суффраганамъ въ этомъ смыслѣ поучать свою паству. Съ этою цѣлію онъ разсказываетъ длинный рядъ требованій, которыя римскій дворъ предъявлялъ русскому правительству. Перечисляя эти требованія, онъ особенно упираетъ на тѣ, которыя внесены были въ отдѣльный протоколъ къ конкордату 1847 г. Объ исполненіи этихъ притязаній римскій дворъ особенно поручалъ настаивать, а равно и о назначеніи постояннаго нунція при нашемъ дворѣ, своему посланнику, отправленному имъ для поздравленія нынѣ царствующаго императора съ восшествіемъ на престолъ. Наконецъ, папа жалуется на то, что всѣ старанія, какъ его предшественника, такъ и его самого, остались тщетны.

Такимъ образомъ, изъявляя сочувствіе какъ польскому духовенству, такъ и страданіямъ страны, излагая всѣ требованія, съ которыми обращался къ русскому правительству, отказываясь

отъ открытаго заявленія противъ возмущенія и не упоминая въ этомъ посланіи о враждебныхъ дѣйствіяхъ духовенства противъ законной власти,—очевидно, на какую сторону становился папа, и какую программу для будущихъ требованій онъ указывалъ для польскаго духовенства.

Какъ содержаніе, такъ и самое изложеніе этого посланія, обнародованнаго теперь самимъ римскимъ дворомъ въ сборникѣ документовъ 1866 г. [1]), не представляло никакого сомнѣнія въ томъ, что онъ могъ выдти только изъ папской канцеляріи. «Не было почти никакой возможности сомнѣваться въ его достовѣрности, тѣмъ не менѣе императорскій кабинетъ, говоритъ кн. Горчаковъ, протестовалъ противъ содержанія этого *breve*, въ видѣ изъявленія сомнѣнія, и противъ незаконной передачи его непринятыми путями». Нельзя не обратить особеннаго вниманія на отвѣтъ кардинала Антонелли, когда нашъ посланникъ передалъ ему этотъ протестъ. «Святой отецъ, говорилъ онъ, вынужденъ былъ оправдываться противъ взводимыхъ на него обвиненій въ томъ, что онъ не обнаруживаетъ достаточной ревности къ интересамъ церкви. Притомъ *breve*, строго говоря, не было,—а было писанное по-латыни письмо папы, такое, правда, какъ обыкновенно бываютъ письма папъ, но только писанное не на пергаментѣ изъ секретаріата латинскихъ писемъ, и не изъ канцеляріи breve». Недостойная уловка, но столь обычная для римскаго двора!

Въ запискѣ, обнародованной римскимъ дворомъ въ 1866 г., сказано: «Приближались еще болѣе тяжелые дни для польской церкви. Сильно взволнованный столькими бѣдствіями, польскій народъ выразился въ опасныхъ манифестаціяхъ, которымъ не былъ чуждъ могущественный элементъ религіознаго чувства, глубоко укорененнаго во всемъ народѣ. Получивъ извѣстіе объ этихъ явленіяхъ, которыя все болѣе и болѣе развивались, глава церкви вознесъ теплыя молитвы къ милосердому Богу, чтобы онъ освободилъ этотъ несчастный народъ отъ столькихъ бѣдствій, угрожавшихъ поколебать и самую вѣру. Его святѣйшество извѣстился также, что враги католицизма, пользуясь затрудненіемъ въ непосредственныхъ сношеніяхъ между святымъ престоломъ и религіознымъ народомъ, съ цѣлію отдѣлить его отъ средоточія католичества, пускаютъ въ ходъ ненавистную мысль (odiata insinuazione), что св. престолъ мало заботится объ ихъ духовныхъ нуждахъ и ихъ плачевномъ положеніи, и высокимъ интересамъ церкви предпочитаетъ соображенія низшаго разряда. Чтобы не

[1]) Esposiz. documentata, № LV, стр. 168—74.

быть предметомъ такого неблагочестиваго подозрѣнія, камнемъ преткновенія и поводомъ къ соблазну для лицъ ему преданныхъ, онъ отправилъ 6 іюля 1861 г. письмо къ варшавскому архіепископу, чтобы объяснить съ истинной точки зрѣнія тѣ старанія, которыя, хотя и съ малымъ успѣхомъ, съ самаго начала его первосвященствованія, онъ предпринималъ въ пользу польской церкви и любимой части его стада, и тѣмъ разрушить злоухищренія неблагонамѣренныхъ людей.

«Грустно припоминать, что этотъ поступокъ, внушенный святому отцу самыми благородными чувствами вѣры, былъ враждебно (sinistramente) истолкованъ правительству, какъ будто бы онъ сдѣланъ съ намѣреніемъ поощрять политическія цѣли этого народа. Но святой престолъ, горько оплакивая народныя волненія, не одобряя тѣхъ, кои возмущаются противъ своего государя, прикрываясь защитою церкви, не могъ однако же не исполнить другой своей обязанности, священной и ненарушимой, составляющей его божественное призваніе, защищать права церкви и благовременно наставлять своихъ вѣрныхъ противъ злоумышленій враговъ. Императорское правительство, напротивъ того, во многихъ случаяхъ видѣло ясныя доказательства того интереса, который святой престолъ соединяетъ съ покорностію и повиновеніемъ власти свѣтской во всемъ томъ, что̀ не противно законамъ божественнымъ и церковнымъ» [1]).

Такъ публично оправдываетъ римскій дворъ въ 1866 г. папское посланіе къ варшавскому архіепископу, когда мятежъ былъ усмиренъ, и крестовый по́ходъ Европы, который онъ воздвигалъ противъ Россіи, не состоялся. Отказывая явно выразить, по примѣру папы Григорія XVI, порицаніе мятежу въ самомъ его началѣ и тѣмъ, быть можетъ, удержать духовенство отъ многочисленныхъ преступленій, онъ началъ говорить вновь о повиновеніи свѣтской власти, когда силою оружія она достигла уже этого повиновенія. Но, вмѣстѣ съ тѣмъ, онъ выставляетъ, какъ благодѣтельное послѣдствіе этого папскаго посланія именно просьбу, поданную польскимъ духовенствомъ гр. Ламберту, — вслѣдъ за которой послѣдовало, по распоряженію этого же духовенства, закрытіе церквей въ Варшавѣ и затѣмъ длинный рядъ мятежныхъ дѣйствій. Впрочемъ, римскій дворъ говоритъ о повиновеніи свѣтской власти, пока ея распоряженія не противорѣчатъ божескимъ и церковнымъ законамъ (in cio che non si oppone alle leggi di dio e della chiesa), что̀ на языкѣ латинской церкви означаетъ: папскимъ приказаніямъ и притязаніямъ!

---

[1]) Тамъ-же, стр. 39—41

Когда по смерти архіепископа Фіалковскаго наше правительство представило, какъ кандидата на его мѣсто, Феллинскаго, римскій дворъ, которому, конечно, былъ извѣстенъ образъ мыслей этого прелата, былъ доволенъ его назначеніемъ. «Папа лично выразилъ г. Киселеву, въ аудіенціи 15 дек. 1861 г., свое удовольствіе и прибавилъ, что онъ искренно благодаритъ императора столько же за благосклонныя чувства и расположеніе къ нему лично его величества, сколько и за неизмѣнное его желаніе поддержать дружественныя отношенія, существующія между обоими правительствами (прилож. къ нотѣ 7 янв.)». Свидѣтельствуя о желаніи нашего двора поддерживать добрыя отношенія къ Риму, Пій IX въ тоже время, въ посланіи къ новому архіепископу варшавскому, 20 февр. 1862 г., писалъ, что предвидитъ всю для него тягость управлять его паствою при тогдашнихъ обстоятельствахъ и въ виду «многихъ законовъ, изданныхъ свѣтскою властію, и противныхъ церковнымъ правиламъ». Съ этою цѣлію онъ поручаетъ ему постоянно «имѣть передъ глазами» его посланіе отъ 6 іюня 1861 г., писанное къ Фіалковскому, и противъ котораго протестовало наше правительство. Соболѣзнуя о бѣдствіяхъ польскаго народа, онъ поручалъ новому архіепископу ходатайствовать предъ императоромъ о помилованіи и освобожденіи мятежниковъ, отданныхъ въ руки правосудія, и наконецъ требовалъ, чтобы онъ самъ лично явился въ Римъ [1]). «Въ то самое время, когда императорскій кабинетъ, сказано въ запискѣ канцлера 7 янв., обнаруживалъ самое искреннее желаніе привести къ желанному окончанію начатые Римомъ переговоры о назначеніи нунція, Пій IX, въ противность законамъ имперіи, *тайно* отправилъ посланіе къ варшавскому архіепископу, въ которомъ его святѣйшество, становясь, такъ сказать, на мѣсто государя страны, приглашалъ монсиньора Феллинскаго покинуть свою епархію и отправиться въ Римъ въ такое время, когда его присутствіе на своемъ мѣстѣ едва могло заставить подчи-

---

[1]) Esposiz docum. № LXII стр. 189 Jam vero nostris in votis est, venerabilis frater ut nunquam intermittas ab ipso serenis. ac potent. Imperatore enixe exposcere, ut suam omnem clementiam et humanitatem adhibere velit erga illos tum ecclesiasticos, tum laicos viros, qui post ultimas in Poloniae regno significationes vel in vincula coniecti vel damnati fuerunt Cum autem nobis vel maxime cordi sit, ut ecclesiasticus vir (Бѣлябржскій), qui in ista dioecesi vicarii capitularis munere fungebatur, quique omni commendatione dignus, a quavis angustia et modestia liberetur, iccirco quantum consilio te opera enitı et efficere potes, nihil praetermitte, ut idem pristinam suam recuperare queat libertatem. Scias autem velimus, nobis gratissimum fore, si te in hac alma urbe nostra praesentem intueri, et amplecti poterimus, cum plures solemni Pentacostes die hoc anno sanctorum caelitum ordinibus, Deo bene iuvante, adscribere laetabimur.

ненное ему духовенство исполнять возложенныя на него обязанности, которыми оно, съ каждымъ днемъ, пренебрегало все болѣе». Феллинскій очень хорошо понялъ указанія Рима и сталъ рѣшительно дѣйствовать противъ правительства.

Въ Варшавѣ обыкновенно въ день св. Марка совершалась церковная процессія. Подобныя процессіи въ это время служили только революціонными демонстраціями и давали поводъ къ многочисленнымъ безпорядкамъ, грозившимъ кровавыми столкновеніями. Правительство было предувѣдомлено, что, по этому случаю, приготовляется въ большихъ размѣрахъ именно такая демонстрація, и обратилось къ архіепископу Феллинскому съ предложеніемъ, чтобы эта церемонія была совершена въ церквахъ, а не на улицахъ. Кажется, ни каноническое право, ни свобода латинской церкви и ея догматы нисколько не были оскорблены подобнымъ предложеніемъ; между тѣмъ архіепископъ счелъ нужнымъ возбудить при этомъ случаѣ вопросъ о вмѣшательствѣ свѣтской власти въ духовныя дѣла и, наперекоръ предложенію правительства, устроилъ процессію съ особенною торжественностію. Но этого мало; на запросъ правительства объ этомъ происшествіи, онъ отвѣчалъ, что духовенство дѣйствовало по его приказанію, и что въ будущій разъ онъ самъ отправится во главѣ процессіи, не обращая вниманія ни на какое запрещеніе правительства, за которымъ онъ не признаетъ никакого права воспрещать свободное отправленіе обрядовъ вѣры, что, въ случаѣ же нужды, онъ предпишетъ закрыть церкви, и что, наконецъ, онъ «предпочитаетъ лучше видѣть на землѣ десять тысячъ труповъ (!), нежели отказаться отъ самаго незначительнаго права, присвоеннаго ему каноническими постановленіями».

Эти слова, сказанныя по поводу простой церковной процессіи, не имѣющей никакого значенія въ виду высшихъ цѣлей христіанства, постановленій и догматовъ самой латинской церкви, конечно, заставятъ содрогнуться всякого искренняго христіанина, какъ дикая выходка революціоннаго террора; но Феллинскій былъ папскій прелатъ, слѣдовалъ внушеніямъ римскаго двора и не ошибался въ своемъ разсчетѣ.

Эти слова не поразили и римскій дворъ, когда нашъ посланникъ сообщилъ ихъ и вообще дѣйствія польскаго духовенства кардиналу, папскому статсъ-секретарю. Наше правительство, какъ представитель христіанскаго народа, сообщая о нихъ римскому первосвященнику, полагало, что вызоветъ его наконецъ на вмѣшательство въ дѣло во имя вѣры; но его представленія остались безъ всякихъ послѣдствій. Римъ только возражалъ противъ распоряженій и узаконеній нашего правительства,

какъ, напримѣръ, противъ положенія 27 дек. 1861 г. о правительственной коммиссіи просвѣщенія и духовныхъ дѣлъ въ царствѣ [1]), или предъявлялъ требованія, возвышая ихъ постоянно по мѣрѣ уступокъ съ нашей стороны. Въ письмѣ къ императору, отъ 22 апр. 1863 г., папа говорилъ: «Ваше величество не должны удивляться, что въ виду столькихъ несчастій, которымъ подвергнуто въ настоящее время польское королевство, возбудившихъ живѣйшее участіе во всѣхъ государствахъ и народахъ къ будущей его судьбѣ, мы, подвигнутые этими постоянно повторяющимися бѣдствіями, обращаемся къ вамъ, съ цѣлію обратить ваше благосклонное вниманіе на главныя причины теперешнихъ возмущеній и средства, которыя представляются намъ самыми дѣйствительными для достиженія скораго успокоенія духа, сильно возбужденнаго упорною и жестокою борьбою». Подробно изложивъ всѣ мѣры русскаго правительства, о которыхъ мы уже говорили, и представя ихъ въ видѣ гоненій латинской церкви, и, какъ свои, такъ и предшественниковъ своихъ притязанія, Пій IX такъ заключаетъ свое письмо: «Мы далеки отъ того, чтобы одобрять дѣйствія тѣхъ духовныхъ лицъ, которыя принимаютъ участіе въ политическихъ возмущеніяхъ и даже съ оружіемъ въ рукахъ дѣйствуютъ противъ правительства. Мы, напротивъ, оплакиваемъ и порицаемъ подобныя явленія; но, вмѣстѣ съ тѣмъ, желаемъ указать вашему величеству ихъ причины и источникъ, изъ котораго они проистекаютъ. Если бы наша апостольская власть воспріяла благодѣтельное вліяніе на нашихъ католическихъ *подданныхъ* (subditi), если епископамъ возвращено будетъ свободное отправленіе ихъ власти, въ предѣлахъ каноническихъ правилъ, если духовенство получитъ вліяніе на обученіе и направленіе народа, если монашескіе ордена будутъ находиться въ полномъ повиновеніи своимъ генераламъ, если бы частныя лица могли свободно исповѣдывать католическую вѣру, тогда ваше величество убѣдились бы, что источникъ постоянныхъ политическихъ возмущеній Польши заключается въ религіозныхъ преслѣдованіяхъ, въ стѣсненіи совѣсти, паденіи клира, униженіи пастырей и въ распространеніи безрелигіозныхъ началъ и ученій» [2]).

Такимъ образомъ, папа, какъ частное лице и христіанинъ, *плачетъ*, видя такое глубокое паденіе духовенства, тайно осуждаетъ его дѣйствія; но, какъ глава латинской церкви, явно ему покровительствуетъ и считаетъ позволительнымъ всю вину польскихъ возмущеній возложить на русское правительство за то,

---

[1]) Тамъ же, №№ LXIV, LXV и LXVI, стр. 194 — 211.

[2]) Тамъ же, № LXXI, стр. 218 — 222.

что оно не уступало притязаніямъ Рима на полновластіе въ своей имперіи, — притязаніямъ, противъ которыхъ боролись и борются европейскія государства, и не позволило милліонамъ своихъ подданныхъ сдѣлаться исключительно подданными папы!

Въ отвѣтъ на это письмо папы, императоръ, въ письмѣ отъ 11 мая 1863 г., отвергая ложный взглядъ римскаго двора, указалъ на одну изъ существенныхъ причинъ, поддерживающихъ возстаніе. «Ваше святѣйшество считаете исключительною причиною безпорядковъ, происходящихъ, къ сожалѣнію, въ настоящее время въ странѣ, то обстоятельство, что нѣкоторыя требованія римско-католической церкви въ царствѣ польскомъ остались неудовлетворенными. Однако не много найдется въ Европѣ государствъ, которыя бы испытали столько жестокихъ революцій, какъ тѣ государства, гдѣ римско-католическая церковь господствовала безгранично. Изъ этого слѣдуетъ вывесть то заключеніе, что причины зла совсѣмъ иныя. Я указалъ отчасти на эти причины, обративъ вниманіе вашего святѣйшества на предосудительное поведеніе и даже на преступныя дѣйствія большинства членовъ римско-католическаго духовенства въ царствѣ польскомъ. Я сдѣлалъ это не для того, чтобы выразить укоры и неудовольствія, но въ томъ твердомъ убѣжденіи, что достаточно было бы поставить вашему святѣйшеству на видъ столь предосудительные поступки, чтобы вы, слѣдуя внушеніямъ своей совѣсти, осудили ихъ съ негодованіемъ и воспользовались нравственнымъ своимъ авторитетомъ, на обращеніе на путь истины тѣхъ членовъ духовенства, которые съ этого пути совратились. Этотъ-то союзъ между служителями алтаря и виновниками безпорядковъ, грозящихъ обществу, составляетъ самое возмущающее душу явленіе нашего времени. Ваше святѣйшество, конечно, должны желать не менѣе моего, чтобы подобному порядку вещей положенъ былъ предѣлъ».

Но римскій дворъ самъ поддерживалъ этотъ союзъ. Григорій XVI, въ запискѣ, врученной имъ императору Николаю Павловичу, указывалъ, что папское правительство, въ 1830 г., не приняло уполномоченнаго отъ революціоннаго польскаго правительства и принудило его выѣхать изъ Рима. Правительство Пія IX находилось, напротивъ, въ постоянныхъ сношеніяхъ съ мятежною шайкою, именовавшею себя національнымъ правительствомъ. Съ 1863 г., въ Римѣ находился ея уполномоченный и состоялъ въ правильныхъ сношеніяхъ — «съ его преосвященствомъ кардиналомъ статсъ-секретаремъ, и съ его преосвященствомъ монсиньоромъ секретаремъ конгрегаціи духовныхъ дѣлъ».

Революціонное правительство, отправляя своего повѣреннаго

въ дѣлахъ, дало ему, 10 ноября 1863 г., слѣдующую инструкцію, которую онъ обязывался исполнить подъ личною отвѣтственностію:

«1) Пока представитель національнаго правительства не будетъ признанъ оффиціально, не заботиться о гласности, публичности и внѣшнемъ блескѣ своего посольства, но оффиціозно стараться объ исполненіи дѣйствительнаго своего назначенія.

«2) Повѣренный обязанъ дѣйствовать согласно съ началами, провозглашенными національнымъ правительствомъ въ манифестахъ 22 января и 31 іюля, и настоящею инструкціею, а, главнымъ образомъ, всѣми способами защищать дѣйствія національнаго правительства предъ св. отцомъ, его правительствомъ и духовными сановниками, посредствомъ личныхъ сообщеній и печати, въ оффиціальныхъ и частныхъ изданіяхъ. Онъ долженъ быть посредникомъ между св. престоломъ и польскимъ духовенствомъ, согласно съ видами національнаго правительства, сообщать о его положеніи и нуждахъ и испрашивать разрѣшеній.

«3) Объяснить св. престолу, что національное правительство, представляя католическую націю, въ своей политикѣ дѣйствуетъ согласно съ вѣчными началами общественнаго порядка, но въ духѣ покорности св. апостольскому престолу въ дѣлахъ духовныхъ. Искренно и горячо желая распространять и защищать святую католическую вѣру, особенно противъ московской схизмы и насилій, которыми оно угнетаетъ уніатовъ,—но въ распространеніи и защитѣ вѣры, правительство употребитъ мѣры убѣжденія и любви.

«4) Прежде всего повѣренный долженъ представить св. отцу письмо національнаго правительства и благодарить его за назначеніе публичныхъ молебствій за Польшу, что подкрѣпило и пробудило новую бодрость въ воюющихъ. Затѣмъ выразить надежду, что святой престолъ не откажетъ имъ въ защитѣ противъ варварской и лицемѣрной Московіи и возбудитъ католическія державы, и особенно Францію и Австрію, заступиться за дѣло Польши. Особенно, чтобы онъ оказалъ свое вліяніе на Австрію, чтобы духовенство Галиціи пристало къ народному дѣлу.

«5) Извѣстно, что Московія ненавидитъ св. престолъ, не уважаетъ его духовной власти, но уваженіемъ къ ней только прикрываетъ свои намѣренія. Поэтому, необходимо ярко представить состояніе католической церкви въ Польшѣ, и что Московія ее преслѣдуетъ, желая уничтожить унію какъ въ Литвѣ, такъ и Рутеніи. На этотъ аргументъ повѣренный обязанъ обратить особенное вниманіе. Въ Римѣ существуетъ мнѣніе, съ которымъ особенно слѣдуетъ бороться, будто посредствомъ добы-

тыхъ отъ Московіи уступокъ, можно постепенно обратить ее въ католическую вѣру, или поставить, по крайней мѣрѣ, въ сносныя для этой церкви отношенія. Такого рода воззрѣнія сообщаютъ римскому двору, или сами же московскіе агенты, или люди близорукіе, желающіе только мира во что-бы то ни стало; они могутъ только повредить дѣлу католицизма, потому что *вся политическая сила Россіи основана только на ея схизмѣ*. Надо убѣдить, что отправленіе нунція въ настоящее время въ Петербургъ не принесетъ пользы церкви, а напротивъ, дастъ средство Россіи отстранить бдительность св. престола, потому что московское правительство весь запасъ своихъ обмановъ обратитъ на одно лице нунція, и, лишивъ его возможности узнать настоящее положеніе католической церкви въ ея владѣніяхъ, еще болѣе начнетъ ее преслѣдовать. Надо замѣтить св. престолу, что болѣе всѣхъ народовъ поляки оставались ему вѣрными и своему призванію на востокѣ, въ отношеніи къ которому поддержаніе и распространеніе уніи составляетъ главнѣйшую цѣль.

«6) Позаботиться о скорѣйшей канонизаціи блаженнаго Іосафата (Кунцевича) въ виду того вліянія, которое это можетъ имѣть на народъ въ Литвѣ и Рутеніи.

«7) Въ этомъ смыслѣ должна быть представлена св. престолу записка, въ которой должно указать и практическіе пріемы для дѣйствій св. отца въ защиту вѣры и нашей народности, а равно и въ сношеніяхъ по этому случаю съ Франціей и Австріей».

Мы привели почти слово въ слово этотъ любопытный документъ, съ которымъ вполнѣ согласовалась политика римскаго двора въ отношеніи къ Россіи въ послѣдніе годы [1]).

Своему повѣренному подпольное правительство поручало строго наблюдать за поляками въ Римѣ, а самого его подчинило наблюденію его же секретаря. Революціонное правительство, еще въ іюлѣ 1863 г., вошло въ сношенія съ Римомъ и отъ 26 этого мѣсяца извѣщало папу, что «польскій народъ прибѣгъ къ оружію, какъ единственному средству противъ угнетеній и вѣкового рабства врага варварскаго и коварнаго». «Наши отцы—сказано въ этомъ письмѣ—въ продолженіи вѣковъ были щитомъ для Европы противъ азіатскихъ ордъ, и викаріи І. Христа, ваши предшественники, св. отецъ, своимъ благословеніемъ подкрѣпляли ихъ силу и преданность вѣрѣ. Мы, дѣти этихъ христіанскихъ воиновъ, вступивъ въ бой съ этими же ордами, лицемѣрно прикрывающимися просвѣщеніемъ, за вѣру и свободу,

[1]) Insurrezione Polacca nel 1863 e 1864 an. Docum. № III, стр. 13—18.

умоляемъ, преклоняя колѣна: благословите св. отецъ — польскій народъ» [1]).

Когда, послушный этому голосу, римскій престолъ предписалъ торжественныя молебствія за Польшу, и революціонное правительство узнало, что вѣнскій нунцій, монсиньоръ Фалчинелли, весьма къ нему расположенъ, оно назначило въ Римъ своего повѣреннаго и вручило ему письмо для представленія папѣ [2]), въ которомъ выражало благодарность, отъ имени всего народа, за эти молебствія, и просило подвигнуть на ихъ защиту всѣ католическія державы. Постоянно сносясь съ римскимъ дворомъ, оно желало ускорить канонизацію Іосафата Купцевича, хвалило самыхъ ярыхъ фанатиковъ изъ польскаго духовенства и называло царскими проконсулами тѣхъ, которые еще не совсѣмъ забывали свои христіанскія обязанности. Конечно, съ паденіемъ самого подпольнаго правительства окончилось и это посольство; но еще прежде секретарь успѣлъ перессориться съ уполномоченнымъ, и національное правительство хотѣло его смѣстить и замѣнить этимъ секретаремъ, но уполномоченный не послушался [3]). Такимъ образомъ, общій характеръ польской справы выразился и въ этомъ случаѣ!

Въ такихъ отношеніяхъ находился Римъ къ тайному правительству польскихъ мятежниковъ; но, конечно, онъ скрывалъ такія свои дѣйствія, не хотѣлъ окончательно прерывать сношеній съ Россіею, не будучи еще увѣренъ въ достиженіи своихъ сокрытыхъ цѣлей, пока Европа не окажетъ дѣятельной помощи польскому мятежу. Съ этою цѣлію папа возбудилъ переговоры о назначеніи своего нунція въ Россію.

---

[1]) Тамъ же· Doc. № I, стр. 9 — 10; № IV, стр. 19.

[2]) Тамъ же: Doc. № II, стр. 11 — 12.

[3]) Тамъ же: Doc. №№ V, VI и VII, стр. 21—31, и введен. стр. 7 и 8.

XI.

Переговоры римскаго двора съ нашимъ правительствомъ о назначеніи постояннаго нунція въ Россію. — Значеніе папской нунціатуры.

Желаніе Рима, имѣть постояннаго папскаго нунція при нашемъ дворѣ, не ново. Со временъ императрицы Екатерины II, послѣ перваго раздѣла Польши, папы постоянно стремились къ этой цѣли. Уже въ 1796 г., Пій VI предназначалъ на это мѣсто графа Литту, бывшаго легата въ Польшѣ; но императрица отклонила назначеніе. При переговорахъ съ Римомъ по этому случаю, она требовала, чтобы напередъ было означено, съ какимъ порученіемъ будетъ присланъ папскій нунцій. Опредѣляя такимъ образомъ его будущую дѣятельность отдѣльными вопросами, она тѣмъ самымъ устраняла самую мысль о постоянномъ его пребываніи при нашемъ дворѣ. Но подобныя условія не предшествовали пріѣзду кардинала гр. Литты при императорѣ Павлѣ.

По случаю новаго разграниченія латинскихъ епархій въ имперіи, въ 1798 г. онъ прибылъ въ Петербургъ, какъ будто бы только съ цѣлію утвердить папскою властію принятыя русскимъ правительствомъ мѣры. Но, окончивъ это порученіе, онъ продолжалъ свое пребываніе при нашемъ дворѣ, независимо распоряжался управленіемъ латинской церковью въ имперіи, часто вопреки видамъ и распоряженіямъ правительства, и вмѣшивался въ дѣла, не относившіяся къ прямымъ его обязанностямъ. Такія дѣйствія нунція послужили поводомъ къ тому, что императоръ Павелъ приказалъ ему въ 24 часа выѣхать изъ Петербурга и уничтожилъ нунціатуру [1]). Но эта неудача не заставила

[1]) Въ именномъ указѣ 1799 г. апрѣля 29, генералъ-губернатору генералу-отъ-инфантеріи Беклешеву сказано: «Нашедъ ненужнымъ всегдашнее пребываніе папскаго

папу отказаться отъ своихъ намѣреній. Въ 1801 г., когда, по дѣламъ мальтійскаго ордена, былъ посланъ въ Римъ сенаторъ Лизакевичъ, Пій VII возобновилъ свои требованія о назначеніи постояннаго нунція, прибавивъ: «Мои желанія простираются далѣе, я хотѣлъ бы достигнуть соединенія церквей и съ этою цѣлію даже самъ готовъ отправиться въ Петербургъ. Такое дѣло обезсмертило бы имя императора Павла».

Царствованіе императора Александра I весьма важно въ отношеніи къ этому вопросу. Въ началѣ 1802 г., онъ, по собственному благоусмотрѣнію, учредилъ постоянное наше посольство въ Римѣ и въ тоже время призналъ постояннымъ у насъ уполномоченнымъ отъ римскаго двора аббата Бенвенути, который давно уже находился въ Россіи. Такимъ образомъ, желанія Рима осуществлялись сами собою. «Еслибъ римскій дворъ руководился единственно желаніемъ блага религіи, справедливо замѣчаетъ гр. Д. А. Толстой,—то, безъ сомнѣнія, онъ удовлетворился бы установленіемъ этихъ постоянныхъ отношеній, совершенно достаточныхъ для правильнаго теченія всѣхъ дѣлъ, въ которыхъ потребовалось бы участіе римскаго престола; но, возбуждаемый желаніемъ властвовать надъ духовенствомъ, онъ настаивалъ на учрежденіи нунціатуры въ Петербургѣ. Не произнося однако же названія нунціатуры, папа изъявлялъ желаніе отправить посланника для поздравленія императора съ восшествіемъ на престолъ. Новое министерство, образованное молодымъ государемъ изъ людей тоже молодыхъ, умныхъ и съ добрыми намѣреніями, но неопытныхъ, не сдѣлало никакихъ препятствій для принятія этого посольства. Только въ послѣдствіи, когда папа уже назначилъ монсиньора Ареццо посланникомъ въ Россію,—собравъ свѣдѣнія о дѣятельности прежнихъ у насъ нунціевъ, оно измѣнило свой взглядъ на дѣло» [1]). Съ тѣхъ поръ оно начало уже употреблять всевозможныя средства, чтобы отклонить это посольство, предлагая различныя условія папскому правительству; но папа соглашался на все. Согласился даже на то, что монс. Ареццо будетъ принятъ не какъ нунцій, но какъ посланникъ, наравнѣ съ посланниками всѣхъ другихъ государствъ, что съ этою цѣлію въ вѣрющихъ письмахъ будетъ прямо опредѣлено какъ его значеніе, такъ и цѣль самаго по-

---

посла при дворѣ нашемъ, а еще менѣе *правленіе его католическою церковью въ имперіи нашей*, разсудили мы за благо, окончивъ нунціатуру архіепископа Өивскаго, повелѣть ему оставить и владѣнія наши, начальство же надъ духовенствомъ католическимъ препоручить митрополиту Сестренцевичу, о коемъ во всѣ епархіи и будетъ послано о семъ извѣщеніе». Полн. Собр. Зак. т. XXV, № 18.949.

[1]) Гр. Д. А. Толстой, Le cathol. Romain en Russie; vol. II, pag. 386 и слѣд.

сольства, которое не должно быть постояннымъ, но можетъ продолжаться не болѣе трехъ-четырехъ мѣсяцевъ [1]).

Въ 1803 г., монсиньоръ Ареццо прибылъ въ Петербургъ, а въ тоже время графъ Бутурлинъ былъ назначенъ нашимъ посланникомъ въ Римъ. Но онъ не успѣлъ еще выѣхать изъ Россіи, какъ неожиданное происшествіе прервало наши сношенія съ Римомъ. Папское правительство выдало Наполеону I одного французскаго эмигранта, принявшаго наше подданство и находившагося на службѣ при нашемъ посольствѣ въ Римѣ. Кардиналу Конзальви князь Чарторыскій, по порученію императора, писалъ, что такой поступокъ русское правительство считаетъ или явнымъ недоброжелательствомъ, или признакомъ того, что папское правительство потеряло уже всякую самостоятельность. Поэтому, монсиньору Ареццо велѣно было удалиться изъ Петербурга, а нашему посольству въ Римѣ, возвратиться въ Россію [2]).

Сношенія возобновились только послѣ 1815 года. «Если ваше величество за насъ, то кого-же мы можемъ бояться», —писалъ папа императору Александру I въ это время, и дѣйствительно никому болѣе его онъ не былъ обязанъ, что удержалъ за собой прежнее значеніе и области, составлявшія папское государство. Но это нисколько не измѣнило отношеній римскаго престола къ Россіи, нисколько не смягчило его притязаній. Римъ остался тѣмъ-же, чѣмъ былъ прежде, не смотря на всѣ бѣды, испытанныя имъ съ начала французской революціи и до возстановленія папскаго государства, послѣ паденія Наполеона I. Кардиналъ Конзальви, статсъ-секретарь Пія VII, въ посмертныхъ запискахъ, упомянувъ о своихъ тщетныхъ усиліяхъ преобразовать римское устройство и управленіе, говоритъ: «Если прови-

---

[1]) Il fut très-difficile de faire gouter notre proposition (чтобы монс. Ареццо остался постояннымъ нунціемъ въ Россіи), говоритъ К. Конзальви, et nous fûmes obligés de convenir avec la cour de Russie que le nouveau Nonce serait extraordinaire et non pas ordinaire, ainsi que le S. Siége le désirait pour mieux servir les intérêts de la religion dans ce vaste empire. Le nonce M-r Arezzo, archevêque de Seleucie, se rendit à S. Pétersbourg. Ses manières et sa conduite y obtinrent tant de succès, que notre nonce extraordinaire ne donna pas lieu de craindre que cette mission serait de courte durée On traita plusieurs affaires ecclésiastiques relatives aux diocèses et aux évêques, ainsi qu'à certaines lois auxquelles Rome désirait qu'on apportât des modifications Malgré les efforts des ennemis de la chaire de S Pierre, et spécialement malgré ceux de l'archevêque de Mohilew, ne voyant pas de bon oeil un nonce dans une capitale ou, sans cela, il aurait tenu le premier rang, les choses prirent un bon pli. On obtint les concessions; on espérait même d'autres avec certitude Une cordiale entente faisait chaque jour de nouveaux progrès, lorsque la déplorable aventure de Varnegues brisa complètement tous les liens, qu'on avait si péniblement noués avec la cour de Russie....

[2]) Mémoires du Card. Consalvi; vol. II, стр. 317—338; изд. Crétineau-Joly. 1864 г.

дѣніе даруетъ намъ *второе возстановленіе*, то надо желать, чтобы новая власть, найдя все *измѣненнымъ* и *разрушеннымъ*, воспользовалась бы своимъ положеніемъ лучше, нежели послѣ *перваго* возстановленія (restauration). Поддерживая основанія и уставы святого престола, необходимо силою преодолѣть препятствія, затрудняющія устраненіе порчи въ старыхъ учрежденіяхъ, и злоупотребленія. Ихъ слѣдуетъ преобразовать, припявъ въ соображеніе опыты, различіе временъ, характеровъ, воззрѣній и обычаевъ [1])».

Но для того, чтобы могло преобразоваться римское правительство или, лучше сказать, латинская церковь, даже по словамъ такого ея защитника, какъ кардиналъ Конзальви, необходимо первоначально все *измѣнить* и *разрушить*. Хотя желаніе кардинала исполнилось въ наше время, *провидѣніе* послало *второе возстановленіе* власти римскаго престола; но правительство Пія IX воспользовалось имъ такъ-же, какъ и при его предшественникѣ Піѣ VII, и — Римъ остался тѣмъ-же, чѣмъ и былъ. Императора Александра I всего болѣе поразило то, что папа не только отказался присоединиться къ священному Союзу, имъ созданному, которымъ онъ такъ дорожилъ, и на который столько возлагалъ надеждъ; но даже протестовалъ противъ него. Съ тѣхъ поръ все болѣе и болѣе становились сдержаннѣе и осторожнѣе наши отношенія къ Риму, и мысль о нунціѣ постоянно была отклоняема.

Таже политика въ отношеніи къ этому вопросу продолжалась и во все послѣдующее царствованіе, не смотря на то, что Римъ постоянно возбуждалъ его. Въ 1832 г., въ нотѣ іюня 12, кардиналъ Бернетти, описывая плачевное состояніе латинской церкви въ имперіи, въ числѣ причинъ, указывалъ на то, что при русскомъ дворѣ нѣтъ постояннаго папскаго нунція. Утверждая, что свобода сношеній римскихъ католиковъ и духовенства съ папою составляетъ одно изъ существенныхъ правилъ латинской церкви, онъ говоритъ, что не слѣдуетъ въ этомъ случаѣ приводить въ примѣръ ограниченій этихъ сношеній, существующихъ въ другихъ государствахъ, потому что, все-таки, тамъ представляется болѣе свободы этимъ сношеніямъ, нежели въ Россіи, и притомъ—«при ихъ правительствахъ святой престолъ содержитъ своихъ постоянныхъ представителей». «Извѣстно, говоритъ онъ далѣе, какую пользу приносили отправляемые въ разныя времена святымъ престоломъ къ петербургскому двору нунціи и чрезвычайные посланники въ лицѣ прелатовъ и кардиналовъ,

[1]) Consalvi, Mémoires sur mon ministère; t. II, стр. 229—30.

какъ Аркетти, Литта, Ареццо, Бернетти; извѣстно, что чрезъ это были приняты и приведены ими въ исполненіе, не смотря на важныя пожертвованія со стороны католической церкви, проекты о новомъ распредѣленіи и границахъ епархій какъ въ Россіи, такъ и въ Польшѣ; они согласились на закрытіе и соединеніе нѣкоторыхъ церквей и бенефицій, утвердили отчужденіе не малаго количества церковныхъ имуществъ и снабдили епископовъ чрезвычайною апостольскою властію, сообразно требованіямъ обстоятельствъ и случаевъ. Однакоже св. престолъ принужденъ былъ соболѣзновать, что дѣла католической церкви шли и идутъ все хуже и хуже. Святой отецъ не переставалъ заявлять свои жалобы передъ августѣйшимъ императорскимъ престоломъ, но безъ всякихъ послѣдствій, благопріятныхъ и постоянныхъ. Поэтому и теперь онъ снова возвращается какъ къ предметамъ изложеннымъ въ этой нотѣ, такъ и къ нѣкоторымъ другимъ, о которыхъ имѣетъ многія и достойныя вѣроятія свѣдѣнія, но о которыхъ умалчиваетъ потому, что, при отсутствіи прямыхъ сношеній, не можетъ ихъ вполнѣ удостовѣрить. Чтобы достигнуть цѣли и опредѣлить дѣйствительныя и постоянныя мѣры по вопросамъ, о которыхъ идетъ рѣчь, онъ проситъ, чтобы былъ принятъ при петербургскомъ дворѣ уполномоченный посланникъ со стороны святого престола, посредствомъ котораго доходили бы до Рима точныя свѣдѣнія о состояніи католической церкви какъ въ имперіи, такъ и въ царствѣ польскомъ». Въ сношеніяхъ по дѣлу епископа Гутковскаго, дѣйствуя враждебно въ отношеніи къ нашему правительству, папа говорилъ, что онъ не можетъ имѣть точныхъ свѣдѣній о положеніи латинской церкви въ Россіи и Польшѣ, особенно потому, что нѣтъ при петербургскомъ дворѣ постояннаго папскаго нунція [1]). Въ 1845 г., во время пребыванія покойнаго императора въ Римѣ, папа, въ поданной ему запискѣ, выразилъ туже мысль; но она была отклонена какъ при переговорахъ о конкордатѣ, такъ и при дальнѣйшихъ переговорахъ съ римскимъ дворомъ. Съ 1815 г. сдѣлалось уже постояннымъ преданіемъ, неизмѣннымъ правиломъ, не отвѣчать на предложенія римскаго двора объ учрежденіи нунціатуры въ Петербургѣ.

Возобновилъ это требованіе и монсиньоръ Киджи, во время пребыванія его въ Россіи, и папа Пій IX въ письмѣ къ нынѣ царствующему императору, 31 янв. 1859 г. Онъ указывалъ на туже причину, которою, между прочимъ, оправдывалъ это требованіе и его предшественникъ, что онъ не можетъ утверждать

---

[1]) Галль-Морель, № VI, стр. 16 и 17; № LXVIII, стр. 138.

представленныхъ на епископскія каѳедры кандидатовъ правительствомъ, не имѣя свѣдѣній о ихъ личныхъ свойствахъ. «Это главная причина, писалъ папа, почему я возобновляю наши настоянія, чтобы, какъ при насъ находится вашъ представитель, такъ равно и мы къ августѣйшему лицу вашего величества могли бы отправить своего уполномоченнаго, который бы и увѣдомлялъ насъ о качествахъ представляемыхъ кандидатовъ на епископскія каѳедры». Мы видѣли уже, что римскій дворъ очень хорошо зналъ о свойствахъ представляемыхъ ему кандидатовъ, тайно сносясь съ латинскими епископами. Это была придирка, которой въ это время римскій дворъ надѣялся прикрыть совсѣмъ иныя цѣли. Въ отвѣтѣ на это письмо, не отклоняя рѣшительно предложенія папы, императоръ увѣдомлялъ, что поручилъ своему посланнику въ Римѣ объясниться съ кардиналомъ Антонелли — «съ тѣми чувствами чистосердечія и взаимнаго благорасположенія, какія положены въ основу сношеній между обоими государствами». Но чистосердечіе не свойственно политикѣ римскаго двора. Не признаваясь въ поощреніи мятежа и уклоняясь въ этомъ случаѣ отъ настояній нашего правительства, которое желало, чтобы папское правительство выразило наконецъ открыто свой взглядъ на дѣйствія польскаго духовенства, кардиналъ Антонелли, по прежнему, объяснялъ дѣйствія Рима тѣмъ, — «что папа не находится въ свободныхъ, непосредственныхъ сношеніяхъ съ польскимъ духовенствомъ, и, не имѣя своего представителя въ С.-Петербургѣ, правительство папы не имѣетъ такимъ образомъ оффиціальнаго органа и прямого средства для того, чтобы дѣйствовать на духовенство, съ которымъ оно не находится въ свободныхъ непосредственныхъ отношеніяхъ [1])».

Безъ сомнѣнія, наше правительство понимало все значеніе словъ кардинала. Тайныя цѣли римскаго двора, соединенныя съ назначеніемъ нунція въ Россію, давно были извѣстны. Не трудно было подозрѣвать и то, что настоянія Рима въ отношеніи къ этому вопросу въ *это время* прикрывали только другіе тайные замыслы. Римъ не предполагалъ, чтобы русское правительство могло уступить ему въ этомъ вопросѣ и, настаивая на немъ, надѣялся только поддержать на нѣкоторое время переговоры. Неожиданная для него уступка повела бы къ обличенію его тайныхъ замысловъ. Вѣроятно съ этою цѣлію — императорскій кабинетъ рѣшился сдѣлать важную уступку римскому двору, изъявивъ согласіе допустить въ Россію римскаго прелата. По этому поводу вице-канцлеръ, по приказанію его величества, со-

[1]) Донес. г. Киселева, 29 окт. 1861 г.

общилъ слѣдующую депешу г. Киселеву: «Передавъ вамъ слова римскаго первосвященника, кардиналъ государственный секретарь упомянулъ о дошедшихъ до папы жалобахъ польскаго духовенства на затрудненія, встрѣчаемыя имъ при исполненіи его религіозныхъ обязанностей и объ отсутствіи прямыхъ, непосредственныхъ сношеній между святымъ престоломъ и польскимъ духовенствомъ, лишающимъ римское правительство возможности получать увѣдомленія и дѣйствовать на латинское духовенство въ царствѣ польскомъ. Его высокопреосвященство передалъ вамъ въ заключеніе желаніе папы получить возможность отправить въ Варшаву какого-нибудь римскаго прелата, который бы могъ сдѣлать, отъ имени римскаго первосвященника, увѣщанія польскому духовенству и преподать ему нужные совѣты. Если въ Россіи, какъ и во многихъ даже католическихъ странахъ Европы, отношенія духовенства къ свѣтской власти были обусловлены извѣстными формальностями, то это дѣлалось въ силу политическаго начала, усвоеннаго всей Европой, и конкордата, свободно заключеннаго съ святымъ престоломъ. Отступить отъ этого правила было бы совершенно напрасно, потому что оно нисколько не затрудняетъ сношеній католическаго духовенства съ святымъ престоломъ, а установляетъ только форму ихъ». «Признавая начала самой широкой вѣротерпимости», сказано далѣе въ этой нотѣ, «вы можете увѣрить его высокопреосвященство кардинала государственнаго секретаря, что императоръ неизмѣнно готовъ удовлетворять духовнымъ потребностямъ своихъ римско-католическихъ подданныхъ. Въ вящшее доказательство этой готовности императоръ соизволилъ принять въ серьезное соображеніе—изъявленное святымъ отцомъ желаніе, послать въ Россію прелата для увѣщанія польскаго духовенства и поданія ему нужныхъ совѣтовъ. Императоръ соизволилъ изъявить на это свое согласіе, въ доказательство своего желанія сдѣлать угодное его святѣйшеству. Его императорское величество не скрываетъ своихъ дѣяній, отражая лишь клевету, усиливающуюся подорвать довѣріе. Посолъ святого отца въ состояніи будетъ удостовѣриться собственными глазами въ истинѣ и передастъ ее святому отцу. Онъ убѣдится, что религіозными причинами нѣтъ никакой возможности объяснить современныхъ событій въ Польшѣ, и что напротивъ, религію насильственно тамъ предаютъ недостойному поруганію, погружая въ омутъ людскихъ страстей» [1]).

На предложенія нашего правительства вразумить польское духовенство и отвлечь его отъ участія въ мятежѣ, римскій дворъ

---

[1]) Записка прилож. къ нотѣ кн. Горчакова, 7 янв 1867 г.

выразилъ желаніе послать въ Варшаву своего уполномоченнаго и, оказывая такимъ образомъ недовѣріе къ свѣдѣніямъ, сообщеннымъ ему нашимъ правительствомъ, о происшествіяхъ совершавшихся на виду у всѣхъ, онъ, конечно, полагалъ, что оно не согласится исполнить его желаніе. Расчитывая на отказъ, онъ имѣлъ въ виду другія цѣли, для которыхъ мятежъ служилъ ему средствомъ; не желая выпустить его изъ своихъ рукъ, онъ тайно ободрялъ мятежъ. Но тайныя свои дѣйствія онъ прикрывалъ переговорами съ Россіею объ отправленіи временнаго посольства по случаю особыхъ обстоятельствъ. Конечно, римскій дворъ и въ этомъ случаѣ, какъ и прежде, замышлялъ временное посольство превратить впослѣдствіи въ постоянное, но русское правительство его предупредило. Г. Киселеву поручено было (при сообщеніи кардиналу Антонелли о согласіи нашего правительства, чтобы римскій дворъ отправилъ своего прелата въ Варшаву), дать ему — «понять, что императорскій кабинетъ готовъ изъявить свое согласіе на то, чтобы временная миссія отправленнаго въ Варшаву прелата обратилась въ постоянную». Вслѣдствіе этого Пій IX, въ аудіенціи 15 декабря 1861 года, выразилъ русскому посланнику именно это желаніе, чтобы временно отправляемый въ Варшаву прелатъ остался постояннымъ представителемъ римскаго престола въ Россіи. Но, вѣроятно, расчитанная напередъ снисходительность нашего правительства поставила, въ этомъ случаѣ, въ затруднительное положеніе даже римскій дворъ. Кардиналъ Антонелли счелъ нужнымъ *конфиденціально*, какъ будто Римъ дѣлалъ уступку нашимъ требованіямъ, сообщить нашему посланнику, что Римъ назначаетъ монсиньора Бернарди папскимъ нунціемъ къ нашему двору. Конечно, въ виду предшествовавшихъ переговоровъ, онъ не могъ ожидать возраженій. Но, вызывая самъ возраженія, чтобы въ послѣдствіи имѣть предлогъ обвинить наше правительство, онъ — «обратился къ нашему послу съ вопросомъ, явно обнаружившимъ намѣреніе римскаго двора принять великую уступку, сдѣланную ему с.-петербургскимъ кабинетомъ не иначе, какъ усиливъ свои требованія. Онъ спросилъ: — Будутъ ли касаться и папскаго нунція законы, воспрещающіе непосредственныя сношенія въ Россіи между римскимъ престоломъ и католическимъ духовенствомъ? Конечно, подобный вопросъ, въ отрицательномъ отвѣтѣ на который никогда не могъ сомнѣваться римскій дворъ, обличалъ съ очевидностію, что при каждой уступкѣ съ нашей стороны, увеличивая свои требованія, Римъ желалъ только затянуть переговоры. Онъ прибѣгалъ къ этому средству, чтобы скрыть на-

стоящія свои дѣйствія, выражавшія не только разрывъ, но прямо враждебныя къ Россіи отношенія, — *войну*.

Мы сказали слово: война; но считаемъ нужнымъ замѣтить, что Римъ не такъ ведетъ войну, какъ всѣ другія государства. Для войны *духовной*, силою слова, обличенія и отлученія отъ церкви, въ настоящее время онъ чувствуетъ себя слишкомъ слабымъ, даже въ отношеніи къ державамъ латинскимъ по исповѣданію, какъ то доказалъ современный опытъ въ его отношеніяхъ къ Италіи и Франціи. Что же касается до православной Россіи, то, въ этомъ случаѣ, оружіе Рима, конечно, не могло бы уязвить ее и обратилось бы вспять. Еще менѣе могъ бы Римъ вести дѣйствительную войну вооруженною рукою; въ возможность образованія папскихъ войскъ вѣрилъ только генералъ Ламорисьеръ, и—вѣроятно, не вѣрилъ—кардиналъ Меродъ! Римъ очень хорошо понималъ свое отношеніе къ Россіи: дѣйствуя враждебно противъ нея, онъ могъ опираться только на силу другихъ государствъ. Дѣйствительно, Римъ въ это время находился съ нами въ отношеніяхъ воинствующей державы. Съ одной стороны, своими дѣйствіями въ отношеніи къ латинскому духовенству въ имперіи и царствѣ польскомъ, онъ поощрялъ мятежъ; съ другой, возбуждалъ европейскія государства къ вмѣшательству во внутреннія наши дѣла. Еще памятенъ дипломатическій походъ, предпринятый тогда западною Европою противъ Россіи по поводу польскаго мятежа. «Самое сильное участіе въ этомъ дѣлѣ, сказано въ запискѣ нашего канцлера отъ 7 января, принимало римское правительство. Мы съ полнымъ правомъ можемъ сказать, что эта причина окончательно опредѣлила тѣ дѣйствія, которыя достаточно только перечислить для неоспоримаго доказательства, что иниціатива разрыва, происшедшая теперь между двумя державами,- и вся отвѣтственность за него и за отмѣну конкордата 1847 г. падаетъ исключительно на римскій дворъ».

Русскій посланникъ, выслушавъ странный вопросъ кардинала Антонелли, попросилъ изложить его письменно для доставленія нашему правительству. Въ отвѣтѣ канцлера на эту ноту, 27-го марта 1862 года, поручалось г. Киселеву объявить римскому правительству удовольствіе императора за выборъ въ посланники монсиньора Бернарди и — «выразить надежду, что присутствіе этого прелата въ Россіи просвѣтитъ папу относительно духа и направленія, руководящихъ дѣйствіями императорской администраціи и устранитъ всѣ препятствія къ соглашенію, которыя зложелательство пытается воздвигнуть между двумя правительствами. Что же касается до папскаго нунція, то къ нему будутъ примѣнены также тѣ законы, въ силу которыхъ оф-

фиціальныя сношенія между римскимъ престоломъ и католическимъ духовенствомъ въ имперіи и царствѣ польскомъ должны происходить при посредствѣ императорскаго правительства. Это правило основано на законахъ страны и не можетъ быть отмѣнено, не по чувству какого-либо недовѣрія или зложелательства, — но единственно въ виду высшихъ политическихъ соображеній, что только одинъ государь можетъ судить объ общихъ государственныхъ интересахъ, между которыми интересы религіи имѣютъ право на особое вниманіе съ его стороны, и что только одному ему предоставлено оцѣнять въ совокупности всѣ эти интересы, дабы направлять ихъ къ указанной имъ конечной цѣли, составляющей благоденствіе страны. Если начало правительственнаго посредничества примѣнено въ Россіи къ прямымъ оффиціальнымъ сношеніямъ между римскимъ престоломъ и католическимъ духовенствомъ, тѣмъ съ бо̀льшимъ правомъ оно должно быть примѣнено къ сношеніямъ апостольскаго нунція, служащаго только посломъ и представителемъ римскаго престола. Наконецъ, это начало повсемѣстно усвоено въ государствахъ, гдѣ католическая религія признается господствующею, и не исключаетъ возможности пребыванія тамъ постоянныхъ римскихъ нунціевъ».

Въ отвѣтъ на это въ конфиденціальной нотѣ, отъ 2-го мая 1862 года, кардиналъ Антонелли писалъ, что—«для того, чтобы присутствіе папскаго уполномоченнаго привело къ тѣмъ послѣдствіямъ, которыхъ надѣется для блага церкви достигнуть св. отецъ, безусловно необходимо, чтобы заботы, которыя апостольскій нунцій въ Петербургѣ, какъ и вездѣ, обязанъ предпринимать въ силу своего высокаго назначенія для блага и пользъ католиковъ, не встрѣчали никакихъ затрудненій и препятствій. Всѣмъ извѣстно, какое существуетъ различіе между апостольскимъ нунціемъ и представителемъ какого бы то ни было другого, свѣтскаго правительства. Верховный первосвященникъ, глава церкви, основанной Богомъ, какъ совершеннѣйшее изъ обществъ и потому независимое, обязанъ простирать свои апостольскія заботы на всѣхъ вѣрныхъ (fideli), разсѣянныхъ по разнымъ частямъ католическаго міра (orbe cattolico). Въ слѣдствіе такого вселенскаго (universale) своего призванія, если онъ посылаетъ куда либо своихъ легатовъ, то съ цѣлью посредствомъ ихъ ближайшимъ способомъ оказывать пособіе вѣрнымъ въ ихъ духовныхъ нуждахъ, исполнять наиболѣе настоятельныя потребности церкви, находиться въ полной извѣстности о положеніи дѣлъ, касающихся вѣры, и своевременно предпринимать мѣры. Къ обязанностямъ представителей папы принадлежитъ также, чтобы входить въ дружелюбныя отношенія съ свѣтскою властью, дабы по общему

согласію споспѣшествовать религіозному благоденствію народа. Такимъ образомъ, обязанности апостольскаго нунція не имѣютъ ничего общаго съ гражданскими или политическими интересами государства, въ которомъ онъ находится. Если какая нибудь мѣра, по своей сущности касающаяся вѣры и церкви, имѣла бы соотношеніе и съ интересами государства, нунціи предварительно сносятся съ свѣтскимъ правительствомъ для поддержанія полнаго согласія между *двумя верховными властями* (fra le due supreme autorità). Поэтому нельзя понять, почему государственные интересы Россіи требуютъ удержанія законовъ и постановленій, ограничивающихъ свободныя и прямыя сношенія духовенства и мірянъ съ святымъ престоломъ и его законными представителями. Напротивъ, при существованіи такихъ законовъ, ни святой престолъ, ни его представители не могутъ узнать настоящаго и дѣйствительнаго положенія дѣлъ, духовные и міряне не могутъ свободно открыть свои сердца и обнаружить святому отцу ихъ духовныя нужды, епископы не будутъ свободно предъявлять потребностей ихъ церквей, и, такимъ образомъ, останется тоже стѣсненіе совѣсти, оплакиваемое теперь, и политическіе интересы не пріобрѣтутъ выгодъ, а положительный ущербъ.

«Переходя за тѣмъ къ указанію князя Горчакова о другихъ правительствахъ, католическихъ по исповѣданію, я позволю себѣ замѣтить, что ни въ одной странѣ, католической или некатолической, не существуетъ такихъ строгихъ и безусловныхъ запрещеній свободы сношеній католиковъ съ святымъ престоломъ, какъ въ Россіи. Положительно извѣстно, стоитъ лишь обратить на это вниманіе, не говоря уже объ Испаніи, Португаліи, Австріи, Бельгіи, Баваріи и Франціи, но даже въ Англіи, Пруссіи и Голландіи, во всѣхъ этихъ странахъ существуетъ полная и безусловная свобода сношеній не только непосредственно съ святымъ престоломъ, но и съ его представителями, напримѣръ, въ странѣ некатолической, какъ Голландія.

«Хотя, конечно, въ нѣкоторыхъ изъ этихъ государствъ существуютъ законы, которые, до нѣкоторой степени, ограничиваютъ эти сношенія, во многихъ даже введено въ практику, вслѣдствіе злоупотребленія, и еще признается, такъ называемое, regio exequatur; но большая часть этихъ законовъ, хотя и не отмѣнены законнымъ порядкомъ, однакоже потеряли свою силу; что же касается до regio exequatur, то противъ этого злоупотребленія (abusiva prattica) всегда и открыто возставалъ святой престолъ, что оно не прилагается къ вопросамъ по сущности своей духовнымъ и церковнымъ, но только къ нѣкоторымъ случаямъ столкновенія съ свѣтскою властью, какъ, напримѣръ, по

замѣщенію епископскихъ каѳедръ; и наконецъ, даже существованіе этого правила нисколько не мѣшаетъ тому, чтобы католики находились въ постоянныхъ и свободныхъ сношеніяхъ съ святымъ престоломъ и его представителями. Между тѣмъ какъ въ Россіи запрещеніе сношеній съ святымъ престоломъ простирается на всѣ предметы, касающіеся церкви, не исключая простой переписки, которая также должна происходить чрезъ посредство правительства, чтобы не подлежать установленнымъ въ законѣ взысканіямъ» [1]).

Очевидно, Римъ затягивалъ только дѣло. Слѣдуя своей постоянной политикѣ, при каждой новой уступкѣ, онъ предъявлялъ новыя требованія. Но, въ этомъ случаѣ, онъ разсчитывалъ не только на бо̀льшія и бо̀льшія уступки со стороны нашего правительства, но прямо на отторженіе отъ Россіи почти всѣхъ ея подданныхъ латинскаго исповѣданія, на возстановленіе прежней Польши, посредствомъ мятежа и заступничества за поляковъ европейскихъ государствъ. Русскій дворъ понималъ положеніе дѣлъ, но не хотѣлъ самъ прерывать сношеній. Въ письмѣ къ папѣ, 11-го мая 1863 г., императоръ упоминалъ, что въ прошломъ году изъявилъ согласіе на присылку постояннаго нунція, и сожалѣлъ, что не отъ него зависѣвшія препятствія замедлили до настоящаго времени исполненіе этого предположенія. Въ тоже время, въ конфиденціальной нотѣ канцлера, нашему посланнику въ Римѣ поручено было передать папскому правительству, что нунцій будетъ поставленъ въ Россіи въ тоже положеніе, въ какомъ онъ находится во Франціи, на основаніи ея законоположеній. «Я готовъ думать, сказано въ этой нотѣ, что римскій дворъ желаетъ бо̀льшаго, однако трудно допустить, чтобы онъ рѣшился выразить подобное желаніе открыто потому, что это значило-бы снять съ себя маску передъ лицемъ всей Европы. Если папское правительство не удовольствуется тѣмъ, что папскій нунцій при императорскомъ дворѣ будетъ принятъ точно такъ, какъ принимаютъ папскихъ нунціевъ въ странѣ, гдѣ римско-католическая религія считается господствующею, то въ такомъ случаѣ отвѣтственность за нежеланіе принять дѣлаемое нами предложеніе падетъ не на насъ — и вы позаботитесь тогда огласить тѣ льготы, какія предоставляемы были римскому двору императорскимъ правительствомъ».

Дѣйствительно, Римъ и не рѣшился предъявить бо̀льшихъ требованій—что, впрочемъ, едва-ли и было возможно—не рѣшился снять маску въ глазахъ Европы,—даже и теперь, не обнародовалъ

---

[1]) Esposiz. document № LIII, стр 191 и 192.

и въ изданномъ имъ изложеніи и сборникѣ документовъ такой важности; но—онъ не одобрилъ нашихъ предложеній. Пій IX, принявъ г. Киселева, 6 іюля 1863 г., въ особой аудіенціи, сказалъ: «Я полагаю, что въ настоящее время обстоятельства слишкомъ затруднительны, такъ что присутствіе нунція въ С.-Петербургѣ едва-ли принесло бы существенную пользу, и даже при такомъ положеніи дѣлъ присылка нунція надѣлала бы хлопотъ».

Такъ окончились переговоры о назначеніи папскаго нунція къ нашему двору. Чтобы вполнѣ оцѣнить все значеніе той *великой*, по выраженію кн. Горчакова, уступки, которую, единственно въ виду успокоенія взволнованнаго мятежемъ края, Россія готова была сдѣлать римскому двору, мы постараемся объяснить, какое имѣетъ значеніе, по понятіямъ Рима, присутствіе его нунція въ какомъ либо государствѣ?

Значеніе папскаго нунція, какъ справедливо замѣтилъ кардиналъ Антонелли, въ нотѣ 2 мая 1862 г., не похоже вообще на значеніе посланника всякаго другого государства, и потому, чтобы понять его, мы должны объяснить общій взглядъ римскаго двора на его отношенія къ другимъ государствамъ. Въ продолженіи нашего разсказа, намъ приходилось уже не разъ указать на отношенія понятій Рима къ гражданскому и государственному правамъ европейскихъ государствъ; теперь постараемся, словами его же канонистовъ, изложить его взглядъ на международное право.

«Важнѣйшее, осповное начало церковнаго управленія заключается въ томъ понятіи, что вся вселенная составляетъ епархію (diozese) папы. Тамъ, гдѣ епархіальное управленіе или еще не совершенно устроено, или по какимъ-нибудь причинамъ подверглось разстройству, или дурно дѣйствуетъ,—вступаетъ въ свою силу епископское значеніе папы, и тѣ, которые исполняютъ его порученія, суть его уполномоченные — vicarii apostolici. Когда управленіе не устроено, или только устроивается, равно, когда вслѣдствіе отпаденія страны въ ересь или схизму, слѣдуетъ вести дѣла посредствомъ папскихъ уполномоченныхъ, и тогда эти страны находятся въ завѣдываніи *пропаганды*. Точно также, если мѣстные епископы дурно управляютъ церковью, то папа отстраняетъ ихъ и назначаетъ своего викарія. Значеніе епископства основано на ихъ преемствѣ отъ апостоловъ. Но оно въ собственномъ смыслѣ сосредоточивается въ римскомъ епископѣ, который представляетъ собою лицо и санъ апостола Петра; другіе-же епископы, только въ ихъ совокупности, считаются преемниками апостоловъ. Поэтому папѣ принадлежитъ епископская власть надъ всею вселенною; каждый же епископъ обладаетъ

этою властью только по единенію съ нимъ, и притомъ въ отношеніи къ отдѣльной паствѣ. Папа обладаетъ правомъ ординаціи, онъ можетъ и имѣетъ право для всей церкви безъ исключенія или самъ посвящать, или дать это право другимъ епископамъ. Какъ намѣстникъ Христа, онъ также соединенъ, какъ Христосъ, съ церковью, своею невѣстою; онъ также какъ и Искупитель, котораго мѣсто онъ занимаетъ, есть духовный отецъ всѣхъ вѣрующихъ» [1]).

Такимъ образомъ, вся епархія папы, т. е. весь міръ, распадается на два разряда областей: совершенно покорныя власти римскаго первосвященника, гдѣ дѣйствуетъ вполнѣ благоустроенное епархіальное начальство,—и невѣрныя, еретическія или отпадшія, покоряемыя или вновь завоевываемыя усиліями пропаганды. Хотя и первыя входятъ въ составъ папской епархіи, но въ нихъ папская власть дѣйствуетъ не непосредственно, а при помощи мѣстной епископской власти. Въ другихъ, напротивъ, хотя бы представитель папы (викарій) и былъ епископомъ, онъ дѣйствуетъ не въ силу епископскихъ своихъ правъ, но по уполномочію папы и въ мѣру уполномочія, такъ-что, въ собственномъ смыслѣ, папа непосредственно управляетъ этими областями.

На этомъ основаніи, въ отношеніяхъ папы къ различнымъ странамъ міра, установлена слѣдующая постепенность:

Первыми піонерами папской власти въ странахъ невѣрныхъ являются *миссіонеры* (in partibus infidelium). Римскій дворъ раздѣляетъ эти страны по миссіямъ, иногда отдѣльнымъ, иногда по нѣсколько миссій соединяетъ вмѣстѣ, подъ главнымъ руководствомъ особаго делегата. Такое значеніе придавалъ Римъ латинскимъ духовнымъ, присылаемымъ въ Россію для отправленія богослуженія и духовныхъ требъ при латинскихъ церквахъ. До 1769 года они и назывались постоянно миссіонерами, пока въ этомъ году императрица Екатерина II не запретила имъ употреблять это наименованіе въ регламентѣ с.-петербургской римско-католической кирхи: «Супериоръ или начальникъ и его товарищи должны именовать себя парохами или кураторами душъ, а не миссіонерами; ибо они для отправленія службы исповѣданія своего въ Россію призваны, а не для новой проповѣди» [2]). На этомъ основаніи наше правительство издавна обращало вниманіе на то, какихъ орденовъ монахи были присылаемы, откло-

---

[1]) Phillips, Kirchenrecht; т. VI, § 340, стр. 746. Das wichtigste Grundprinzip für die kirchliche Verfassung, dass der ganze Erdkreis des Papstes Diozese ist. T. I, § 40, стр. 969; ср. т. VI, § 330.

[2]) Полн. Собр. Зак. т. XVIII, № 13.252, п. 2.

няя назначеніе такихъ, которые, по уставу ордена, преимущественною цѣлію имѣли пропаганду, и постоянно желало, чтобы вообще монахи были замѣняемы простыми плебанами.

Вторую степень церковнаго устройства составляютъ уже, въ собственномъ смыслѣ, vicarii, облеченные обыкновенно епископскимъ саномъ, но не въ качествѣ мѣстныхъ епископовъ, а лишь по уполномочію папы, какъ его повѣренные.

Третью степень составляютъ епархіи, вполнѣ устроенныя, съ епископами и капитулами, подъ главнымъ руководствомъ примаса. Этотъ титулъ изобрѣтенъ Римомъ для того, чтобы устранить значеніе митрополитовъ и патріарховъ мѣстныхъ церквей.

Четвертую и послѣднюю степень составляютъ нунціатуры, служащія выраженіемъ окончательнаго торжества папскаго полновластія въ той странѣ, гдѣ онѣ учреждаются.

Для того, чтобы достигнуть этой окончательной цѣли, римскій дворъ употреблялъ въ продолженіе вѣковъ многочисленныя средства; но главнѣйшія изъ нихъ заключались въ томъ, чтобы, съ одной стороны, унизить самостоятельное значеніе епископской власти, присвоивъ исключительно себѣ бо́льшую часть ея правъ и особенно древнѣйшее, на апостольскихъ преданіяхъ основанное право посвященія епископовъ самими епископами въ числѣ двухъ или трехъ, и утвержденія старѣйшимъ изъ нихъ, митрополитомъ или патріархомъ; а съ другой — искоренить мысль о томъ, что власть вселенскаго собора выше папской власти. Знаменитая булла In coena domini предаетъ проклятію даже и тѣхъ, которые позволятъ себѣ возбуждать этотъ вопросъ. Но, лишенные многихъ изъ существенныхъ своихъ правъ, епископы не могли бы управлять епархіями, особенно удаленными отъ Рима, поэтому папы уступали нѣкоторыя изъ этихъ правъ, въ отношеніи къ суду, дѣламъ брачнымъ, отпущеніямъ (индульгенціямъ) и т. под. временно, на нѣсколько лѣтъ, или навсегда, и въ той мѣрѣ, въ какой римскій дворъ считалъ благонадежными представителей мѣстныхъ церквей. Но въ этомъ случаѣ они дѣйствовали уже не въ силу своего сана, не на основаніи присвоенныхъ епископскому достоинству правъ, но по уполномочію только папы; а чтобы не дать возможности развиться самостоятельной мѣстной церкви, Римъ облекалъ главнаго представителя ея духовенства особыми правами съ наименованіемъ *примаса*, которые, въ собственномъ смыслѣ, считаются *прирожденными* папскими легатами (legati nati). Но и это сообщеніе правъ мѣстнымъ представителямъ церкви, хотя бы и въ качествѣ прирожденныхъ представителей папы, римскій дворъ постоянно считалъ опаснымъ для папскаго полновластія и старался замѣнить его

учрежденіемъ *нунціатуръ*. Нунцій, являясь въ страну, становился уже представителемъ мѣстной церкви и непосредственно подчинялъ ее власти римскаго первосвященника; ему подчинялись примасы, митрополиты, архіепископы, епископы, и вообще все духовенство и вся паства [1]). Такимъ образомъ, мѣстная церковь приводится въ полное подчиненіе римскому престолу, и ея духовенство превращается въ исполнителей приказаній и распоряженій нунція, даваемыхъ именемъ и властію папы.

Но, сверхъ того, нунцій, какъ дипломатическое лице, какъ представитель папы въ качествѣ свѣтскаго государя, облеченъ международнымъ характеромъ, и слѣдовательно неподчиненъ свѣтской власти той страны, въ которой находится. Это обстоятельство, на которое указалъ нашему правительству и кардиналъ Антонелли, даетъ ему возможность совершенно независимо управлять латинскою церковью въ странѣ и устранить всякое на нее вліяніе свѣтской верховной власти, всякій надзоръ за ея дѣйствіями, часто переходящими предѣлы ея духовнаго призванія. Однимъ словомъ, въ государствѣ образуется окончательно другое, совершенно независимое отъ него, государство.

Такой двойственный характеръ представителей папы весьма удобенъ для римскаго двора; съ одной стороны, онъ даетъ ему возможность постоянно поддерживать свои притязанія, опираясь на духовное значеніе нунція; съ другой, въ виду какой-либо опасности, дѣлать уступки требованіямъ свѣтскихъ правительствъ, оправдывая ихъ дипломатическимъ значеніемъ нунція. Но чрезъ это не только не водворяется въ странѣ миръ, но, наоборотъ, вносится въ ея нѣдра и узаконяется постоянная борьба.

Прилагая эти общія воззрѣнія Рима къ его отношеніямъ къ Россіи, прежде всего нельзя не замѣтить, что онъ считаетъ ее страною, въ которой латинскую церковь необходимо держать подъ непосредственнымъ управленіемъ папы, частію, какъ страну *невѣрную*, куда Римъ посылаетъ своихъ миссіонеровъ, затѣмъ, по присоединеніи западныхъ губерній, какъ *отпадшую*, въ лицѣ уніатовъ, которыхъ онъ стремится возвратить въ лоно латинской церкви; и, наконецъ, гдѣ въ нѣкоторыхъ мѣстностяхъ, какъ въ царствѣ польскомъ, хотя и господствуетъ это исповѣданіе, но церковное устройство и управленіе *пришли въ разстройство*, потому что преграждены пути для насильственной пропаганды,

---

[1]) Раздѣленіе на—legati a latere, legati missi или nuntii apostolici cum potestate legati a latere, состоитъ въ томъ, что первые должны быть всегда кардиналы, а вторые могутъ не имѣть этого сана. Филлипсъ, Kirchenrecht. §§ 337, 338 и 339. Ср. La Rome des papes. 1859. Bâle. T. I, гл. 2 и 3.

и притомъ властью, не принадлежащею къ латинскому исповѣданію. Устранить эту власть отъ всякого вліянія на дѣла латинской церкви, — вотъ цѣль римскаго престола, которой онъ стремится достигнуть въ отношеніи къ Россіи, и учрежденіе постоянной нунціатуры является въ этомъ случаѣ единственнымъ средствомъ. Съ этой точки зрѣнія представляетъ особое значеніе длинный рядъ переговоровъ нашего правительства съ римскимъ дворомъ объ утвержденіи Сестренцевича въ санѣ архіепископа, потомъ митрополита и наконецъ кардинала. Наше правительство стремилось къ тому, чтобы разширить власть мѣстныхъ представителей латинскаго духовенства, согласно съ древними каноническими правилами и для удобства управленія. Римъ, съ своей стороны, неохотно дѣлалъ уступки, давалъ нѣкоторыя права митрополиту, но только временно, въ качествѣ папскаго уполномоченнаго, и вовсе отклонилъ предложеніе возвесть его въ санъ кардинала. Зная образъ мыслей Сестренцевича о значеніи епископской власти, Римъ опасался, что въ Россіи можетъ образоваться мѣстная довольно самостоятельная церковь, въ родѣ галликанской. Нѣтъ сомнѣнія, что къ этому и стремилась политика Россіи въ отношеніи къ Риму при императрицѣ Екатеринѣ Великой [1]), и что только въ этомъ видѣ, согласномъ съ началами и преданіями христіанской церкви и несовмѣстномъ съ папскими притязаніями на полновластіе, и возможно мирное существованіе латинской церкви въ русской имперіи, подъ покровомъ самой широкой терпимости. Но не того желаютъ ультрамонтаны и іезуиты, которыхъ воззрѣнія постоянно преслѣдовалъ Римъ въ отношеніи къ Россіи. «Чтобъ дать понятіе о томъ, что называется здѣсь терпимостію, говоритъ графъ де-Местръ, довольно замѣтить, что римско-католическіе подданные его императорскаго величества не имѣютъ къ нему доступа въ качествѣ католиковъ, т. е. неимѣютъ оффиціальнаго представителя ихъ вѣры, посредствомъ котораго могли бы приносить государю свои представленія и жалобы; они должны приносить ихъ чрезъ министра *духовныхъ дѣлъ*, который ничего не знаетъ, что

---

[1]) И при императорѣ Александрѣ I, послѣ многихъ неудачныхъ опытовъ установить мирныя отношенія къ Риму, русское правительство, кажется, имѣло въ виду эту цѣль, даже въ отношеніи къ царству польскому. Графъ де-Местръ въ 1816 г., 3 декабря, писалъ, предостерегая его, къ кардиналу Североли изъ Петербурга: «Je ne puis guère douter du projet arrêté de soustraire la Pologne à l'obédience du saint-siége par des moyens qui pourraient même échapper, dans le principe, à l'oeil juste et attentif du souverain. Les plus terribles ennemis de la religion sont à la tête des choses dans ce malheureux pays; jamais nous n'eumes plus besoin de toute la sollicitude de sa sainteté. Lettres et opusc. inédites ed. 1865 г. т. I, стр. 439.

слѣдуетъ знать, не для того только, чтобы правосудно относиться къ нимъ, но даже, чтобы понять ихъ. Государь, безъ сомнѣнія, лучшій европейскій судья въ дѣлѣ приличій и такта, легко можетъ убѣдиться, что для всякого человѣка, и особенно католическаго священника, который долженъ оффиціально вести дѣла церковныя, прихожая министра духовныхъ дѣлъ, безспорно, самая большая пытка, послѣ чести говорить съ нимъ». Въ письмѣ къ кардиналу Североли, 1816 г., жалуясь, что истина о состояніи латинской церкви не можетъ доходить до императора, онъ говоритъ: «Уполномоченный нунцій могъ бы многое устроить, въ этомъ заключается великая надежда [1])».

Такимъ образомъ, учрежденіе въ Россіи постояннаго нунція составляетъ постоянное и даже почти единственное желаніе папскаго правительства, если нельзя вполнѣ отторгнуть отъ Россіи тѣхъ областей, гдѣ по преимуществу сосредоточивается латинская церковь. Безотчетно передъ правительствомъ страны управляя этою церковью, устранивъ его отъ всякого на нее вліянія и надзора за нею, нунцій непосредственно бы относился къ государю, но какъ представитель другого государя. Но, кромѣ общаго значенія, на которое мы указали, нунцій имѣлъ бы у насъ еще другое, особенное. Онъ не былъ бы только намѣстникомъ папы въ особомъ латинскомъ по исповѣданію государствѣ, находящимся въ предѣлахъ имперіи, но и государства польскаго, потому что римскій католицизмъ, вслѣдствіе особыхъ историческихъ обстоятельствъ у насъ тождественъ съ польскою народностью, и латинская пропаганда есть въ тоже время и пропаганда польской народности. Такимъ образомъ, полная независимость римско-католической церкви отъ русскаго правительства, какъ желалъ Римъ, равнялась бы независимости Польши. Съ этой точки зрѣнія смотря на вопросъ о нунціѣ, нѣтъ нужды и доказывать, какая могла грозить опасность благосостоянію государства.

---

[1]) Lettres et opusc. inédites: т. I, стр. 446; т. II, стр. 384 и 386; въ письмѣ къ кардиналу Североли такъ описываетъ гр. де-Местръ кн. А. П. Голицына: «Cette masse énorme de *onze millions* (?) d'hommes ne peut aborder le souverain (j'entends dans l'ordre religieux) que par l'organe d'un ministre des cultes (titre funeste inventé par Bonaparte), russe de croyance, que j'honnore infiniment comme gentilhomme, comme honnête homme, comme homme d'esprit, comme homme du monde, comme bon sujet de l'empereur, mais qui en sait autant qu'un enfant de dix ans sur tout ce qu'il faudrait savoir pour nous comprendre, nous juger et nous conduire. Après ce qui s'est passé ailleurs il n'a ni ne peut avoir notre confiance». Только нунцій можетъ пользоваться довѣріемъ и доводить истину до государя! «Quand on se demande par quels organes la verité peut arriver jusqu'a l'empereur de Russie, говоритъ гр. де-Местръ, on ne sait en imaginer que deux parmi les créatures: un ange, ou une dame!» Тамъ же, т. II, стр. 398.

Поэтому, слова нашего канцлера, что Россія готова была сдѣлать *великую* уступку—совершенно справедливы. Нельзя не повторить, съ особенною благодарностью, слѣдующихъ строкъ изъ записки, приложенной къ нотѣ 7 января: «Притязанія, чтобы сношенія нунція не подлежали никакимъ ограниченіямъ на основаніи законовъ страны, ограниченіямъ, существующимъ даже въ странѣ латинской по исповѣданію, какъ Франція, обличали затаенныя цѣли римскаго двора, которыхъ, конечно, императорское правительство должно было опасаться, и необходимымъ послѣдствіемъ которыхъ было устраненіе вопроса о назначеніи нунція не только въ настоящее время, но и *въ будущемъ*».

XII.

Отношеніе римскаго двора и латинскаго духовенства къ мѣрамъ нашего правительства, принятымъ по усмиреніи мятежа: крестьянской реформѣ, сокращенію числа монастырей, праву патроната и устройству бѣлаго духовенства.—Разрывъ съ Римомъ. — Заключеніе.

Польскій мятежъ былъ усмиренъ вооруженною рукою; угроза европейскаго вмѣшательства въ дѣла внутренняго управленія Россіи смолкла, и отзывается только въ тайныхъ подстрекательствахъ Франціи и враждебныхъ дѣйствіяхъ безсильной и коварной политики Австріи. Чѣмъ болѣе разгарался мятежъ, чѣмъ сильнѣе выражалось давленіе на наше правительство иностранныхъ державъ, тѣмъ яснѣе и опредѣленнѣе высказывалось общественное мнѣніе Россіи. «Русскій народъ, говоря словами нашего канцлера, соединился вокругъ трона съ такимъ порывомъ, какого мало примѣровъ представляетъ исторія. Онъ заявилъ предъ цѣлымъ міромъ, что готовъ пролить до послѣдней капли свою кровь, защищая достоинство государя и неприкосновенность русской земли». Блистательный подвигъ нашей дипломатіи былъ достойнъ подъема общественнаго мнѣнія, и имя князя Горчакова займетъ почотное мѣсто на страницахъ нашей исторіи. Литература, при посредствѣ лучшихъ своихъ органовъ, была вѣрнымъ отголоскомъ русскихъ воззрѣній, и сослужила великую службу родной странѣ. За прекращеніемъ мятежа послѣдовалъ рядъ преобразованій; излишне объяснять ихъ необходимость, не нужно доказывать благонамѣренныхъ цѣлей правительства, всѣ они совершались открыто, и каждое законоположеніе обнародовалось съ изложеніемъ побудительныхъ причинъ. Мы должны только разрѣшить вопросъ: какъ относилось къ нимъ латинское духовенство и римскій дворъ?

Два сословія должны были прежде всего обратить на себя вниманіе правительства по причинамъ совершенно противоположнымъ: крестьяне, оставшіеся вѣрными и преданными Россіи, постоянно угнетаемые панами и не принимавшіе добровольнаго участія въ мятежѣ, и — латинско-польское духовенство, какъ главный двигатель мятежа.

Совершенно справедливо въ запискѣ нашего канцлера указано на соотношеніе между польскимъ мятежемъ и освобожденіемъ крестьянъ въ имперіи. Законоположенія 19 февр. 1861 г. начали новую, благодѣтельную эпоху въ жизни русскаго народа, а для поляковъ послужили сигналомъ къ вооруженному возстанію.

Поляки хвастались передъ русскими, конечно, передъ тѣми, кому было незнакомо настоящее положеніе дѣлъ, указывая, какъ на признакъ высшаго развитія общественной жизни, на то, что крестьяне царства были свободны. Но эта свобода, не добровольно дарованная поляками ихъ крестьянамъ, но провозглашенная Наполеономъ I, была только свободою на словахъ и на бумагѣ,—на дѣлѣ же крестьяне царства польскаго находились гораздо въ худшемъ положеніи, нежели крѣпостные люди въ имперіи. Это была свобода только личная, а въ имущественномъ отношеніи крестьяне находились въ полномъ и произвольномъ распоряженіи пановъ и доведены были до крайняго разоренія. Но и самая личная свобода была сильно стѣснена правомъ сельскаго суда и управленія, находившагося въ рукахъ пановъ или назначаемыхъ ими лицъ. Желая обезпечить положеніе крестьянъ въ царствѣ польскомъ, наше правительство принимало мѣры, даже путемъ законодательнымъ; но они не приводились въ исполненіе по упорству пановъ и мѣстной польской администраціи. Постоянный поземельный надѣлъ съ правомъ выкупа и самоуправленіе въ широкихъ размѣрахъ, дарованное положеніями 19 февр. 1861 г. крестьянамъ имперіи, заставили обратить вниманіе поляковъ на то, что правительство рано или поздно, но на тѣхъ же основаніяхъ, принуждено будетъ разрѣшить его и въ отношеніи къ царству. «Аристократическая партія рѣшилась во что бы то ни стало воспротивиться осуществленію реформы, необходимымъ послѣдствіемъ которой было бы уничтоженіе привилегій феодальной власти. Разорвавъ всякую связь съ прошедшимъ и отступивъ отъ своихъ принциповъ, она заключила союзъ съ космополитическою революціонною партіею въ Польшѣ, которая была уже на-сторожѣ. Постановленіе объ отмѣнѣ крѣпостнаго права было обнародовано въ Петербургѣ 19 февр. 1861 г.; а 24 февр. того же года земледѣльческое Общество, собравшись въ Варшавѣ и придавъ себѣ значеніе учредительнаго собранія,

утвердило мѣры, предложенныя Мѣрославскимъ, который, спустя восемь дней послѣ того, писалъ изъ Парижа, что эти мѣры должны послужить точкой исхода для народнаго возстанія» [1]).

Но вліяніе положеній о крестьянахъ на западныя губерніи было еще сильнѣе. Едва мысль объ освобожденіи крестьянъ отъ крѣпостной зависимости сдѣлалась предметомъ трудовъ правительства, польскіе помѣщики этихъ губерній, предупреждая русскихъ, поспѣшили съ предложеніями своихъ услугъ. Они хотѣли взять этотъ, жизненный для Россіи вопросъ, въ свои руки и разрѣшить его такъ, чтобы русскій народъ, населяющій эти губерніи, не ускользнулъ изъ-подъ ихъ власти, а съ тѣмъ вмѣстѣ не разрушилась бы желанная ихъ мечта о возстановленіи Польши въ предѣлахъ 1772 г. Но ихъ предположенія о личномъ только освобожденіи съ сохраненіемъ въ сельскихъ обществахъ суда и управленія въ рукахъ помѣщиковъ, не были приняты правительствомъ и тѣмъ нанесенъ былъ рѣшительный ударъ стремленію ополячить и обратить въ латинство русскихъ крестьянъ этихъ губерній. Какъ за послѣднее средство, ухватились они за приведеніе въ исполненіе положеній 19 февраля, которое ввѣрялось лицамъ избраннымъ самимъ дворянствомъ изъ своей среды. Но это средство помогло имъ только обмануть крестьянъ и тѣмъ раздражить ихъ еще болѣе противъ себя, ограничить на время свои потери, но все-таки мысль о границахъ Польши 1772 г. надо было бросить, или — завоевать эти границы. Давно приготовляемый мятежъ былъ вызванъ такимъ положеніемъ дѣлъ, обнаружилъ коварные замыслы поляковъ и, въ свой чередъ, пособилъ правительству окончательно разрѣшить крестьянскій вопросъ въ западныхъ губерніяхъ, исправленіемъ неправильныхъ дѣйствій мировыхъ учрежденій, состоявшихъ изъ поляковъ, пропитанныхъ ненавистью къ русскимъ крестьянамъ, уничтоженіемъ временно-обязанныхъ отношеній крестьянъ къ помѣщикамъ, посредствомъ обязательнаго выкупа и устроить бытъ крестьянъ въ царствѣ польскомъ, примѣняясь къ главнымъ началамъ положеній 19 февраля 1861 г. Крушеніе политическихъ замысловъ поляковъ въ отношеніи къ западнымъ губерніямъ, послѣ обнародованія этихъ положеній, было, въ тоже время, и окончательнымъ разрушеніемъ возможности совращать русскихъ крестьянъ въ латинство. Положенія 19 февраля наносили такимъ образомъ рѣшительный ударъ и римско-католической пропагандѣ. Многовѣковая исторія этого края засвидѣтельствовала, что эта пропаганда только и воз-

[1]) Записка къ нотѣ 7 янв. 1867 г.

можна при помощи внѣшняго насилія. Съ паденіемъ государственной власти бывшей Рѣчи-Посполитой въ рукахъ поляковъ, кромѣ мѣстной администраціи, на которую они постоянно имѣли вліяніе, оставалось одно только надежное орудіе, крѣпостное право помѣщиковъ на крестьянъ, помощію котораго они могли усердно помогать латинскому духовенству въ дѣлѣ пропаганды. Это очень хорошо и давно понимала латинская церковь, и это, въ свой чередъ, объясняетъ союзъ польскаго духовенства съ мятежемъ [1]).

Обращаясь къ тѣмъ мѣрамъ, которыя приняло наше правительство въ отношеніи къ польскому духовенству, считаемъ нужнымъ замѣтить, что мы укажемъ только на тѣ, которыя были приняты до окончательнаго разрыва нашихъ сношеній съ Римомъ, и ограничимся лишь объясненіемъ общаго ихъ значенія, не входя въ подробности, всѣмъ извѣстныя и такъ еще недавно обнародованныя. Эти мѣры заключаются въ постановленіяхъ о сокращеніи числа монастырей въ царствѣ польскомъ, 27 октября 1864 г., о церковномъ патронатѣ, іюня 14 того же года, и объ устройствѣ свѣтскаго римско-католическаго духовенства, 14 декабря 1865 г.

Имѣютъ ли эти мѣры значеніе карательныхъ, которое желаютъ придать имъ враги Россіи, и обличаютъ ли угнетеніе и преслѣдованіе латинской церкви, какъ торжественно заявляетъ римскій дворъ?

Не можетъ подлежать никакому сомнѣнію, что наше правительство могло бы приступить и къ карательнымъ мѣрамъ въ отношеніи къ сословію, принимавшему такое дѣятельное участіе въ мятежѣ; но карательныя мѣры оно ограничило только отдѣльными лицами, сравнительно весьма немногими изъ числа явныхъ возмутителей, или мятежниковъ, дѣйствовавшихъ съ оружіемъ въ рукахъ. Общія же мѣры, ни въ чемъ не нарушавшія догматовъ латинской церкви, клонились къ пользамъ самого духовенства, конечно, въ качествѣ служителей алтаря, а не рево-

---

[1]) Любопытно въ этомъ случаѣ припомнить, что́ писалъ въ 1811 г. замѣчательный иностранецъ, долго жившій въ Россіи, считавшій себя ея другомъ, но ревностный римскій католикъ и защитникъ іезуитовъ графъ де-Местръ. Вотъ какіе давалъ онъ совѣты нашему правительству по случаю предположеній объ освобожденіи крестьянъ. restreindre l'affranchissement, loin de le favoriser par aucune loi, car toute loi faite dans ce sens serait mortelle; et retrancher en même temps, par tous les moyens possibles, les abus, qui pourraient le faire trop desirer par le peuple. Ne jamais récompenser l'affranchissement comme une action moralement bonne et politiquement utile de la part des nobles!—«Quatres chapitres inédits sur la Russie»,—сочиненіе, изданное по смерти автора въ 1859 г, стр. 145 — 46.

люціонныхъ агитаторовъ и мятежниковъ. Оно не уничтожило римско-католическихъ монастырей, какъ это было сдѣлано многими изъ западно-европейскихъ государствъ, но только сократило ихъ число. Россія, въ этомъ случаѣ, не послѣдовала примѣру этихъ державъ, даже латинскихъ по исповѣданію, и — не послѣдовала въ качествѣ православнаго государства, которое признаетъ монашество однимъ изъ коренныхъ установленій вселенской церкви. Сверхъ того, этою мѣрою оно привело только въ исполненіе желанія и предположенія самого польскаго правительства, нѣсколько разъ заявляемыя со временъ учрежденія царства польскаго, въ 1815 г.

Сокращая, однакоже, число монастырей, оно прежде всего приняло въ соображеніе каноническія правила самой латинской церкви и закрыло тѣ, въ которыхъ было менѣе установленнаго ими числа монаховъ. Римскій дворъ, со времени учрежденія царства польскаго, въ продолженіи слишкомъ 50 лѣтъ, терпѣлъ и поощрялъ нарушеніе этихъ правилъ, отклоняя всѣ представленія нашего правительства, конечно, не въ видахъ пользъ и достоинства латинской церкви, а съ иными цѣлями. Кто же нарушалъ каноническія правила, неужели наше правительство, какъ торжественно заявляетъ Римъ? Сверхъ того подверглись закрытію монастыри, явно обличенные въ участіи въ мятежѣ и принадлежавшіе орденамъ, которые не имѣли ничего общаго съ монашествомъ древней церкви, но составляли общества для политической и религіозной пропаганды. За приведеніемъ въ исполненіе этой мѣры въ царствѣ польскомъ осталось еще слишкомъ значительное число монастырей, сравнительно съ народонаселеніемъ края [1]), управленіе которыми подчинено епископамъ на основаніи правила, которымъ руководствовалось наше правительство со временъ императрицы Екатерины II.

Рядъ преобразованій въ отношеніи къ свѣтскому духовенству начался постановленіемъ о церковномъ патронатѣ или, такъ называющейся въ Польшѣ, *коллятурѣ*, который измѣнялъ въ нѣкоторыхъ отношеніяхъ существовавшій порядокъ патронатства. Право патронатства, на основаніи котораго патроны церк-

---

[1]) На 3,800,000 жителей въ царствѣ польскомъ было 155 мужскихъ и 42 женск. монастырей; въ нихъ находилось 1,624 монаховъ и 578 монахинь, т. е. по 11 на монастырь круглымъ числомъ. По недостаточному числу монаховъ закрыто 71 муж., въ коихъ было 304 монаха, и женскихъ 4. За участіе въ мятежѣ упразднено 39 муж. монастырей. Оставалось 45 муж и 38 жен., которые были раздѣлены на штатные, 25 мужск. и 10 женск., и сверхъ-штатные, которые современемъ предположено такъ же закрыть См. статью А. Ѳ. Гильфердинга о значеніи монаст реформы въ царс польскомъ, въ «Русск. Инвалидѣ» 1864 г. V

вей представляли кандидатовъ на мѣста священниковъ и предсѣдательствовали въ комитетахъ или *дозорахъ*, которые завѣдывали церковными имуществами и зданіями, принадлежало къ числу средневѣковыхъ обычаевъ феодализма, противъ котораго постоянно дѣйствовалъ Римъ, причисляя его къ такъ называемымъ имъ *ненавистнымъ* правамъ, jura odiosa. Новое постановленіе не отмѣняло этого права, но только согласовало съ новыми правами, дарованными крестьянамъ, допустивъ сельское населеніе къ участію въ управленіи дѣлами своихъ приходскихъ церквей. Но патронами бывали въ Польшѣ паны-католики и въ греко-уніатскихъ церквахъ, что, конечно, отмѣнено новымъ закономъ, равно какъ постановленіемъ о десятинахъ уничтоженъ несправедливый обычай, по которому лица не-латинскаго исповѣданія обязывались платить эту подать римско-католическому духовенству. Что же касается до постановленія о свѣтскомъ духовенствѣ то достаточно замѣтить, что оно составляетъ только исполненіе тѣхъ предположеній, которыя заявляло само польское правительство въ 1817 г., что, назначивъ постоянныя духовнымъ лицамъ жалованья, оно равномѣрнѣе распредѣлило доходы съ церковныхъ имуществъ. Обезпечивъ сельское духовенство, крайне нуждавшееся въ средствахъ существованія, оно, конечно, убавило огромные доходы высшаго духовенства, но тѣмъ не менѣе совершенно обезпечило безбѣдное его существованіе, что доказывается тѣмъ, что назначенныя нашимъ правительствомъ жалованья превышаютъ тѣ, которыя получаютъ духовные чины во Франціи.

Какъ же отнеслось ко всѣмъ этимъ преобразованіямъ латинское духовенство? Оно, повидимому, распалось на двѣ стороны, которыя хотя въ сущности и были между собою согласны, но различались въ способѣ дѣйствія.

Нѣкоторые прямо и рѣшительно пытались возставать противъ этихъ мѣръ, и въ своихъ представленіяхъ въ правительственную коммиссію духовныхъ дѣлъ обвиняли постановленія о крестьянахъ въ коммунизмѣ и соціализмѣ, а всѣ другія — въ нарушеніи каноническихъ правилъ и отказывались приводить ихъ въ исполненіе. Бо̀льшая же часть епископовъ, не возражая противъ самыхъ постановленій, считала однакоже необходимымъ испросить разрѣшеніе папы прежде ихъ исполненія. И тѣ и другіе составили представленія къ папѣ, одни прямо въ видѣ жалобъ на русское правительство, другіе, одобряя даже самыя мѣры, испрашивали только папскаго утвержденія. Администраторъ варшавской епархіи писалъ папѣ: «Указъ вовсе не уничтожаетъ у насъ учрежденій иноческой жизни, но уменьшаетъ

только число монастырей и конгрегацій и остается еще много монастырей мужскихъ и женскихъ. При церквахъ, находящихся при упраздненныхъ монастыряхъ, правительство оставило по одному, по два и даже по три ксендза для отправленія богослуженія, такъ что ни одна изъ церквей не закрыта и вездѣ богослуженіе совершается. Нынѣ на 120,000 католическихъ жителей, въ Варшавѣ, состоитъ только пять приходовъ. Они будутъ раздѣлены на 12 викаріевъ, считая на каждаго по 2 тыс. душъ; правительство будетъ содержать ихъ на свой счетъ. Отъ такого устройства приходовъ ожидается не мало пользы въ управленіи архіепархіею. Имѣнія монастырей правительство, принимая въ свое вѣдѣніе, въ замѣнъ оныхъ назначаетъ изъ казны содержаніе для монашествующихъ... Остающіеся монастыри, подчиняясь непосредственно епархіальному начальству, принесутъ большую пользу въ отношеніи благочинія между монахами, ибо затрудненія, встрѣчавшіяся доселѣ генеральными настоятелями въ посѣщеніи монастырей въ царствѣ, и дальнее разстояніе отъ Рима способствовали ослабленію монашескихъ правилъ».

Слѣдуетъ замѣтить, что такъ дѣйствовали польскіе епископы, послѣ только-что усмиреннаго мятежа, зная отношенія римскаго двора къ нашему и, конечно, не сомнѣваясь въ смыслѣ отвѣта, который бы послѣдовалъ отъ папы. Безъ сомнѣнія, наше правительство отклонило въ этомъ случаѣ всякія сношенія съ Римомъ, въ угоду польскаго духовенства.

Но римскій дворъ самъ поспѣшилъ заявить свой взглядъ. Онъ воздержался отъ представленія своего мнѣнія о положеніи о крестьянахъ; но лишь только постановленіе, 27 октября 1864 г., о сокращеніи числа монастырей въ царствѣ, дошло до свѣдѣнія Рима, кардиналъ Антонелли сообщилъ нашему уполномоченному пространную ноту, 30 января 1865 г. [1]), въ которой изложенъ взглядъ папскаго правительства на эту мѣру. «Главныя начала этого постановленія — сказано въ ней — сводятся къ слѣдующимъ тремъ положеніямъ:

1) Уничтоженіе и закрытіе почти всѣхъ монастырей, мужскихъ и женскихъ, въ царствѣ польскомъ;

2) Отобраніе ихъ имуществъ въ казну, и —

3) Подчиненіе епископской юрисдикціи оставшихся незакрытыми монастырей».

Указавъ на польскую конституцію 13 мая 1815 г., органическій статутъ 14 февраля 1832 г. и тайный протоколъ къ конкордату 1847 г., основываясь на которомъ Пій IX въ буллѣ

[1]) Esposizione docum., № LXXXVI, стр. 261 — 68.

Universalis ecclesiae cura, 5 іюля 1848 г., объявилъ, что число монастырей, существующихъ въ имперіи и царствѣ, останется неприкосновеннымъ—кардиналъ статсъ-секретарь продолжаетъ:

«Основатель нашей вѣры, І. Христосъ, ввѣривъ церкви власть пасти, наставлять и управлять исповѣдующими ея ученіе, такъ же уполномочилъ ее избирать средства для лучшаго исполненія своего великаго призванія. Поэтому, церковь, признавая весьма полезными для своей великой цѣли монастыри, учреждала ихъ сообразно съ потребностями времени и пользою вѣрующихъ. Эти знаменитыя общества обязаны своимъ происхожденіемъ исключительно церкви, которая одна и можетъ судить о ихъ пользѣ и произносить рѣшеніе о ихъ судьбѣ. Свѣтская власть не можетъ ихъ закрывать, сокращать и уничтожать потому, что не она ихъ учредила, и учреждать не имѣетъ власти; поступая же такимъ образомъ, она нарушаетъ публичное исполненіе евангельскихъ наставленій, образъ жизни, указанный церкви ея основателемъ, и права этой церкви, которыя были признаны и уполномоченными, заключившими конкордатъ. Точно также несогласно съ правами Христовой церкви и отобраніе монастырскихъ имуществъ и назначеніе изъ казны жалованья монахамъ,—потому что, право владѣть тѣмъ, что̀ имѣемъ, существенно проистекаетъ изъ права существовать и поддерживать свое существованіе, и всегда несправедливо покушаться на собственность другого. И такъ какъ католическая церковь есть общество видимое и открытое (visibile et publica), не изъ духа одного состоящая, но и изъ людей, а пріобрѣтать и владѣть имуществомъ есть естественное право каждаго человѣка, то этого права не могутъ и не должны быть лишены монахи, ибо во всѣ времена и у всѣхъ народовъ это право въ отношеніи къ лицамъ, посвятившимъ себя Богу, было уважаемо, и имущества, пожертвованныя благочестіемъ вѣрныхъ на поддержаніе богослуженія и священнослужителей, всегда щадились какъ по законному ихъ происхожденію, такъ и высокому и священному ихъ употребленію. Въ заключеніе, нельзя не замѣтить, что постановленіе объ отобраніи этихъ имуществъ не согласно съ прежними императорскими постановленіями и новыми многихъ даже не-католическихъ, но не революціонныхъ правительствъ Европы; оно открываетъ путь къ коммунизму и нарушаетъ публичное довѣріе, достоинство и честь предшественниковъ его величества....

«Когда русское правительство относилось къ святому престолу съ требованіемъ, чтобы епископамъ предоставить право распоряженія надъ монастырями, то ему было замѣчено, во-первыхъ, что монастыри, на основаніи древнѣйшихъ привилегій,

изъяты изъ-подъ власти епископовъ и непосредственно подчинены святому престолу, но что это не препятствуетъ епископамъ пользоваться надъ ними правомъ юрисдикціи въ случаяхъ, довольно частыхъ, но опредѣленныхъ канонами и особенно тридентинскимъ соборомъ. Во-вторыхъ, надо замѣтить, что св. престолъ иногда, въ случаѣ особыхъ обстоятельствъ, уступалъ эту власть епископамъ, облекая ихъ званіемъ апостольскаго визитатора временно (ad tempus), какъ поступилъ Пій VI въ отношеніи къ Сестренцевичу въ 1778 г. Эти соображенія были представляемы русскому правительству въ 1817 г., когда оно требовало тѣхъ же правъ для польскихъ епископовъ, и святой престолъ не согласился на ненавистную (odiosissima) мѣру и совершенно новую въ исторіи церкви, въ качествѣ общей и постоянной мѣры, лишить монашескіе ордена устройства и управленія, основаннаго на каноническихъ правилахъ, по которымъ, въ отдѣльныхъ областяхъ, монастыри подчиняются провинціаламъ, находящимся въ зависимости отъ генераловъ орденовъ или другихъ властей, опредѣленныхъ святымъ престоломъ. Наконецъ, не можетъ подлежать сомнѣнію, что изъять монастыри изъ-подъ власти орденскихъ начальствъ, было бы равносильно уничтоженію бдительнаго за ними надзора, визитацій и капитуловъ провинціальныхъ и генеральныхъ, въ чемъ заключалась бы главнѣйшая причина паденія дисциплины; ибо епископы недостаточно знакомы съ постановленіями каждаго ордена, чтобы своевременно оказывать имъ помощь въ ихъ нуждахъ, и не могутъ, за множествомъ пастырскихъ заботъ, всегда быть къ тому готовы».

Въ заключеніе, кардиналъ статсъ-секретарь выразилъ слѣдующее мнѣніе о причинахъ, которыя побудили наше правительство прибѣгнуть къ сокращенію числа монастырей:

«Эти причины сводятся въ собственномъ смыслѣ только къ двумъ: недостаточному числу монаховъ, во многихъ изъ нихъ, менѣе осьми, и къ тому участію, которое принимали монахи въ послѣднемъ мятежѣ.

«И въ указѣ 1832 г., которымъ уничтожено множество монастырей въ русско-польскихъ провинціяхъ, упоминается тоже о каноническихъ постановленіяхъ, о числѣ монаховъ. Но не говоря о томъ, что, по декрету Иннокентія X, монастыри, съ недостаточнымъ числомъ монаховъ по каноническимъ правиламъ, не предназначались къ уничтоженію, но отдавались въ вѣдомство епархіальнаго начальства; не говоря о томъ, что рѣшеніе, когда эти каноническія правила должны быть прилагаемы къ частнымъ случаямъ, принадлежитъ власти св. престола, которому

они обязаны своимъ происхожденіемъ; не говоря о томъ, что малые монастыри, особенно гдѣ недостаточно бѣлаго духовенства, чрезвычайно полезны и даже необходимы для духовныхъ потребностей вѣрующихъ,—слѣдуетъ замѣтить только, что значительное уменьшеніе числа монаховъ въ польскихъ монастыряхъ зависѣло отъ тѣхъ преградъ, которыя полагало правительство для желавшихъ вступить въ монашество. Что касается до второй причины, указанной въ постановленіи, то императору извѣстны правила св. престола въ отношеніи къ вѣрности, покорности и повиновенію свѣтскому государю въ дѣлахъ гражданскихъ (nell'ordino civile). По тому, что монашествующіе въ послѣднихъ происшествіяхъ отступили отъ этихъ правилъ, — нарушеніе ихъ *нѣкоторыми* не можетъ служить поводомъ къ уничтоженію *всѣхъ*; и еслибы императорское правительство представило свои жалобы св. престолу, то онъ не замедлилъ бы принять дѣйствительныя мѣры. Нельзя не повторять постоянно, что существенная причина этихъ *безпорядковъ* заключалась въ новыхъ постановленіяхъ правительства, клонившихся ко вреду католической религіи, производившихъ соблазнъ для вѣрующихъ и разрушавшихъ уваженіе. Эти нововведенія и постановленія, которыя, вѣроятно, послужили поводомъ къ паденію дисциплины въ монастыряхъ, нѣкогда столь святыхъ и цвѣтущихъ, состояли особенно въ запрещеніи свободно сноситься съ апостольскимъ престоломъ, въ совершенной независимости монастырей отъ ихъ орденскихъ генераловъ, въ уничтоженіи провинціаловъ, и потому визитацій и капитуловъ, въ предписаніи о произнесеніи монашескихъ обѣтовъ, разрушавшихъ отъ начала до конца всѣ каноническія правила, о религіозномъ воспитаніи, ученіи въ университетѣ и лицеяхъ; и наконецъ—въ Петербургѣ не было представителя св. престола».

Мы привели подробныя выписки изъ этой послѣдней, между помѣщенными въ папскомъ сборникѣ, ноты римскаго правительства, чтобы показать, какимъ языкомъ оно позволяло себѣ говорить съ русскимъ дворомъ послѣ того, какъ польскій мятежъ былъ усмиренъ, и участіе въ немъ духовенства вполнѣ обнаружено вмѣстѣ съ тѣми отношеніями, въ какихъ находился къ нему римскій престолъ. Конечно, на эту ноту не послѣдовало отвѣта, какъ и на многія другія заявленія. Было несовмѣстно съ достоинствомъ Россіи и ея императора, нашему правительству входить въ пререканія съ подобными противниками. Съ большею частію доказательствъ, и въ этой нотѣ повторенныхъ римскимъ дворомъ, намъ уже не разъ приходилось встрѣчаться въ этомъ изслѣдованіи, и мы говорили уже о ихъ силѣ и зна-

ченіи. Поэтому, избѣгая повтореній, мы укажемъ только на тѣ особенности, съ которыми повторяются старыя доказательства въ новой нотѣ, и прежде всего разсмотримъ новый взглядъ римскаго престола на право монаховъ владѣть имуществами.

Во все продолженіе многовѣковой своей жизни, римская церковь, при постоянномъ стремленіи ея духовенства скоплять какъ можно болѣе имуществъ въ своихъ рукахъ, не основывала этого права на правѣ вообще *лица* владѣть имуществомъ, на правѣ частной собственности. Оно помнило завѣтъ божественнаго основателя христіанской вѣры въ отношеніи къ служителямъ алтаря, и, въ безконечныхъ спорахъ о церковныхъ имуществахъ со всѣми европейскими государствами, *никогда* не называла ихъ имуществами духовенства, какъ *лицъ;* по *достояніемъ бѣдныхъ*, имуществами, предназначенными для поддержанія церквей, отправленія богослуженія, содержанія благотворительныхъ и вообще благочестивыхъ учрежденій, ввѣренныхъ попеченію духовенства. Духовныя лица считались только *хранителями* этихъ имуществъ, и сами, единственно въ качествѣ *служителей* церкви и *бѣдныхъ*, могли пользоваться частію доходовъ. Между тѣмъ, въ нотѣ кардинала Антонелли, 30 января 1865 г., выраженъ совершенно новый, даже для латинской церкви, взглядъ, и право собственности духовенства основано на *естественномъ правѣ всякого человѣка* пріобрѣтать имущества и владѣть ими. Но этого еще мало: какъ въ православной, такъ и въ латинской церкви, въ числѣ главнѣйшихъ монашескихъ обѣтовъ заключается именно отказъ отъ права собственности; между тѣмъ, въ нотѣ кардинала Антонелли прямо выражено, что *монахи*, въ качествѣ *лицъ*, имѣютъ право на пріобрѣтеніе и обладаніе имуществомъ (che il diritto di acquistare e di possedere è naturale in ogni uomo, che da questo diritto non sono e non possono essere esclusi i regolari!) Неужели, въ заботахъ о поддержаніи падающей свѣтской власти папъ, римскій дворъ забылъ о коренныхъ правилахъ церкви, объ отношеніяхъ монашествующихъ къ имуществу, и полагаетъ даже, что правительство страны, неизмѣнно сохраняющей уставы вселенской церкви, не знаетъ этихъ правилъ?

Нельзя не замѣтить также постояннаго и умышленнаго, конечно, смѣшенія понятій о сокращеніи числа монастырей съ совершеннымъ ихъ уничтоженіемъ, о распоряженіяхъ свѣтской власти, какъ будто-бы они касались существенныхъ догматовъ, а не внѣшней только стороны церковной дисциплины, непосредственно соприкасающейся съ общею гражданскою и государственною жизнію. Многія изъ возраженій имѣли бы нѣкоторое значеніе, еслибъ дѣло шло объ уничтоженіи всѣхъ монасты-

рей, а не сокращеніи только ихъ числа, о наказаніи *всѣхъ*, какъ выражается кардиналъ, монаховъ за преступленія *нѣкоторыхъ*, о нарушеніи догматовъ; но ничего подобнаго не было. Отказаться же русскому правительству отъ всякаго отношенія къ латинской церкви, значило бы отказаться отъ своихъ верховныхъ правъ.

Переходя къ происшествіямъ послѣдняго времени, обвинительная записка римскаго двора подробно перечисляетъ дѣйствія нашего правительства, въ которыхъ, по его мнѣнію, обнаруживается преслѣдованіе латинской церкви. Осудивъ ограниченіе права патроната, которое самъ Римъ постоянно порицалъ и преслѣдовалъ, и уничтоженіе десятинъ, она говоритъ: «Во время кровавыхъ столкновеній, духовныя лица только за то, что не отказывали въ пособіяхъ вѣры раненымъ въ сраженіяхъ и мятежникамъ, были удаляемы и заключаемы въ тюрьмы; монастыри были обращаемы для постоя войскамъ; священные сосуды и церковныя украшенія предаваемы разграбленію; ничтожныя жалованья епископовъ и капитуловъ обремепяемы контрибуціями, весьма значительными во все время осаднаго положенія. Во многихъ приходахъ были прерваны церковныя службы и самое отправленіе таинствъ почти сдѣлалось невозможнымъ, потому, что ксендзовъ постоянно ссылали во внутрь имперіи или въ Сибирь, и такія мѣры принимались по преимуществу въ отношеніи къ приходамъ, въ которыхъ старались противодѣйствовать распространенію ереси. Въ виду такихъ намѣреній генералъ Муравьевъ, назначенный въ это время генералъ-губернаторомъ Литвы, предпринималъ жестокія мѣры для того, чтобы обрусить литовскія губерніи, посылая тысячами русскихъ какъ въ города, такъ и въ села, гдѣ были лишены собственности помѣщики, изгнаны или сосланы въ Сибирь, гдѣ граждане и народъ были принуждаемы или переселяться въ отдаленныя варварскія страны или измѣнять своей вѣрѣ. Съ этою цѣлію, вмѣстѣ съ еретическимъ митрополитомъ литовскимъ, предположили учредить еретическую богословскую академію въ Вильнѣ для вспомоществованія распространенію господствующаго исповѣданія; увѣдомляли еретическаго калужскаго епископа о тѣхъ мѣрахъ, которыя предполагали принять въ отношеніи къ сельскому управленію и въ отношеніи къ первоначальному образованію; чтобы разрушить въ Литвѣ латинскія и польскія начала, разослали секретный циркуляръ о томъ, чтобы обученіе крестьянъ не было ввѣряемо католикамъ, изгнали изъ катихизиса и школъ польскій языкъ, и образовали сельскія школы подъ управленіемъ еретическихъ священниковъ въ видахъ русской народности и вѣры. Съ этою же цѣлію еретическій минскій епископъ разослалъ по своей паствѣ пастырское по-

сланіе, въ которомъ увѣщевалъ духовенство не употреблять польскаго языка, и праздновалось въ Вильнѣ, какъ особое торжество, двадцати-пятилѣтіе несчастнаго отпаденія, насильственными способами, греко-уніатовъ отъ католической церкви. Между тѣмъ, какъ такими мѣрами распространяли ересь въ Литвѣ, преслѣдуя насильственнымъ образомъ католическую церковь, почтенный епископъ виленскій, потому только что не одобрялъ насильственныхъ и несправедливыхъ дѣйствій правительства, былъ похищенъ у своей паствы и удаленъ въ изгнаніе, въ невѣдомыя страны. Мало того: новый поступокъ, небывалый въ лѣтописяхъ церкви, явно показалъ отношенія русскаго правительства къ епископской власти. Правительственнымъ постановленіемъ уважаемый прелатъ варшавскій былъ лишенъ епископской юрисдикціи въ своей епархіи, запрещено его прихожанамъ имѣть съ нимъ сношенія и сдѣлано распоряженіе, чтобы на мѣсто угнетеннаго епископа назначенъ былъ въ качествѣ администратора монсиньоръ Ржевускій, его суффраганъ и викарій [1])».

Читая эти строки и забывая о времени, въ которое мы живемъ, можно бы подумать, что рѣчь идетъ о временахъ Діоклетіана; но вспоминая, что между русскимъ правительствомъ, искони отличавшемся вѣротерпимостію, и римскими и языческими императорами, гонителями христіанской церкви, ничего нѣтъ общаго, точно такъ же, какъ ничего общаго между папизмомъ и древнею христіанскою церковью, невольно задумываешься: для кого это писано, кого желали обмануть, и, наконецъ, чего-же хотѣло само папское правительство?!

Исторію обмануть нельзя, особенно въ наше время; что-же касается до желаній папскаго правительства, то въ этомъ отношеніи и сомнѣній быть не можетъ: самъ Римъ выразилъ ихъ съ совершенною ясностію. Въ то время, какъ въ переговорахъ съ нашимъ правительствомъ папа *конфиденціально* порицалъ мятежныя дѣйствія польскаго духовенства, онъ отказывался открыто выразить свое неодобреніе, а напротивъ, тайными путями поощрялъ его упорно слѣдовать избранному ими направленію. «24-го апрѣля 1865 г., когда праздновалась память св. Фиделія Сигмарингенскаго, папа произнесъ, въ коллегіи пропаганды, аллокуцію, которой смыслъ и выраженія въ послѣдствіи хотѣли смягчить, но въ которой однакоже Пій IX прямо обвинялъ лично императора въ угнетеніи церкви, покушеніи на католическую вѣру и преслѣдованіи несчастныхъ, - которыхъ вина состояла только въ томъ,

---

[1]) Esposiz. document. стр. 46—48.

что они до смерти пребывали вѣрными религіи Христа [1])». Въ посланіи къ польскому духовенству, 30-го іюня 1864 г., тайно доставленномъ варшавскому епископу-суффрагану, Пій IX мѣры русскаго правительства противъ мятежниковъ называетъ «ожесточенною войною, воздвигнутою имъ противъ католической церкви, ея правъ и духовенства», осуждаетъ эти мѣры, а напротивъ епископа Феллинскаго, за его дѣйствія, называетъ «достойнымъ всякой хвалы», повелѣваетъ повиноваться его предписаніямъ вопреки распоряженію правительства, отмѣняетъ это распоряженіе и предписываетъ, съ своей стороны, духовенству *до конца быть* вѣрнымъ тому образу дѣйствій, которому оно до сихъ поръ слѣдовало [2]). А между тѣмъ польское духовенство въ это время торжественно заключало союзъ съ революціею и вступало въ распоряженіе подземнаго центральнаго комитета, приводило къ присягѣ повстанцевъ и жандармовъ-вѣшателей, освящало отравленные ядомъ кинжалы тайныхъ убійцъ, съ оружіемъ въ рукахъ дѣйствовало въ шайкахъ мятежниковъ, въ церквахъ, и особенно монастыряхъ, устроивало имъ притоны, склады оружія и запасы пищи и одежды. Римскій дворъ очевидно хотѣлъ, чтобы русское правительство не противодѣйствовало вооруженному возстанію, не принимало мѣръ противъ мятежниковъ, въ силу естественнаго самоохраненія, потому только, что въ немъ принимало дѣятельное участіе польское духовенство, пользуясь покровительствомъ папскаго правительства; чтобы русскіе люди добровольно отдали себя въ жертву безчестнымъ убійцамъ, и русское государство отказалось отъ своего историческаго призванія и значенія въ пользу безсильной Польши, и притомъ не дѣйствительно

---

[1]) Записка кн. Горчакова 7-го янв

[2]) Esposiz. document № LXXXI, стр. 237—41: At etiam in hoc acerrimo bello a russico gubernio catholicae ecclesiae, ejusque sacris juribus, ministris, rebusque illato, alium novum prorsus in ecclesiae fastis, et ante hunc diem inauditum ausum lamentari et exprobare cogimur, ven. fratres. Siquidem gubernium ven. fr. Sigismundum egregium, omnique laude dignum Varsaviensem archiepiscopum a suo grege divulsum in longinquas regiones amandavit, verum etiam non dubitavit decernere, eundem, ven fr, episcopali in Vars. diocesim auctoritate et jurisdictione esse privatum et nemmem e sua diocesi cum ipso posse communicare... Verba quidem desunt, ven. fr., ad hujusmodi factum reprobandum ac detestandum. Ecquis enim non vehementissime mirabitur, cum sciat eo advenisse russicum gubernium, ut perperam autumet et audeat, episcopos, quos Spiritus Sanctus posuit regere ecclesiam Dei, sacra eorum auctoritate ipsis a Deo tradita, et nullo prorsus modo laicae potestati unquam obnoxia privare, eosque a propriae diocesis regimine et procuratione amovere? Dum autem haec reprobamus et damnamus, eodem tempore clare aperteque declaramus, neminem memoratae ordinationi posse obedire, omnesque Varsaviensis diocesis fideles debere eidem ven. fratri Sigismundo sedulo obtemperare, qui verus legitimusque est Varsaviensis antistes.

существующей, а созданной болѣзненнымъ воображеніемъ эмиграціи. Притязанія Рима простирались такъ-же широко, какъ и притязанія повстанцевъ: папскій дворъ негодуетъ, жалуется предъ *всѣмъ свѣтомъ*, по его выраженію, что въ западныхъ губерніяхъ имперіи русскій народъ не хочетъ отказаться отъ своей народности и вѣры и превратиться въ поляковъ и папистовъ. Опытъ многихъ столѣтій противоборства этого народа насилію и хитрости поляковъ и ксендзовъ безплодно прошелъ для Рима, и онъ называетъ гоненіемъ латинской церкви тѣ мѣры, которыя русское правительство, внемля воплямъ угнетеннаго народа, приняло для того, чтобъ положить предѣлъ коварной и насильственной пропагандѣ польской и латинской. Римъ мечтаетъ о старой Польшѣ въ границахъ 1772 г., вмѣстѣ съ повстанцами!

Не считая нужнымъ доказывать, до какой степени подобныя желанія несогласны съ ученіемъ христіанской церкви и, глубоко скорбя о томъ крайнемъ паденіи, до котораго дошла одна изъ старѣйшихъ церквей западной Европы, не можемъ не удивляться однако же, что въ этомъ случаѣ оставили Римъ его обычное благоразуміе и осторожность, и онъ самъ выдалъ себя. Неужели, публично возвѣщая свои притязанія, онъ думалъ, что Россія можетъ согласиться на разрушеніе себя самой въ угоду папы, откажется отъ естественнаго права необходимой обороны, и мятежнымъ толпамъ шляхты и ксендзовъ принесетъ въ жертву мирный польскій народъ, непринимавшій участія въ ихъ дѣйствіяхъ, и на русское правительство возлагавшій всѣ свои надежды, и даже позволитъ отторгнуть отъ себя русскія области и насильственно ихъ ополячить и совратить въ латинство!

Римскому двору были хорошо извѣстны причины, понудившія наше правительство первоначально удалить архіепископа Феллинскаго изъ Варшавы и потомъ прервать его сношенія съ епархіею. По удаленію въ Ярославль, онъ, несмотря—«на формальное и письменное обѣщаніе, тайно посылалъ предписанія своему викарію Ржевускому поддерживать церковный трауръ въ царствѣ польскомъ». Несмотря на то, папа восхваляетъ его дѣйствія въ указанномъ выше посланіи къ польскимъ епископамъ, 30 іюля 1864 г., и въ тоже время настойчиво требуетъ посвященія въ уніатскіе епископы М. Калинскаго, явно обличеннаго въ участіи въ мятежныхъ замыслахъ и фанатически обращавшаго уніатовъ въ латинство, вводя въ ихъ служеніе обряды и церемоніи римской церкви [1]). Самъ Пій IX — 24 апр. 1864 г.,

---

[1]) Записка кн. Горчакова къ нотѣ 7-го янв.—Espositione documentata, №№ LXXXVIII, LXXXIX и XC; нота кардинала Антонелли 10 февр. 1865 г., стр. 272—77.

въ день праздника Фиделія Сигмарингенскаго, въ упомянутой уже аллокуціи, которой смыслъ и рѣзкія выраженія впослѣдствіи желалъ смягчить римскій дворъ, лично обвинялъ императора въ угнетеніи церкви, гоненіяхъ римско-католическаго исповѣданія и преслѣдованіи несчастныхъ за то, что они до смерти оставались вѣрными вѣрѣ І. Христа. За этою аллокуціею послѣдовало и посланіе папы къ польскимъ епископамъ, 30 іюля 1864 г., въ которомъ выразилось тоже воззрѣніе папы на польскій мятежъ.

Такія дѣйствія римскаго престола должны были положить конецъ долготерпѣнію русскаго правительства. Долго, и даже слишкомъ можетъ быть долго, оно не рѣшалось на крайнія мѣры, недоумѣвая, въ виду не подлежавшихъ сомнѣнію отношеній къ нему Рима, какъ можетъ представитель христіанской вѣры западнаго патріархата поощрять мятежъ и одобрять участіе въ немъ духовенства, и желало объяснить дѣйствія папскаго двора незнаніемъ обстоятельствъ и ложными внушеніями. Но ходъ событій неминуемо привелъ къ неизбѣжнымъ историческимъ послѣдствіямъ. «Было бы несовмѣстно съ достоинствомъ императора продолжать пребываніе посланника при дворѣ государя, который такъ относился къ его величеству. Г. Киселевъ былъ отозванъ изъ Рима, а завѣдываніе дѣлами императорскаго посольства поручено было первому секретарю, барону Мейендорфу, которому дано было вмѣстѣ съ тѣмъ приказаніе держаться въ сторонѣ и, по собственной иниціативѣ, не дѣлать никакихъ дипломатическихъ заявленій. Въ тоже время императорское правительство, считая безполезнымъ поддерживать постоянныя сношенія съ дворомъ, очевидно, враждебнымъ и недоброжелательнымъ, ограничилось тѣмъ, что увѣдомляло папское правительство о полученіи доставляемыхъ отъ него сообщеній, не вступая ни въ какія разсужденія. Исполняя предписанія правительства, баронъ Мейендорфъ не являлся даже въ Ватиканъ въ продолженіе цѣлаго года. Наконецъ, ему дано было сторонною знать (officieusement), что отчужденіе, въ какомъ онъ себя держитъ, производитъ на папу весьма тягостное впечатлѣніе, и что папа былъ бы очень доволенъ, если бы баронъ Мейендорфъ пересталъ чуждаться Ватикана. Испросивъ разрѣшенія императорскаго правительства, баронъ Мейендорфъ долженъ былъ засвидѣтельствовать свое почтеніе папѣ при представленіи, по случаю праздниковъ Рождества Христова, всѣхъ членовъ дипломатическаго корпуса». 15 декабря 1865 г., онъ представлялся папѣ, и эта аудіенція, надѣлавшая столько шуму, была послѣдняя. Газеты наполнялись ложными разсказами, на которыя однако же наше прави-

тельство не считало приличнымъ отвѣчать, потому что при этой аудіенціи не присутствовалъ никто изъ постороннихъ, и, стало быть пришлось бы противупоставлять свидѣтельства простого дипломатическаго чиновника заявленіямъ римскаго первосвященника и государя. Но и въ этомъ случаѣ римскій дворъ прервалъ молчаніе. Въ запискѣ, 15 ноября 1866 г., онъ такъ разсказываетъ это происшествіе:

«При представленіи русскаго уполномоченнаго, разговоръ склонился къ указанію на печальное положеніе религіозныхъ дѣлъ, и первосвященникъ не могъ не выразить громко жалобъ на препятствія къ посвященію избраннаго въ епископы Холмской епархіи, приписывая ихъ не императору, котораго великодушіе ему извѣстно, но тѣмъ, которые злоупотребляютъ его довѣріемъ. Затѣмъ онъ выразилъ свое сокрушеніе, что архіепископъ Феллинскій до сихъ поръ находится въ удаленіи отъ своей епархіи, что его викарій содержится въ заключеніи, что варшавскій капитулъ угрожается постоянными насиліями со стороны директора внутреннихъ дѣлъ и исповѣданій, который, стѣсняя совѣсть его членовъ, побуждаетъ ихъ избрать викарія на каѳедру, которая имѣетъ своего архіепископа, и, когда въ числѣ самыхъ членовъ капитула, есть два каноника въ качествѣ представителей этого прелата. Повѣренный въ дѣлахъ не поколебался однако же опровергать достовѣрность всѣмъ извѣстныхъ фактовъ, и, сдѣлавъ нѣсколько неприличныхъ намековъ въ отношеніи къ самому святому отцу, дозволилъ себѣ сказать, что ничего бы не случилось подобнаго, если бы католики вели себя такъ, какъ вели протестанты. Эти послѣдніе, ставъ во время возмущенія на сторону правительства, получили отъ него много льготъ, въ которыхъ католикамъ было отказано за ихъ враждебныя отношенія къ правительству; и, наконецъ, онъ простеръ свою дерзость до того, что сказалъ, будто онъ ни мало не удивляется тому, что подобнымъ образомъ поступали католики, потому что католицизмъ тождественъ съ революціею. При этихъ словахъ святой отецъ, воспламенясь справедливымъ негодованіемъ и считая въ своемъ лицѣ оскорбленными всѣхъ вѣрующихъ, которыхъ онъ почитается августѣйшею главой, сказалъ, отпуская отъ себя повѣреннаго въ дѣлахъ: — Я уважаю и почитаю его величество императора; но не могу сказать того же въ отношеніи его повѣреннаго въ дѣлахъ, который, конечно, вопреки воли своего государя, рѣшился наносить мнѣ оскорбленія въ собственномъ моемъ кабинетѣ. — Это неприличное происшествіе, послужившее началомъ тѣхъ отношеній, въ которыхъ находится теперь святой престолъ съ петербургскимъ кабинетомъ,

не могло не огорчить святого отца потому, что императорское правительство, къ великому его удивленію, не опорочило неслыханнаго поведенія своего уполномоченнаго и не устранило такимъ образомъ затрудненій, которыя встрѣтитъ святой престолъ въ случаѣ назначенія новаго посланника».

Къ сожалѣнію, и въ этомъ случаѣ, какъ и часто бываетъ, разсказъ римскаго двора оказался не вѣренъ и вызвалъ слѣдующій отвѣтъ со стороны нашего правительства:

«Повѣренный въ дѣлахъ русскаго правительства не позволилъ себѣ сказать, будто бы католицизмъ и революція одно и тоже. Онъ сказалъ, что въ Польшѣ католицизмъ вступилъ въ союзъ съ революціей. Этотъ печальный фактъ, не подлежащій ни малѣйшему сомнѣнію, перешолъ уже въ область исторіи. Римскому двору онъ былъ неоднократно поставляемъ на видъ, и отъ него завпсѣло принять мѣры для его предупрежденія. Такъ какъ папа приписывалъ императору намѣреніе воздвигнуть гоненіе на католиковъ, то повѣренный въ дѣлахъ его величества не только могъ, но даже долженъ былъ опровергнуть столь неосновательное обвиненіе, и высказать истину, какъ бы ни была она прискорбна.

«Повѣренный въ дѣлахъ русскаго правительства отпущенъ былъ святѣйшимъ отцомъ съ рѣзкостью, поэтому дипломатическія сношенія съ римскимъ дворомъ становились уже невозможными, и императорское правительство предписало барону Мейендорфу увѣдомить кардинала Антонелли, что, вслѣдствіе пріема, сдѣланнаго его святѣйшествомъ повѣренному въ дѣлахъ, политическая миссія послѣдняго оканчивается, такъ какъ императоръ не можетъ содержать при римскомъ дворѣ представителя интересовъ Россіи, личное достоинство котораго не было бы ограждено отъ оскорбленій.»

Баронъ Мейендорфъ исполнилъ данное ему предписаніе 28-го января (9-го февраля) 1866 года.

Кардиналъ Антонелли, выразивъ свое соболѣзнованіе, спросилъ, долженъ ли онъ считать сдѣланное ему заявленіе — за отозваніе императорскаго посольства. Баронъ Мейендорфъ отвѣтилъ на это, что онъ остается въ Римѣ впредь до дальнѣйшихъ приказаній въ качествѣ простого экспедитора по текущимъ дѣламъ, и что дѣла посольства будутъ идти по прежнему; подобное положеніе дѣлъ продолжалось до 1-го (13-го) марта. Но, конечно, такое неопредѣленное положеніе долго продолжаться не могло. Недосказанное нашимъ правительствомъ *послѣднее* слово выражено было самимъ папою.

«Этого числа кардиналъ Антонелли заявилъ барону Мейен-

дорфу оффиціально — что, послѣ сдѣланнаго имъ объявленія о томъ, что политическая его миссія окончилась, римскій дворъ считаетъ русское посольство болѣе несуществующимъ; если папа не выслалъ ему паспортовъ, то сдѣлалъ это только потому, что святѣйшему отцу было извѣстно, что онъ долженъ будетъ уѣхать чрезъ нѣсколько недѣль; такъ какъ онъ самъ объявилъ, что остается въ Римѣ, ожидая дальнѣйшихъ приказаній, въ качествѣ простого экспедитора текущихъ дѣлъ, то его эминенція согласился на то, чтобы дѣла посольства продолжали идти по прежнему, и чтобы онъ могъ привести эти дѣла къ окончанію до своего отъѣзда; что святѣйшій отецъ откажется принять преемника, который назначенъ будетъ на мѣсто барона Мейендорфа по отъѣздѣ послѣдняго изъ Рима; что святѣйшій отецъ не желаетъ, чтобы въ Римѣ учредилось снова русское посольство, и что баронъ Мейендорфъ можетъ поручить защиту интересовъ русскихъ подданныхъ представителямъ иной какой-либо державы.

«Вслѣдствіе подобнаго заявленія, второй секретарь русскаго посольства, остававшійся въ Римѣ для храненія архивовъ, получилъ немедленно приказаніе снять государственный гербъ съ фронтона дома, занимаемаго русскимъ посольствомъ, и заявить кардиналу Антонелли, что такъ какъ папа сдѣлалъ первый шагъ къ разрыву, то его величество слагаетъ съ себя отвѣтственность за могущія возникнуть послѣдствія» [1]).

Такъ окончились сношенія нашего правительства съ римскимъ престоломъ.

Дальнѣйшія мѣры въ отношеніи къ устройству и управленію латинской церкви въ имперіи и царствѣ польскомъ, открываютъ новую эпоху отношеній къ папѣ, какъ главѣ этой церкви. Мы должны остановиться, такъ сказать, въ преддверіи этой, только начинающейся эпохи, которая, послѣ отмѣны конкордата, вызоветъ, конечно, органическія измѣненія въ тѣхъ частяхъ нашего законодательства, которыя связаны съ правилами, изложенными въ конкордатѣ 1847 г., и построены на ихъ основаніи.

---

[1]) Записка кн. Горчакова къ нотѣ 7-го янв 1866 г., и Esposizione documentata, стр. 53 и 54.

Представивъ отношенія нашего двора къ римскому престолу, по возможности подробно, на сколько позволили намъ доступные теперь для всѣхъ документы, мы не можемъ не обратиться назадъ, чтобы окинуть ихъ послѣднимъ, общимъ взглядомъ.

Безъ сомнѣнія, Россія и Римъ поставлены исторіею совершенно въ иныя отношенія между собою, нежели всѣ другія государства западной Европы. Поэтому, еслибъ Россія захотѣла въ своихъ къ нему отношеніяхъ дѣйствовать также, какъ и другія государства, или, еслибъ Римъ измѣрялъ Россію по той же мѣркѣ, по какой измѣряетъ другія государства; то, безъ сомнѣнія, обѣ державы ошиблись бы въ своихъ разсчетахъ, и неумолимый законъ исторической правды поставилъ бы ихъ подъ-конецъ въ безвыходное положеніе.

Слѣдующія два обстоятельства придаютъ особенныя свойства этимъ отношеніямъ: во 1-хъ, господствующее въ Россіи исповѣданіе принадлежитъ, по праву, къ единой вселенской христіанской церкви, между тѣмъ римскій католицизмъ объявляетъ свои исключительныя притязанія на вселенское значеніе; и во 2-хъ, римскій католицизмъ въ Россіи тождественъ съ польскою народностью и съ ея притязаніями.

Когда къ Россіи было присоединено, при императрицѣ Екатеринѣ, нѣсколько областей бывшаго польскаго королевства, въ которыхъ народонаселеніе принадлежало къ русскому племени, частію исповѣдывало православную вѣру, частію находилось въ уніи, и только въ незначительномъ меньшинствѣ, хотя и обладавшемъ властію, какъ все тамошнее польское или ополяченное дворянство, принадлежало къ латинской церкви; тогда только наше правительство вступило въ постоянныя и частыя сношенія съ римскимъ дворомъ. Наше правительство, признавая православную церковь господствующею, предоставило полную свободу латинскому исповѣданію, согласно съ торжественно выраженнымъ императрицею Екатериною началомъ вѣротерпимости и пользованія всѣми правами, какими она до того времени была надѣлена, — но, конечно, безъ вреда для государственной власти имперіи и господствовавшей въ ней церкви.

Могла ли латинская церковь спокойно продолжать свое существованіе при этихъ условіяхъ?

Если припомнимъ сношенія Россіи съ польскимъ королевствомъ, во все время независимаго существованія послѣдняго, то замѣтимъ, что однимъ изъ главныхъ фактовъ былъ слѣдующій: польское правительство, находившееся постоянно подъ вліяніемъ латинскаго духовенства, отличалось нетерпимостью и пре-

слѣдовало всѣ исповѣданія, а особенно православную церковь, къ которой принадлежало все населеніе ея русскихъ и литовскихъ областей. Преслѣдуемые православные подданные Польши постоянно обращались къ Россіи, ходатайствуя о заступничествѣ; Россія постоянно обращалась къ польскому правительству, совѣтуя ему не употреблять насильственныхъ мѣръ въ дѣлѣ вѣры и совѣсти. Польское правительство постоянно обѣщало положить предѣлъ религіознымъ преслѣдованіямъ, и никогда не имѣло достаточно силы исполнить свои обѣщанія, находясь подъ вліяніемъ духовенства и клерикальной партіи. Послѣдствіями такого положенія дѣлъ были съ одной стороны—унія, а съ другой,—постоянныя отторженія областей отъ Польши, начавшіяся съ Малороссіи и окончившіяся раздѣломъ Рѣчи-Посполитой въ 1794 г.

Судьба уніатской церкви въ предѣлахъ имперіи была главнѣйшимъ обстоятельствомъ, опредѣлившимъ наши отношенія къ папскому двору. Римъ смотрѣлъ на унію, какъ на временную сдѣлку, которая, рано или поздно, должна окончиться полнымъ присоединеніемъ уніатовъ къ латинской церкви. Поэтому онъ поощрялъ переходы изъ уніи въ латинство, постоянно вводилъ латинскіе обряды въ уніатское богослуженіе, латинскіе обычаи и ученія. Такое стремленіе Рима естественно вызвало противодѣйствіе, выразившееся въ желаніи поддержать чистоту обрядовъ и ученій, одинаковыхъ съ православною церковію. Въ то время, какъ эти области присоединились къ имперіи, уніатское исповѣданіе уже значительно было искажено латинскими нововведеніями и взволновано постоянною борьбою съ латинскою пропагандою. Все уніатское монашество уже превратилось въ римско-католическій орденъ и сдѣлалось усерднымъ орудіемъ Рима въ дѣлѣ совращенія уніатовъ, а равно и бо̀льшая часть высшаго духовенства. Но народъ, низшее духовенство и нѣкоторые изъ епископовъ, большею частію тѣ, которые изъ бѣлаго духовенства достигали до этого сана, желая поддержать чистоту своего исповѣданія, постоянно находились съ ними въ борьбѣ. Въ этой борьбѣ правительство не могло не принять участія и не преградить пути для латинской пропаганды, уже потому, что она пользовалась всѣми насильственными средствами для достиженія своихъ цѣлей и потому, что до него доходили непрерывныя жалобы и просьбы о защитѣ. Но лишь только были приняты нѣкоторыя мѣры противъ явныхъ насилій со стороны латинскаго духовенства и польскихъ пановъ, какъ, въ 1794 году, присоединились къ православной церкви болѣе полутора милліона уніатовъ. Въ то время Римъ еще не позволялъ себѣ говорить о насильственныхъ мѣрахъ обращенія; да никакое насиліе и не

могло бы присоединить къ православной церкви такое количество лицъ въ продолженіе почти одного года. Насиліе, напротивъ, было съ другой стороны, — со стороны латинскаго духовенства, польскихъ пановъ, и отчасти отъ мѣстной администраціи, увлекаемой ихъ кознями, которыя, по смерти великой императрицы, продолжали постоянно усиливаться и развиваться. Въ слѣдствіе такого положенія дѣлъ, не только пріостановлено было возвращеніе уніатовъ въ православную церковь, но, усилившіеся у насъ іезуиты увѣрили даже императора Павла Петровича, что всѣ уніаты, которые желали присоединиться къ православію, уже присоединились въ 1794 г., а остальные уже тѣмъ самымъ изъявили готовность присоединиться къ латинской церкви, такъ что съ этого времени особаго уніатскаго исповѣданія и не существуетъ болѣе въ имперіи. Усиленная полонизація этого края въ первую четверть текущаго столѣтія, постоянно увеличиваясь, вполнѣ благопріятствовала видамъ латинскаго духовенства и пановъ.

Казалось, безъ всякаго противодѣйствія, истощены были всѣ способы насилія и коварства, чтобы не только обратить уніатовъ въ латинство, но и ополячить — и, несмотря на это, существованіе уніатскаго исповѣданія, какъ отдѣльнаго и самостоятельнаго въ отношеніи къ латинству, заявляло себя болѣе и болѣе постоянною борьбою, продолжавшеюся въ немъ самомъ, между двумя сторонами. Съ трудомъ пробивали себѣ путь жалобы уніатовъ на притѣсненія со стороны римскихъ католиковъ; медленно, шагъ за шагомъ достигало уніатское исповѣданіе признанія за нимъ права самостоятельнаго и независимаго отъ латинской церкви существованія. Но лишь только оно достигло этой цѣли и лишь только, послѣ польскаго мятежа 1830 года, положены были преграды полонизаціи западныхъ губерній, какъ вновь, дѣйствительно уже, почти всѣ, уніаты присоединились къ православію. Съ этого времени въ собственномъ смыслѣ и начался разрывъ между Римомъ и нашимъ правительствомъ.

Нѣтъ сомнѣнія, что папскій дворъ не могъ равнодушно смотрѣть на присоединеніе уніатовъ; но онъ, съ голосу поляковъ и ксендзовъ, заговорилъ о насильственныхъ мѣрахъ со стороны нашего правительства, какъ будто возможны такія насильственныя мѣры, которыми, въ настоящее время, удалось бы отвлечь милліоны народонаселенія отъ церкви, въ которую они не утратили вѣры, и самъ поощрялъ насильственныя мѣры, развившіяся наконецъ въ полный мятежъ, полагая, посредствомъ ихъ, возвратить навсегда утраченное.

Не можетъ подлежать также сомнѣнію и то, что Россія не

могла не принять *съ любовію* въ нѣдра своей церкви, нѣкогда бывшихъ своихъ сыновъ, *отторгнутыхъ* отъ нея *насиліемъ*, но постоянно сохранявшихъ къ ней сочувствіе и влеченіе. Предлагая латинской церкви широкую терпимость въ своихъ предѣлахъ, Россія ограничивала ее только двумя условіями, естественно вытекающими изъ ея значенія какъ самостоятельной державы: неприкосновенностію господствующей церкви и свободою и независимостію верховной своей власти. Поэтому она не могла не положить предѣловъ неразборчивой на средства латинской пропагандѣ, не могла согласиться на требованія Рима и, въ его угоду, нарушить канонническія правила нашей церкви, какъ, напримѣръ, о дѣтяхъ отъ смѣшанныхъ браковъ. Охраняя прежде всего свою государственную самостоятельность, Россія не могла дозволить непосредственныхъ сношеній съ папою, какъ съ главою латинской церкви, который, въ тоже время, и независимый свѣтскій государь; не могла допустить подчиненія монашескихъ орденовъ властямъ, находящимся внѣ предѣловъ государства, и не могла, наконецъ, исключить изъ числа своихъ подданныхъ, исповѣдующихъ римскій католицизмъ, хотя бы и въ духовенствѣ, и дозволить имъ не только не признавать законовъ гражданскихъ и государственныхъ имперіи, нарушать ихъ безнаказанно, но даже не карать ихъ за преступныя дѣйствія.

Какъ же Римъ, постоянно стремящійся къ неограниченному господству, могъ относиться къ этой терпимости?

Краснорѣчивый защитникъ папства, котораго слова мы уже не разъ приводили, графъ де-Местръ, въ 1818 г., въ обширномъ разсужденіи, въ которомъ каждая глава начинается словами: «великая держава вредитъ латинской церкви»,—говоритъ между прочимъ: «вредитъ и нѣкотораго рода преслѣдованіемъ, которому она постоянно подвергаетъ эту церковь непосредственно въ своихъ областяхъ и посредственно повсюду. Слово *преслѣдованіе*, конечно, удивитъ и поразитъ слухъ наиболѣе благодушнаго изъ государей (т. е. императора Александра I-го), если только оно до него достигнетъ; но слѣдуетъ только вникнуть въ мысль, чтобы исчезли всѣ недоумѣнія. Преслѣдованіе не предполагаетъ, какъ необходимое условіе—колесованіе, костры и изгнаніе; преслѣдованіе Юліана было гораздо опаснѣе Діоклетіанова и Бонапарта, который это понялъ и усвоилъ себѣ съ дьявольскою ловкостью. Россія хвалится, и ее хвалятъ за терпимость, но обѣ стороны одинаково ошибаются. Россія терпитъ всѣ возможныя *заблужденія*, ибо всѣ заблужденія сродны между собою и легко между собою примиряются. Но не въ такомъ положеніи находится *истина* или, сказать прямѣе, римско-католическая церковь, которая на-

именѣе всего терпима. У императора Россіи, по крайней мѣрѣ, восемь милліоновъ подданныхъ римско-католическаго исповѣданія. До десяти тысячъ находится въ его столицѣ; естественно, что они пользуются правомъ свободно отправлять свое богослуженіе; — это не называется терпимостью, а справедливостію (justice). Но не слѣдуетъ предполагать, что католикъ—терпимъ, даже злоупотребляя этимъ словомъ, когда ему позволяютъ имѣть свой храмъ и слушать въ немъ обѣдню. Та религія не *терпима*, которую не *терпятъ* въ томъ смыслѣ, какъ она сама себя понимаетъ, по ея сущности и ея началамъ (son essence et ses maximes). Конечно, никто бы не сказалъ, что еврейское исповѣданіе терпимо въ такой странѣ, гдѣ бы евреевъ заставляли работать или играть комедіи въ субботніе дни. А именно въ такомъ положеніи находится католическая церковь въ Россіи. Не только она не свободна, но ея самыя основныя начала, наиболѣе существенныя, наиболѣе жизненныя, если можно такъ выразиться, нарушены и отвергнуты безъ милосердія» [1]). Далѣе, гр. де-Местръ подробно излагаетъ эти основныя начала латинской церкви, которыя, по его мнѣнію, заключаются въ полномъ невмѣшательствѣ русскаго правительства въ дѣла церковнаго управленія, которое должно отказаться отъ всякаго наблюденія за дѣйствіями духовенства и избавить его отъ отношеній къ существовавшему въ то время министерству народнаго просвѣщенія и духовныхъ дѣлъ, въ правѣ латинскаго духовенства безотчетно владѣть имуществами и въ свободныхъ и непосредственныхъ сношеніяхъ какъ духовенства, такъ и вообще всѣхъ римско-католиковъ, съ папою.

Вникая въ сущность такого взгляда, нельзя не обратить вниманія на слѣдующія два обстоятельства:

1. Если государство обязано оказывать терпимость каждому вѣроисповѣданію, согласно съ тѣми началами, которыя каждое изъ нихъ считаетъ для себя существенными; то, конечно, терпя напримѣръ магометанъ, оно должно бы безнаказанно дозволить имъ истреблять *гяуровъ*, какъ предписываетъ ихъ вѣроученіе, или истребить самихъ магометанъ въ своихъ предѣлахъ. Но въ послѣднемъ случаѣ и рѣчи быть не можетъ о терпимости.

2. Ни одно изъ основныхъ началъ, на которыя особенно указываютъ ультрамонтаны и ихъ союзники, не имѣетъ религіознаго значенія, не касается ученій и догматовъ латинской церкви, какъ христіанской. Напротивъ, всѣ они чисто политическаго свойства. Дѣйствительно, они требуютъ терпимости для

---

[1]) Lettres et opuscules; изд. 1865 г., томъ II: Sur l'état du christianisme en Europe. стр. 383 — 92.

латинской церкви не въ смыслѣ общества, исповѣдующаго извѣстное вѣроученіе, но въ качествѣ политической корпораціи, — требуютъ не вѣротерпимости, но независимаго церковнаго государства въ нѣдрахъ имперіи. Однимъ словомъ, требуютъ совершенно не того, что предлагаетъ имъ Россія.

Если съ этой точки зрѣнія взглянемъ на мнѣнія и притязанія, изложенныя римскимъ дворомъ въ многочисленныхъ нотахъ, которыми онъ обмѣнивался съ нашимъ правительствомъ въ продолженіи почти цѣлаго столѣтія; то нельзя не замѣтить, что въ нихъ выраженъ тотъ же взглядъ, развитый до послѣднихъ его предѣловъ. Такимъ образомъ, всѣ притязанія Рима сводятся къ одному: основать въ предѣлахъ имперіи особое государство, независимое отъ ея верховной власти и подчиненное исключительно римскому первосвященнику.

Но—какое же это могло быть государство? Мирное-ли въ своихъ отношеніяхъ къ Россіи, какъ постоянно увѣряютъ ультрамонтанскіе писатели и римскій дворъ, или враждебное?

Чтобы отвѣчать на этотъ вопросъ, достаточно указать на одно важное явленіе, которое въ этомъ случаѣ придаетъ особенное свойство нашимъ отношеніямъ къ Риму. Латинская церковь, особенно послѣ присоединенія уніатовъ къ православію, въ предѣлахъ русской имперіи, исключительно соединяется съ польскою народностью. Поэтому, то государство, которое желалъ бы Римъ создать въ русскихъ предѣлахъ, было бы государство польское.

Нѣтъ нужды доказывать, въ какой степени могутъ быть мирны отношенія этого государства къ имперіи, и какое участіе приметъ въ нихъ латинское духовенство и — папскій престолъ. Это явленіе совершилось передъ нашими глазами въ послѣдній польскій мятежъ.

Такимъ образомъ, между наступательными требованіями Рима и оборонительнымъ положеніемъ Россіи — *бездна великая утвердилась!*

Если и есть возможность перебросить мостъ черезъ эту бездну, то, конечно, не силою дипломатическихъ сношеній. Совершенно справедливо въ нотѣ нашего правительства, 31-го января 1841 г., было заявлено, что наши переговоры съ Римомъ не должны доходить до *главныхъ началъ*, до принциповъ, и могутъ лишь ограничиваться частными сдѣлками по отдѣльнымъ вопросамъ; но Римъ, постоянно возводя ихъ до основныхъ началъ, неминуемо вызывалъ полный разрывъ, который и совершился. Если и есть возможность примиренія, то не съ тѣмъ направленіемъ, которое въ настоящее время господствуетъ въ латинской церкви.

Но, въ этой церкви, съ перваго времени ея отдѣленія отъ вселенской церкви постоянно существовали два направленія, въ сущности противуположныя одно другому. Одно, образовавшись именно вслѣдствіе отдѣленія и развиваясь постоянно, достигло исключительнаго господства въ наше время; таково направленіе ультрамонтанское, которое превратило церковь въ государство, и съ которымъ боремся не одни мы, но и страны, исповѣдующія католичество; другое же, сохранявшее ученія и преданія вселенской церкви, постоянно ослабѣвало, и нынѣ едва замѣтно. Съ этимъ послѣднимъ направленіемъ примиреніе, конечно, возможно. Однимъ словомъ — примиреніе возможно съ латинскою церковью, но не съ римскимъ церковнымъ государствомъ, съ которымъ не могутъ примириться даже въ самихъ католическихъ странахъ.

Печатано по первому изданію, помѣщенному въ журналѣ «Вѣстникъ Европы», № 1, 2 и 3, 1868.

ПРИЛОЖЕНІЯ.

I.

Договоръ съ Римомъ 1847 года.

Условія, подписанныя уполномоченными Его Императорскаго Величества и уполномоченнымъ Е. Св. Папы, въ Римѣ 22-го іюля (3-го августа) 1847 года.

Статья I.

Въ Россійской имперіи учреждены семь римско-католическихъ епархій, одно архіепископство и шесть епископствъ, а именно:

1) Архіепархія Могилевская, заключающая въ себѣ всѣ части имперіи, кои не входятъ въ составъ шести нижепоименованныхъ епархій; къ ней принадлежитъ также и Великое Княжество Финляндское.

2) Епархія Виленская, состоящая изъ Виленской и Гродненской губерній въ тѣхъ предѣлахъ, въ которыхъ онѣ въ настоящее время заключаются.

3) Епархія Тельшевская, или Самогитская, состоящая изъ Курляндской и Ковенской губерній въ тѣхъ границахъ, въ которыхъ онѣ нынѣ заключаются.

4) Епархія Минская, состоящая изъ Минской губерніи въ нынѣшнихъ ея предѣлахъ.

5) Епархія Луцкая и Житомирская, состоящая изъ Кіевской и Волынской губерній въ нынѣшнихъ ихъ предѣлахъ.

6) Епархія Каменецкая, состоящая изъ Подольской губерніи въ нынѣшнихъ ея предѣлахъ.

7) Новая епархія Херсонская, заключающая въ себѣ область Бессарабскую, губерніи Херсонскую, Екатеринославскую, Саратовскую, Таврическую и Астраханскую и земли, составляющія Закавказскій край.

Статья II.

Пространство и предѣлы епархій будутъ опредѣлены буллою, сообразно съ тѣмъ, какъ сіе означено въ предшедшей статьѣ.

Число и наименованіе приходовъ каждой епархіи будетъ означено въ исполнительныхъ распоряженіяхъ, которыя представлены будутъ на утвержденіе святѣйшаго престола.

Статья III.

Число суффраганствъ, учрежденныхъ въ 1798 году въ шести прежнихъ епархіяхъ буллою папы Пія VI, остается безъ измѣненія.

Статья IV.

Суффраганство новой епархіи, Херсонской, назначается въ городѣ Саратовѣ [1]).

Статья V.

Содержаніе епископу Херсонскому опредѣляется въ годъ по 4,480 руб. сер. Суффраганъ его пользуется тѣмъ содержаніемъ, какое присвоено прочимъ епископамъ суффранамъ въ имперіи, т. е. по 2,000 руб. сер.

Статья VI.

Херсонскій каѳедральный капитулъ будетъ состоять изъ девяти членовъ а именно: а) двухъ прелатовъ или первенствующихъ членовъ, препозита и архидіакона; б) четырехъ канонниковъ, изъ коихъ три будутъ назначены къ должностямъ: богослова, пенитенціарія и приходскаго священника, и в) трехъ мансіонаріевъ или бенефиціаріевъ.

Статья VII.

Въ новой Херсонской епархіи будетъ учреждена епархіальная семинарія, въ коей будутъ содержаться отъ пятнадцати до двадцати пяти воспитанниковъ на счетъ правительства, подобно стипендіатамъ другихъ семинарій.

Статья VIII.

Впредь до назначенія католическаго епископа армянскаго исповѣданія, духовныя требы армянъ-католиковъ, пребывающихъ преимуще-

---

[1]) Послѣ подписанія и утвержденія означенныхъ въ семъ актѣ условій съ римскимъ дворомъ, по особому съ симъ дворомъ соглашенію, постановлено, что въ епархіи Херсонской, вмѣсто одного, имѣютъ быть два суффрагана, какъ сіе изображено въ указѣ 29-го ноября 1848 года.

ственно въ Херсонской и Каменецкой епархіяхъ, исполняемы будутъ по правиламъ, изложеннымъ въ § IX Латеранскаго собора 1215 г.

Статья IX.

Епископы Каменецкій и Херсонскій опредѣлятъ число армяно-католическихъ клириковъ, которые должны содержаться на счетъ правительства въ подвѣдомственныхъ семинаріяхъ. При каждой изъ этихъ семинарій будетъ находиться армяно-католическій священникъ для обученія армянскихъ воспитанниковъ церковнымъ обрядамъ ихъ исповѣданія.

Статья X.

Каждый разъ, когда того потребуютъ духовныя нужды пребывающихъ въ новой Херсонской епархіи лицъ римско-католическаго и армяно-католическаго исповѣданій, епископъ, сверхъ способовъ, употребляемыхъ нынѣ для удовлетворенія сихъ нуждъ, будетъ посылать въ объѣздъ для сей цѣли священниковъ, а правительство Его Императорскаго Величества ассигнуетъ нужныя на путевыя издержки и содержаніе ихъ суммы.

Статья XI.

Число епархій въ царствѣ польскомъ остается то, какое опредѣлено въ буллѣ папы Пія VII, 30-го іюня 1818 года. Равнымъ образомъ не отмѣняется число и наименованіе суффраганствъ, существующихъ въ сихъ епархіяхъ.

Статья XII.

Епископы, какъ епархіальные, такъ равно и суффраганы Россійской имперіи и царства Польскаго, будутъ назначаемы каждый разъ по предварительному соглашенію Его Императорскаго Величества съ святѣйшимъ престоломъ; каноническое же ихъ утвержденіе будетъ совершаться его святѣйшествомъ обыкновеннымъ порядкомъ.

Статья XIII.

Судъ и управленіе церковными дѣлами каждой епархіи принадлежатъ исключительно епископу оной, безъ нарушенія однакожъ канонической подчиненности святѣйшему престолу.

Статья XIV.

Дѣла подлежащія предварительному разсмотрѣнію епархіальныхъ консисторій, суть слѣдующія:

1) *Относительно епархіальнаго духовенства.*

а) Дѣла дисциплинарныя вообще (изъ нихъ менѣе важныя, которыя не влекутъ за собою отрѣшенія отъ должности, или заключенія

на болѣе или менѣе продолжительное время, рѣшатся епископомъ, безъ предварительнаго мнѣнія консисторіи, развѣ самъ епископъ признаетъ нужнымъ передать и сіи дѣла, подобно прочимъ, на разсмотрѣніе консисторіи.)

б) Спорныя дѣла между духовными лицами, касающіяся движимыхъ или недвижимыхъ имуществъ церквей.

в) Жалобы и иски на духовныхъ, вчинаемые какъ духовными, такъ и свѣтскими лицами по обидамъ или ущербамъ, или же по неисполненію безспорныхъ обязятетьствъ въ томъ только случаѣ, когда истецъ, для охраненія своихъ правъ, обратится къ духовному начальству.

г) Дѣла о недѣйствительности монашескихъ обѣтовъ: они должны разсматриваться и рѣшаться по правиламъ, постановленнымъ въ буллѣ Бенедикта XIV, начинающейся словами: «Si datam.»

2) *Относительно свѣтскихъ лицъ.*

Дѣла брачныя, удостовѣреніе о законности или незаконности брака, акты о рожденіи, крещеніи, смерти и проч. [1]).

3) *Смѣшанныя.*

е) Случаи, въ коихъ по рѣшенію свѣтскихъ судовъ слѣдуетъ опредѣлить церковное покаяніе за преступленія или проступки.

4) *По части хозяйственной.*

ж) Составленіе росписи суммъ, предназначенныхъ на содержаніе духовенства, повѣрка расходовъ и отчетовъ по симъ суммамъ, дѣла о починкѣ или постройкѣ новыхъ церквей, часовень и проч. Кромѣ сего возлагается на обязанность консисторіи составленіе списковъ духовнымъ лицамъ и прихожанамъ епархій, разсылка циркуляровъ и другихъ публикацій, которыя не относятся къ административнымъ дѣламъ епархіи.

---

[1]) Послѣ подписанія и утвержденія означенныхъ въ семъ актѣ условій съ римскимъ дворомъ, опредѣленъ, по особому съ симъ дворомъ соглашенію, слѣдующій для разсмотрѣнія дѣлъ брачныхъ и другихъ духовныхъ порядокъ: первую степень суда духовнаго по дѣламъ сего рода составляютъ мѣстные епархіальные епископы, а въ архіепархіи архіепископъ, съ своими консисторіями, на основаніи постановленныхъ въ статьѣ XV-й сего акта для того правилъ, вторую по дѣламъ, рѣшеннымъ въ первой степени епископами—архіепископъ, а по тѣмъ, которыя были разсмотрѣны имъ, архіепископомъ, въ первой степени—епископъ одной изъ епархій, ближайшихъ въ архіепархіи, по предварительному назначенію папы. За симъ, въ случаѣ несогласія опредѣленій въ двухъ первыхъ степеняхъ суда духовнаго, а равно и по апелляціямъ, жалобамъ и протестамъ, разсмотрѣніе дѣлъ брачныхъ предоставляется римскому престолу.

Статья XV.

Вышепоименованныя дѣла рѣшатся епископомъ, послѣ разсмотрѣнія оныхъ въ консисторіи, голосъ которой, есть впрочемъ, только совѣщательный. Епископъ не обязанъ объяснять основанія своихъ рѣшеній даже и тогда, когда мнѣніе его несогласно съ заключеніемъ консисторіи.

Статья XVI.

Прочія дѣла епархіи, кои называются административными и къ коимъ относятся дѣла совѣсти (casus conscientiæ, fori interni), а также, какъ выше сказано, дѣла дисциплинарныя, влекущія за собою легкія исправительныя наказанія или пастырскія увѣщанія, зависятъ исключительно отъ власти епископа и рѣшатся по собственному его усмотрѣнію.

Статья XVII.

Всѣ члены консисторіи суть духовныя лица; назначеніе ихъ и увольненіе зависитъ отъ епископа. Они назначаются съ согласія правительства. Если епископъ признаетъ нужнымъ удалить котораго либо изъ членовъ консисторіи, то немедленно назначаетъ ему преемника, равномѣрно съ согласія правительства.

Статья XVIII.

Чиновники канцеляріи консисторіи утверждаются епископомъ, по представленію секретаря консисторіи.

Статья XIX.

Секретарь епископа для его оффиціальной и частной переписки прямо и непосредственно назначается епископомъ, который по своему усмотрѣнію можетъ избрать для сего духовную особу.

Статья XX.

Должности членовъ консисторіи прекращаются со смертію епископа или въ случаѣ сложенія имъ епископскаго сана, а также съ прекращеніемъ управленія вакантной епархіи. Въ случаѣ смерти епископа или сложенія епископскаго сана, преемникъ его или же тотъ, кто временно заступаетъ его мѣсто (коадъюторъ-ли онъ съ правомъ наслѣдованія или же капитулярный викарій, избранный капитуломъ въ срокъ, опредѣленный канонами церкви) немедленно составляетъ вновь консисторію, всегда однакожъ, какъ выше сказано, съ согласія правительства.

Статья XXI.

Епископу принадлежитъ высшее управленіе по предмету воспитанія, наукъ и внутренней дисциплины во всѣхъ семинаріяхъ его епар-

хіи, на основаніи правилъ, установленныхъ Тридентинскимъ соборомъ, гл. XVIII, засѣд. XXIII.

Статья XXII.

Выборъ ректоровъ, инспекторовъ, профессоровъ или учителей епархіальныхъ семинарій предоставляется епископу. До назначенія ихъ, онъ долженъ удостовѣриться, что въ отношеніи къ гражданскому поведенію сихъ лицъ, избраніе ихъ въ сіи должности будетъ одобрено правительствомъ. Если епископъ признаетъ нужнымъ удалить ректора или инспектора или кого-либо изъ профессоровъ или учителей, то немедленно и на вышеизложенномъ основаніи назначаетъ ему преемника. Онъ въ правѣ прекратить на время преподаваніе одного или нѣсколькихъ курсовъ наукъ въ своей семинаріи. Въ случаѣ, когда онъ найдетъ нужнымъ прекратить всѣ курсы наукъ вдругъ и отослать воспитанниковъ къ ихъ родителямъ, то о семъ безотлагательно доводитъ до свѣдѣнія правительства.

Статья XXIII.

Архіепископъ митрополитъ Могилевскій пользуется такою же властію въ отношеніи къ С.-Петербургской духовной академіи, какою пользуется каждый епископъ въ отношеніи къ его епархіальной семинаріи. Она подчинена единственно его начальству и высшему управленію. Совѣтъ или управленіе академіи имѣетъ только совѣщательный характеръ.

Статья XXIV.

Выборъ ректора, инспектора и профессоровъ академіи производится архіепископомъ, по представленію совѣта академіи. Постановленія содержащіяся въ XXII статьѣ, равномѣрно примѣняются и къ симъ выборамъ.

Статья XXV.

Профессоры и адъюнкты богословскихъ наукъ избираются всегда изъ духовныхъ особъ. Прочіе учители могутъ быть избираемы изъ свѣтскихъ лицъ, исповѣдующихъ римско-католическую вѣру, и преимущественно изъ тѣхъ, которые окончили курсъ ученія въ одномъ изъ высшихъ учебныхъ заведеній имперіи и удостоились ученыхъ степеней.

Статья XXVI.

Духовники воспитанниковъ какъ семинарій такъ и академіи вовсе не участвуютъ въ наблюденіи за сохраненіемъ внутренняго благочинія въ заведеніи; они будутъ избираемы и назначаемы епископомъ или архіепископомъ.

Статья XXVII.

Послѣ новаго разграниченія епархій, архіепископъ, по сношеніи съ епархіальными епископами, опредѣлитъ одинъ разъ навсегда число

воспитанниковъ, которое должно быть присылаемо изъ каждой епархіи въ академію.

Статья XXVIII.

Программа наукъ для семинарій будетъ составлена епископами. Для академіи таковая будетъ издана архіепископомъ, по предварительномъ совѣщаніи съ членами его академическаго совѣта.

Статья XXIX.

Какъ скоро уставъ С.-Петербургской духовной академіи будетъ измѣненъ сообразно съ началами, принятыми въ предшедшихъ статьяхъ архіепископъ Могилевскій представитъ святѣйшему престолу о сей академіи рапортъ, подобный тому, который былъ представленъ варшавскимъ архіепископомъ Хороманскимъ, по случаю преобразованія духовной академіи сего города.

Статья XXX.

Вездѣ, гдѣ право ктиторства (jus patronatus) вовсе не существуетъ, или же на время пріостановлено, приходскіе священники назначаются епископомъ съ согласія правительства, послѣ предварительнаго испытанія и конкурса между кандидатами сообразно съ правилами, предписанными Тридентинскимъ соборомъ.

Статья XXXI

Починка римско-католическихъ церквей безпрепятственно производится иждивеніемъ общинъ или частныхъ лицъ, желающихъ принять на себя таковую. Въ случаяхъ, когда средства ихъ будутъ недостаточны, они могутъ обращаться къ правительству съ просьбою о вспомоществованіи. Къ постройкѣ новыхъ церквей и увеличенію числа приходовъ приняты будутъ мѣры тогда, когда того потребуетъ или приращеніе народонаселенія или слишкомъ большая обширность существующихъ приходовъ и трудность сообщенія.

Въ Римѣ 3-го августа 1847 г

Подписали: А. кардиналъ Ламбрускини, графъ Д. Блудовъ, А. Бутеневъ.

II.

Записка Иннокентія архіепископа херсонскаго и таврическаго.

О новоучрежденной епархіи Римско-католической въ Херсонѣ.

Въ слѣдствіе конвенціи, заключенной съ папою въ 1847 году, учреждена, какъ извѣстно, новая епархія римско-католическая, съ наименованіемъ Херсонской и при ней два суфрагана съ капитуломъ и семинаріею. Безъ сомнѣнія, правительство имѣло на это съ своей стороны немаловажныя причины, и во всякомъ случаѣ, согласилось на учрежденіе, новой для католиковъ, епархіи, не для распространенія въ Россіи католичества. Тѣмъ не менѣе, газетное извѣстіе объ учрежденіи въ Херсонѣ новой латинской епархіи, по всей Россіи произвело, и не могло не произвести, впечатлѣніе неблагопріятное. Для чувства русскаго не легко было видѣть, какъ отселѣ понятіе о Римѣ и латинствѣ соединено будетъ навсегда съ священнымъ для Россіи именемъ Херсона, въ коемъ произошло крещеніе св. Владиміра и откуда на всю землю русскую возсіялъ свѣтъ вѣры православной. Новымъ учрежденіемъ,—конечно безъ намѣренія, но тѣмъ не менѣе поданъ и съ нашей стороны значительный поводъ [1]) къ новому провозглашенію той исторической лжи, которую римскіе католики издавна привыкли разсѣявать по Европѣ въ разныхъ сочиненіяхъ, доказывая, якобы Россія обращена въ христіанство первоначально римскими миссіонерами и что она была тогда въ послушаніи у папы. Тѣ, кои знакомѣе другихъ съ количествомъ и положеніемъ римскихъ католиковъ въ Россіи, коп увѣрены посему въ очевидномъ излишкѣ и существовавшихъ доселѣ у насъ епархій латинскихъ, и твердо знаютъ, какъ трудно самому правительству управляться съ этою неугомонною іерархіею, иначе не умѣли объяснить себѣ новаго явленія, какъ предположеніемъ какихъ либо при семъ особенныхъ, дальнѣйшихъ, сокровенныхъ видовъ у правительства. Поелику же не легко было представить себѣ, что именно могло имѣться у него въ виду при употребленіи средства столь не безопаснаго, какъ возвышеніе и разширеніе латинской іерархіи, то невольно приходили къ мысли, не сдѣлана ли нашими дипломатами въ семъ случаѣ, вмѣсто дальновиднаго разсчета политическаго, необдуманная и простодушная уступка

---

[1]) Curia Romana не примнула, какъ увидимъ ниже, воспользоваться этимъ въ самой буллѣ, объ учрежденіи новаго епископства херсонскаго.

Риму, подъ вліяніемъ какихъ либо особенныхъ обстоятельствъ, или не понятыхъ, или не надлежащимъ образомъ оцѣненныхъ? Въ самомъ дѣлѣ, какъ можно было согласить съ извѣстными видами правительства сотвореніе имъ же изъ ничего, *proprio motu*,—безъ всякой особенной нужды, вдругъ трехъ епископовъ латинскихъ, чрезъ что для латинской пропаганды открылся,—не представлявшійся ей и во снѣ,—способъ взять отселѣ подъ опасное вліяніе свое и весь югъ Россіи, какъ взять весь западъ? Если, разсуждали,—для весьма небольшаго числа разсѣянныхъ по югу латинскихъ костеловъ дѣйствительно необходимъ былъ ближайшій іерархическій надзоръ, то для сего предостаточно было прибавить какой либо римско-католической каѳедрѣ одного суфрагана, съ помѣщеніемъ его, пожалуй, гдѣ либо и на югѣ [1]). Всѣ эти и подобныя впечатлѣнія получали еще большую силу отъ новыхъ событій и переворотовъ европейскихъ, обрушившихся надъ Ватиканомъ съ такимъ необычайнымъ громомъ и молніею, что многіе изъ самыхъ католиковъ не могли не признать въ семъ случаѣ карающаго перста Божія. Неужели, разсуждали и разсуждаютъ, православной Россіи предлежитъ, не во благо себѣ, поднимать на высоту, укрѣплять и разширять въ нѣдрахъ своихъ то, что самъ промыслъ Божій видимо предопредѣляетъ къ ослабленію, умаленію, а можетъ быть, и уничтоженію даже на западѣ?... Особенно,—какъ и ожидать надлежало,—учрежденіемъ новаго епископства латинскаго встревожено было чувство православныхъ жителей г. Херсона и окрестныхъ мѣстъ. До тѣхъ поръ, въ этомъ городѣ существовалъ только одинъ ксендзъ латинскій, терявшійся въ толпѣ и почти никому неизвѣстный; и вотъ вдругъ, въ срединѣ прошедшаго лѣта, является предъ ними латинскій епископъ со свитою собранныхъ нарочно издалека ксендзовъ, представляетъ изъ себя лице, нарочно посланное отъ правительства для какихъ-то важныхъ, никому вполнѣ неизвѣстныхъ, цѣлей, учреждаетъ и освящаетъ тѣсный латинскій костелъ въ соборъ каѳедральный, составляетъ изъ своего служенія, въ продолженіи нѣсколькихъ дней, всенародное зрѣлище, проповѣдуетъ о милости императора всероссійскаго къ католикамъ и вмѣстѣ съ тѣмъ, сообразно съ буллою папскою, — еще о большей милости какако-то римскаго государя, о коемъ вовсе не знали многіе и изъ католиковъ, — къ народу россійскому, съ объявленіемъ, что все это лишь одно малое начало, что по отшествіи его прибудутъ уже не на время, а на постоянное жительство въ Херсонѣ, не одинъ, а два или три епископа латинскихъ, съ немалымъ числомъ канониковъ, съ консисторіею и семинаріею, и что городъ ихъ (Херсонъ), по милости *намѣстника Хри-*

---

[1]) А весьма легко было бы обойтись и безъ новаго суфрагана; потому что были цѣлые десятки прежнихъ, коимъ рѣшительно нечего дѣлать.

стова, главы всего христіанства, обращенъ будетъ отселѣ въ столицу истинной вѣры, (то есть римской), на югѣ. Можно представить себѣ и не бывшимъ при этомъ случаѣ въ Херсонѣ, какъ должно было подѣйствовать все это на православный народъ!.. Ужели насъ хотятъ сдѣлать католиками, спрашивали одни; ибо надобно же, чтобы у трехъ новыхъ епископовъ была хотя какая либо паства, а среди насъ нѣтъ ея для нихъ. Чѣмъ вводить у насъ латинство, разсуждали другіе, не лучше было бы, по примѣру другихъ губернскихъ городовъ, дать православнаго епископа намъ, кои живемъ среди всякой некрести, и потому, во всегдашней опасности терять чистоту вѣры? Сколько сотъ тысячъ казнѣ, а вмѣстѣ съ тѣмъ, сколько хлопотъ, затрудненій, неудовольствій самому правительству будетъ стоить это новое, Богъ знаетъ откуда и для чего взятое, учрежденіе латинскаго епископа съ его викаріями, канониками и семинаріею, — примѣчали третьи. Всего затруднительнѣе было положеніе при семъ случаѣ мѣстнаго гражданскаго начальства, которое не знало въ какое отношеніе поставить себя къ новопоявившемуся латинскому епископу; тѣмъ менѣе находило средствъ отвѣчать удовлетворительно на толки и мнѣнія народныя, хотя видѣло крайнюю нужду говорить, что либо въ успокоеніе встревоженнаго чувства религіознаго. Даже евреи, коими наполненъ теперь весь Херсонъ, не остались позади другихъ въ догадкахъ о новомъ событіи, и, что примѣчательно, всѣ сходились въ одномъ и томъ же заключеніи, что поляки берутъ верхъ и ксендзамъ русскимъ приходитъ невзгода.... При такомъ всеобщемъ смущеніи мыслей, разсудительнѣйшіе и болѣе набожные изъ православныхъ жителей Херсона приходили не разъ къ рѣшимости просить высшую власть, чтобы, — если уже неизбѣжно водвореніе между ними епископовъ латинскихъ, то, по крайней мѣрѣ хотя въ нѣкоторое соотвѣтствіе, данъ былъ Херсону и епископъ православный?

Но всего болѣе смущены были новымъ учрежденіемъ раскольники, а въ слѣдъ за ними и единовѣрцы, коихъ значительное количество по разнымъ мѣстамъ Херсонской губерніи, начиная съ Одессы, Херсона, Николаева и Елисаветграда. Въ глазахъ этихъ, малолѣтнихъ по духу, дѣтей такое торжественное введеніе, среди православнаго юга, латинства упадало до дѣйствія антихристіанскаго, угрожающаго бѣдствіемъ не только вѣрѣ православной, но и отечеству, и потому, слѣдствіемъ какого-либо гнѣва Божія.

Были ли рады новому учрежденію, по крайней мѣрѣ, сами католики? Утвердительно можно сказать, что не были, въ той мѣрѣ, какъ надлежало ожидать. Новый даръ правительства былъ слишкомъ великъ и, видимо, несоразмѣренъ съ мѣстною потребностью, почему невольно вынуждалъ у каждаго размышляющаго сомнѣніе и подозрѣніе на счетъ видовъ правительства и истинной цѣли его дѣйствій. Суфра-

ганъ латинскій, съ двумя канониками — въ видѣ благочинныхъ, былъ бы принятъ отъ сердца и съ благодарностію; а вдругъ три епископа при осязательной непуждѣ и въ одномъ, казались, — и долго будутъ казаться, — чѣмъ то неестественнымъ, такъ сказать, противу-правительственнымъ, и потому подозрительнымъ. «Возможно ли, что бы русскіе рѣшились сдѣлать безъ нужды для насъ то, чего, при видимой нуждѣ, никогда не желали и не дѣлаютъ для своихъ? Вѣроятно хотятъ ввести въ нашу іерархію, доселѣ чисто польскую, новую стихію нѣмецкую, чтобы, раздвоивъ её въ составѣ, духѣ и видахъ, тѣмъ самымъ непримѣтно её обезсилить. Но не москалямъ перехитрить іезуитовъ! При благоразумномъ дѣйствованіи съ нашей стороны, изъ каждаго новаго епископа католическаго, (а ихъ, благодаря русской простотѣ, трое) можно будетъ сдѣлать по новой крѣпости на югѣ противъ русскаго духа».

Всѣ таковыя и подобныя впечатлѣнія, произведенныя новымъ учрежденіемъ епархіи латинской въ Херсонѣ, очевидно, говорятъ не въ пользу новаго учрежденія и могутъ быть искуплены только какою-либо весьма важною пользою, отъ него ожидаемою, которой, — сказать правду,— не легко доискаться тому, кто не посвященъ во всѣ тайны политики.

Между тѣмъ невыгоды отъ новаго учрежденія лежатъ, можно сказать, предъ глазами каждаго:

1) Уже весьма немаловажно то, что учрежденіемъ новой, ненужной, по суду всѣхъ, даже римско-католиковъ, епархіи латинской, въ такомъ обширномъ составѣ и размѣрѣ, какого, сравнительно, не имѣетъ ни одна изъ нашихъ православныхъ епархій, не смотря на многочисленность ихъ паствъ, дипломатика наша подверглась и будетъ подвергаться предъ лицемъ всей Россіи нарѣканію, въ простертой за предѣлы уступчивости двору римскому, и въ какое притомъ время? Когда этотъ дворъ самъ, вслѣдствіе своихъ вѣковыхъ грѣховъ и заблужденій, по неотразимому суду Божію, видимо распадается на части и приближается къ конечному запустѣнію.

2) Кромѣ нарѣканія въ настоящемъ случаѣ и не безъ опасности; учрежденіе въ Россіи новой епархіи римской, для двора папскаго, есть то же, что завоеваніе новой области. Отселѣ новыя для него права надъ значительною частію Россіи, изъ коихъ онъ не замедлитъ извлечь для себя новыя выгоды и новые поводы къ спорамъ и жалобамъ, въ слухъ всего свѣта, на Россію. Примѣръ на все это—Польша и Литва. Сколько затрудненій всегда ставилъ и ставитъ до-нынѣ римскій дворъ при одномъ назначеніи епископовъ! Не въ слѣдствіе ли подобнаго затрудненія принесенъ въ жертву Херсонъ?... Между тѣмъ эта жертва такого рода, что сама въ свою очередь будетъ требовать новыхъ жертвъ, при каждомъ назначеніи новыхъ епископовъ.

3) Есть опасность и другаго рода,—еще большая. Доселѣ свободный и непрерѣкаемый для православія югъ Россіи съ новымъ учрежденіемъ неизбѣжно отдается подъ вліяніе римской пропоганды, которая, какъ тѣнь за тѣломъ, всюду слѣдуетъ за латинствомъ. Въ Херсонѣ, по крайне малому числу католиковъ, епископъ съ своими суфраганами самымъ положеніемъ своимъ, то есть, отъ нечего дѣлать, будетъ невольно располагаться къ умноженію всѣми мѣрами своего духовнаго стада. Между тѣмъ бороться съ пропагандою римскою, если какому краю не удобно, то нашему южному, частію по самой юности его и разносоставности въ населеніи, частію по вліянію смѣжныхъ, наполненныхъ поляками, губерній [1]), частію по его географическому положенію, открытому, въ слѣдствіе торговли и морскихъ портовъ, для всего западнаго, особенно итальянскаго, частію, наконецъ, по недавности учрежденія тамъ православныхъ каѳедръ и крайне ограниченныхъ ихъ способовъ къ дѣйствію.

4) Нельзя забыть вовсе и того, что на устройство помѣщенія для новаго епископа, съ его суфраганами, для консисторіи, капитула и семинаріи и на обезпеченіе ихъ содержаніемъ, потребуется не одинъ милліонъ, которые могли быть употребленными на болѣе нужное и полезнѣйшее.

Поелику, какъ показываетъ опытъ съ петербургскою римско-католическою академіею, принято, неизвѣстно почему, какъ бы за правило, чтобы производимая отъ казны сумма, на содержаніе римско-католиковъ, была гораздо выше той, какая производится на содержаніе православныхъ каѳедръ и семинарій; то обстоятельство сіе, кромѣ издержекъ, будетъ еще служить въ постоянный поводъ къ превозношенію для католиковъ и къ соблазну для православныхъ. По силѣ новаго учрежденія, для херсонскаго епископа латинскаго, казна отпускаетъ ежегодно 4,480 р. сер., тогда какъ окладъ ежегодный православнаго архіепископа состоитъ не болѣе какъ изъ 600 р. сер. Члены консисторіи латинской будутъ получать каждый весьма не малое жалованье, а члены консисторіи православной не получаютъ ни копѣйки.

5) Если правительство дѣйствительно предполагаетъ, посредствомъ новой латинской семинаріи въ Херсонѣ, образовать изъ дѣтей южныхъ колонистовъ нашихъ, въ составѣ іерархіи римско-католической, новый элементъ нѣмецкій, то должно сказать, что этотъ элементъ немногимъ будетъ лучше польскаго. Не говоря уже о томъ, что новые вос-

---

[1]) Вслѣдствіе сего (злосчастнаго) вліянія, по Херсонской губерніи, значительная часть имѣній помѣщичьихъ уже находится въ распоряженіи управителей поляковъ, кои, дыша тайною непріязнію къ Россіи и будучи самаго сомнительнаго поведенія, всячески стараются угнетать народъ, обращая злохитро это угнетеніе въ укоръ правительству; о чемъ не безъизвѣстно и мѣстному гражданскому начальству.

питанники получатъ образованіе отъ наставниковъ поляковъ, кои не преминутъ передать имъ свой духъ, южные колонисты сами по себѣ доселѣ составляютъ видимое status in statu, живя почти въ совершенномъ разобщеніи съ русскими, не стараясь знакомиться даже въ училищахъ [1]) съ языкомъ русскимъ. Взирая доселѣ на себя какъ на иностранцевъ, въ сравненіи съ коими русскіе ничего не значатъ, они не перестаютъ мечтать о Германіи и готовы отдаться подъ всякое чуждое вліяніе.

Что же, спросятъ, дѣлать, когда мы уже обязали себя силою трактата съ дворомъ римскимъ? Не принимая на себя полнаго рѣшенія этого вопроса, которое принадлежитъ, очевидно, не тѣмъ, кои смотрятъ снизу, а тѣмъ, кои стоятъ вверху, можно, вмѣсто отвѣта, сдѣлать нѣсколько примѣчаній.

Если уже нельзя возвратиться назадъ, то 1) не благоразумно было бы спѣшить и впередъ, тѣмъ паче, когда идя и шагъ за шагомъ, нельзя идти иначе, какъ только съ немалымъ усиліемъ. На бумагѣ новую епархію латинскую можно было учредить въ одну минуту, а на самомъ дѣлѣ устроеніе ея неизбѣжно требуетъ нѣсколько лѣтъ уже потому, что нѣтъ ни одного готоваго зданія, а ихъ нужно нѣсколько и въ значительномъ размѣрѣ. Гдѣ потомъ взять лицъ для трехъ митръ епископскихъ, когда и одного, предназначеннаго во главу остальныхъ, оказалось нужнымъ прежде окрестить, а потомъ произвести во епископа? Откуда набрать капитулъ и канониковъ, когда въ Херсонѣ одинъ только ксендзъ? Изъ чего образовать семинарію? Ужели правительство обязано и въ семъ случаѣ творить все изъ ничего, когда само латинство не представляетъ необходимыхъ матеріаловъ? Кто и по какому праву можетъ требовать сего? Между тѣмъ пройдетъ два, три года, — и кто знаетъ, что будетъ съ папою и католичествомъ въ самомъ Римѣ? Во всякомъ случаѣ можно на долго ограничиться однимъ епископомъ безъ суфрагановъ, даже до времени — безъ капитула, въ томъ обширномъ и преухищренномъ составѣ и видѣ, какъ любятъ размалевывать его римскіе католики [2]).

2) Вмѣсто ненужныхъ латинскихъ суфрагановъ, необходимо поспѣшить учрежденіемъ для весьма обширной православной епархіи херсонской, викарнаго епископства, съ помѣщеніемъ его въ Херсонѣ. Этимъ успокоенъ будетъ духъ тамошняго православнаго населенія, поставленъ необходимый оплотъ противъ римской пропаганды въ Хер-

---

[1]) Что не разъ примѣчено было и г. попечителемъ Одесскаго учебнаго округа.

[2]) Зачѣмъ напр. составлять херсонскій капитулъ изъ девяти особъ, живущихъ въ Херсонѣ, когда первоначальною буллою папы о могилевскомъ архіепископствѣ положено находиться въ самомъ Могилевѣ только четыремъ? Зачѣмъ три мансіонарія, когда церковь такъ мала, что если бы служили въ ней всѣ члены капитула, то не было бы мѣста народу?

сонѣ и положено начало къ ближайшему дѣйствію на мусульманскій Крымъ. Вмѣстѣ съ симъ,—для устраненія неблагопріятныхъ для православія сравненій въ глазахъ людей не только духовныхъ, но и свѣтскихъ, — необходимо возвысить штаты по православному вѣдомству херсонскому до такой степени, до какой они опредѣлены тамъ теперь для католиковъ, а равно предоставить православному архіепископу тоже право, какимъ будетъ пользоваться латинскій епископъ, касательно командированія, въ случаѣ нужды, по епархіи благочинныхъ на казенный счетъ.

3) Если бы оказалось возможнымъ (а почему не такъ?), помѣстить новаго епископа латинскаго не въ Херсонѣ, а въ другомъ мѣстѣ, напр въ Ставрополѣ [1]), составляющемъ центръ его епархіи, то одно это уже было бы не безполезно въ разныхъ отношеніяхъ. Такимъ образомъ, епископъ сей, во-первыхъ, былъ бы ближе къ Саратовской губерніи, гдѣ наибольшая часть его, вообще не великой по числу душъ паствы, а съ другой стороны, къ собственному его спокойствію, онъ находился бы вдали отъ черноморскихъ портовъ, и слѣд. отъ вольныхъ и не вольныхъ, но всегда не безопасныхъ связей со множествомъ иностранцевъ, кои почти круглый годъ толпятся по симъ портамъ и могутъ сдѣлаться, разумѣется не въ пользу правительства, постоянными посредниками между Римомъ и римско-католическимъ Херсономъ. Въ пользу православія при семъ случаѣ оставалось бы то, что чувство русское не страдало бы, видя, какъ латинство съ такою силою ставитъ крыжъ римскій у самой колыбели вѣры православной.

Независимо отъ всего вышесказаннаго, нельзя не сдѣлать еще одного примѣчанія, касательно нѣкоторыхъ мыслей и выраженій, кои Curia Romana позволила себѣ употребить въ учредительной буллѣ о епископствѣ херсонскомъ. Сверхъ всякаго ожиданія, здѣсь въ слухъ всего свѣта прямо говорится, что якобы отечество наше проповѣдь о вѣрѣ христіанской впервые услышало отъ латинскихъ миссіонеровъ, что нѣкоторые изъ нихъ даже удостоились якобы принять отъ руки нашихъ предковъ вѣнецъ мученическій. Скажите пожалуста, кто эти мученики? И откуда видно, что свѣтъ евангелія пришелъ къ намъ изъ Рима? когда подобная ложь провозглашалась, по временамъ, отъ поборниковъ папства въ разныхъ неважныхъ книжонкахъ, то можно было смотрѣть на это равнодушно, какъ на выходки школьной полемики: но теперь, когда мы допустили, и слѣд: приняли за истину эту обидную для нашего православія ложь, въ папской буллѣ, имѣющей предъ лицемъ всего свѣта силу трактата, въ какое положеніе поста-

[1]) Въ буллахъ папскихъ, по случаю учрежденія латинскихъ епископствъ въ Россіи не разъ говорится, что такое-то епископство учреждается въ такомъ-то городѣ потому, что онъ въ центрѣ епархіи.

лены защитники православія, и что остается дѣлать имъ? И въ силу какой крайности допущено все это въ новой буллѣ? Въ прежнихъ бумагахъ не было о семъ и помину: такъ могло оставаться и теперь. Кромѣ сей, очевидно, весьма важной съ нашей стороны ошибки, сколько потомъ въ буллѣ выраженій, кои папа могъ употребить только въ отношеніи къ какому либо городу своей римской области? Вообще, бѣдный Херсонъ, съ именемъ коего у православныхъ россіянъ неразрывно связана память о крещеніи св. Владиміра и обращеніи всея Россіи къ христіанству, трактуется въ сей буллѣ почти какъ городъ идолопоклонническій, коему теперь только, по милости Ватикана, даруется каѳедра христіанскаго епископа, съ пожалованіемъ неизвѣстно какихъ правъ и преимуществъ. Не такъ писаны учредительные акты за 70 лѣтъ для архіепископства могилевскаго: тамъ городъ не производится ни въ какой новый чинъ, а только говорится, что такая-то церковь въ городѣ сдѣлана каѳедральною, или архіепископскою.

Скажутъ, что это у двора римскаго слова и выраженія какъ бы техническія, «кои въ существѣ дѣла ничего незначатъ и ни къ чему не обязываютъ». Нѣтъ, техника словъ и оборотовъ въ полной командѣ у двора римскаго, и никто такъ не умѣлъ извлекать изъ нея выгодъ для себя, какъ Ватиканъ. Сколько непреложныхъ теперь правъ надовсѣмъ западнымъ духовенствомъ выработала для себя дипломатика римская изъ неважныхъ, повидимому, и общеупотребительныхъ выраженій учтивости и преданности, кои въ простотѣ сердца употребляли нѣкогда въ сношеніяхъ съ Римомъ западные епископы! Разъ уступленное выраженіе Ватиканъ тотчасъ обращаетъ чуть не въ догматъ, и давая ему, посредствомъ діалектики, вѣсъ преувеличенный, составляетъ изъ него для себя право. Во всякомъ случаѣ, зачѣмъ было допускать въ новой буллѣ такія выраженія, кои сопряжены съ нарѣканіемъ для господствующей церкви, и на основаніи коихъ чрезъ сто лѣтъ любой историкъ, по всѣмъ правиламъ науки, можетъ допустить, что въ 1847 г. въ Новороссійскомъ краѣ господствующимъ вѣроисповѣданіемъ былъ католицизмъ, а восточное православіе если и было тамъ, то въ такомъ маломъ и слабомъ видѣ, что въ сравненіи съ латинствомъ какъ бы ничего незначило?...

Окружное посланіе папы Пія IX 1864 г. декабря 8.

Въ памятный день установленія, десять лѣтъ тому назадъ, новаго догмата латинской церкви о непорочномъ зачатіи Богородицы, 8-го декабря, его святѣйшество папа Пій IX подписалъ окружное посланіе, въ которомъ отлучаетъ и предаетъ проклятію — какъ нечестивыя — нѣкоторыя мнѣнія и ученія, распространенныя въ западной Европѣ. Къ посланію приложенъ длинный перечень (sillabus), изъ 80 статей этихъ мнѣній и ученій.

Трудно сказать, чему болѣе слѣдуетъ удивляться, содержанію-ли этихъ документовъ, огуломъ отвергающихъ всѣ главныя основы современнаго просвѣщенія западной Европы, глубоко вошедшія въ ея общественную жизнь, или тому впечатлѣнію, которое они произвели на всѣхъ тѣхъ, которые считаютъ себя представителями и органами этого просвѣщенія. Европейская журналистика, особенно французская, растерялась и сбилась съ толку. Одни съ ужасомъ отстраняются и какъ будто не хотятъ признать за папскимъ посланіемъ даже права совершившагося факта; другіе съ горячностью провозглашаютъ, что отнынѣ не можетъ быть и рѣчи о примиреніи между латинскою церковью и современными — государственною жизнію и просвѣщеніемъ, что всѣ связи между ними окончательно разорваны. Появленію папскаго посланія радуются немногія ультрамонтанскія газеты, и странно озадачены такъ называемые католики-либералы. Примиреніе основныхъ началъ современнаго просвѣщенія и общественной жизни съ притязаніями латинской церкви составляло задачу ихъ дѣятельности, и вотъ — разверзлась бездна между Римомъ и всею западною Европой! Ихъ судьба могла бы, и въ сторонникъ зрителяхъ, какъ мы, возбуждать сочувствіе и сожалѣніе, если-бъ, ни на какія сдѣлки небрезгливая совѣсть поклонниковъ Рима не была способна скоро себя успокоить. Папское посланіе не заключаетъ въ себѣ ничего новаго, говорятъ

они, слѣдовательно не нарушаетъ современнаго строя жизни, status quo остается такимъ же, какъ и былъ, и съ одной стороны можно быть истиннымъ сыномъ латинской церкви, а съ другой—защищать основныя начала, узаконенныя, напримѣръ, конституціями Франціи и Бельгіи.

Европейская журналистика смутилась особенно потому, что появленіе такого посланія папы было для нея совершенно неожиданнымъ. Хотя носились слухи, и довольно достовѣрные, что два года тому назадъ въ Римѣ хлопотали о томъ, чтобы собравшіеся тамъ отовсюду епископы выразили подобныя мнѣнія, въ видѣ адресса, святому отцу, но эта попытка не удалась, и такая неудача, конечно, не предвѣщала, что та же мысль, черезъ два года, выразится рѣзче и опредѣленнѣе, въ видѣ гораздо болѣе торжественномъ и важномъ,—въ окружномъ посланіи самого главы латинской церкви. Гласила также смутная молва, что проектъ посланія, съ приложеніемъ, былъ напередъ разосланъ всѣмъ епископамъ и почти всѣми изъ нихъ одобренъ; но кто-же могъ обращать вниманіе на частныя продѣлки римскаго двора?

Важныя явленія всегда подготовляются вѣковою историческою дѣятельностію, а въ тоже время за ними постоянно сохраняется право какой-то неожиданности. Какъ будто новостію поразило всю латинскую Европу папское посланіе; а между тѣмъ его содержаніе не представляетъ ничего новаго. Не нужно многочисленныхъ указаній на предшествовавшія буллы, письма и рѣчи папъ,—и безъ нихъ во всемъ посланіи слышится тотъ-же голосъ, такъ знакомый западной Европѣ, который постоянно раздавался изъ Рима, то слабо и тихо, смотря по обстоятельствамъ, то восходя до самыхъ высокихъ тоновъ въ посланіяхъ Гильдебрандтовъ и Иннокентіевъ. Поэтому, не притязанія и ученія папъ должны бы смущать органы современнаго западнаго просвѣщенія, но торжественный способъ ихъ выраженія, несвоевременность ихъ появленія и полнота и подробность въ изложеніи ученій, охватившихъ уже всю жизнь европейскаго запада. Конечно, это было явленіемъ неожиданнымъ, способнымъ всѣхъ удивить, многихъ смутить, а можетъ быть нѣкоторыхъ заставить внимательно задуматься. Слова: «громы Ватикана», выражавшія нѣкогда дѣйствительную силу, казалось, давно уже сдѣлались простымъ риторическимъ украшеніемъ рѣчи—и вдругъ раздался громъ; понятно, что его не хотятъ слышать, готовы даже отрицать его дѣйствительность. Но кто-же правъ въ этомъ случаѣ: папство-ли, оставшееся вѣрнымъ самому себѣ, или современное просвѣщеніе, такъ мало обращающее вниманія на историческія основы своего собственнаго существованія? Быть можетъ оба правы; но,

съ нашей точки зрѣнія, правы только потому, что носятъ въ самихъ себѣ великую неправду.

Но прежде всего разсмотримъ содержаніе папскаго посланія. Какія же это мнѣнія, которыя латинская церковь считаетъ чудовищными заблужденіями, — «которыя преимущественно въ наше время сдѣлались господствующими, къ погибели душъ и ко вреду самаго гражданскаго общества, которыя не только въ высшей степени противны католической церкви, ея правамъ и ученію, но и вѣчному естественному закону, начертанному въ сердцахъ всѣхъ»? Какія это ученія, которыя папа, — «въ силу апостольской власти, всѣ въ совокупности и каждое порознь, запрещаетъ и проклинаетъ, предписывая въ тоже время, чтобы всѣ сыны церкви считали ихъ отверженными, запрещенными и проклятыми»?

Въ самомъ посланіи изложены только нѣкоторыя, хотя и наиболѣе важныя мнѣнія; но они значительно дополняются и развиваются въ перечнѣ отвергаемыхъ папою заблужденій. Къ концу и какъ будто только кстати указано на мнѣніе, которое, однако же составляетъ средоточіе всего посланія и къ нему тяготѣютъ всѣ остальныя. «Нельзя умолчать, говоритъ папа, о дерзости тѣхъ, которые, вопреки принятому церковью ученію, утверждаютъ, что, не согрѣшая и не переставая быть католикомъ, возможно не принимать и не повиноваться предписаніямъ и постановленіямъ апостольскаго престола, касающимся общаго блага церкви, ея правъ и внутренняго устройства, но не заключающимъ въ себѣ ничего, относящагося до догматовъ вѣры или нравственности». Рядомъ съ правами церкви и ея дисциплиною поставлено неопредѣленное выраженіе — общее благо (bonum generale ecclesiae), которое могло бы послужить поводомъ ко многимъ недоразумѣніямъ и толкованіямъ, еслибъ вслѣдъ затѣмъ мы не читали въ посланіи слѣдующихъ строкъ, устраняющихъ всякое сомнѣніе: «не найдется человѣка, который бы ясно не понялъ, до какой степени такое притязаніе противно католическому *догмату* о полновластіи (plena potestas) римскаго первосвященника, дарованномъ ему самимъ І. Христомъ, чтобы пасти, направлять и управлять (pascendi, regendi et gubernandi ecclesiam) вселенскою церковью». Эти строки указываютъ прямо, что всякое предписаніе папы должно быть исполняемо всѣми принадлежащими къ латинской церкви, потому что только римскій первосвященникъ обладаетъ полновластіемъ, дарованнымъ ему І. Христомъ, какъ увѣряетъ посланіе. Если Европа называетъ себя христіанскою, и до тѣхъ поръ, пока она себя такъ

называетъ, она должна повиноваться единой христіанской власти, установленной самимъ Христомъ!

Но въ чемъ же заключается эта власть и какія обнимаетъ она стороны широко развившейся европейской жизни? Мы должны предложить этотъ вопросъ, потому что мысль о безусловномъ повиновеніи всякимъ предписаніямъ папы также неопредѣленна, какъ и выраженіе — общее благо церкви, и пытливый умъ нашего времени не удовлетворится такимъ объясненіемъ дѣла; потому что есть стороны этой власти, какъ напр. въ отношеніи къ дѣламъ духовнымъ, которыхъ не отрицаютъ даже самые яростные противники новаго папскаго посланія, принадлежащіе къ латинской церкви и — наконецъ потому, что и въ прежнее время, даже въ средніе вѣка, какъ дѣйствительная жизнь, такъ и ученья нѣкоторыхъ лицъ, признанныя потомъ за истинныя цѣлыми народами, прямо возставали противъ такого значенія власти римскаго первосвященника. Папское посланіе провозглашаетъ, какъ непреложную истину, такое именно понятіе, которое, въ продолженіи многихъ вѣковъ, постоянно возбуждало сомнѣнія, опроверженія и противодѣйствія; а въ наше время, дѣйствительно, едва не потонуло, вмѣстѣ съ самыми папами, въ общемъ забвеніи европейскимъ западомъ своихъ историческихъ основъ.

Едва только папы, помощію внѣшнихъ обстоятельствъ и подложныхъ документовъ, пріобрѣли нѣкоторую силу, какъ предъявили мысль первоначально о своемъ полновластіи въ дѣлахъ духовныхъ: но она встрѣтила сильный отпоръ на востокѣ — хранившемъ свято догматы и уставы первобытной церкви. Въ сношеніяхъ съ восточными императорами папы еще не позволяли присвоивать себѣ власти надъ ними. Въ самый разгаръ церковныхъ споровъ, папа Стефанъ писалъ къ императору Василію (въ 885 г.): «какъ тебѣ Богъ даровалъ верховную власть въ дѣлахъ свѣтскихъ, такъ и мы получили отъ него, чрезъ посредство апостола Петра, верховную власть въ дѣлахъ духовныхъ; ибо епископская власть во всѣхъ церквахъ міра происходитъ отъ св. Петра». Въ отношеніи къ императорской власти папы еще не предъявляли подобной придирки. Перешедшая изъ древняго міра въ новый, съ ея силою и титуломъ, эта власть основывала свое существованіе на вѣковыхъ преданіяхъ, независимыхъ отъ папъ, которые сами получили долю власти только по ея милости. Но притязанія папъ уже развивались широко, а въ этомъ случаѣ они уступали только обстоятельствамъ. Съ постепеннымъ ослабленіемъ власти восточныхъ императоровъ, вслѣдствіе успѣховъ оружія магометанъ, съ раздробленіемъ имперіи

западной Карла Великаго на многочисленныя и мелкія государства и съ развитіемъ феодализма, пособившаго и самимъ папамъ сдѣлаться свѣтскими государями, выразилось окончательно и понятіе папъ о своемъ полновластіи, заявленное ими какъ въ ученіи, такъ и въ жизни дѣйствительной. Всякая власть происходитъ отъ Бога, говорили они, опираясь на слова апостола, а папа есть намѣстникъ Бога на землѣ, викарій І. Христа, преемникъ главы апостоловъ — св. Петра. Никакая власть не можетъ быть установлена иначе, какъ волею римскаго первосвященника; титулы этой власти давались только имъ. И такъ, полновластіе папъ не касалось только догматовъ вѣры, христіанскаго ученія и управленія церковнаго, но распространялось на всѣ свѣтскія власти и господствовало надъ ними. Но и этого оказалось мало досужимъ папскимъ богословамъ среднихъ вѣковъ. Папа не только имѣетъ власть надъ всѣмъ земнымъ, но и надъ духами добрыми и злыми: онъ выше ангеловъ, онъ отворяетъ двери рая, кому захочетъ! Въ доказательство можно бы привести сотни мѣстъ изъ средневѣковыхъ латинскихъ богослововъ: но это слишкомъ увеличило бы объемъ статьи, да притомъ они болѣе или менѣе извѣстны.

Въ такомъ видѣ окончательно выразилось римское ученіе о полновластіи папъ. Такъ ли понимаетъ его окружное посланіе Пія IX?

Если вникнемъ въ посланіе и приложенный къ нему перечень заблужденій, то окажется яснымъ до очевидности, что существенная и главная ихъ цѣль заключается въ защитѣ свѣтской власти папъ. Большая часть мнѣній и ученій, указанныхъ въ этихъ документахъ, разсматривается по преимуществу съ этой точки зрѣнія. Папа не только отлучаетъ тѣхъ, которые позволяютъ себѣ говорить, «что уничтоженіе свѣтской власти папъ послужитъ ко благу церкви и большей ея свободѣ», но осуждаетъ даже и тѣхъ, которые осмѣливаются возбуждать вопросъ «о несовмѣстности свѣтской власти съ духовною». И эта свѣтская власть не ограничивается только предѣлами римской области, подчиненной папѣ въ качествѣ свѣтскаго властителя, но переходитъ ихъ далеко и простирается на весь міръ. Orbi et urbi даетъ папа разъ въ годъ торжественное благословеніе, Римъ и міръ стремится онъ подчинить своему господству. Никакая свѣтская власть не имѣетъ вполнѣ независимаго круга дѣйствій, въ какихъ бы то ни было предѣлахъ, потому что нелѣпо и безумно ученіе, что «человѣческія общества могутъ устроиваться независимо отъ духовной власти», что «воля народная, выраженная торжественно въ общественномъ мнѣніи, можетъ счи-

таться верховнымъ закономъ». Всякая свѣтская власть, по смыслу посланія, превращается въ простое орудіе для исполненія папскихъ повелѣній. Напоминая отлученіе, произнесенное Тридентинскимъ соборомъ всѣмъ тѣмъ, которые посягаютъ на церковныя имущества, папа не отказывается даже прибѣгать къ уголовнымъ наказаніямъ въ дѣлахъ вѣры и называетъ безумнымъ то ученіе, что государственная власть можетъ прибѣгать къ такимъ наказаніямъ въ преступленіяхъ противъ вѣры «только въ тѣхъ случаяхъ, когда они нарушаютъ общественный миръ и спокойствіе».

При такомъ взглядѣ на гражданскія общества и народы, конечно, не могло быть и человѣку въ отдѣльности предоставлена какая-нибудь доля свободы. «Нелѣпа мысль, говоритъ посланіе, папа Григорій XVI называлъ ее даже безуміемъ (deliramentum), что человѣкъ имѣетъ прирожденное право на свободу совѣсти и исповѣданія, что государство можетъ провозглашать и утверждать это право, что каждый гражданинъ можетъ открыто выражать свои мнѣнія въ словѣ, въ печати или инымъ способомъ и какъ государственная, такъ и церковная власть не должны подавлять этой свободы». Коммунистическимъ и соціальнымъ называетъ посланіе то мнѣніе, будто «родители имѣютъ право воспитывать и образовывать своихъ дѣтей», и дѣло народнаго образованія стремится все-цѣло передать въ руки духовенства или, лучше сказать, монашескихъ орденовъ.

Разсмотрѣвъ содержаніе окружнаго посланія, становится понятнымъ, что такой взглядъ, выраженный торжественно главою латинской церкви, произвелъ тревогу и волненіе во всей умственной дѣятельности современной западной Европы. Но, вмѣстѣ съ тѣмъ, нельзя не замѣтить, что папство дѣйствуетъ послѣдовательно, что это тотъ же взглядъ, который выражали они и въ средніе вѣка, во время своего могущества. Но тождественность мнѣній Пія IX, съ тѣми, которыя постоянно предъявляли его предшественники, открываетъ еще яснѣе ихъ противоположность съ современнымъ строемъ общественной и умственной жизни европейскихъ государствъ. Эта жизнь такъ далеко ушла впередъ, такъ всецѣло отдѣлилась отъ своего прошедшаго, что въ видѣ папскаго посланія передъ нею, какъ будто внезапно, предсталъ фантомъ среднихъ вѣковъ. Отмахиваясь отъ него, какъ отъ смутнаго призрака, она, въ лицѣ своихъ защитниковъ, провозглашаетъ, что, не смотря на голосъ папы, останется вѣрною началамъ современнаго просвѣщенія.

E pur se muove!

прошепталъ нѣкогда Галилей, и этотъ робкій шопотъ побѣдоносной мысли, непрерывно повторяясь и возвышаясь въ продолженіи вѣковъ, раздается теперь въ общемъ хорѣ просвѣщенія всего европейскаго запада! Мы совершенно согласны съ этимъ взглядомъ, но, вмѣстѣ съ тѣмъ, не можемъ не замѣтить, что то же самое сравненіе возможно приложить и къ Риму:

E pur se muove,

еще жива власть римскаго первосвященника со всѣми ея понятіями и воззрѣніями, и Европа, принадлежащая къ латинской церкви, не должна бы забывать о ней.

Но дѣйствительно ли между общественною и умственною жизнью современныхъ государствъ и ученіемъ папъ не можетъ быть примиренія? Неужели одна изъ враждебныхъ силъ, для того, чтобы достигнуть мира, должна отречься, такъ сказать, отъ самой себя, уничтожить себя въ пользу другой?

Еще не такъ давно былъ поставленъ въ этомъ смыслѣ вопросъ и притомъ съ убѣжденіемъ, что примиреніе возможно и легко можетъ быть достигнуто; вопросъ былъ поставленъ не какими-нибудь отдѣльными лицами, учеными теоретиками, но всею жизнью западно-европейскихъ государствъ. Конечно, онъ не обнималъ всего историческаго значенія папъ и касался только свѣтской ихъ власти. Но эта власть неразрывно соединена съ общимъ понятіемъ о полновластіи римскихъ первосвященниковъ.

«Я не знаю, найдется ли въ исторіи событіе, которое могло бы походить на восшествіе Пія IX въ 1846 г. на папскій престолъ, говоритъ извѣстный публицистъ. Италія вздохнула свободно, какъ будто сбросивъ съ плечъ вѣковое тяжелое иго» [1]). Дѣйствительно, съ этого времени начинается такъ называемый итальянскій вопросъ въ томъ видѣ, въ какомъ и до сихъ поръ онъ остается еще вопросомъ и предметомъ заботъ современной политики. Первоначальныя дѣйствія самаго Пія IX возбудили надежды на примиреніе современныхъ требованій жизни съ папскою властію. Его же послѣдующія дѣйствія окончательно разрушили эти надежды [2]). Стремленіе Италіи къ сверженію чуж-

---

[1]) Mazade. L'Italie et les Italiens

[2]) Противоположность въ дѣйствіяхъ непогрѣшимаго главы латинской церкви ультрамонтанскіе писатели нашли возможнымъ объяснить весьма оригинально; вотъ слова одного изъ даровитыхъ писателей этого направленія, Донозо Кортеса: «Le monde croyait, que l'eglise n'était pas aussi catholique, que son nom, que l'eglise était une reine servie par des esclaves et que ses esclaves seuls pouvaient approcher librement Il etait necessaire de détromper le monde et Pie IX a été l'homme dont Dieu a voulu se servir pour détromper le monde en ce que regarde l'église: c'est ainsi que l'on doit interpreter,

даго ига и къ соединенію въ одно народное и государственное цѣлое пошло независимо отъ папъ и оперлось на развалины свѣтской власти римскихъ первосвященниковъ. Эти происшествія, по справедливому замѣчанію нѣкоторыхъ публицистовъ, нанесли значительный ударъ свѣтской власти папъ не столько раздробленіемъ папской области, сколько тѣмъ, что вывели на свѣтъ самое понятіе объ этой власти и предали его открытому обсужденію и изслѣдованію. Ложныя основанія, на которыхъ утверждалась эта власть, еще, быть можетъ, кое-какъ существовали бы въ полусвѣтѣ, еслибъ правительство папъ съ благоразуміемъ постепенно обезоруживало требованія общественнаго мнѣнія своевременными уступками; но, вызванныя наружу, на общій судъ, они ничѣмъ не могли оправдать дальнѣйшаго своего существованія [1]).

Дѣйствительно, вопросъ о свѣтской власти папъ въ это время былъ разсмотрѣнъ и изслѣдованъ со всѣхъ сторонъ. Сочиненіе патера Пассаліа въ этомъ отношеніи наиболѣе замѣчательно, какъ по своему содержанію, такъ и по тому впечатлѣнію, которое оно произвело. Въ то время, какъ нѣкоторые протестанты и либералы (Гизо, Прудонъ), испуганные развитіемъ безвѣрія и разрушительныхъ началъ въ общественной жизни, явились защитниками свѣтской власти папъ, ученѣйшій изъ римскихъ богослововъ, іезуитъ, пользовавшійся полнымъ довѣріемъ Пія IX, защитникъ новаго догмата о зачатіи Богородицы, патеръ Пассаліа собралъ многочисленныя доказательства о несовмѣстности понятія о свѣтской власти папъ съ ученіемъ христіанской церкви. Когда его вызвали въ Римъ на судъ и кардиналъ Альтьери, предсѣдатель конгрегаціи del'Index, объявилъ, что его сочиненіе будетъ осуждено, какъ еретическое, патеръ Пассаліа замѣтилъ, что это невозможно, что это значило бы осудить въ то же время св. Августина, Кипріана и многихъ другихъ учителей церкви. Его сочиненіе не заключаетъ въ себѣ ничего новаго, въ немъ только собраны и изложены вмѣстѣ ученія отцовъ церкви.

И такъ, отвѣтилъ кардиналъ, мы осудимъ св. Августина и Кипріана!

Кто же правъ въ этомъ случаѣ? предложимъ мы прежній

---

selon moi, la conduite de ce grand pontife. De même qu' autrefois son divin Maitre appela à lui les Juifs et les gentils, le grand pontife a appelé a lui les monarchiques et les liberaux. Il a eté crucifié par les liberaux, comme son Maitre le fut par les Juifs. Malheur aux Juifs, malheur aux liberaux'» Oeuvres de Donoso Cortes. vol. II pag. 131.

[1]) Mazade. L'Italie стр 358.

вопросъ и по прежнему отвѣтимъ: оба правы! Безъ сомнѣнія, ни ученіе, ни преданіе христіанской церкви нисколько не подтверждаютъ мнѣнія папъ о ихъ власти, напротивъ прямо его разрушаютъ; но въ латинской церкви только то ученіе можетъ считаться правильнымъ, которое утверждено ея главою, римскимъ первосвященникомъ. Нѣсколько заносчивый, быть можетъ, отвѣтъ кардинала, послѣдователенъ однако же съ ученіями Рима.

Глубокая неправда заключается именно въ томъ, что церковь христіанская въ представленіяхъ послѣдователей латинскаго исповѣданія смѣшивается съ римскою, что притязанія мѣстной церкви на вселенское значеніе не возбуждаютъ строгаго отпора. Но не смотря однако же на упорство въ заблужденіяхъ поклонниковъ Рима, исторія совершаетъ свое дѣло. Она разложила на составныя начала знаменитый догматъ латинской церкви о полновластіи папъ и осудила его, какъ ложный. Послѣдствіемъ предъявленнаго папами притязанія на полновластіе въ дѣлахъ вѣры и церковнаго управленія было отдѣленіе римской церкви отъ единства церкви вселенской. Это великое событіе какъ будто помогло папамъ развить и утвердить въ жизни свои ученія; они могли дѣйствовать свободнѣе, ибо ихъ не сдерживалъ уже ходъ общей жизни христіанскаго человѣчества. Но этотъ успѣхъ былъ только временнымъ и случайнымъ. Послѣдствіемъ полновластія папъ надъ личною свободою человѣка и его совѣстью былъ протестантизмъ, отторгнувшій отъ римскаго престола половину западной Европы. Освобожденная мысль ознаменовалась цѣлымъ рядомъ успѣховъ въ дѣлѣ просвѣщенія и общественной жизни, и освобождаясь, мало по малу отъ полновластія папъ въ дѣлахъ свѣтскихъ, выразилась наконецъ въ полномъ отрицаніи свѣтской власти папъ.

Такимъ образомъ въ наше время завершился кругъ необходимаго историческаго развитія, и двѣ противоположныя силы, которыя лежатъ въ основаніи всей исторіи европейскаго запада, выступили снова одна передъ другой въ полномъ вооруженіи и началась борьба!

Январь 1865 г.

Конвенція 15 сентября и окружное посланіе 8 дек. 1864 г.

СОЧ. ЕПИСКОПА ОРЛЕАНСКАГО, ДЮПАНЛУ.

(La convention du 15 Septembre et l'encyclique du 8 Décembre. Paris. 1864).

Лишь только появилось папское посланіе 8 дек. прошлаго года, какъ бо́льшая часть европейскихъ публицистовъ замѣтила, что существенный характеръ этого документа чисто политическій, что оно направлено противъ «главныхъ основаній публичнаго права современныхъ государствъ». Нападеніе на эти основанія, такъ свято исповѣдуемыя ими, и вызвало запальчивыя возраженія, прежде нежели успѣли себѣ отдать полный отчетъ въ такомъ важномъ дѣлѣ. «Мы будемъ рѣшительно опровергать ученіе, несогласное съ нашимъ публичнымъ правомъ, — говорятъ даже защитники папской власти, — но никогда не забудемъ, что въ великой борьбѣ католицизма съ современною свободою надо отыскивать то, что̀ соединяетъ, а не то, что̀ раздѣляетъ» (газ. France). Такъ поняли значеніе окружнаго посланія и европейскія правительства. «Папское посланіе, — говоритъ Друенъ-де-Люисъ (депеша къ г. Сартижу 7 янв. 1865 г.), — имѣетъ въ виду потрясти вообще начала, составляющія главное основаніе нашихъ учрежденій; а именно: народной власти, всеобщей подачи голосовъ, свободы совѣсти и исповѣданій. Она потрясаетъ также международный актъ, который папскій престолъ обязанъ соблюдать какъ въ буквѣ его, такъ и въ духѣ», т. е. конкордатъ 1801 г. Между тѣмъ, папскій дворъ, — быть можетъ, отчасти смущенный впечатлѣніемъ, которое повсюду произвело посланіе, — желаетъ придать ему чисто религіозный характеръ. Въ такомъ духѣ была сообщена кардиналомъ Антонелли нота всѣмъ европейскимъ правительствамъ, латинскимъ по исповѣданію. Опираясь на политическое значеніе посланія, французское правительство запретило обнародовать его въ церквахъ съ епископскихъ каѳедръ. Опираясь на его религіозное значеніе, бо́льшая часть французскихъ епископовъ протестовала противъ этого запрещенія. Папскій нунцій въ Парижѣ торжественно одобрилъ ихъ поступокъ, «нарушивъ обязанности своего званія, поощряя сопротивленіе законамъ страны, въ которой онъ проживаетъ, и критику дѣйствій правительства, при которомъ онъ аккредито-

ванъ» [1]). Самъ Пій IX изъявилъ свое сочувствіе епископу Орлеанскому, одному изъ предводителей протеста. Французское правительство, — говоритъ отчетъ о состояніи имперіи за прошлый годъ, — запрещая обнародовать посланіе, «твердо увѣрено, что оно не перешло предѣловъ своей власти, не превысило своихъ правъ, а только исполнило свою непосредственную обязанность». Наполеонъ III въ тронной рѣчи заявилъ, что считаетъ «своимъ долгомъ сохранить ненарушимыми права свѣтской власти, о которыхъ заботились всѣ государи Франціи со временъ Людовика Святаго».

Такъ выступили одна противъ другой двѣ борющіяся силы. Но какой же, дѣйствительно, имѣетъ характеръ папское посланіе — политическій или только религіозный?

Сравнивая конвенцію 15 сентября прошлаго года съ послѣднимъ папскимъ посланіемъ, епископъ Орлеанскій говоритъ [2]): «въ одномъ документѣ два могущественные государя двухъ большихъ державъ распоряжаются своимъ сосѣдомъ, слабымъ государемъ маленькой страны. Это политика! — Въ другомъ, высшій представитель Бога на землѣ обращается не къ тому или другому государю или народу, не къ тому или другому мнѣнію, но ко всѣмъ епископамъ вселенной. Это религія!» Но, вѣроятно, политика слишкомъ близко соприкасается въ этомъ случаѣ съ религіею, если монсиньоръ Дюпанлу, говоря объ окружномъ посланіи, начинаетъ рѣчь съ конвенціи 15 сентября и тѣмъ обличаетъ настоящій взглядъ на дѣло латинскаго духовенства. Папское посланіе имѣетъ дѣйствительно религіозный характеръ; но это потому только, что въ понятіяхъ латинской церкви сама религія превратилась въ политику. Посланіе Пія IX объявляетъ мысль о полновластіи папъ непреложнымъ догматомъ церкви. Какой же имѣетъ характеръ самый этотъ догматъ, какъ не политическій? Это доказываетъ вся исторія европейскаго запада. Впрочемъ и самъ Орлеанскій епископъ говоритъ далѣе (стр. 136): «близоруки тѣ политики, которые не знаютъ, что въ своихъ основаніяхъ и окончательныхъ выводахъ, политика соприкасается съ нравственностію; а папа имѣетъ право, призваніе и честь просвѣщать сознаніе, провозглашать обязанности народамъ и государямъ, возвышать голосъ за правду и правосудіе». Нравственность же, прибавимъ мы, соприкасается съ религіею, а всѣ вмѣстѣ входятъ въ широкіе предѣлы понятія о папскомъ полновластіи!

---

[1]) Депеша Друэнъ-де-Люиса къ де-Сартижу 8 февр. 1865.

[2]) La convention du 15 Sept. et l'encyclique du 8 Dec. стр. 10.

При чтеніи сочиненія Орлеанскаго епископа, прежде всего поражаетъ его изложеніе: порывистое и взволнованное страстью. Какая-то неестественная ревность обуеваетъ ультрамонтанскихъ писателей и іезуитовъ въ ихъ нападеніяхъ и защитѣ, когда по неволѣ, вызванные обстоятельствами, они выступаютъ на поприще гласности. Въ неудержимомъ потокѣ словъ, иногда краснорѣчивыхъ, м. Дюпанлу изливаетъ свое негодованіе на дѣйствія итальянскаго правительства и свѣтскихъ писателей, нападавшихъ на папское посланіе. Намъ, постороннимъ зрителямъ борьбы, странно звучитъ эта страстная рѣчь въ устахъ епископа одного изъ христіанскихъ исповѣданій! Рядъ жестокихъ обвиненій противъ политики и дѣйствій Піемонта, не смягчаемыхъ даже приличіемъ, заключаетъ въ себѣ вся первая часть сочиненія. Подъ укоризнами Піемонту, явно и рѣзко выраженными, конечно скрываются еще бо̀льшія укоризны политикѣ Франціи. Но мы оставимъ, пока, эту часть сочиненія и обратимся ко второй. Въ ней сочинитель выступаетъ на бой съ своими соотечественниками, которые считаютъ себя представителями современнаго просвѣщенія. Не смотря однако же на страсть и увлеченіе въ словѣ, оказывается какая-то неокончательность въ выраженіи мысли: ни одно понятіе не опредѣляется ясно и отчетливо, ни одинъ ударъ не наносится явному противнику. За болѣе общей мыслію скрывается та, съ которой выходятъ на бой; общая мысль выражается неопредѣленно, а объ частной, ясно выраженной, говорится вскользь, какъ о случайномъ и ничтожномъ выводѣ изъ общей. Нельзя не замѣтить, что двойное иго лежитъ на плечахъ писателя ультрамонтана, которое не даетъ должной свободы его мысли и слову: исторія, обличающая всякую ложь и — двусмысленное положеніе современной Франціи. Но въ этой борьбѣ затрогиваются такія стороны вопроса, къ которымъ и мы, въ качествѣ постороннихъ зрителей, не можемъ оставаться равнодушными. Съ нападеніями на латинскую церковь соединяются, хотя и неправильно, нападенія вообще на христіанство. Въ защитѣ не различаютъ противниковъ христіанской вѣры отъ тѣхъ, которые нападаютъ только на ложныя притязанія и ученія Рима.

Съ негодованіемъ возстаетъ Орлеанскій епископъ на толкованія свѣтскими писателями папскаго посланія, упрекая ихъ въ незнаніи даже латинскаго языка и въ умышленномъ искаженіи смысла до такой степени, что они утверждаютъ, будто «посланіе говоритъ «да» тамъ, гдѣ оно говоритъ «нѣтъ», и наоборотъ (стр. 94). Папа не возстаетъ ни противъ разума, ни противъ философіи, онъ не осуждаетъ того, что̀ есть хорошаго въ современныхъ успѣхахъ жизни (въ прогрессѣ), полезнаго въ настоя-

щемъ просвѣщеніи, дѣйствительно либеральнаго и христіанскаго въ либерализмѣ... «Вы говорите намъ о прогрессѣ, либерализмѣ и цивилизаціи, какъ будто мы варвары и ничего этого не понимаемъ; но эти высокія слова, которыя вы искажаете, мы вамъ ихъ сказали и объяснили ихъ настоящій смыслъ и дѣйствительное значеніе. Каждое изъ этихъ словъ, не смотря на васъ, сохраняетъ и сохранитъ навсегда христіанскій смыслъ, — и въ тотъ день, когда они потеряютъ этотъ смыслъ, погибнетъ всякій дѣйствительный прогрессъ, искренній либерализмъ и истинная цивилизація. Вы думаете, что мы краснѣемъ при этихъ словахъ, потому что не принимаемъ ихъ въ томъ смыслѣ, какой вы имъ придаете. Нѣтъ, христіанство считаетъ честью называться прогрессомъ въ отношеніи къ язычникамъ и варварамъ; оно называется свободою, потому что уничтожило рабство, возвысило значеніе женщины, дѣтей, стариковъ, бѣдныхъ и всѣ человѣческія немощи, попираемыя тиранніею сильныхъ; оно называется и будетъ всегда называться, если Богъ не проклялъ Европы, европейскою цивилизаціею» [1]). Изъ этихъ словъ очевидно, что общимъ христіанскимъ взглядомъ закрывается тотъ особенный взглядъ на эти понятія, который, въ продолженіи вѣковъ, постоянно выражалъ Римъ, и въ ученіяхъ и въ дѣйствіяхъ, и который вполнѣ выраженъ и въ послѣднемъ папскомъ посланіи. Но этотъ взглядъ выступаетъ потомъ въ дальнѣйшемъ развитіи мыслей Орлеанскаго епископа.

«Папа не возстаетъ противъ свободы слова, — говоритъ онъ; но только противъ безграничной свободы [2]); папа не осуждаетъ терпимости различныхъ вѣроисповѣданій, но, конечно, желаетъ, чтобы исчезли заблужденія и всѣ соединились въ лонѣ одной, истинной церкви». Но какъ выражаются на дѣлѣ эти желанія и ограниченія? Въ этомъ-то и заключается вся сущность вопроса.

Нападая на своихъ противниковъ, Орлеанскій епископъ упрекаетъ ихъ въ нетерпимости въ отношеніи къ мнѣніямъ и убѣжденіямъ, несогласнымъ съ ними. «Я удивляюсь смѣлости этихъ господъ, говоритъ онъ, какъ лично они присвоиваютъ себѣ непогрѣшимость, которую отнимаютъ у церкви и папы» (стр. 100). Мы, конечно, не будемъ защищать французскихъ либераловъ отъ нападеній ихъ же епископа, тѣмъ болѣе, что мы знаемъ, что есть такіе либералы, которые, лишь только власть переходитъ въ ихъ руки, становятся худшими изъ деспотовъ, заставляя силою всѣхъ и каждаго раздѣлять ихъ взгляды и мнѣнія. Такой

---

[1]) Стр. 108, 115 и 118.

[2]) Стр. 107 и слѣд.

либерализмъ ведетъ свою родословную прямо отъ конвента и директоріи и Франція заражена имъ по преимуществу. Оттого-то понятія, которымъ отдаетъ должную справедливость даже латинскій прелатъ, и остаются только словами, какъ онъ говоритъ; а разумная свобода такъ мало сдѣлала успѣховъ во Франціи въ продолженіе почти цѣлаго столѣтія. Но, въ настоящее время, образуется и другое направленіе; есть либералы, которые отказываются отъ всякаго сообщества съ революціею, отрицаются отъ всѣхъ разрушительныхъ преданій французской исторіи послѣдняго столѣтія, а между тѣмъ защищаютъ тѣ же начала [1]).

Но, упрекая въ деспотизмѣ своихъ противниковъ, какія же начала противоставляетъ имъ латинскій епископъ?

Приступая къ отверженію мнѣній своихъ противниковъ, онъ прежде всего считаетъ нужнымъ замѣтить, что «посланіе обращено не къ журналистамъ и не вообще къ простымъ вѣрующимъ; но къ епископамъ и къ однимъ епископамъ» и часто возвращается на этой мысли. «Непозволительно, говоритъ онъ, толковать о томъ, чего не знаешь и разсуждать о предметѣ, котораго не понимаешь»; объяснять значеніе и смыслъ посланія, есть дѣло епископовъ, единственныхъ законныхъ его истолкователей! Но что-же остается дѣлать, такъ называемымъ Орлеанскимъ епископамъ, *простымъ* вѣрующимъ? Слушать и безпрекословно повиноваться. Въ этихъ выраженіяхъ ясно высказалось особое направленіе латинской церкви, отстранившее вѣрующихъ отъ всякаго разумнаго участія въ жизни церкви, сосредоточивъ ее въ одномъ духовенствѣ, которое въ свой чередъ составляетъ лишь простое орудіе высшей власти — папъ. Латинская церковь буквально поняла выраженія: стадо и паства — и превратила вѣрующихъ въ какихъ-то илотовъ, не имѣющихъ права ни думать, ни разсуждать. Конечно, такой взглядъ на вѣрующихъ не находитъ себѣ оправданія въ древнихъ христіанскихъ ученіяхъ и преданіяхъ, сохраняемыхъ нами и до настоящаго времени; онъ составляетъ особенность латинскаго исповѣданія и возникъ въ Римѣ послѣ того, какъ онъ отдѣлился отъ единства вселенской церкви. Какое же значеніе можетъ придавать латинская церковь понятію о терпимости, когда въ своей собственной средѣ она обрекаетъ всѣхъ вѣрующихъ на чисто-рабскія отношенія къ церковной власти? Къ удивленію, читаемъ слѣдующія строки въ разсматриваемомъ нами сочиненіи: «если мы желаемъ, чтобы всѣ исповѣдывали одну вѣру, то слѣдуетъ-ли изъ этого, что хотимъ проповѣдывать ее насильно и принуждать вѣрить? Совсѣмъ

[1]) Laboulaye. Le parti liberal etc. Paris 1864. Предисл. и первая глава

нѣтъ. Прежде всего я замѣчу, что это невозможно. Сила можетъ-ли убѣждать людей, можетъ-ли она заставить желать ихъ того, чего они не хотятъ? Нѣтъ, отвѣчаетъ Фенелонъ, никакая человѣческая власть не можетъ насильственно проникнуть въ святыню свободы духа; только магометанство могло утвердиться мечемъ, но христіанство утвердилось словомъ» (стр. 128). Въ подтвержденіе этого мнѣнія, Орлеанскій епископъ приводитъ слова св. Аѳанасія, Тертулліана и Августина. Такія указанія можно бы умножить до безконечности; но никто не сомнѣвается, что таково именно христіанское ученіе, такъ объясняли его и проповѣдывали всѣ отцы церкви и даже латинскіе — до отпаденія Рима отъ вселенскаго единства христіанской церкви. Съ тѣхъ поръ взглядъ Рима измѣнился; не даромъ папа ежегодно освящаетъ мечъ и вручаетъ его одному изъ государей. Этотъ мечъ въ продолженіи вѣковъ вносилъ вражду и кровопролитіе въ жизнь европейскихъ государствъ. Нельзя не удивляться, какое французскій епископъ предполагаетъ глубокое незнаніе исторіи въ своихъ читателяхъ-соотечественникахъ. Быть можетъ, онъ имѣетъ и нѣкоторое основаніе, ибо никто, кромѣ новой Франціи, не стремится съ такою силою разорвать всѣ связи съ исторіею; но, между французами есть много протестантовъ, которымъ памятны тѣ кровавыя бѣдствія, которыя претерпѣли они во Франціи. Кто же проповѣдывалъ, поощрялъ и одобрялъ преслѣдованіе протестантовъ? М. Дюпанлу привелъ слова Фенелона, а мы приведемъ слова не менѣе знаменитаго его современника — Боссюета. Воспоминая дѣйствія Людовика XIV въ отношеніи къ протестантамъ, онъ восклицаетъ: «пораженные столькими чудесами, преклонимся предъ благочестіемъ Людовика. Вознесемъ къ небу нашъ голосъ и скажемъ этому новому Константину, новому Ѳеодосію, новому Маркіану и новому Карлу Великому то, что сказали шестьсотъ тридцать отцовъ Халкидонскаго собора: ты укрѣпилъ вѣру, ты истребилъ еретиковъ, это достойное дѣло твоего царствованія, въ немъ выражается его существенный характеръ. Благодаря тебѣ, ересь не существуетъ болѣе. Одинъ Богъ могъ содѣлать такое чудо. Царь небесный, сохрани короля земнаго: это желаніе церкви, это желаніе епископовъ» [1])!

Опровергая взглядъ свѣтскихъ писателей на папское посланіе, Орлеанскій епископъ не знаетъ мѣры удивленію, какъ могло французское правительство документы, обращенные только къ епископамъ, отдать въ добычу журналистамъ. «Когда же епископы желали возвысить голосъ, когда они, въ свой чередъ, хо-

[1]) Oraison funèbre de Le Tellier.

тѣли говорить, разсѣять недоразумѣнія, показать неправильныя толкованія и отклонить обильный потокъ лжи, заблужденій, ненависти, направленный противъ церкви, одни они должны были молчать! Имъ отказано въ правѣ, предоставленномъ всякому юрисконсульту и адвокату, давать объясненія и совѣты о смыслѣ закона или спорномъ вопросѣ, имъ — законнымъ храпителямъ и истолкователямъ церковнаго ученія. Они должны были поникнуть головою, все выслушать и все вытерпѣть молча. И это въ странѣ католической, во имя свободы и преимуществъ галликанской церкви!» (стр. 95). Какое сильное обличеніе современной Франціи заключалось-бы въ этихъ словахъ, если-бъ они были справедливы. Но что же значитъ появленіе въ печати разсматриваемаго сочиненія самаго епископа Орлеанскаго, въ которомъ онъ нисколько не стѣсняется въ изложеніи своихъ мнѣній, и появленіе писемъ и протестовъ многихъ другихъ епископовъ и сочиненій писателей, защищающихъ папское посланіе? Очевидно, что ничто не возбраняетъ имъ также свободно выражать свои мнѣнія, какъ и тѣмъ журналистамъ, на которыхъ такъ нападаетъ м. Дюпанлу. Въ его жалобахъ на стѣсненія скрывается иная мысль.

Распоряженіемъ министра просвѣщенія и исповѣданій запрещено только обнародованіе папскаго посланія съ епископскихъ каѳедръ. «Что же онъ этимъ сдѣлалъ, произвольна ли или насильственна принятая имъ мѣра? Нѣтъ, онъ только исполнилъ законъ, по которому ни одно папское предписаніе, въ какомъ бы видѣ оно дано ни было, не можетъ быть принято, обнародовано и приведено въ исполненіе безъ разрѣшенія правительства», говоритъ извѣстный французскій юристъ [1]). Епископъ орлеанскій увѣряетъ, что латинская церковь признаетъ всякое государственное устройство, лишь бы оно дѣйствовало справедливо, учитъ повиноваться предписаніямъ власти и свято соблюдать присягу а въ тоже время издѣвается надъ законами Франціи, на которыхъ основано распоряженіе министра. «Это, говоритъ онъ, законъ особенный, основанный на свободѣ, которую называютъ особымъ именемъ галликанской, изобрѣтенной особенно либеральными государями, какъ Людовикъ XIV и Наполеонъ I». И латинскій епископъ дѣйствуетъ послѣдовательно, потому что папа, въ послѣднемъ посланіи, называетъ ложнымъ то ученіе, «что свѣтскому правительству, даже сосредоточивающемуся въ рукахъ иновѣрнаго государя, можетъ принадлежать такъ называемое

[1]) Chaix-d'est-ange. De la publication en France des actes de la cour de Rome. Moniteur univ. 1865. № 45.

право exequatur, т. е. право разрѣшать обнародованіе папскихъ повелѣній, и апелляціи по злоупотребленіямъ» (jus appellationis ab abusu. Syllabus ст. 41). Такимъ образомъ сталкиваются двѣ власти, два закона, имѣющіе одинаково государственный характеръ. Чтобы яснѣе понять значеніе борьбы въ этой области вопроса, мы должны обратить вниманіе на такъ называемыя права галликанской церкви и государственные законы Франціи, такъ часто упоминаемые въ этомъ спорѣ.

Въ чемъ заключаются такъ называемыя права галликанской церкви (les libertés de l'eglise gallicane)?

Предѣлы статьи не позволяютъ намъ войти въ подробныя историческія изслѣдованія, какъ постепенно сложилась самостоятельность и, въ нѣкоторой степени, независимость галликанской церкви,—въ изложеніе богословскихъ споровъ, продолжавшихся цѣлые вѣка, и борьбы государственной власти Франціи съ римскими первосвященниками. Мы ограничимся только указаніемъ на главныя начала; но прежде всего замѣтимъ, что эта самостоятельность, въ существенныхъ своихъ основаніяхъ, не была явленіемъ новымъ, выработаннымъ особенною жизнію Франціи. Напротивъ, исторія правъ галликанской церкви заключается въ стремленіи сохранить уцѣлѣвшіе въ ней древніе христіанскіе обычаи, преданія и постановленія, и защитить ихъ отъ нововведеній и притязаній римской церковной власти. Эти главныя начала могутъ быть выражены въ слѣдующихъ положеніяхъ:

1) Признавая власть римскихъ первосвященниковъ въ дѣлахъ духовныхъ, галликанская церковь принимала, что власть вселенскихъ соборовъ выше власти папъ.

2) Что во Франціи власть папъ никогда не принималась въ смыслѣ безусловномъ и неограниченномъ, но, напротивъ, ограниченною каноническими правилами древнихъ соборовъ; — et in hoc maxime consistit libertas Ecclesiae gallicanae.

3) Папы ничего не могутъ повелѣвать и предписывать въ отношеніи къ дѣламъ свѣтскимъ, и государственная власть Франціи вполнѣ независима отъ нихъ [1]).

Эти положенія ясно доказываютъ, что галликанская церковь была въ полномъ смыслѣ слова протестомъ противъ притязаній папъ на полновластіе, которое послѣднее посланіе Пія IX считаетъ даже догматомъ вѣры. Но такова нѣкогда была галликанская церковь; въ настоящее же время, быть можетъ, оста-

---

[1]) Les libertés de l'Eglise gallic. par Pithou, собранныя въ 1594 г. и обнародованныя въ 1639 (J. Simon. La liberté de consience прилож. I)

лись незначительные слѣды, за которые тщетно желаютъ ухватиться теперь въ виду опасности.

Было время, когда галликанское ученіе о значеніи соборовъ и ихъ постановленій одержало верхъ въ самой латинской церкви надъ притязаніями папъ; оно было утверждено соборомъ Константскимъ и признано самими папами. Но это не помѣшало имъ въ послѣдствіи отказаться отъ этого ученія, а ультрамонтанскимъ писателямъ утверждать, что ничего не было ничтожнѣе и даже смѣшнѣе такого постановленія Константскаго собора [1]). Хотя тоже самое ученіе повторено французскимъ духовенствомъ въ знаменитой деклараціи 1762 г. и даже въ 1809 году въ отвѣтахъ на вопросы, предложенные Наполеономъ I; но, въ настоящее время, по выраженію одного изъ лучшихъ публицистовъ Франціи, оно покоится въ гробу вмѣстѣ съ послѣдними галликанскими епископами старой монархіи [2]). Но — нельзя не обратить особеннаго вниманія на то, что именно съ этихъ самыхъ представителей галликанскаго ученія началось его паденіе. Нельзя не сознаться, что ультрамонтанскіе писатели справедливо упрекаютъ въ непослѣдовательности мыслей и противорѣчіяхъ Фенелона, Боссюета и даже Флёри [3]). Защищая положенія галликанской церкви, они въ тоже время хотѣли придать особенное значеніе папѣ, признавая его намѣстникомъ Христа, главою церкви. Забывая о церквахъ востока, они видѣли въ римскомъ первосвященникѣ, дѣйствительно первомъ на западѣ, единственнаго представителя церковной власти. Это противорѣчіе уже давало возможность развиться во Франціи ультрамонтанскому ученію о полновластіи папъ. Конкордатъ перваго консула и такъ называемыя органическія постановленія отворили ему широкій входъ во Францію Мы постараемся говорить словами самихъ французскихъ писателей о томъ, какъ постепенно развивались тамъ ультрамонтанскія ученія, заразившія теперь все духовенство Франціи, по крайней мѣрѣ высшее, и наводнившее ее іезуитами и другими поборниками папскаго полновластія.

Заботясь исключительно о защитѣ свѣтской государственной власти, конкордатъ забылъ о другихъ началахъ галликанскихъ. «Въ одномъ только онъ непамѣренно отступилъ отъ преданій и тѣмъ разрушилъ послѣднія основанія галликанской церкви, думая защитить ее, — вмѣсто того, чтобы вести переговоры съ епископами, разсѣянными революціею, договаривались съ однимъ

---

[1]) J. de Maistre. Du pape liv. I. chap. XII, стр 81.

[2]) Laboulaye. La liberté religieuse. L'immac. conception стр. 198

[3]) J de Maistre. Тамъ же, liv I. гл XI.

папою. Это былъ такой ударъ галликанской церкви, по словамъ аббата Емери, котораго никогда ей не наносили папы». Дѣйствительно, епископы были отданы во власть папы, а низшее духовенство во власть епископовъ. «Основана новая церковь, не имѣвшая болѣе точки опоры въ самой Франціи», а напротивъ въ Римѣ [1]). Желая превратить духовенство въ послушное орудіе свѣтской власти, политика имперіи превратила его въ своихъ враговъ и вѣрныхъ подданныхъ папы. «Послѣ іюльской революціи, отношенія между правительствомъ и духовенствомъ сдѣлались еще болѣе натянутыми. Духовенство, считая себя обиженнымъ, заговорило, вмѣстѣ со всѣми, о свободѣ, начало борьбу съ правительствомъ и рѣшилось образовать въ государствѣ особое высшее сословіе, покоряющееся единственно Риму». Сами защитники государственной власти Франціи сознаются, что въ настоящей ея борьбѣ съ папами уже невозможно опираться на несуществующія болѣе права галликанской церкви [2]). Единственною опорою остается конкордатъ съ органическими статьями. Но кого же они удовлетворяютъ въ настоящее время? Папа и епископы ихъ не признаютъ. Конкордаты съ Римомъ не похожи на мирные договоры, заключаемые между различными государствами. Они предполагаютъ взаимное признаніе полноправія обѣихъ договаривающихся сторонъ; между тѣмъ папы считаютъ свою властъ высшею и безусловною. Это временныя перемирія, которыя заключаетъ Римъ, уступая обстоятельствамъ, съ цѣлію нарушить ихъ при первомъ удобномъ случаѣ. Такъ дѣйствовали папы и въ отношеніи къ этому конкордату; а теперь, прямо отрицается право свѣтской власти запрещать или разрѣшать обнародованіе папскихъ постановленій (exequatur) или стѣснять юрисдикцію духовенства (appellatio ab abusu). «Было время, когда Римъ владычествовалъ надъ міромъ. Онъ давалъ короны, раздавалъ государства, управлялъ народами, накладывалъ налоги, — правосудіе почти все перешло въ церковные суды. Подражая языческому Риму, папы создали мысль о всеобщей монархіи, въ которой папѣ принадлежитъ верховная власть, а свѣтскимъ государямъ остается быть послушными его намѣстникамъ» говоритъ Шексъ Дестанжъ Тотъ же самый взглядъ папа предъявляетъ и теперь. Какое же могутъ имѣть значеніе конкордаты, заключенные даже съ государствами латинскими по исповѣданію. Всякій же конкордатъ папы съ государствомъ не латинскимъ по исповѣданію — есть просто шутка или насмѣшка.

---

[1]) Laboulaye. Тамъ же, стр. 52 и 53

[2]) Chaix d'est—ange Тамъ же Monteur 1865, № 55 и 56.

Нѣкоторые изъ либераловъ также недовольны постановленіями конкордата и органическихъ законовъ. «Мы не оспариваемъ мудрости этихъ постановленій; но это значило бы идти слишкомъ далеко, чтобы полагать, что законы могутъ оставаться неизмѣнными, говорятъ они. Обстоятельства измѣнились, договоръ — прекрасный пятьдесятъ лѣтъ тому назадъ — не удовлетворяетъ теперь ни церкви, ни государства» [1]) Они желаютъ предоставленія полной свободы вѣроисповѣданія, по примѣру Англіи и Америки; но встрѣчаютъ возраженія въ отношеніи къ латинской церкви со стороны членовъ своей же партіи. Полная свобода, предоставленная латинской церкви, грозитъ опасностію государству. Латинское духовенство составляетъ одно цѣлое во всѣхъ государствахъ, подчиняющееся безусловно власти, находящейся внѣ каждаго изъ этихъ государствъ, въ Римѣ, и составляющей независимое государство. Это духовенство богато, образовано и заражено нетерпимостію; оно можетъ получить огромное вліяніе на народы [2]).

Нельзя не согласиться, что возраженіе весьма сильно; и потому остается придерживаться началъ, которыхъ несостоятельность уже сознана и вести борьбу на почвѣ не твердой и колеблющейся — конкордатовъ и органическихъ законовъ. Но исторія на этомъ не остановится.

Почему же однако такое чуждое и даже враждебное своимъ государствамъ положеніе принимаетъ латинское духовенство? Потому, что это не органы и представители церкви, а вѣрноподданные папы. Очевидно, корень зла заключается въ догматѣ латинской церкви о полновластіи папъ, а это полновластіе получаетъ особое значеніе отъ свѣтской власти римскихъ первосвященниковъ, какъ государей. Только съ паденіемъ этой власти могутъ установиться мирныя отношенія между церковію и государствомъ на западѣ Европы Что именно въ томъ заключается корень зла, это давно, уже съ XIII столѣтія, сознавали лучшіе люди.

Ahi' Constantin, di quanto mal fu madre
Non la tue conversion, ma quella dote
Che da te preso il primo ricco patre! [3]).

1865 г. Февраль.

[1]) Laboulaye. Тамъ же стр 46 и слѣд

[2]) J Simon La liberté de conscience предисл

[3]) Dante Div Comedia, infer XIX ст 115 «Увы Константинъ! сколько бѣдъ произвело не то, что ты принятъ христіанство; но твой подарокъ первому богатому папѣ!» Въ то время вѣрили сочиненному въ Римѣ сказанію, будто Константинъ Великій подарилъ папѣ Сильвестру Римскую область.

Римскій юбилей 1865 года.

Въ концѣ пресловутаго посланія 8 декабря прошлаго года, папа Пій IX говоритъ епископамъ: «если всегда, почтенные братья, мы должны съ вѣрою прибѣгать къ престолу милости, испрашивая милосердія и своевременной помощи (auxilio opportuno), то теперь особенно, во время бѣдствій церкви и гражданскаго общества, въ виду обширнаго заговора враговъ и скопища заблужденій противъ церкви и святаго престола». Приглашая къ совокупной съ нимъ молитвѣ всѣхъ вѣрующихъ, папа прибѣгаетъ къ особенному средству, чтобы усилить ихъ благочестіе (pietatem excitare). «Но какъ молитвы людей пріятнѣе Богу, говоритъ онъ, когда онѣ исходятъ отъ чистаго и незапятнаннаго сердца, поэтому мы считаемъ нужнымъ открыть всѣмъ вѣрнымъ христіанамъ, съ апостольскою щедростію, небесныя сокровища церкви, ввѣренныя нашему распоряженію, чтобы живѣе возбудить ихъ истинное благочестіе и очистить ихъ отъ грѣховъ таинствомъ покаянія, дабы они молились съ большею увѣренностію, что получатъ благодать и милосердіе [1]). Поэтому мы даруемъ, въ силу нашей апостольской власти, всѣмъ вѣрнымъ членамъ церкви, обоего пола, полное всепрощеніе грѣховъ (plenariam indulgentiam), въ видѣ юбилея въ продолженіи 1865 года».

Да не смутится слухъ истинныхъ христіанъ и не подумаютъ они, что папа Пій IX открываетъ какой нибудь заемный банкъ, изъ котораго всякій, безъ особенныхъ заслугъ можетъ получить пособіе! Таковъ уже языкъ латинской церкви, соотвѣтствующій впрочемъ и самымъ ея понятіямъ, въ которыхъ дѣла духа взвѣшены и измѣрены и втиснуты въ рамки строго-развитой внѣшней системы!

Не о денежномъ капиталѣ идетъ здѣсь рѣчь, но о запасѣ добрыхъ дѣлъ, кѣмъ-то ввѣренномъ распоряженію папы, объ особенномъ догматѣ латинской церкви, которымъ она отличается отъ церкви вселенской столько же, какъ и догматомъ о полновластіи римскихъ первосвященниковъ. Здѣсь рѣчь идетъ объ

---

[1]) ... idcirco coelestes Ecclesiae thesauros dispensationi nostrae commissos Christi fidelibus Apostolica liberalitate reserare censuimus ut iidem fideles ad veram pietatem vehementius incensi, ac per poenitentiae sacramentum a peccatorum maculis expiati, fidentius suas preces ad Deum effundant, ejusque misericordiam et gratiam consequantur,

особомъ учрежденіи въ латинской церкви, объ юбилеѣ, котораго также нельзя найти ни въ обрядахъ, ни въ преданіяхъ христіанской церкви и который напоминаетъ, впрочемъ, только по названію, Еврейскій Синедріонъ.

Но что же это за запасъ благостыни, которую папа можетъ, по своей волѣ, разливать потопомъ на всѣхъ сыновъ латинской церкви и что такое за торжество, извѣстное въ Римѣ подъ названіемъ юбилея? Конечно, и то и другое извѣстно нашимъ читателямъ и давно знакомо западной Европѣ; но иногда старое и, повидимому, очень извѣстное получаетъ значеніе новости, смотря по времени, когда оно выражается и притомъ — какъ выражается. Папское посланіе сильно встревожило всю латинскую Европу; во имя современнаго просвѣщенія и самостоятельности государственной власти, возстали противъ него въ литературѣ и въ законодательныхъ собраніяхъ; но объявленіе юбилея и торжественное подтвержденіе ученій Рима о запасѣ добрыхъ дѣлъ и индульгенціяхъ не встрѣтили никакого возраженія. Французское правительство эту часть посланія дозволило даже обнародовать въ церквахъ съ епископскихъ каѳедръ. Оно, стало быть, не видитъ въ этихъ ученіяхъ ничего особеннаго, несогласнаго съ христіанскими началами. Вотъ почему мы позволимъ себѣ поговорить съ нѣкоторою подробностію о догматѣ латинской церкви, о запасѣ добрыхъ дѣлъ и объ юбилеѣ.

Латинское богословіе развилось въ полную систему, послѣ того, какъ Римъ отдѣлился отъ вселенской церкви, подъ вліяніемъ двухъ началъ: схоластической философіи и римскаго права. Самобытная жизнь церкви прекратилась въ одной изъ ея вѣтвей, отрѣзанной отъ корня. Латинская церковь, лишивши сама себя всякой связи съ органическою силою христіанской жизни, подпала подъ внѣшнее вліяніе преданій и ученій древняго языческаго міра. Не подъ вліяніемъ животворнаго начала новаго христіанскаго міра воспользовалась латинская церковь наслѣдствомъ, оставленнымъ міромъ древнимъ; напротивъ: свою жизнь и ученіе она развила по началамъ этого древняго міра. Внѣшняя дѣятельность подчинилась понятіямъ о государствѣ, и христіанство, — его же царство не отъ міра сего, — выразилось въ видѣ церковнаго государства; ученіе, отрѣшенное отъ жизни, превратилось въ простой запасъ правилъ, мнѣній и постановленій, который, по началамъ римскаго права и законамъ Аристотелевой логики, кропотливо до мелочности выработали въ строгую систему неутомимые богословы среднихъ вѣковъ. Порывъ свободной мысли, выразившійся въ жизни западныхъ государствъ со времени реформаціи, отбросилъ въ сторону эту вѣковую, му-

равьиную работу тружениковъ. Но въ тиши, незамѣчаемая общимъ движеніемъ жизни, она продолжалась. Поновленная въ трудахъ Беллярмина и потомъ Перроне, очищенная отъ многихъ подробностей — даже неприличныхъ въ наше время, — но оставаясь вѣрною общему направленію и главнымъ началамъ, она постоянно выражалась въ сочиненіяхъ ультрамонтанскихъ писателей, и въ настоящее время вновь торжественно провозглашена римскимъ первосвященникомъ. Въ этой системѣ латинскаго богословія занимаетъ не послѣднее мѣсто и догматъ о запасѣ добрыхъ дѣлъ (thesaurus superrogationis perfectorum), тѣсно связанный съ такъ называемыми индульгенціями, памятными западной Европѣ столькими бѣдствіями!

Въ евангельскомъ ученіи заключаются два рода предписаній, говорятъ латинскіе богословы, — одни, которыя долженъ исполнять каждый, чтобы достигнуть спасенія, обязательныя для всѣхъ христіанъ; другія — болѣе совѣты, нежели предписанія (consilia Evangelica), не обезательныя для всѣхъ, не необходимыя для спасенія. Исполненіемъ послѣднихъ — вѣрующій, въ большей или меньшей мѣрѣ, достигаетъ извѣстной степени совершенства, которое не составляетъ необходимаго условія для спасенія. Совершенство, по понятіямъ латинской церкви, уже составляетъ болѣе преимущество, особую привилегію высшаго правительственнаго сословія въ церковномъ государствѣ, іерархіи и монашескихъ орденовъ и сосредочивается въ лицѣ папы. Изъ добрыхъ дѣлъ, выходящихъ изъ ряду необходимыхъ для спасенія (opera supperogatoria), и составляется то сокровище, запасный капиталъ, изъ котораго папы удѣляютъ нѣкоторыя доли грѣшникамъ, чтобы даровать имъ спасеніе. Такимъ образомъ живое единство вѣрующихъ въ христіанской церкви замѣнилось въ латинствѣ внѣшнимъ разсчетомъ, пополненіемъ недостатковъ однихъ — избыткомъ добрыхъ дѣлъ другихъ, и эту задачу перечисленія производятъ папы, въ качествѣ верховной власти. «Вѣчная тяжба, вѣчный споръ противорѣчащихъ правъ передъ духовными законовѣдами папскаго Рима, говоритъ А. С. Хомяковъ, — вотъ отношенія, замѣнившія собою внутреннее единство, которое пришествіемъ Христа установлено между Творцомъ и его тварью. Вооруженный счетною книгою, раздѣленною на двѣ части, въ которой долгъ представляется какъ *грѣхъ*, а имущество, какъ *добрыя дѣла*, — правда, подкрѣпляемыя жертвою Спасителя, человѣкъ хочетъ судиться съ Богомъ и желаетъ найти въ римскомъ казуистѣ благосклоннаго себѣ судью. Впрочемъ, его дѣло почти не можетъ быть проиграно. Только бы онъ былъ гражданиномъ церковнаго государства и покорнымъ рабомъ его правителей,

опъ сдѣлается акціономъ рая за довольно умѣренную сумму добрыхъ дѣлъ и добрыхъ мыслей, а избытокъ, если таковой окажется, можетъ составить для него небольшой подвижной капиталъ, который будетъ находиться въ полномъ его распоряженіи; если же окажется дефицитъ, то онъ можетъ быть пополненъ займомъ, сдѣланнымъ у болѣе богатыхъ капиталистовъ. Если только балансъ вѣренъ, то Богъ ничего болѣе не требуетъ! Да простятъ мнѣ жестокость моей проніи; ибо я остаюсь въ предѣлахъ самой строгой истины. И какой сынъ церкви могъ бы сдержать свое негодованіе, видя какъ сильно обезображено и какъ глубоко унижено апостольское ученіе! Чѣмъ въ самомъ дѣлѣ сдѣлалось христіанство!... И послѣ того будутъ строго судить невѣрующихъ!» [1]).

Въ юбилейные годы папы съ особенною, апостольскою щедростію расточаютъ запасы благостыни, собранные въ этой сокровищницѣ добрыхъ дѣлъ, давая всѣмъ полное отпущеніе грѣховъ при нѣкоторыхъ условіяхъ. Главнымъ условіемъ было: присутствіе въ Римѣ и посѣщеніе нѣкоторыхъ храмовъ, особенно св. Петра. Юбилей долженъ былъ повторяться чрезъ каждыя сто лѣтъ, но потомъ этотъ срокъ былъ сокращаемъ и наконецъ перешолъ въ неопредѣленный. Подобнаго торжества никогда не существовало въ христіанской церкви; въ первый разъ оно было установлено папою Бонифаціемъ VIII въ 1300 году. Какая же цѣль и какой смыслъ этого установленія и каковъ былъ папа— его учредитель?

Мы могли бы подробно изобразить личность папы Бонифація VIII стихами его знаменитаго современника, Данта; онъ часто говоритъ о немъ и въ «Чистилищѣ» и въ «Адѣ». Но Бонифацій былъ гвельфъ, а Дантъ гибеллинъ, его можно заподозрить въ пристрастіи къ своему политическому противнику. Указывая на многіе его пороки, онъ особенно упрекаетъ его въ ненасытной жадности къ богатству. Этотъ папа, говоритъ онъ и его кардиналы забыли Евангеліе и отцовъ церкви, они занимались только декреталіями; ихъ мысль не обращалась къ Назарету, но искала только обогащенія [2]). На корыстолюбіе, въ которомъ Дантъ упрекаетъ Бонифація VIII, мы указываемъ только,

---

[1]) Правосл. Обозрѣніе, 1864 г. Январь, ст 35

[2]) Parad IX, ст 127 и слѣд Ср такъ же Infern XIX, ст. 52 и слѣд. Purg. XXXII, ст 155 и слѣд — In veste di pastor lupi parasi, называетъ Дантъ современныхъ ему папъ Бонифацій считался знатокомъ канонического права. Знаменитыя ложныя декреталіи были собраны при Григоріѣ IX въ 1234 г., а при Бонифаціи дополнены цѣлою шестою книгою F. Arnivabene, il secolo di Dante. Firenze, 1830, vol. I, стр 329 и сл. C. Balbo, vita di Dante. Napoli 1840, гл. 2, кн. II.

потому, что это подтверждаютъ всѣ другія историческія свидѣтельства Приведемъ слова Муратори, котораго нельзя подозрѣвать въ пристрастіи: «Онъ заботился всѣми силами возвеличить и обогатить своихъ родственниковъ, собрать богатства, не разбирая какими бы то ни было средствами. Былъ человѣкъ, исполненный свѣтскихъ мыслей, непримиримый врагъ гибеллиновъ. За то они его не щадили; Дантъ обрекъ его на жесточайшія муки ада. Бенвенуто да Имола, частію хваля, частію порицая, называетъ его великодушнымъ грѣшникомъ. Говорятъ, будто бы папа Целестинъ V сказалъ про него: что онъ достигъ папскаго престола какъ волкъ, правилъ церковью какъ левъ и умеръ какъ собака (entrerebbe nel pontificato qual volpe, regnerebbe qual leone, morebbe come cane)» [1]). Дѣйствительно, вдумываясь въ причины, побудившія установить юбилей, нельзя ничѣмъ объяснить его происхожденіе кромѣ, простого корыстолюбія. Если онъ напоминаетъ что-либо, то скорѣе всего столѣтнія игры древнихъ языческихъ римлянъ (ludi saeculares [2]). Въ буллѣ Бонифація VIII, 1300 года 22 февраля, установившей юбилей, сказано только, что въ Римѣ существовалъ обычай отпущать грѣхи тѣмъ, которые посѣщаютъ храмъ князя апостоловъ, т. е. св. Петра. Въ виду этого обычая папа постановилъ давать полное отпущенье грѣховъ такимъ посѣтителямъ чрезъ каждыя сто лѣтъ. Въ буллѣ 1343 года января 26 (unigenitus), папа Климентъ VI говоритъ, что безконечныя заслуги Сына Божія, вмѣстѣ съ заслугами Божіей Матери и всѣхъ святыхъ составляютъ сокровище, которое онъ ввѣрилъ распоряженію апостола Петра и его преемниковъ; на этомъ основаніи Бонифаціи VIII установилъ юбилей; усматривая же, что въ Моисеевомъ законѣ, который духовно исполнитъ пришелъ І. Христосъ, былъ установленъ 50-лѣтній срокъ для юбилея еврейскаго, и онъ сократилъ только до этого числа лѣтъ прежде установленный срокъ. Та же мысль выражена и въ буллѣ папы Николая 1449 года января 19. Папы желали исполнить духовно то, что внѣшнимъ образомъ представлялъ юбилей въ ветхомъ завѣтѣ. Но римскій юбилей, вмѣстѣ съ отпущеніемъ грѣховъ, представляетъ и другую, внѣшнюю сторону. По свидѣтельству современныхъ этимъ торжествамъ писателей, въ Римъ собирались сотни тысячъ народа со всѣхъ концовъ Европы. Противъ опаснаго и вреднаго для государствъ движенія народовъ возставали свѣтскіе государи и даже нѣкоторые епископы. Но воля папъ была сильна, и еще сильнѣе всеобщее вѣрованіе, что от-

[1]) Muratori ann. 1303 годъ, т. VIII, рад 12

[2]) Schroeck. Kirchengesch. XXVIII, стр. 168 и 169.

пущеніе грѣховъ, данное самимъ папою, дѣйствительнѣе всякого другаго, а папа призывалъ для этого въ Римъ. Первымъ послѣдствіемъ огромнаго стеченія народа въ Римъ было — обогащеніе храмовъ богатыми вкладами и особенно папской казны. Другимъ, не менѣе важнымъ, умноженіе разбоевъ по дорогамъ и то, что многочисленныя толпы по улицамъ, на Тибрскомъ мосту и въ римскихъ храмахъ, ежедневно душили до смерти болѣе десятка несчастныхъ богомольцевъ во все время празднованія юбилея. Въ утѣшеніе, защитники папъ разсказываютъ, что въ Римъ совершалось и много чудесъ въ это время. Но многіе жаждавшіе отпущенія грѣховъ, не могли однако же являться въ Римѣ, часто по причинамъ весьма важнымъ, а иногда и независѣвшимъ отъ ихъ воли. Они просили избавить ихъ отъ условія лично быть въ Римѣ, но сначала папа Климентъ отказалъ, говоря, что юбилей установленъ — «не только для спасенія душъ, но и въ прославленіе святыхъ». Потомъ онъ дозволилъ нѣкоторымъ епископамъ давать всепрощеніе грѣховъ такимъ просителямъ, но собирая съ нихъ деньги, по строгой оцѣнкѣ, что могло бы имъ стоить путешествіе въ Римъ, и присылать эти деньги въ распоряженіе папы Послѣдующіе папы наводнили наконецъ всю Европу своими уполномоченными, продававшими всѣмъ и каждому подобныя индульгенціи [1]). Такимъ образомъ цѣль учрежденія юбилея ясно выразилась, какъ при самомъ его установленіи, такъ и въ послѣдующихъ повтореніяхъ Папа расточалъ небесныя богатства съ цѣлію пріобрѣсть поболѣе богатствъ земныхъ.

Полагаетъ ли Пій IX, что и въ нынѣшнемъ году ему удастся собрать такія же толпы народа въ Римѣ, какія собирались прежде и этимъ способомъ поправить скудные свои финансы?

Мы привели слова А. С Хомякова, который, говоря объ ученіи латинской церкви о запасѣ добрыхъ дѣлъ, до такой степени несогласномъ съ основными началами христіанства, невольно выразилъ удивленіе: какъ же послѣ этого Римъ, проповѣдуя такія ученія, можетъ строго осуждать невѣріе? Когда вдумываешься въ значеніе римскаго юбилея, невольно, въ дабавокъ къ его восклицанію, просится другое: какъ же можетъ Римъ, торжественно возобновляя подобныя учрежденія среднихъ вѣковъ, строго осуждать революцію, отлучать отъ церкви италіанскихъ патріотовъ и клеймить позоромъ италіанское правительство, когда въ немъ самомъ кроется источникъ и того и другого направленія,

---

[1]) Eleury. Histoire Eccles. Кн. 89, гл LXIX, кн. 95, гл. XIV и LI и др.

препятствующихъ стройному развитію свободной жизни западныхъ народовъ?!

Реформація оказала огромную услугу самой латинской церкви. Этого не отрицаютъ даже сами ультрамонтанскіе писатели. Сражаясь съ своими противниками, она нѣсколько очистилась [1]). Съ одной стороны, воздерживаясь отъ явныхъ пороковъ и злоупотребленій или, по крайней мѣрѣ, скрывая ихъ соблюденіемъ внѣшнихъ приличій, она получила нѣкоторый видъ нравственнаго и общественнаго благообразія; съ другой стороны, хотя папы и сочувствовали мнѣніямъ ультрамонтанскихъ писателей и іезуитовъ, однако же опасались провозглашать ихъ непреложными ученіями самой церкви. Такое положеніе латинства послужило поводомъ къ тому, что возникла мысль о возможности примиренія ученій Рима съ современнымъ просвѣщеніемъ, и власти папъ — съ требованіями общественной и государственной жизни европейскихъ народовъ. Образовалась цѣлая литература, непослѣдовательная, конечно, въ изложеніи своихъ мнѣній, но какъ будто искренно желавшая ближе подойти къ началамъ христіанскимъ, прямо отрицавшая увлеченія, какъ она выражалась, ультрамонтановъ и іезуитовъ. Образовалась цѣлая партія католиковъ-либераловъ, которая, какъ напримѣръ въ Бельгіи, хотѣла даже увѣрить, что она сочувствуетъ успѣхамъ просвѣщенія и защищаетъ свободу гораздо болѣе всѣхъ другихъ политическихъ партій. Торжественнымъ выраженіемъ этого направленія, увлекшимъ всю Италію, былъ самъ Пій IX въ первые годы послѣ своего возшествія на римскій престолъ. «Когда кардиналъ Мастаи, говорилъ государственный министръ Руэ въ засѣданіи французскаго сената 5 марта, вышелъ изъ конклава, увѣнчанный папскою тіарою, первымъ его дѣйствіемъ было дарованіе всепрощенія, первымъ его словомъ была реформа, первою его заботою былъ прогрессъ и тогда Лигурійскія и Аппенинскія горы мгновенно озарились свѣтомъ милліона огней и ликовали. Развѣ Пій IX не былъ въ Италіи вчинателемъ всѣхъ великихъ идей свободы, прогресса и цивилизаціи? Развѣ не восклицалъ г. Монталамберъ, что насталъ конецъ теократіи, а Тьеръ развѣ не поощрялъ папу смѣлѣе идти впередъ и патеръ Вентура развѣ не проповѣдывалъ, что религія не можетъ окрѣпнуть безъ свободы, а свобода не можетъ развиться безъ содѣйствія религіи!» Но это было только личное увлеченіе новаго папы, который такъ искренно повѣрилъ въ возможность перерожденія латинской церкви, что помышлялъ даже о соединеніи церквей. Не

[1]) J. de Maistre. Lettres ined. vol. 11, p. 1.

одна слабость характера, въ которой такъ охотно упрекаютъ Пія IX даже его защитники, скоро заставила его обратиться въ другую сторону; но сила историческихъ преданій Рима, хотя не согласныхъ ни съ христіанствомъ, ни съ началами современнаго просвѣщенія, однако же живыхъ и крѣпкихъ въ латинскомъ духовенствѣ. Возвратившись въ Римъ вслѣдъ за французскими штыками, папа предался совершенно въ руки ультрамонтановъ и іезуитовъ. «Эта могущественная партія, какъ говорилъ въ засѣданіи французскаго сената 11 марта, г. Рулапъ, подстрекаетъ его, обманываетъ своими интригами и увлекаетъ неотступными просьбами. Притязанія этой партіи таковы, что съ нею невозможенъ никакой союзъ; а между тѣмъ религіозный прогрессъ можетъ совершиться только союзомъ церкви и государства. Этотъ союзъ будетъ крѣпокъ когда государство признаетъ въ религіи силу просвѣщающую, а не власть, стремящуюся захватить самыя существенныя изъ его правъ». Но эта партія, какъ выражается французскій министръ, едва ли можетъ быть такъ названа, потому что она безусловно господствуетъ въ современной латинской церкви.

Въ лицѣ Пія IX представилось нашему времени странное и даже трагическое сочетаніе совершеннаго безсилія съ притязаніями на безусловную силу и власть въ судьбахъ міра. Въ его лицѣ исторія какъ будто выразила свой окончательный приговоръ латинской церкви. Главнѣйшая опора всѣхъ притязаній Рима, свѣтская власть папъ, рушилась совершенно. Нѣтъ ни одного изъ самыхъ ревностныхъ защитниковъ папы, который бы не былъ увѣренъ, что вслѣдъ за выходомъ изъ Рима послѣдняго французскаго солдата, и Пій IX долженъ будетъ оставить свою столицу. Между тѣмъ, онъ присвоиваетъ себѣ такую власть въ отношеніи къ существеннымъ основаніямъ вѣры, о которой, конечно, мечтали, но осторожно и съ робостью выражали на дѣлѣ его предшественники. Не созывая собора, одною собственною властію возводитъ на степень догмата церкви частное мнѣніе, далеко не всѣми раздѣляемое, даже принадлежащими къ латинскому исповѣданію [1]) и — торжественно провозглашаетъ свое неограниченное полновластіе въ судьбахъ міра!

---

[1]) Замѣчательно, что на способъ установленія догмата о безпорочномъ зачатіи Божіей Матери обратили вниманіе только нѣкоторые изъ публицистовъ-либераловъ. Вотъ что въ 1854 г. писалъ Лабуле: Dans une question ou l'Eglise réunie en corps, devrait décider, après une mûre instruction, suivant des formes protectrices et de concert avec le pape, on remplace le droit de tous les évêques par une grace faite à quelques privilégiés, on demande un avis bénévole et qui ne lie pas, à des pasteurs, qui devraient prononcer en législateurs. Ce n'est pas seulement une opinion libre qu'on redige en ar-

Тщетно парижскій архіепископъ въ своемъ посланіи говоритъ, что папѣ «подобаетъ примирить разумъ съ вѣрою, свободу съ властью, политику съ церковью» и призываетъ его благословить тѣ добрыя начала, которыя существуютъ въ современной жизни. Не все же въ ней достойно проклятія и отлученія, «пусть изъ глубины великодушнаго сердца выскажется одно изъ тѣхъ словъ, которыя, даруя прощеніе прошедшему и успокоивая настоящее, растворяютъ врата для будущаго». Посланіе монсиньора Дарбуи и его рѣчь въ сенатѣ возбудили только гнѣвъ Рима Изъ всей современной жизни Европы въ Римѣ находятъ сочувствіе только неаполитанскій разбой и польскій мятежъ!

Тщетно министръ Руэ призываетъ французскихъ епископовъ подумать о преобразованіи церкви. Это воззваніе могло-бы относиться только къ галликанскимъ епископамъ; но ихъ уже не существуетъ болѣе, — іезуитъ и ультрамонтанъ топчетъ прахъ Боссюета и Фенелона; но и галликанскіе епископы вняли-бы воззванію, — да не изъ этихъ устъ!

---

ticle de foi, on renverse du même coup l'ancienne constitution de l'Eglise. Jusqu, à ce jour l'Eglise, établissant le dogme, était la réunion des pasteurs légitimes sous la conduite du pape. Demain l'Eglise sera le pape seul, interrogeant les pasteurs, comme et quand il jugera à propos; les évêques, qu'en ce moment on veut bien consulter a Rome, serviront, non pas à conserver les droits, mais à lier les mains de leurs successeurs. Leur adhésion est la ruine des anciennes libertés de l'Eglise Quel pouvoir refusera-t-on au pape, quand il aura établi le dogme par sa seule décision, aux acclamations de l'épiscopat? — Immac Conception и отвѣтъ іезуиту кн. Гагарину въ Journal des Débats, 1858 г.

1865 г. Мартъ.

Христіанская церковь и общество въ 1861 году.

(L'eglise et la societé chretienne en 1861. par. M. Guizot. Paris et Leipzig, 1861).

Всякое новое сочиненіе такого писателя, какъ Гизо, должно обратить на себя особенное вниманіе. Онъ не ученый только, проведшій жизнь въ своемъ кабинетѣ, не литераторъ, вращавшійся въ кругу говоруновъ и борзописцевъ, но, обладая всѣми качествами ученаго и литератора, онъ человѣкъ жизни дѣятельной, человѣкъ государственный. Безъ сомнѣнія, его взглядъ, если бы даже и ошибочный, гораздо важнѣе и поучительнѣе взглядовъ всѣхъ писателей газетныхъ статей и политическихъ брошюръ.

Нѣсколько словъ въ пріемной рѣчи, сказанной г. Гизо вновь избранному членомъ парижской академіи наукъ, О. Лакордеру (24 января 1861 г.), обратили на себя общее вниманіе. Мнѣніе, выраженное въ этихъ словахъ, Гизо еще болѣе развилъ въ рѣчи, сказанной имъ въ «обществѣ поощренія первоначальнаго образованія у протестантовъ французскихъ».

«Общая церковь христіанская, говоритъ онъ теперь, подвергается печальному перевороту; какія бы ни были различія въ исповѣданіяхъ и раздѣлахъ церкви, мы всѣ братья, всѣ христіане. Безопасность, достоинство и свобода каждой изъ церквей христіанскихъ, касаются всего христіанства. Все христіанство страдаетъ, если страдаетъ какая либо изъ великихъ церквей, на все христіанство падаютъ удары, которые, въ наше время, направлены на какую-либо отдѣльную церковь. Въ такое время мы обязаны сочувствовать всякой великой изъ христіанскихъ церквей.»

Слова Гизо встрѣчены были радостнымъ привѣтомъ католиковъ; упреками и выраженіями грусти со стороны протестантовъ. Пользуясь всякою неожиданною и случайною помощью, католики, съ опытною и разсчитанною мудростію, похвалили Гизо,—протестанты изумились; но, не вѣря въ самихъ себя и уважая такого человѣка, какъ Гизо, ограничились изъявленіемъ сожалѣній и сомнѣній.

Протестантъ защищаетъ свѣтскую власть папы! Явленіе, безъ сомнѣнія, *странное*, не понятное для западной Европы; но въ сущности весьма *естественное* и свидѣтельствующее только о добросовѣстности Гизо въ отношеніи къ вопросамъ вѣры, — добросовѣстности, весьма рѣдко встрѣчающейся на Западѣ.

Чтобы понять *странное* явленіе съ точки зрѣнія Запада и весьма *естественное* съ нашей точки зрѣнія, мы должны привести нѣсколько главныхъ мѣстъ изъ сочиненія Гизо и объяснить ихъ, не выходя однакоже изъ круга зрѣнія сочинителя и не требуя отъ него того, чего онъ не предполагалъ объяснить или разрѣшить въ своемъ произведеніи.

«О христіанской церкви, о *всей* христіанской церкви я думаю; о христіанской церкви, о *всей* христіанской церкви я буду говорить», такъ начинаетъ Гизо свое сочиненіе, и — чрезъ нѣсколько страницъ оговаривается: «въ числѣ христіанскихъ церквей, о которыхъ говорю, я не понимаю церкви греческой, которую я не знаю достаточно, чтобъ судить о современномъ ея состояніи и объ ея будущности.»

Современнаго состоянія, и даже прошлаго, церкви восточной не знаютъ и всѣ западно-европейскіе ученые,—даже богословы, не только историки и политическіе дѣятели Гизо, въ этомъ случаѣ, не отсталъ отъ нихъ; но опередилъ ихъ, добросовѣстно заявивъ о своемъ незнаніи. — Думая и желая говорить однакоже о *всемъ* христіанствѣ и признаваясь, что вовсе не знаетъ и не говоритъ о восточной церкви, тѣмъ самымъ онъ обличилъ свою односторонность и самъ же указалъ, что пишетъ не какъ вообще христіанинъ о церкви, но какъ протестантъ о церкви римской. Предположенный имъ самимъ объемъ вопроса съузился въ тѣсныя границы; мысль, желавшая возвыситься надъ историческими условіями жизни запада, низпала въ исторію, со всѣми ея временными случайностями. Желая говорить какъ христіанинъ, онъ говоритъ, какъ представитель одной изъ безчисленныхъ протестантскихъ сектъ, объ мѣстной церкви римской.

Когда писатель самъ опредѣлилъ свое отношеніе къ разсматриваемому имъ вопросу, то мы не считаемъ себя въ правѣ требовать отъ него болѣе, нежели онъ самъ обѣщаетъ. Но мы, христіане такъ же одной изъ *великихъ* церквей, можемъ и должны объяснить взглядъ добросовѣстнаго протестанта на римскую церковь.

Постараемся, по большей части, говорить словами самого Гизо.

«Въ виду опасности, грозящей вообще христіанской церкви, всѣ христіане обязаны защищать свою вѣру и свое духовное отечество: они живутъ въ разныхъ домахъ, но весь городъ, гдѣ находятся ихъ домы, осажденъ непріятелями. Удары, наносимые одной изъ христіанскихъ церквей, поражаютъ все христіанство. Повидимому, подвержено нападенію только внѣшнее зданіе римской церкви; но въ сущности всему

христіанству грозитъ сильнѣйшее нападеніе и большая опасность. Нападаютъ не только на христіанство, какъ на общественное учрежденіе, но на самую сущность христіанской вѣры» Гизо перечисляетъ враговъ христіанства; это: матеріализмъ, пантеизмъ, раціонализмъ, *историческая критика* (?) и скептицизмъ. Однимъ словомъ, какъ онъ говоритъ,—*язычество*, отрицающее существованіе живаго, духовнаго начала (все супернатуральное) въ религіи христіанской, судьбахъ человѣчества и всего міра. Оно стремится доказать, что духовная природа такъ же какъ и физическая управляется единственно общими, постоянными и необходимыми законами, которыхъ никакая самостоятельная воля не можетъ остановить или измѣнить.

Кто же изъ христіанъ не признавалъ или не признаетъ борьбы добра и зла, развивающагося постоянно въ исторіи человѣчества со дня грѣхопаденія перваго человѣка? кто же не видалъ въ этой борьбѣ, съ одной стороны, слѣпой матеріальной силы, выражаемой отвлеченно въ законѣ необходимости, съ другой — силу духовную, съ живою, разумною и всемогущею свободою; кто же не зналъ, что эта борьба длится съ перваго человѣка и до нашихъ дней? Но возможно-ли современный вопросъ о *свѣтской власти* папы и *притязаніяхъ* итальянскаго королевства возводить къ началамъ, такъ сказать, міровымъ и вселенскимъ? Политику гр. Кавура и сначала слабость, а потомъ упорство, равно тупыя и странныя, Пія IX-го, — изъ явленій хотя историческихъ, но временныхъ и случайныхъ, возводить до началъ, управляющихъ всею исторіею человѣчества? Безъ сомнѣнія, къ каждому явленію историческому вѣковѣчная борьба, выражающаяся въ жизни человѣчества, примыкаетъ въ нѣкоторой мѣрѣ; — правда, изъ-за плеча итальянскаго короля выглядываетъ мрачная личность Мадзини; но между мнѣніемъ о необходимости уничтоженія свѣтской власти папы и совершеннымъ безвѣріемъ, нѣтъ ничего общаго. Не слишкомъ ли напуганъ сочинитель пережитыми имъ, тяжелыми для него, происшествіями 1848 года?

Какъ протестантъ, Гизо защищаетъ свободу въ дѣлѣ вѣры, т. е. свободу совѣсти и изслѣдованія основныхъ началъ исповѣданія (liberté de conscience et de libre examen); но чувствуя, что римская церковь не очень способна допустить такую свободу, вдается въ странныя предположенія:

«Я представляю себѣ, говоритъ онъ, что настанетъ время, когда верховная власть римской церкви, папа, признаетъ вполнѣ, открыто и явно, свободу въ дѣлѣ вѣры. Не индифферентизмъ, но невозможность и незаконность существованія насилія въ дѣлѣ вѣры Это не разрушило бы существенныхъ основаній католицизма, ни единства и непогрѣшимости церкви и ея главы, ни иныхъ догматовъ. Оно потребуетъ *только* раздѣленія гражданской жизни отъ религіозной, при-

знанія духовнаго авторитета въ дѣлахъ духовныхъ и права человѣческой совѣсти, въ своихъ отношеніяхъ къ Богу, не состоятъ подъ приказами и внушеніями человѣческими.»

Увлекаясь поэтическою мечтою о будущемъ, Гизо продолжаетъ: «Никто не можетъ напередъ опредѣлить то впечатлѣніе, какое произвело бы на образованный міръ, откровенное и твердое признаніе начала свободы латинскою церковію. Своимъ твердымъ устройствомъ, блескомъ обрядовъ, многими изъ своихъ учрежденій и правилъ, эта церковь удовлетворяетъ могущественнымъ инстинктамъ человѣческой природы. Еслибъ она обдуманно и рѣшительно отказалась отъ всякаго союза съ земною властью, отъ всякаго вмѣшательства матеріальной силы въ дѣла духовныя, она бы пріобрѣла большую силу, не переставая быть церковью, она примирилась бы съ общественными требованіями настоящаго времени и—будущаго.»

Конечно, окрѣпшій въ опытахъ дѣйствительной жизни и ученыхъ изслѣдованіяхъ, умъ знаменитаго историка не надолго увлекся мечтою и потому, въ слѣдъ за приведенными строками, Гизо говоритъ: «совершится ли это политическое преобразованіе католицизма, наступитъ ли время, когда во главѣ католической церкви появится геній, могучій и крѣпкій, который провозгласитъ эту свободу?—Этого никто не знаетъ!» — Дѣйствительно, этого никто не знаетъ; личныя предположенія не подлежатъ законамъ историческаго предвидѣнія. Опытный умъ однакоже, наблюдая современныя явленія, замѣтитъ, что въ этомъ случаѣ—«мы, кажется, идемъ назадъ, вмѣсто того, чтобы двигаться впередъ по пути правды и свободы!» Такъ говоритъ Гизо о римской церкви, которая, конечно, не выражаетъ желанья признать свободу совѣсти и мысли въ дѣлѣ вѣры. По нашему мнѣнію, она и не можетъ выразить такого начала, не переставъ быть римскою церковію, въ томъ видѣ, какъ опредѣлили ее и устроили судьбы историческія

Не смотря однакоже на сознаніе, что римская церковь не можетъ выступить на тотъ путь, который Гизо считаетъ единственно разумнымъ, онъ защищаетъ свѣтскую власть папъ, во имя *свободы вѣры* и началъ *международнаго* права!

Трудно было бы понять, какъ Гизо, начиная свое разсужденіе, положительно и прямо объявляетъ, что будетъ говорить только вообще о христіанской *церкви*, а оканчиваетъ его защитою папскаго *государства*,—если бы все его сочиненіе не представляло цѣлаго ряда противорѣчій. Послѣдуемъ однакоже, за дальнѣйшимъ развитіемъ его мысли.

«Піемонтъ, слѣдуя направленію своей политики, долженъ попирать ногами международное право, отнимая у папы области, которыя принадлежатъ ему, какъ государю, точно также, какъ онъ попираетъ

права свободы вѣры, разрушая устройство римской церкви, которой папа считается главою.» Въ приведенныхъ словахъ Гизо поставлены рядомъ два совершенно различныя явленія: папское государство, которое, конечно, можно защищать на основаніи началъ международнаго права, и христіанская латинская церковъ, которая ничего не имѣетъ общаго съ началами международнаго права, опредѣляющими внѣшнія отношенія между государствами и народами. Притомъ, международное право еще не утвердилось на прочныхъ нравственныхъ началахъ и преклоняется предъ успѣхами внѣшней силы. Мы не будемъ говорить о Піемонтѣ и его современной политикѣ; замѣтимъ только, что международное право неприложимо даже и къ папскому государству: въ недавнее время оно признало на ряду съ другими, два новыхъ начала: право *народностей* въ отношеніи къ государственной власти и право *невмѣшательства* въ дѣла другихъ государствъ. Полагаемъ, что авторъ разсматриваемаго намп сочиненія сознается, что если сегодня выступятъ изъ Рима французскія войска, то завтра же выйдетъ за ними и папа, и съ высотъ Квиринала провозгласится единство Италіи.

Во имя свободы вѣры только и возможно защищать римскую *церковь*. «Свобода вѣры, говоритъ Гизо, въ настоящее время въ Италіи идетъ впередъ и вмѣстѣ съ тѣмъ потрясена. Въ то время, когда протестанты начинаютъ ею пользоваться, ей грозитъ опасность въ отношеніи къ латинскому исповѣданію... Новыя церкви получаютъ свободу въ Италіи, древняя—бѣдствуетъ!» Политика новаго итальянскаго королевства, въ лицѣ гр. Кавура, ясно выразила свой взглядъ: она признаетъ — *свободную церковь въ свободномъ государствѣ*. Гизо, не приводя никакихъ доказательствъ, заподозрѣваетъ искренность этого мнѣнія, потому только, что *свѣтской* власти папы грозитъ опасность, а свѣтскую власть папы—неизвѣстно почему—онъ соединяетъ съ судьбою вообще христіанской церкви. Впрочемъ, добросовѣстный умъ историка, вступившаго на ложный путь, самъ обличаетъ себя въ дальнѣйшихъ выводахъ.

Конечно, онъ не нашелъ ни религіозныхъ, ни логическихъ основаній для защиты свѣтской власти папы въ отношеніи къ вопросу о христіанской церкви. Поэтому Гизо и прибѣгаетъ—къ исторіи. «Соединеніе духовной власти папы съ свѣтскою властью не было дѣломъ систематическаго стремленія во имя раціональныхъ началъ, ни дѣломъ самолюбивыхъ требованій.» Однимъ словомъ, свѣтская власть папы появилась въ томъ видѣ, какъ она существуетъ, не по волѣ личныхъ или отвлеченныхъ воззрѣній и страстей того или другаго римскаго первосвященника, но какъ необходимое явленіе историческое. Въ немногихъ словахъ объяснивъ, какъ римскіе первосвященники захватили въ свои руки сначала Римъ, потомъ, при содѣйствіи свѣтскихъ госу-

дарей, и другія области Италіи, онъ замѣчаетъ: «папамъ было нужно пріобрѣсти въ нѣкоторой степени свѣтскую власть; она пришла къ нимъ, какъ необходимая подмога ихъ религіозному значенію, по мѣрѣ того, какъ развивалось это значеніе»... «Сдѣлавшись главою церкви, чтобы дѣйствительно быть таковымъ, папа получилъ значеніе государя. Естественный ходъ дѣлъ и сила обстоятельствъ произвели соединеніе двухъ властей въ лицѣ папы: это было необходимымъ, хотя и непредвидѣннымъ послѣдствіемъ историческимъ.»

Приведенныя строки, казалось бы, выражаютъ ту мысль, что историческія явленія, выработанныя вѣковою жизнью народовъ, прошедшія рядъ тяжелыхъ испытаній, имѣютъ право на существованіе; освященныя преданіемъ, они могутъ и должны, потому что существуютъ, не только не обращать вниманія на требованія времени, но даже пользоваться защитою всѣхъ тѣхъ, которые считаютъ ихъ помѣхою на пути историческаго развитія. Такъ отчасти и говоритъ Гизо; но въ то же время опытность историка не придаетъ временному историческому явленію безусловнаго значенія, и онъ считаетъ нужнымъ оговориться: «Я вовсе не идолопоклонствую передъ прошедшимъ: общества измѣняются, учрежденія ветшаютъ, новыя потребности требуютъ удовлетворенія, новыя идеи вызываютъ новыя явленія. Особенное свойство человѣческаго рода, составляющее его честь и славу, заключается именно въ томъ, что онъ не остается неподвижнымъ въ своей земной жизни, что онъ способенъ къ усовершенствованію, какъ и къ паденію, что новыя поколѣнія не заключены въ одинаковыя съ прежними формы жизни, какъ въ темницу; но, не разрушая взаимной между собою связи, они различны одно отъ другаго и самостоятельно идутъ къ будущему. Принимая однакоже различное участіе въ этомъ движеніи впередъ человѣчества, охотники до нововведеній впадаютъ въ двѣ важныя ошибки: они забываютъ, что нѣкоторыя великія учрежденія существуютъ долго, безъ сомнѣнія не безъ причины, и не предвидятъ, какъ бываетъ трудно въ общественной жизни, разрушивъ великое зданіе, замѣнить его новыми сооруженіями!»

Свѣтская власть папъ, какъ внѣшнее историческое явленіе, рано или поздно должна пасть, по общему закону исторіи; но изъ послѣднихъ словъ Гизо, мы видимъ только, что онъ полагаетъ, что она еще не совершила полнаго круга своего существованія,—еще не пришелъ часъ ея паденія!

Не будемъ разсуждать о *временахъ* и *лѣтахъ*, которыя не *въ нашей власти;* но замѣтимъ только, что такая защита свѣтской власти папъ, основанная на историческихъ и случайныхъ началахъ, весьма слабо ее защищаетъ и, конечно, не удовлетворяетъ той широтѣ вопроса, вообще о христіанской церкви, о которомъ хотѣлъ говорить Гизо.

Неужели, однакоже, такой блистательный умъ, такая глубокая ученость, такая житейская опытность, какими обладаетъ Гизо, могли придти къ цѣлому ряду, изложенныхъ нами противорѣчій, доходившихъ даже до несбыточныхъ предположеній. Грустно было бы остановиться на этомъ броженіи мысли всякому, кому дорогъ трудъ умственной дѣятельности, если бъ такое явленіе не могло быть объяснено историческою необходимостію съ одной стороны и личною добросовѣстностію писателя съ другой.

Такова судьба всякой лжи и односторонности: она должна уничтожить сама себя, развиваясь до послѣднихъ крайностей, чтобы очистить поле для истины Она подчиняетъ роковому закону даже и такихъ людей, какъ Гизо, и именно такихъ, какъ очистительную жертву, достойную исторіи.

Протестантизмъ никогда не отрицалъ христіанства вообще, и даже христіанской церкви, какъ внѣшняго учрежденія. Онъ отрицалъ ту временную и случайную форму, въ какой выразилась въ исторіи римская церковъ —Внѣшнюю форму римской церкви поддерживаетъ свѣтская власть папъ: безъ нея она существовать не можетъ.

Кого же защищаетъ добросовѣстный протестантъ, защищая свѣтскую власть папъ? Очевидно, онъ защищаетъ протестантизмъ Міръ отрицанія долженъ былъ бы разрушиться и уничтожиться, вмѣстѣ съ тѣмъ міромъ, который онъ отрицаетъ. Съ паденіемъ римской церкви, падетъ и протестантизмъ. Быть можетъ, это было бы великимъ признакомъ преуспѣянія и хода впередъ вообще христіанства. Мы такъ и полагаемъ; но понимаемъ, однакоже, что добросовѣстный протестантъ, возставшій, въ *оно время*, противъ злоупотребленій римской церкви, въ *настоящее время* долженъ защищать всѣ ея злоупотребленія изъ *чувства самосохраненія!*—Sic transiit gloria mundi!

6-го февраля 1862 г.

Россія и Европа.

(La Russie et l'Europe, par Henri Martin Paris. 1866)

Одинъ изъ извѣстныхъ иностранныхъ писателей о нашемъ отечествѣ, изучавшій его едва ли не добросовѣстнѣе всѣхъ другихъ, Шницлеръ, въ сочиненіи, только-что появившемся [1]), говоря, что Россія переживаетъ знаменательное время коренныхъ преобразованій, прибавляетъ: «это великій шагъ, который дѣлаетъ *человѣчество* въ своемъ постоянномъ движеніи впередъ; Европа, такъ сказать, *удвоивается;* я сказалъ бы *заканчивается*, еслибъ еще не оставались въ ней турки». Въ этихъ словахъ выражается та мысль, что Россія и западная Европа представляютъ одно цѣлое—одна дополняетъ другую; просвѣщеніе и общественная жизнь Европы не довершатъ своего развитія въ общемъ ходѣ исторіи человѣчества, если Россія не приметъ въ немъ дѣятельнаго и самостоятельнаго участія.

Почти въ то же время появилось сочиненіе другаго писателя, г. Мартена, котораго имя также не безъизвѣстно, впрочемъ въ предѣлахъ Франціи. Онъ развиваетъ и доказываетъ совершенно противоположное мнѣніе о Россіи: между Россіею и западно-европейскими государствами ничего нѣтъ общаго; Россія—это Азія, беззаконно вторгнувшаяся въ Европу, это чуждая и враждебная западно-европейскимъ государствамъ сила, грозящая имъ порабощеніемъ и водвореніемъ варварства на развалинахъ ихъ блестящей образованности.

Два противоположныя мнѣнія о насъ изъ одной и той же страны приходятъ почти въ одно и тоже время: одно составляетъ рѣдкое исключеніе въ европейской литературѣ, другое — повторяется почти повсюду, а французскою журналистикою безпрерывно и безумолчно. Какое бы ни совершилось происшествіе въ Европѣ, часто затѣянное ко вреду Россіи враждебными ей силами, европейская журналистика не премнетъ его приписать проискамъ Россія, хитро направленнымъ къ тайнымъ цѣлямъ расширенія ея предѣловъ и господства надъ Европою. Какъ бы ни сокращала Россіи не только наступательныя, но даже и оборонительныя свои средства, простой очередной наборъ рекрутовъ поднимаетъ тревогу во всѣхъ французскихъ газетахъ. Даже

---

[1]) Les institutions de la Russie etc. Paris. 1866.

наша юная публицистика, едва вздохнувшая послѣ цензурной опеки, но еще руководимая внимательнымъ попечительствомъ администраціи, и та пугаетъ Европу! Общему хору французскихъ газетъ рабски вторятъ австрійскія, съ большимъ прилпчіемъ и не такъ постоянно и настойчиво—газеты всѣхъ другихъ государствъ. Но статьи ежедневныхъ газетъ, служатъ только выраженіемъ общественнаго говора, разнообразнаго, случайнаго и перемѣнчиваго, смотря по прихотямъ непрерывно волнующейся общественной жизни, дающей свободу каждой личности. Конечно, на этихъ статьяхъ могло бы и не останавливаться, съ особеннымъ вниманіемъ, общественное мнѣніе страны, озабоченной болѣе важными вопросами внутренней и внѣшней политики и смотрѣть на нихъ, какъ смотрятъ на мелкую сплетню въ обыденной жизни. Но въ этомъ говорѣ европейскихъ газетъ нельзя не замѣтить нѣкоторыхъ существенныхъ признаковъ, и прежде всего того *постоянства*, съ которымъ повторяется въ немъ одно и то же мнѣніе, одно и то же направленіе, враждебныя Россіи; далѣе, что средоточіемъ, изъ котораго онъ распространяется, всегда бываетъ Франція, и что, наконецъ, какъ бы по мановенію какого-то волшебнаго жезла, этотъ говоръ то немного затихаетъ и, кажется, прерывается, то вновь возникаетъ, повысивъ голосъ. Это не естественное выраженіе общественнаго мнѣнія, обличающее взглядъ одного народа на другой, по искусственно возбужденное, умышленно поддерживаемое и руководимое, особою силою для своихъ частныхъ цѣлей.

Съ этой точки зрѣнія журнальный говоръ уже представляется такимъ явленіемъ, на которое нельзя не обратить вниманія, особенно, когда онъ поддерживается отдѣльными изслѣдованіями и мнѣніями писателей, пользующихся извѣстностію. Не такъ давно еще историкъ Франціи новаго времени, котораго его соотечественники величаютъ даже *великимъ*, Тьеръ, говорилъ: «Когда русскій колоссъ одною ногою станетъ у Дарданеллъ, а другою у Зунда, старая Европа будетъ предана въ рабство, свобода удалится въ Америку. То, что въ настоящее время представляется химерою для умовъ ограниченныхъ, эти грустныя предсказанія современемъ превратятся въ жестокую дѣйствительность. Европа, представляя такое же разъединеніе, въ какомъ находились нѣкогда города Греціи въ виду македонскихъ государей, вѣроятно испытаетъ одинаковую съ ними участь» [1]). Ту же мысль и почти тѣми же словами выражаетъ и авторъ разсматриваемаго нами сочиненія и потомъ прибавляетъ: «Мы надѣемся, однакоже, что Европу не постигнетъ такая участь, и вѣроятно самъ Тьеръ не вполнѣ отказался отъ надежды; но, если противъ той болѣзни

---

[1]) Hist du Consulat et de l'Empire vol. VIII, p. 448.

Европы, на которую онъ указалъ, не найдется лекарства, то его предсказаніе сбудется».

На чемъ же основанъ этотъ страхъ нашествія русскихъ на Европу, эта увѣренность, что они принесутъ съ собой только варварство?

Чтобъ отвѣчать на этотъ вопросъ, мы должны обратиться къ подробному разсмотрѣнію сочиненія г. Мартена. Три года, по его словамъ, онъ употребилъ на изученіе того, какими способами можетъ Европа предохранить себя отъ угрожающаго ей бѣдствія; онъ изучилъ въ это время отношенія Россіи къ западной Европѣ въ прошедшемъ и настоящемъ и пришелъ къ выводамъ о будущемъ Плоды своихъ изученій онъ изложилъ въ двухъ частяхъ разсматриваемаго сочиненія, изъ которыхъ одна называется *прошедшее* и излагаетъ въ общихъ чертахъ взглядъ на исторію Россіи, а другая—*настоящее* и *будущее*, въ которой рѣчь идетъ о современной нашей политикѣ и ея цѣляхъ. Сочиненіе оканчивается совѣтами для руководства, которые, какъ опытный врачъ больному, авторъ предписываетъ государствамъ западной Европы.

Конечно, отъ иностраннаго писателя, и притомъ француза, мы не можемъ требовать глубокихъ познаній въ нашей исторіи, особенно, когда цѣль сочиненія политическая. Но именно, при такомъ положеніи писателя, кажется добросовѣстность требовала бы, чтобъ онъ отнесся къ исторіи съ осторожностію и не черпалъ своихъ познаній изъ источниковъ мелкихъ и нечистыхъ. Исторію Россіи г. Мартенъ возводитъ до глубокой древности: миѳическія преданія древнихъ персовъ о борьбѣ между Ираномъ и Тураномъ, какъ представителями свѣта и тьмы въ его глазахъ, бросаютъ яркій свѣтъ на всю исторію Россіи, ея настоящее положеніе и объясняютъ задачи будущаго, грознаго для западной Европы. И на востокѣ эти преданія составляютъ преимущественно предметъ народной поэзіи; вводить ихъ въ область исторіи и объяснять ими даже современныя происшествія, пріемъ нѣсколько странный для историка! Впрочемъ нашъ авторъ не историкъ; онъ политикъ и публицистъ, и притомъ особой школы.

Съ незапамятныхъ временъ, говоритъ онъ, въ человѣчествѣ идетъ борьба между двумя разрядами племенъ, представителями Ирана и Турана, которая въ настоящее время развилась до громадныхъ размѣровъ. Повѣривъ этому слуху, онъ говоритъ: «племена, которыхъ мы, на основаніи восточныхъ преданій, назвали туранскими, извѣстныя въ просторѣчіи подъ именемъ татаръ, производили нашествія, которыя въ древности назывались скифскими, въ среднie вѣки—нашествіями Аттилы, Чингисъ-хана и Тамерлана; болѣе прочными изъ государственныхъ установленій этихъ племенъ были монгольскія въ Индіи и турецкія въ западной Азіи, восточной Европѣ и—наконецъ нынѣ существующее, гораздо болѣе могущественное и грозное,—это московитяне или великоруссы въ видѣ

имперіи всероссійской». «Московитяне, говоритъ онъ далѣе, уральскаго или финскаго происхожденія, соединившись въ средніе вѣка подъ владычествомъ европейскихъ князей, какъ нѣкогда скиѳы подъ властію арійскихъ волновъ, и принявъ славянскій языкъ и христіанскую вѣру, впрочемъ болѣе внѣшнія ея формы, въ настоящее время стремятся распространить свое могущество, въ видѣ русской имперіи, на развалинахъ европейскихъ народовъ. Русская имперія представляетъ главнѣйшій вопросъ для западной Европы, которому должны подчиниться всѣ международныя задачи; это загадка сфинкса, которую слѣдуетъ не только отгадать, но разрѣшить на дѣлѣ или погибнуть!»

Задача не маловажная, какъ видитъ читатель; впрочемъ, нашъ авторъ разрѣшилъ ее очень просто: послѣднюю границу западной Европы составляютъ Двина и Днѣпръ; Азія, въ лицѣ Россіи, въ своемъ разрушительномъ движеніи на западъ, перешла эту границу, сокрушивъ передовой оплотъ Европы — Польшу, представительницу славянскаго племени. «Бойся Германія! — восклицаетъ авторъ, — насталъ твой чередъ!» Мы не думаемъ, конечно, чтобы убоялась Германія; но полагаемъ, что и въ ней найдутся робкія души, особенно изъ тѣхъ, которые такъ храбро проповѣдуютъ наступательное движеніе на востокъ германскаго племени (Drang nach Osten) Чтобы остановить это движеніе Россіи и спасти Европу отъ неминуемой гибели, слѣдуетъ возстановить Польшу и отодвинуть Россію за Днѣпръ и Двину.

Послѣ изложенія взглядовъ автора, кажется, нетрудно догадаться, изъ какихъ источниковъ онъ черпалъ свои познанія о Россіи. Впрочемъ, онъ и самъ указываетъ на источникъ своей мудрости. По его словамъ, Европа долго не понимала Россіи, она представлялась ей какую-то неразгаданною загадкой и пугала воображеніе, пока внезапно не слетѣло свыше вдохновеніе и не озарило голову пана Духинскаго! Онъ разрушилъ тѣ ложныя воззрѣнія на Россію, которыя господствовали въ западной Европѣ, открылъ истину и проповѣдуетъ ее въ Парижѣ. Открытая паномъ Духинскимъ истина плѣнила не однихъ французскихъ публицистовъ, но даже австрійскаго министра просвѣщенія, который ввелъ преподаваніе исторіи въ школахъ по учебнику Зрапскаго, ревностнаго послѣдователя взглядовъ Духинскаго на русскихъ и славянъ, даже французскаго министра просвѣщенія, Дюрюи, который, въ циркулярѣ 1863 года, предлагалъ въ этомъ смыслѣ исправить учебныя книги исторіи, употребляемыя въ школахъ Франціи, и ввелъ преподаваніе географіи по учебнику Картанбера, вполнѣ согласованному съ этими воззрѣніями.

Мы обратили вниманіе на эти нелѣпости потому, что они оказываютъ вліяніе на европейскихъ публицистовъ, и потому, что представляютъ вполнѣ естественное и полное выраженіе стремленій и мнѣній польской эмиграціи. Явленіе, извѣстное подъ этимъ названіемъ, поль-

ская эмиграція, до сихъ поръ не обращало на себя у насъ надлежащаго вниманія, между тѣмъ какъ она его заслуживаетъ по своимъ особеннымъ свойствамъ. Почти каждая народность въ Европѣ представляетъ примѣры выселенія нѣкоторыхъ гражданъ изъ своего отечества, вслѣдствіе различныхъ причинъ общественныхъ, политическихъ или религіозныхъ. Но повсюду эти переселенцы или совершенно сливались съ населеніемъ новой родины, гостепріимно открывшей имъ пріютъ, или, сохраняя свою народность и вѣру, свои нравы и обычаи въ частномъ, гражданскомъ быту, въ смыслѣ государственномъ сдѣлались честными подданными пріютившей ихъ страны. Польская эмиграція представляетъ совершенно иное явленіе; ни съ однимъ изъ европейскихъ государствъ, даровавшимъ ей пріютъ и пособіе, она не слилась и не сроднилась. Оторванная отъ своего народа, не сливаяся съ другими, она представляетъ замкнутое въ себѣ самой цѣлое, носящееся, такъ сказать, по воздуху, какъ смутный призракъ въ глазахъ Европы Внутри самой себя она представляетъ ту же неурядицу и вражду лицъ и партій, какія существовали въ прежней Рѣчи Посполитой; низшими своими слоями она соприкасается съ разрушительными началами, существующими въ большей части европейскихъ государствъ; въ лицѣ высшихъ своихъ представителей она поступила въ услугу политики Франціи, какъ орудіе которымъ при случаѣ можно вредить Россіи Эмиграція сознательно разрываетъ всякую связь съ народомъ, который по праву называется польскимъ и себя считаетъ Польшею. Въ лицѣ одного изъ извѣстныхъ своихъ представителей [1]) она выражалась, что «Польши не слѣдуетъ искать въ полудикомъ народѣ, у котораго палка (бывшая, конечно, въ рукахъ пановъ) выбила память и религіозныя воззрѣнія». Съ презрѣніемъ устраняя народъ, она вполнѣ сочувствуетъ шляхтѣ и находится въ неразрывной съ нею связи. Это странное явленіе вполнѣ объясняется однакоже тѣмъ особеннымъ отношеніемъ, въ которомъ находилась шляхта къ народу въ бывшей Рѣчи Посполитой. Во всю исторію Польши высшее сословіе сосредочивало въ себѣ всю власть государственную и относилось къ народу какъ завоевательная дружина къ покореннымъ ею рабамъ. Не было въ ней и той среды, связующей въ одно цѣлое высшіе слои общества съ низшими, такъ называемаго средняго сословія, какъ это было повсюду. Его мѣсто занимали частію выходцы изъ сосѣднихъ германскихъ государствъ, но преимущественно цѣлое племя, чуждое народу, евреи, которое препятствовало развитію его внутреннихъ силъ, и въ рукахъ высшаго сословія служило однимъ изъ сильныхъ орудій угнетенія. Тотъ же характеръ сохранила шляхта и въ составѣ эмиграціи; ея отношеніе къ своему бывшему отечеству чисто внѣш-

[1]) Mieroslawski, Débat entre la revol et la contrerevol. en Pologne. p. 19.

нее: она хочетъ завоевать тѣ области, которыя входили нѣкогда въ составъ польскаго королевства; она хочетъ вновь покорить народъ. Конечно, она не имѣетъ никакой для этого силы, и потому ищетъ помощи у европейскихъ государствъ и надѣется на нее. Вся политическая ея дѣятельность заключается въ интригѣ, унизительной для ней и вредной для другихъ.

Страны, надъ которыми властвовала нѣкогда шляхта, привязывали ее къ землѣ, къ исторіи; жизнь народовъ, которыми она управляла нѣкогда, давала содержаніе ея литературѣ. Но литература эмиграціи, оторванной отъ отечества, лишилась этого содержанія. Она вполнѣ отражаетъ характеръ самой эмиграціи, ея смыслъ и значеніе и такъ же, какъ смутный, фантастическій призракъ, носится въ воздухѣ, между небомъ и землею. Едва касаясь историческихъ основъ жизни какъ своего, такъ и другихъ народовъ, не достигая до высокихъ началъ науки и религіи, она въ болѣзненномъ созерцаніи чуждой ей жизни человѣчества только искажаетъ и тѣ и другія. Философскія и богословскія галлюцинаціи Товянскаго, развитыя въ систему такъ-называемаго мессіанизма Мицкевичемъ, дополнились въ настоящее время точно такими же историческими галлюцинаціями пана Духинскаго. Онъ дѣйствительно совершилъ своего рода подвигъ, закончивъ кругъ развитія литературы польской эмиграціи. Теперь эта литература, по своему характеру, достойна занять мѣсто рядомъ со спиритизмомъ и тому подобными явленіями нашего времени!

Во второй части своего сочиненія нашъ авторъ связываетъ свои воззрѣнія съ другимъ порядкомъ мыслей, на который мы обратимъ особенное вниманіе. Онъ излагаетъ подробно всѣ дѣйствія Россіи въ Царствѣ Польскомъ и въ западныхъ губерніяхъ со времени послѣдняго мятежа, всѣ мѣры нашего правительства, какъ законодательныя, такъ и административныя. Конечно, безпристрастной оцѣнки этихъ дѣйствій и мѣръ странно было бы искать въ подобномъ сочиненіи, въ немъ и вообще мало отведено мѣста для дѣльныхъ соображеній; но за то сосредоточены всевозможныя клеветы и брань, которыми такъ усердно осыпали насъ французскія газеты послѣднихъ лѣтъ, и недостойное происхожденіе которыхъ намъ давно извѣстно. Любопытно только, что нашъ авторъ не отдѣляетъ уже русскаго правительства отъ народа, какъ дѣлали прежде писатели этого разряда, съ извѣстною цѣлію. Но, слѣдуя за ними, онъ болѣе всего выражаетъ свой гнѣвъ и негодованіе противъ такъ-называемой имъ ultra—русской партіи. Естественно, что тѣ, которые держатъ высоко знамя Россіи, дорожатъ ея честью и достоинствомъ, не могутъ быть пріятны ея врагамъ, обличая и разрушая ихъ замыслы. Мы не остановимся долго на этихъ разсужденіяхъ автора, давно извѣстныхъ и не заслуживающихъ тщательнаго разсмотрѣнія, а перейдемъ къ изложенію его взгляда на

судьбы Европы и задачи ея современной политики. Въ этомъ случаѣ нашъ авторъ является однимъ изъ представителей, хотя и давно извѣстной, но важной и сильной политической партіи.

«Европа сдѣлается добычею казаковъ или превратится въ республику»—сказалъ нѣкогда Наполеонъ I, и это изрѣченіе представляетъ выводъ изъ современнаго его паденію порядка дѣлъ и, съ тѣмъ вмѣстѣ, служитъ точкою исхода цѣлаго политическаго взгляда, существующаго въ современной Франціи. Только-что послѣ 1812 г. сокрушено было могущество Наполеоновской Франціи, какъ союзники императора Александра I едва не составили коалиціи противъ него самого. Хотя они и знали благородство характера русскаго императора, но не знали и не понимали Россіи, которой онъ былъ представителемъ, и подозрѣвали, что въ политическомъ мірѣ она займетъ мѣсто Франціи, поработившей было всю западную Европы. Изрѣченіе Наполеона I упало на приготовленную почву и въ свой чередъ пустило въ ходъ мысль о завоевательныхъ замыслахъ Россіи. Не одну однакоже опасность въ приведенныхъ словахъ указалъ Наполеонъ западной Европѣ. Съ одной стороны, по его мнѣнію, угрожаетъ ей русское завоеваніе, съ другой—революціонныя и анархическія стремленія. Что́ же можетъ спасти Европу отъ этихъ двухъ бѣдъ? Кажется, не можетъ быть и сомнѣнія, что́ императоръ французовъ подразумѣвалъ при этомъ случаѣ ту власть, которая создала новый порядокъ дѣлъ во Франціи на развалинахъ, произведенныхъ революціею, тотъ цезаризмъ, который силою оружія хотѣлъ распространить свое владычество надъ всею Европой. Очевидно, угроза русскаго нашествія на Европу нужна была для того только, чтобы прикрыть другое нашествіе, не съ востока, а съ запада, изъ завоевателя сдѣлаться спасителемъ отъ несуществующей опасности.

Кратко и отрывочно выраженная Наполеономъ I мысль развита въ послѣдствіи въ цѣлое воззрѣніе, въ политическую систему, истолкователемъ его *идей*. Постараемся изложить ея сущность, придерживаясь даже выраженій ея автора.

На императора Наполеона I слѣдуетъ смотрѣть какъ на мессію новыхъ идей, возвѣщенныхъ міру французскою революціей; онъ былъ *душеприкащикомъ* революціи (éxecuteur testamentaire). Завоеваніе вовсе не входило въ его виды. Если онъ велъ непрерывныя войны, то единственно по необходимости, съ одной стороны—отражая нападенія и защищая Францію, съ другой—разнося по всей Европѣ проповѣдь *свободы*. Покоряя народы, онъ непосредственно вслѣдъ затѣмъ давалъ имъ учрежденія и законы, выработанные Франціею и представлявшіе послѣдніе плоды просвѣщенія. Что́ же было дѣлать, когда народы Европы не поняли, что императоръ желаетъ имъ блага, не разрушили добровольно своихъ учрежденій, не бросили своихъ варварскихъ за-

коновъ, не отказались отъ своей самостоятельности и не слились съ Франціею, какъ источникомъ всѣхъ благъ. Необходимость заставила его мечемъ, огнемъ и кровію пріобщить загрубѣлые въ средневѣковыхъ предразсудкахъ народы къ великимъ идеямъ Франціи. Цѣль его завоеваній заключалась въ водвореніи всеобщаго *мира*, въ учрежденіи европейской *федераціи*. «Какъ интересы общины должны возвышаться надъ интересами частныхъ лицъ, городовъ надъ общинами, областей надъ городами, націй надъ областями, такъ общіе европейскіе интересы должны господствовать надъ народными. Тогда только была бы достигнута цѣль человѣчества Провидѣніе не желаетъ счастья одному народу въ ущербъ другимъ, не хочетъ видѣть побѣдителей и побѣжденныхъ въ Европѣ, но согласныхъ членовъ одной семьи».—Конечно, во главѣ этой семьи долженъ стоять представитель Франціи, благою волею и сплою котораго она создана: *всеобщій миръ* можетъ водвориться только подъ сѣнію *всеобщей* монархіи. Чтобъ этотъ планъ удался, необходимо было *принудить* Англію и Россію *добровольно* войдти въ виды французскаго императора; но, *случайно*, это не удалось: морозы и голодъ уничтожили великую армію [1])!

Не удалось привести въ исполненіе мысль, но мысль осталась: она живетъ еще и только измѣняетъ внѣшній видъ, приправляпаясь къ обстоятельствамъ времени. Къ числу ея поборниковъ принадлежитъ, между прочимъ, и авторъ разсматриваемаго нами сочиненія.

«Западная Европа, говоритъ онъ, представляетъ общество (association), но плохо или даже вовсе не устроенное соединеніе различныхъ народовъ, которые еще не достигли до сознанія ихъ единства.—Европа можетъ спасти себя только создавъ общій европейскій патріотизмъ. Во имя самихъ народностей и для ихъ спасенія, необходимо возвѣстить, что время исключительныхъ народностей уже кончилось. Нелѣпо было бы спорить о какомъ нибудь пограничномъ клочкѣ земли, когда всей территоріи европейскихъ народовъ угрожаетъ опасность. Въ этой новой эпохѣ исторіи, которая составляетъ только дальнѣйшее развитіе французской революціи, инпціатива, безъ сомнѣнія, должна принадлежать Франціи въ силу ея преданій, положенія въ Европѣ и ея генія. На это указываетъ слѣдующій признакъ: патріотъ въ большей части народовъ занятъ почти исключительно интересами своего отечества, между тѣмъ какъ патріотъ во Франціи занятъ менѣе этими интересами, нежели такъ-называемымъ *призваніемъ* своего отечества (la mission de la France), т. е. его внѣшними дѣйствіями въ виду международнаго правосудія и общаго блага» Защитникъ народностей, пока рѣчь шла о Россіи, лишь только дѣло коснулось до значенія

---

[1]) Des idées napoleonienne par le Prince Napoleon — Louis Bonaparte. глава 2-я и 4-я

Франціи между другими народами, немедленно пожертвовалъ ими въ виду особой цѣли, въ осуществленіи которой онъ видитъ призваніе Франціи. Она должна пробудить европейскій патріотизмъ, создать союзъ (федерацію) европейскихъ державъ, отказавшись отъ мысли о Рейнской границѣ и Бельгіи. Но, чтобы не заподозрили его отечество въ *безкорыстіи* и *скромности*, нашъ авторъ спѣшитъ оговориться: «мы не хотимъ двухъ или трехъ областей, но мы хотимъ всего; дѣло не въ границѣ по Рейнъ, по по Днѣпръ; намъ нужна не граница Франціи, но граница Европы, не два-три нѣмецкихъ округа, но вся Германія». Онъ негодуетъ на тѣхъ, которые совѣтуютъ Франціи держаться политики мира; наоборотъ, онъ подниметъ ее на войну противъ Россіи, но не иначе, какъ подчинивъ себѣ напередъ всю западную Европу, проповѣдуетъ новый походъ 1812 года, — и все во имя свободы, просвѣщенія и блага народовъ!

Проповѣдь идей огнемъ и мечемъ не нова въ западной Европѣ: такъ латинская церковь проповѣдывала христіанство, по преимуществу ученіе мира. И востокъ знакомъ съ этою проповѣдію: такъ проповѣдывало свое ученіе магометанство Но съ востока или запада приходила эта проповѣдь, она останавливалась на русскихъ границахъ, и Россія всегда давала ей отпоръ. Но всего страннѣе, конечно, проповѣдь свободы насиліемъ и завоеваніями, а какъ безплодна она— лучшимъ свидѣтельствомъ можетъ служить сама Франція и всѣ ея попытки вмѣшательства въ дѣла Европы. Свобода въ этомъ случаѣ представляется пустымъ словомъ, а на дѣлѣ является худшій изъ деспотизмовъ — деспотизмъ подъ знаменемъ свободы.

Писатели этой школы, къ которой принадлежитъ и г. Мартенъ, особенно не любили трактаты 1815 года и упрекали ихъ за то, что желанія народовъ вѣнскимъ конгрессомъ не были приняты во вниманіе. Мы, конечно, не будемъ въ этомъ отношеніи защищать трактаты, утратившіе въ настоящее время всякую силу; но замѣтимъ однакожь, что они въ этомъ случаѣ слѣдовали старымъ преданіямъ западной Европы и новому примѣру Наполеона I-го, который еще съ большимъ произволомъ перечерчивалъ карту Европы Но въ этихъ трактатахъ выражены и новыя начала; не только между собою союзные «монархи пребудутъ соединены узами дѣйствительнаго и неразрывнаго братства, но и въ отношеніи къ подданнымъ и войскамъ своимъ какъ отцы семействъ будутъ управлять въ томъ же духѣ братства для охраненія мира, вѣры и правды» Хотя начала христіанства и не привились къ европейской политикѣ, и магометанская Турція, устраненная отъ участія въ вѣнскомъ конгрессѣ, была принята вновь въ число участниковъ послѣдняго парижскаго трактата; хотя Наполеонъ 1-й и говорилъ, что мысль о священномъ союзѣ украдена у него, — однакожь исторія знаетъ, кому принадлежитъ эта мысль, и Россія гордится ею.

Идея о народностяхъ, о которой такъ много толкуютъ европейскіе публицисты, а современная Франція предъявила ее какъ одно изъ началъ международнаго права, вовсе не имѣетъ корней въ жизни западной Европы и появилась не съ запада, а съ востока. Средоточіемъ западно-европейской жизни были два верховныя начала: папа и императоръ. Неужели латинская церковь, не признававшая ни одного изъ языковъ новыхъ европейскихъ народовъ достойнымъ сдѣлаться языкомъ церкви,—неужели имперія, стремившаяся къ осуществленію всемірнаго владычества, послѣднимъ выраженіемъ которой былъ Наполеонъ 1-й, могли служить источникомъ мысли о народностяхъ? Въ противоположность этимъ двумъ началамъ западно-европейская жизнь развила еще начало личности и справедливо этимъ гордится. Но неограниченное господство этого начала въ жизни не только не укрѣпляетъ народности, а наоборотъ разлагаетъ всякую народность Во время вѣнскаго конгресса была тоже предъявляема мысль о народностяхъ, въ виду угнетенныхъ грековъ и славянъ, но русскимъ дипломатомъ, графомъ Каподистріа. Но въ какой мѣрѣ мысль о народностяхъ чужда историческимъ преданіямъ государственной жизни европейскаго запада, въ такой мѣрѣ зиждется на ея преданіяхъ мысль о завоеваніяхъ и всемірной монархіи. Почти каждый изъ великихъ европейскихъ государей въ западной Европѣ увлекался этою мыслію, совершенно чуждою Россіи. Европейскіе публицисты, и тъ томъ числѣ нашъ авторъ, указываютъ только на одно доказательство, обличающее будто бы замыслы Россіи,—на завѣщаніе Петра Великаго, давно признанное подложнымъ, и носятся съ нимъ какъ іезуиты съ подложными декреталіями Исидора.

Завоевательныя стремленія новой Франціи, встрѣтивъ, въ началѣ нынѣшняго столѣтія, роковой отпоръ со стороны Россіи, послужили поводомъ обвинять ее въ подобныхъ замыслахъ. Франція еще не пережила критической эпохи въ своей исторіи, и потому только эти обвиненія повторяются доселѣ и такъ-называемый польскій вопросъ возбуждаетъ сочувствіе въ западной Европѣ, хотя въ собственномъ смыслѣ онъ не имѣетъ никакого для нея значенія.

Но проповѣдуя грозный походъ всей западной Европы на Россію, авторъ разсматриваемаго сочиненія замѣчаетъ однакожъ, что Франція совершенно къ нему не готова, что это дѣло всѣхъ западно-европейскихъ государствъ; Франціи можно удачно совершить его только совокупно съ ними, но что европейскія государства точно также не готовы. Однимъ словомъ, Европа въ такомъ видѣ, въ какомъ онъ хотѣлъ бы ее видѣть, еще не существуетъ и, по его мнѣнію, должна быть создана.

Это обстоятельство можетъ насъ нѣсколько успокоить: волнуются стихіи, но грозныя тучи еще не собрались и не готовы разразиться

надъ нашею головою. Пока — мы можемъ спокойно идти своею дорогою, прислушиваясь къ грознымъ возгласамъ нашихъ враговъ.

Прислушиваясь къ этимъ возгласамъ, невольно припоминаешь то время, когда, гдѣ-нибудь, раздавшійся крикъ: варвары, варвары! — приводилъ въ трепетъ и смятеніе древнюю римскую имперію, обладательницу міра, представительницу просвѣщенія. Тщетно придумывали мѣры остановить движеніе варваровъ, тщетно вооружали и посылали противъ нихъ легіоны, — мѣры оказывались недѣйствительными, легіоны погибали одни за другими.

Неужели въ такомъ же положеніи находится западная Европа въ отношеніи къ Россіи?

Если такъ, то никакіе возгласы европейскихъ публицистовъ не измѣнятъ судьбы Европы, никакія нашествія не сокрушатъ силы Россіи. «Я не по собственному побужденію иду на Римъ, говорилъ нѣкогда Аларикъ, меня влечетъ безостановочно невѣдомая сила и побуждаетъ разрушить городъ.» Вандалы, громя Африку, полагали, что исполняютъ только непремѣнную волю Провидѣнія, и считали себя орудіемъ Божіимъ. Когда Генсерикъ снарядилъ флотъ: — «Съ какимъ народомъ ты хочешь воевать, государь,» спрашивалъ его кормчій? — Съ тѣмъ, котораго Богъ осудилъ на погибель,» отвѣчалъ онъ —Атилла называлъ себя бичемъ Божіимъ. «Звѣзда падаетъ, дрожитъ земля, я молотъ для міра,» говорилъ онъ. Философія исторіи, замѣчаетъ одинъ изъ современныхъ историковъ, принимаетъ за несомнѣнное, что движеніе варваровъ, разрушившихъ римскую имперію, есть дѣло Провидѣнія [1]).

Мы не думаемъ, однакожь, чтобы западная Европа находилась въ такомъ же отношеніи къ Россіи, въ какомъ находился нѣкогда древній Римъ къ сѣвернымъ варварамъ. Конечно, между востокомъ и западомъ Европы издавна существуетъ антагонизмъ, — между древними Греціею и Римомъ, между двумя римскими имперіями, италіанскою и византійскою, и наконецъ между западно-европейскими народами и народами славянскими православными, которыхъ представительницею является Россія. Но одни и тѣ же просвѣтительныя начала, одна и та же христіанская вѣра легли въ основаніе жизни какъ тѣхъ, такъ и другихъ народовъ. Поэтому рано или поздно этотъ антагонизмъ между ними долженъ разрѣшиться примиреніемъ. Тогда, повторимъ слова Шницлера, Европа *удвоится*, или, лучше сказать, *завершится*, когда Россія приметъ дѣятельное и самостоятельное участіе въ общемъ развитіи европейскаго просвѣщенія.

---

[1]) Laurent. Etudes sur l'Hist. de l'humanité. vol. V chap. I.

Декабрь 1866 г.

Предисловіе Шеллинга къ посмертнымъ сочиненіямъ Стеффенса [1]).

Всѣмъ извѣстно, что въ настоящее время въ Германіи совершается сильное религіозное движеніе. Что оно глубоко и важно — этому служитъ доказательствомъ то, что самъ Шеллингъ выступилъ на поприще религіозныхъ споровъ. Тридцать лѣтъ тому назадъ, Шеллингъ, еще молодой, по-праву занялъ важное мѣсто въ исторіи просвѣщенія. Его многочисленныя сочиненія выразили ту блистательную систему, которая въ началѣ нынѣшняго столѣтія господствовала въ области сознанія. Но съ тѣхъ поръ онъ хранилъ постоянное молчаніе. Не смотря на то, что онъ не прерывалъ своего преподаванія, слухи о движеніи мыслей Шеллинга были разнорѣчивы и замѣтно пристрастны. Это зависѣло отъ того, что, вопреки всеобщему ожиданію, образъ его мыслей принялъ новое направленіе, котораго связи съ прежнимъ никакъ не могла понять школьная Германія. Считая систему Гегеля (которая успѣла появиться и высказаться до послѣднихъ крайностей въ то время, какъ безмолствовалъ Шеллингъ) дальнѣйшимъ развитіемъ прежней Шеллинговой системы и высшимъ выраженіемъ философствующей мысли, она, въ принятой напередъ формулѣ историческаго развитія философіи, не находила мѣста для новой Шеллинговой системы. Ограниченное односторонне-логическими формулами мнѣніе видѣло въ ней, или, лучше сказать, предполагало (ибо взглядъ Шеллинга не былъ вполнѣ извѣстенъ) не шагъ впередъ, но назадъ. Его обвиняли въ обращеніи къ католицизму; говорили, что онъ сдѣлался мистикомъ, піетистомъ и т. под. Нѣкоторые изъ послѣдователей Гегеля осмѣливались даже издѣваться надъ человѣкомъ, оказавшимъ столько заслугъ философіи и увѣнчаннымъ такою славою. Кромѣ его слушателей никому не было возможности повѣрить, во сколько были ложны подобные слухи, хотя никто не сомнѣвался въ томъ, что они были ложны. Предисловіе, написанное Шеллингомъ къ «философскимъ отрывкамъ» Кузена, первая лекція, произнесенная имъ въ 1841 году въ Берлинѣ, академическая рѣчь объ Янусѣ и отрывки изъ лекціи, искаженно перепечатанные его противниками — вотъ все, по чему могли судить о направленіи Шеллинга. Не говоря уже о мелочныхъ нападеніяхъ противниковъ, самые почитатели Шеллинга не имѣли возможности изъ немногихъ дан-

[1]) Nachgelassene Schriften v. Steffens Berlin. 1846.

иныхъ понять его новую систему, и печально спрашивали, гдѣ же мѣсто въ ряду новыхъ двигателей просвѣщенія для души великой, уединившейся отъ настоящаго, и какъ будто погруженной въ прошлое? Прп такомъ положеніи дѣлъ понятно, съ какимъ вниманіемъ встрѣчаютъ и слѣдятъ за каждымъ словомъ Шеллинга! Можетъ быть, Шеллингъ желалъ показать, что онъ еще живетъ для настоящаго, обнародывая свой судъ о происшествіяхъ современнаго просвѣщенія въ предисловіи къ посмертнымъ сочиненіямъ Стеффенса, на которое мы хотимъ обратить вниманіе читателей, какъ на одно изъ важныхъ явленій современной мысли въ Германіи.

Стеффенсъ былъ ученикомъ, другомъ и товарищемъ Шеллинга. Они жили въ постоянномъ общеніи между собою, постоянномъ обмѣнѣ мыслей. Стеффенсъ умеръ прошлой зимою—и Шеллингъ открылъ лѣтній семестръ рѣчью въ память о немъ. «Я болѣе другихъ, говоритъ онъ, могу сказать вмѣстѣ съ римскимъ поэтомъ: онъ умеръ, оплаканный многими хорошими людьми, но никто не оплакивалъ его болѣе меня. Однако же неприлично было бы возбуждать и выражать одно слабое сожалѣніе: лучше, достойнѣе и сообразнѣе съ его духомъ, во сколько я могу почтить усопшаго друга, въ честь его сказать свободное, отъ сердца исходящее слово, которое, въ настоящее время броженія, можетъ послужить къ объясненію и рѣшенію вопросовъ для тѣхъ, которые добросовѣстно ищутъ рѣшенія. Далекъ путь отъ первыхъ началъ всякаго мышленія, чрезъ всѣ необходимыя ступени, до тѣхъ послѣднихъ выводовъ, въ которыхъ сосредочивается все высоко-человѣческое. Стеффенсъ не прошелъ всего пути; лучшая сторона его сущности заключалась въ неувядающей юности его духа. О немъ можно сказать, говоритъ далѣе Шеллингъ, онъ умеръ въ юности! Кто читалъ послѣднее сочиненіе Стеффенса was ich erlebte, гдѣ онъ разсказываетъ всю жизнь, сочиненіе, изданное имъ незадолго до смерти; тотъ можетъ замѣтить, что онъ постоянно жилъ съ тѣмъ одушевленіемъ, которое большая часть людей испытываетъ только въ молодости. Онъ владѣлъ всѣмъ, что̀ нужно для писателя: большими свѣдѣніями, глубокимъ умомъ, чистымъ сердцемъ и одушевленною, блестящею рѣчью. Ему неизвѣстно было только одно слово, слишкомъ извѣстное въ наше время, слово *расчетъ*. Кто слушалъ его лекціи, тотъ никогда не забудетъ его живой, неприготовленной рѣчи. Нельзя было сказать напередъ, чѣмъ начнетъ онъ свое чтеніе, какъ разовьется, и къ чему придетъ мысль, высказанная имъ въ началѣ; но за то у него всегда была мысль живая и глубокая, которой у другихъ уже немного остается мѣста между логическими подмостками, условными формулами господствующей философіи; за то его слово было живо и увлекательно. «Важное преимущество Стеффенса заключалось въ томъ, что онъ прежде,

нежели посвятилъ себя философіи, пріобрѣлъ большія познанія въ наукахъ естественныхъ. Но

Der Tempel der zum Thron der Gottheit steiget
Ruht dennoch sanft auf der Natur;

понятіе о божествѣ составляетъ необходимое заключеніе и окончательную цѣль философіи, начинающей съ природы. Я живо вспоминаю, говоритъ далѣе Шеллингъ, какъ многіе удивлялись, когда Стеффенсъ, о которомъ думали, что онъ исключительно посвятилъ свои занятія свѣтскимъ наукамъ, непосредственно за изслѣдованіями о баритѣ и стронціанѣ, выступилъ какъ богословскій писатель. Но теперь это никому не можетъ показаться страннымъ; ибо все время сдѣлалось богословскимъ, все стремится къ богословскимъ вопросамъ, не внимая голосу нѣкоторыхъ, вспоминающихъ еще старое время, когда всѣ вопросы такого рода казались уже рѣшенными, и не страшась добродушнаго опасенія другихъ, чтобы этимъ не воскресить прежняго суевѣрія со всѣми его послѣдствіями. Таково требованіе времени: вопросы ученые превратились въ церковные и вмѣстѣ съ тѣмъ въ политическіе. Происшествія пришли наконецъ въ такое положеніе, что вполнѣ можетъ быть приложенъ знаменитый законъ Солона: всякой, кто желаетъ счастія согражданамъ, всякой, кто желаетъ быть современнымъ и трудиться для своего вѣка, не имѣетъ болѣе права оставаться безразличнымъ въ отношеніи къ вопросамъ времени; необходимо, если не присоединиться къ какой-нибудь партіи (ибо возможно же оставаться и внѣ партій), то, во всякомъ случаѣ, опредѣлить свое мѣсто, и безъ двусмыслія высказать свое убѣжденіе.» Такъ переходитъ Шеллингъ къ опредѣленію современныхъ вопросовъ.

Всякій религіозный вопросъ въ Европѣ обращается къ первоначальному вопросу объ отношеніи протестантизма къ латинской церкви. «Протестантизмъ, говоритъ Шеллингъ, сначала выступилъ, какъ противоположность существующей церкви, и потому выразился въ видѣ исповѣданія. Съ этого времены онъ заботился только о согласіи исповѣданія съ св. писаніемъ. При согласованіи съ писаніемъ самъ собою возникъ вопросъ: на чемъ должно быть основано толкованіе и пониманіе писанія? Протестантизмъ разрѣшилъ его въ пользу личнаго разума. Богословіе сдѣлалось наукою филологически-экзегетическою, гдѣ истолковывались по преимуществу догматическія мѣста ветхаго и новаго завѣта; въ послѣдствіи присоединилась къ нему другая часть, излагавшая историческія доказательства о подлинности и вѣрности книгъ св. писанія. Протестантское исповѣданіе имѣло свое значеніе въ противоположность той церкви, отъ которой оно отдѣлилось. Но развитіемъ тѣхъ ученій, которыми протестантизмъ отличался отъ католицизма, еще не окончилось его призваніе. Они могли служить основаніемъ,

но не цѣлію отторженія отъ латинской церкви. Посредствомъ ученія искали высшаго и общаго — искали невидимой церкви. Но первый шагъ протестантизма ознаменовался отрицаніемъ существующей церкви. Въ противоположность западному католицизму, превратившемуся въ государство, во внѣшнихъ формахъ котораго исчезла и угнеталась личная свобода, протестантизмъ вывелъ и развилъ понятіе о личности. Что же могло соединить разнородны личности, соединившіяся въ католицизмѣ авторитетомъ церкви? Ученіе, выразившееся въ формѣ протестантскаго исповѣданія? Но какъ протестантское ученіе основано было единственно на пониманіи св. писанія личнымъ разумомъ, потому и оно превратилось въ личное и роздробилось на безконечные виды. Вмѣсто церкви въ протестантизмѣ явилась богословская наука, которая, по словамъ Шеллинга, употребляющаго въ этомъ случаѣ выраженіе Даламбера, окончилась par le déisme franc et sans alliage. Наука не можетъ служить основаніемъ церкви. Въ основаніе ея полагается вѣра. Но христіанское вѣрованіе, говоритъ Шеллингъ, основано на непосредственномъ, внутреннемъ опытѣ. Въ то, что̀ испытываетъ человѣкъ, онъ можетъ вѣрить, если бы даже и не понималъ. Прежніе западные богословы testimonium Spiritus Sancti, или почувствованную и узнанную по опыту божественность содержанія считаютъ убѣдительнѣйшимъ доказательствомъ божественности св. писанія; всѣмъ другимъ внѣшнимъ, историческимъ доказательствамъ они приписываютъ только педагогическое значеніе. Но на опытѣ точно также не можетъ быть основана церковь. Опытъ принадлежитъ каждому порознь. Все, что̀ ни испытываетъ человѣка, испытываетъ въ себѣ самомъ, и того же самаго не можетъ испытать въ другомъ, или въ совокупности другихъ лицъ, хотя подобный опытъ другихъ можетъ укрѣплять его собственный. Равно и богословіе не можетъ быть основано на одномъ опытѣ. Богословіе есть общее, возвышающееся надъ личными опытами ученое сознаніе церкви. Оно укрѣпляетъ личныя убѣжденія человѣка и даетъ имъ твердое основаніе, точно также, какъ существованіе церкви укрѣпляетъ и развиваетъ личную вѣру. Этого не могъ доставить протестантизмъ своимъ исповѣдникамъ. Если потребуютъ, говоритъ Шеллингъ, отъ тѣхъ, которые называютъ себя христіанскими учителями, чтобы они настоящимъ образомъ, по убѣжденію, проповѣдывали христіанство; то они отвѣтятъ: мы не можемъ; если возразить имъ: вы должны; они скажутъ: дайте намъ возможность! Они требуютъ этой возможности отъ церкви.»

При такомъ положеніи протестантизма, естественно, что требованіе церкви должно быть въ немъ самымъ настоятельнымъ требованіемъ — и понятно, отъ чего въ наше время, когда такъ сильно возбуждены вопросы религіозные, этотъ вопросъ занимаетъ всю протестантскую Германію. Но этого мало, чтобы построить одинъ вопросъ: протестантизмъ построилъ его съ первой минуты своего появленія — и не раз-

рѣшилъ до сихъ поръ. Важнѣе того: можетъ ли протестантизмъ, оставаясь протестантизмомъ, разрѣшить этотъ вопросъ? Шеллингъ отвѣчаетъ отрицательно. «Если бы церковь выразилась въ протестантизмѣ такъ, какъ она должна выразиться — въ духѣ и знаніи; то внѣшній, видимый образъ церкви появился бы самъ собою. Совсѣмъ не благодарно не видать того, что протестантская церковь въ томъ видѣ, въ какомъ она теперь находится, не можетъ существовать безъ помощи свѣтской власти.» И подобное положеніе онъ считаетъ лучшимъ, нежели созданіе церкви въ родѣ Англиканской—незаконное порожденіе протестантизма и католицизма, какъ онъ выражается. Такимъ образомъ, отказывая въ самостоятельности протестантской церкви, принимая ее за одну изъ отраслей государственнаго управленія, какъ она была сначала и теперь находится, Шеллингъ отрицаетъ возможность разрѣшенія вопроса о церкви въ настоящее время—но, предоставляя его будущему, не отрицаетъ еще самаго вопроса. Называя протестантизмъ одною изъ церквей, но не церковію вообще (nur eine Kirche, aber nicht die Kirche), онъ признаетъ его какъ христіанскую общину, или совокупность общинъ, но не какъ церковь, возвышающуюся надъ общинами и соединяющую ихъ въ одно цѣлое, какъ замѣчаетъ нѣмецкій рецензентъ его сочиненія [1]). Если же протестантизмъ не церковь; то какимъ же образомъ онъ можетъ самъ собою сдѣлаться церковію, которая существуетъ внѣ его и независимо отъ него?

---

[1]) Allg. Zeitung № 245.

БИБЛИОТЕКА КОММУНИСТИЧЕСКОЙ АКАДЕМИИ.

1847 г.

ОГЛАВЛЕНІЕ.

Стр

Введеніе 3

I.

Значеніе уніатской церкви; присоединеніе уніатовъ къ православію въ 1839 г; послѣдовавшіе за тѣмъ переговоры съ Римомъ; аллокуція Григорія XVI, 1842 г. іюля 22, и обнародованная имъ обвинительная записка, съ сборникомъ дипломатическихъ документовъ 8

II.

Свиданіе императора Николая Павловича въ Римѣ, 1845 г., съ папою Григоріемъ XVI; записка, врученная папою лично императору и отвѣтъ на нее 18

III.

Посольство гр. Д. Н. Блудова въ Римъ; конкордатъ 1847 г. іюня 22; значеніе конкордата и разсмотрѣніе постановленныхъ въ немъ правилъ, сравнительно съ другими европейскими конкордатами 26

IV.

Взглядъ Рима на отношенія власти папъ къ свѣтской власти, недовольство Рима конкордатомъ и способами его исполненія; особый протоколъ къ конкордату и подробное разсмотрѣніе заявленныхъ въ немъ притязаній Римскаго двора, съ отвѣтами на нихъ нашихъ уполномоченныхъ . 40

V.

Отношенія къ Риму съ восшествія на престолъ нынѣ царствующаго императора; комитетъ 1856 г. для разсмотрѣнія особаго протокола къ конкордату и послѣдующихъ притязаній Рима и его заключенія 56

VI.

Латинскіе монашескіе ордена въ Россіи, со временъ императрицы Екатерины II-й и до настоящаго времени 66

VII.

Разборъ дальнѣйшихъ требованій Рима; о непосредственныхъ сношеніяхъ съ папою, о церковныхъ имуществахъ, о пропагандѣ латинскаго исповѣданія, объ епископской присягѣ и о смѣшанныхъ бракахъ 103

VIII.

Стр.

Постановленія о латинской церкви въ царствѣ Польскомъ 1817 г.; дѣйствія правительства и духовенства до 1830 г., сношенія съ Римомъ. . . . 146

IX.

Враждебныя Россіи польскія партіи; ихъ отношенія къ духовенству; воспитаніе духовенства въ видахъ участія въ приготовляемомъ возстаніи; съѣзды латинскаго духовенства въ 1862 году, значеніе Подлясской епархіи. 172

X.

Сношенія Рима, въ 1861 — 63 годахъ, съ нашимъ правительствомъ и польскимъ народовомъ ржондомъ 183

XI.

Переговоры римскаго двора съ нашимъ правительствомъ о назначеніи постояннаго нунція въ Россію; значеніе папской нунціатуры. 199

XII.

Отношенія римскаго двора и латинскаго духовенства къ мѣрамъ нашего правительства, принятымъ по усмиреніи мятежа: крестьянской реформѣ, сокращенію числа монастырей, праву патроната и устройству бѣлаго духовенства 218
Заключеніе 236

Приложенія:

1. Конкордатъ, заключенный съ Римомъ въ 1847 г. 244
2. Записка архіепископа херсонскаго Иннокентія о вновь учрежденной латинской-херсонской епархіи 251

I. Окружное посланіе папы Пія IX-го 1864 г. декабря 8-го 259
II. Конвенція 15 сентября, Франціи съ Италіею, и окружное посланіе папы 8 декабря 1864 г. 268
III. Римскій юбилей 1865 г 279
IV. Христіанская церковь и общество, соч. Гизо. 288
V. Россія и Европа, соч. Г. Мартена 295
VI. Предисловіе Шеллинга къ посмертнымъ сочиненіямъ Стеффенса . . 306

БОЛѢЕ ВАЖНАЯ ОПЕЧАТКА.

Стран. 48 стр. 25.

напечатано:	слѣдуетъ читать:
Херсонъ, гдѣ св. Владиміръ и т. дал....	Херсонъ, *наименованный въ память того,* гдѣ св. Владиміръ....